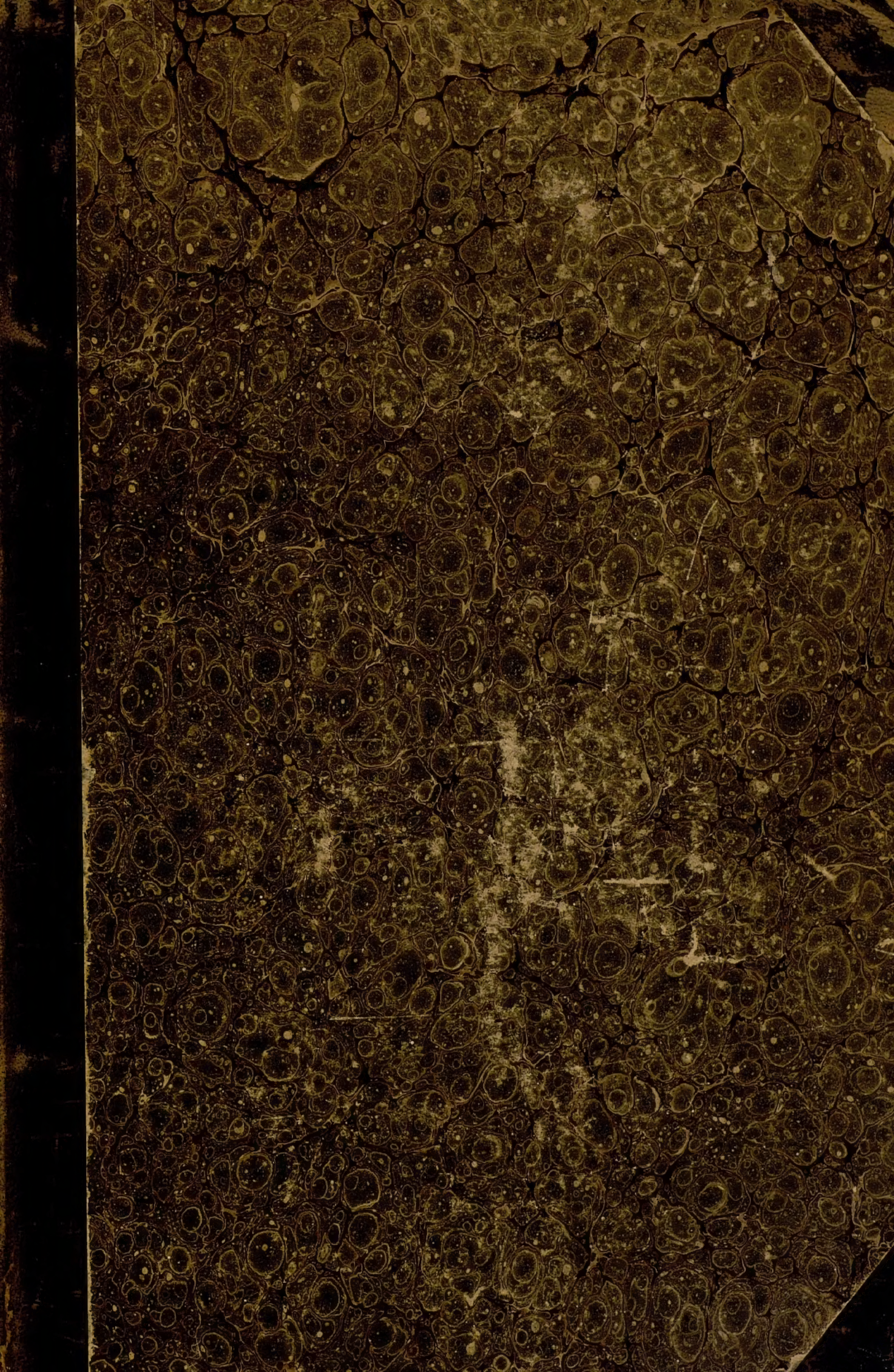


ЛЕРМОНТОВЪ

Иллюстрированное

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Редакція
В. В. Каллаша.

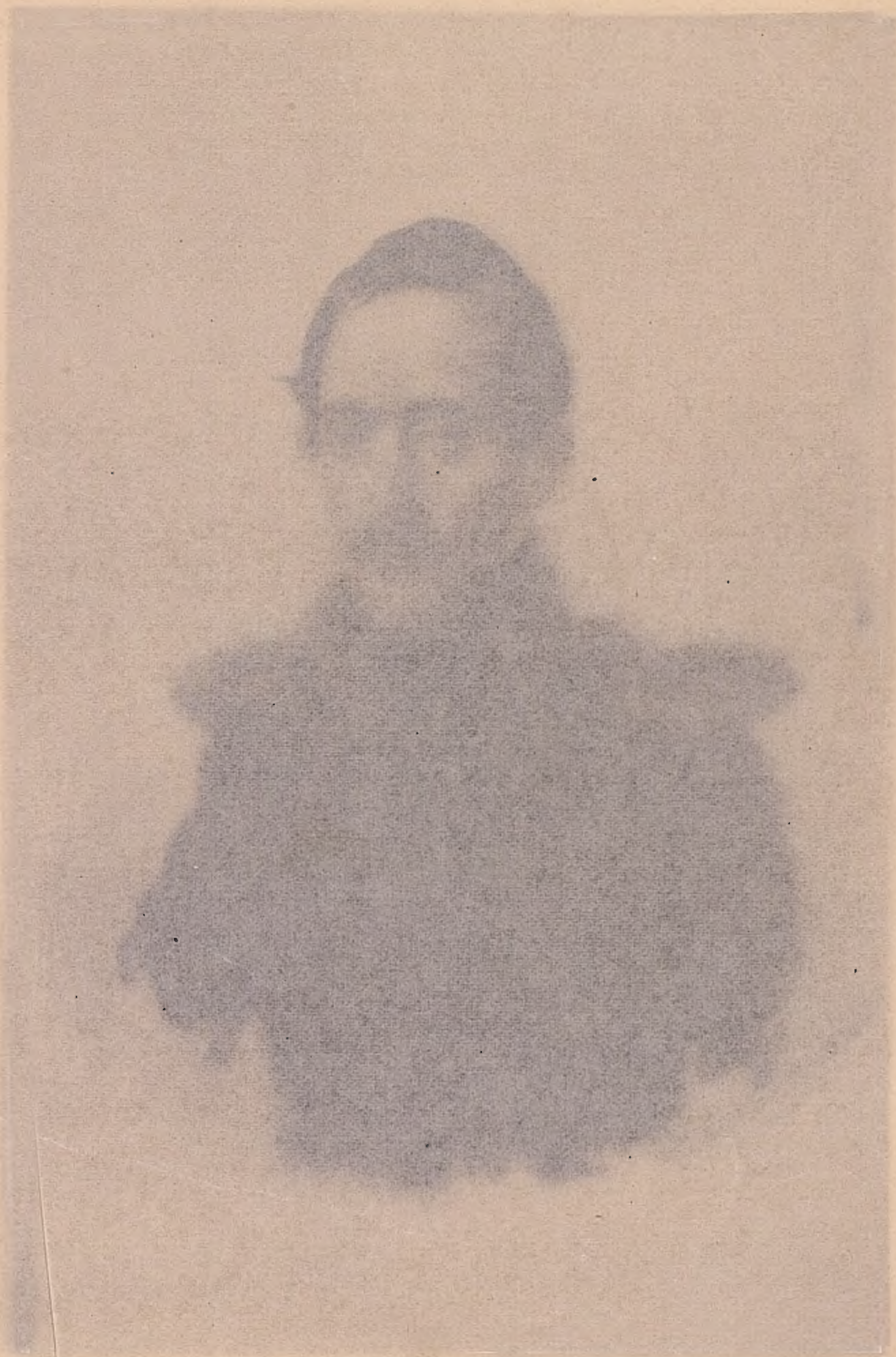
ТОМЪ III.

МОСКВА,
Печатникъ.

Н.С. З.



Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА — 1914.



Съ акварл. портр. Клиндера. *М. Ю. Лермонтовъ въ 1839 г.*



Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ.

(ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.)

Почти все писанное Лермонтовымъ имѣетъ автобіографическое значеніе.

Пав. Висковатый.

Вѣрнѣйшее изображеніе личности Лермонтова все-таки останется намъ въ его произведеніяхъ, гдѣ онъ выказывается вполнѣ такимъ, какимъ былъ, тогда какъ въ жизни онъ былъ лишь тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ казаться.

Боденштедтъ.

Свѣдѣнія наши объ обстоятельствахъ жизни Лермонтова крайне скудны и сбивчивы. По нимъ мы можемъ только въ самыхъ общихъ чертахъ воспроизвести его біографію. Но зато мы имѣемъ передъ собою его произведенія, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась его внутренняя жизнь съ тринадцатилѣтняго возраста и до самой смерти. Всѣ эти произведенія проникнуты тяжелымъ, горькимъ чувствомъ, что и заставляло его говорить о своихъ стихахъ:

„Я ихъ отъ сердца отрываю,
Чтобъ муки съ ними оторвать!"

Однако въ этихъ полныхъ глубокаго горя произведеніяхъ постоянно проскальзываетъ воспоминаніе о другомъ, болѣе раннемъ времени, бывшемъ до начала его творческой дѣятельности и являвшемся для него впослѣдствіи тѣмъ же, чѣмъ являлось для Демона то время,

„Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья,
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
И не грозилъ уму его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый".

Этимъ временемъ, этимъ потеряннымъ раемъ было для Лермонтова его дѣтство. Даже тогда, когда онъ, окончательно разочаровавшись въ жизни, говорилъ про нее, что „она, безспорно, скверное наслѣдство", онъ все-таки исключалъ изъ этого опредѣленія „два-три дня,

да *дѣтство*". Среди свѣтскаго шума, когда вокругъ него мелькали такъ ненавистные ему „образы бездушные людей—приличьемъ стянутыя маски", онъ любилъ уноситься въ своемъ воображенiи къ тому перiоду, когда онъ былъ ребенкомъ, и память объ этихъ дняхъ, говоритъ онъ:

. . . . „жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣнiй и страстей,
Какъ свѣжiй островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ".

Беззаботный дѣтскiй возрастъ является для большинства людей самымъ отраднымъ воспоминанiемъ во время „тягостныхъ сомнѣнiй и страстей". Но для Лермонтова этотъ возрастъ былъ не перiодомъ спокойнаго, полубезсознательнаго существованiя, а, напротивъ того, такимъ временемъ, о которомъ онъ вспоминалъ впослѣдствiи, какъ о самомъ выдающемся по богатству внутренней жизни. Не имѣя сверстниковъ, будучи окружонъ постоянно взрослыми и проведя вслѣдствiе тяжкой болѣзни долгое время въ постели, онъ преждевременно развился, привыкъ сосредоточиваться въ себѣ самомъ и жить въ своемъ воображенiи. Въ это время, говоря его словами,

„Онъ началъ думать, строить мiръ воздушный
И въ немъ терялся мыслiю послушной".

Онъ весь погрузился въ этотъ созданный его воображенiемъ „воздушный мiръ" и жилъ въ немъ всѣмъ своимъ существомъ:

„Какъ часто силой мысли въ краткiй часъ
Я жилъ вѣка и жизнiю иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!"

Это былъ тотъ перiодъ, когда Лермонтовъ, не стѣсняемый окружающей его дѣйствительностью, создалъ своей творческой фантазiей грандiозную жизнь, въ которой онъ въ краткiй часъ переживалъ вѣка и имѣлъ дѣло только съ величавыми образами неба или ада. Весь мiръ населенъ былъ его воображенiемъ существами, изъ которыхъ одни были олицетворенiемъ добра, другiя—зла. Какъ первыя возбуждали въ немъ полную и сильную любовь, такъ вторыя—такую же полную и безусловную ненависть. Жизнь, въ которую ему предстояло вступить, являлась передъ нимъ въ очаровательно-розовомъ свѣтѣ и непреодолимо влекла его къ себѣ. Ему хотѣлось скорѣе проникнуть въ самую суть этой жизни, познать душу человѣческую. Въ своей драмѣ „Люди и страсти" въ уста Юрiя, въ лицѣ котораго онъ несомнѣнно изображаетъ себя, онъ вкладываетъ слѣдующiя слова: „Помнишь ли, какъ нетерпѣливо я старался узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ

природу, какъ творенie человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ".

Когда окончился у Лермонтова этотъ перiодъ радужныхъ надеждъ, мы точно опредѣлить не можемъ. Несомнѣнно только, что къ тринадцати годамъ, т.-е. къ тому времени, съ котораго мы имѣемъ его произведенiя, онъ уже успѣлъ увидать, что созданный его воображенiемъ мiръ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному; настоящая жизнь, съ которой ему пришлось ближе столкнуться, пошатнула сложившееся въ его дѣтскомъ умѣ представленiе о жизни, и оно рухнуло, какъ непрочно построенное зданiе отъ напора сильнаго вѣтра:

„Въ умѣ своемъ я создалъ мiръ иной,
И образовъ иныхъ существованье,
И цѣпью ихъ связалъ между собой;
Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ названья;
Вдругъ зимнихъ бурь раздался грозный вой,
И рушилось невѣрное созданье!"

Послѣ жизни, созданной его воображенiемъ, гдѣ всѣ образы его „не походили на существъ земныхъ", а „все было адъ иль небо въ нихъ", дѣйствительная обыденная жизнь, окружавшая его, должна была показаться ему мелкой, ничтожной, лишенной интереса, жалкой карикатурой на то, чего онъ ожидалъ. „Я вступилъ въ эту жизнь", говоритъ онъ, „переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражанie давно ему извѣстной книгѣ".

Но, кромѣ этого разочарованiя въ окружавшей его жизни, показавшейся ему слишкомъ мелочной, скучной и сѣренькой, можно прослѣдить, какъ постепенно образуется у него разочарованiе и въ людяхъ, создающихъ эту жизнь. Чтобы понять причины этого разочарованiя, намъ надо имѣть въ виду, что, вступая въ жизнь съ радужными грезами и большими ожиданiями, Лермонтовъ на первыхъ же порахъ столкнулся съ обратной стороной ея.

Послѣ смерти своей матери, двухлѣтнимъ мальчикомъ, онъ былъ взятъ на воспитанiе бабушкой, Елизаветой Алексѣевной Арсеньевой, которая была въ постоянной враждѣ съ его отцомъ. Первые годы, пока онъ былъ еще совсѣмъ ребенкомъ, эта вражда между самыми близкими для него людьми не могла на немъ отражаться; но чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ больше ему приходилось съ ней считаться. Между тѣмъ отношенiя бабушки и отца все болѣе и болѣе обострялись, особенно благодаря тому, что Арсеньева, привязавшаяся къ внуку, постоянно боялась, что отецъ возьметъ его къ себѣ. Происходившiе вслѣдствiе этого домашнiе раздоры очень скоро заставили Лермонтова подумать о многомъ, о чемъ при иныхъ условiяхъ онъ, быть можетъ, подумалъ бы гораздо позже. Это мы ясно можемъ видѣть изъ его юношескихъ драмъ, въ которыхъ онъ густыми красками рисуетъ передъ нами картину семейныхъ неурядицъ и то тяжелое, безвыходное положенiе, въ которомъ онъ тогда на-

ходился. Драмы эти даютъ намъ возможность прослѣдить, какъ постепенно образуется у него разочарованіе въ самыхъ близкихъ для него людяхъ.

Видя любовь къ себѣ со стороны бабушки, видя ту нѣжную заботливость, которою она его окружала, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ смотрѣть на нее, какъ на осуществленіе того идеала человѣка, который создался въ его воображеніи. То же самое было и по отношенію къ отцу. Поэтому онъ и любилъ ихъ вначалѣ такъ, какъ можетъ только любить человѣкъ, не замѣчающій никакихъ недостатковъ въ предметѣ своей любви. Но когда онъ началъ замѣчать вражду между этими двумя любимыми имъ существами и дурные поступки ихъ по отношенію другъ къ другу, огорченію его не было границъ, и у него невольно возникалъ вопросъ, дѣйствительно ли они такъ хороши, какъ ему казалось это прежде. Этотъ вопросъ дѣлался еще болѣе неотвязчивымъ, когда онъ замѣчалъ, что и по отношенію къ нему они руководятся не тою любовью, при которой человѣкъ дѣйствительно заботится о счастіи любимаго имъ существа, даже съ пожертвованіями для себя лично, а тою, при которой онъ смотритъ на предметъ своей любви, какъ на источникъ личныхъ удовольствій, и заботится о немъ только потому, что боится его потерять. „Они думаютъ“, говоритъ Владиміръ въ драмѣ „Странный человѣкъ“, „что я созданъ для удовлетворенія ихъ прихотей, что я—средство для достиженія ихъ глупыхъ цѣлей“. Въ другой драмѣ „Люди и страсти“, въ которой семейные раздоры играютъ такую же важную роль, Юрій восклицаетъ: „Всемогущій Боже, Ты видѣлъ, что я старался всегда прекратить эти распри... зачѣмъ же все это рушится на голову мою? Я здѣсь—какъ добыча, раздираемая двумя побѣдителями, и каждый хочетъ обладать ею...“

Понятно, что такого рода мысли въ концѣ концовъ должны были привести его къ отрицательному отвѣту на возникшій у него вопросъ, т.-е. къ признанію того, что онъ ошибался, считая бабушку и отца осуществленіемъ того идеала добра, который создался въ его воображеніи.

Люди часто, замѣтивши хотя одинъ недостатокъ въ человѣкѣ, въ которомъ прежде видѣли только одно хорошее, склонны дѣлаются видѣть въ немъ потомъ только одно дурное. Эта общая до нѣкоторой степени всѣмъ черта особенно свойственна была Лермонтову, въ дѣтскихъ образахъ котораго были только или небо, или прямо противоположный ему адъ. Понятно поэтому, что признаніе дурныхъ мотивовъ въ поступкахъ отца и бабушки должно было у него повлечь за собою не только отрицаніе вѣрности прежняго мнѣнія о нихъ, но и признаніе противоположнаго, т.-е. того, что они дурны, безусловно дурны. Это же признаніе вызывало въ немъ такую же злобу противъ нихъ, какую вызывали въ немъ и воображаемые имъ образы ада. Ошибочно было бы думать, что онъ когда-нибудь пришелъ окончательно и твердо къ такому взгляду на отца

Воспѣтыя Лермонтовымъ. I.



П. А. Бартенева.

и бабушку, и что у него чувство любви къ нимъ замѣнилось постояннымъ чувствомъ ненависти. Это было скорѣе инстинктивное движенiе души, вызывавшееся особенно рѣзкими проявленiями ихъ эгоизма и смѣнявшееся возвращенiемъ прежняго мнѣнiя о нихъ и прежней любви къ нимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ замѣчалъ въ ихъ поступкахъ проявленiе дѣйствительно нравственныхъ мотивовъ.

Такимъ образомъ, во время семейныхъ неурядицъ онъ былъ въ постоянномъ колебанiи между очарованiемъ и любовью, разочарованiемъ и ненавистью къ нимъ. Насколько тяжело было положенiе его въ это время, мы видимъ изъ того, что мысль о самоубiйствѣ рѣзко выступаетъ во всѣхъ его произведенiяхъ, въ которыхъ онъ изображаетъ передъ нами картину своей жизни за это время. Смерть отца прекратила такъ тяжело отражавшуюся на Лермонтовѣ семейную драму, но въ то же время заставила его пережить очень горькiя минуты, такъ какъ онъ сознавалъ, что, хотя и противъ своей воли, былъ все-таки часто причиной многихъ огорченiй отца, огор-

ченій, которыя теперь уже не могли быть ничѣмъ искуплены. Какъ бы оправдываясь передъ своею совѣстью, онъ говоритъ:

. . . . „Я ль виновенъ въ томъ,
Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней, оправданный Творцомъ?
Однако жъ тщетны были ихъ желанья:
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья!“

Столкновеніе Лермонтова съ дѣйствительной жизнью не ограничивалось, конечно, семейнымъ кругомъ. Въ годы своей юности онъ былъ очень общителенъ; потребность въ близкихъ сердечныхъ отношеніяхъ была у него сильно развита. Поэтому какъ въ юношескихъ драмахъ, такъ и въ современныхъ имъ мелкихъ стихотвореніяхъ мы видимъ ясныя доказательства того, что дружба и любовь играли для него въ этотъ ранній періодъ очень важную роль въ жизни. Но въ то же время мы видимъ, что и здѣсь онъ не находитъ себѣ удовлетворенія, разочаровывается въ своихъ ожиданіяхъ и выноситъ одно горькое чувство. Вступая въ близкія отношенія съ людьми съ надеждой встрѣтить въ нихъ только одно хорошее, онъ и не могъ не разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Это было тѣмъ естественнѣе, что самыя огорченія, испытываемыя имъ вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ, заставляли его еще съ большею горячностью и силою привязываться къ постороннимъ симпатичнымъ для него людямъ, а самая сила привязанности дѣлала его въ высшей степени требовательнымъ; слѣдствіемъ же этой требовательности была, конечно, неудовлетворенность, вызывавшая разочарованіе и раздраженіе за обманутыя ожиданія. Поэтому въ юношескихъ драмахъ Лермонтова рядомъ съ изображеніемъ разочарованія въ отцѣ и бабушкѣ мы постоянно находимъ изображеніе разочарованія его въ друзьяхъ и въ тѣхъ дѣвушкахъ, въ которыхъ онъ влюблялся.

Таковы были для Лермонтова результаты болѣе близкаго знакомства съ отдѣльными людьми, къ которымъ онъ вначалѣ безсознательно и сильно привязывался и въ которыхъ надѣялся найти осуществленіе своихъ идеаловъ. Не лучшіе результаты были для него и отъ общаго знакомства съ окружавшимъ его обществомъ, съ которымъ ему приходилось встрѣчаться въ гостиныхъ тѣхъ аристократическихъ домовъ, въ которыхъ бывала его родовитая бабушка.

Обыденная изо дня въ день тянущаяся жизнь, со всѣми ея дрязгами и сплетнями, ссорами и раздорами, была невыносимо скучна для впечатлительнаго, живого, искавшаго выхода своимъ силамъ Лермонтова. Блескъ, шумъ, оживленные свѣтскіе разговоры, игра въ самолюбіе и любовь—всѣ эти обычныя черты жизни въ гостиныхъ привлекали его къ себѣ, давая возможность выйти изъ той мучительно-однообразной и скучной жизни, которую ему приходилось

вести въ тѣсномъ семейномъ кругу. Но, вступивши въ этотъ свѣтъ и поближе узнавши его, онъ увидалъ всю его суетность, ничтожность и пустоту; онъ убѣдился, что это только блестящая маска, за которой скрывается жалкая развращающая душу дѣйствительность:

„Но свѣтъ чего не уничтожитъ,
Что благородное снесетъ,
Какую душу не сожжетъ,
Чье самолюбье не умножитъ,
И чьихъ не обольститъ очей
Нарядной маскою своей?“

Такъ говоритъ пятнадцатилѣтній Лермонтовъ. Въ другомъ стихотвореніи того же года онъ еще болѣе рѣзко высказываетъ свое мнѣніе объ этомъ обольщающемъ „нарядной маскою своей свѣтѣ“:

. . . . „Передо мной
Блеститъ надменный, глупый свѣтъ
Съ своей красивой пустотой!
Ужель я для него писалъ?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящалъ,
Являя сердца полноту?“

Такимъ образомъ, обольщенный вначалѣ внѣшностью свѣтской жизни, онъ все-таки не нашелъ въ ней отрадныхъ минутъ. „Я любилъ“ — говоритъ онъ,—

„Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ—
И тѣ мгновенья были мукъ полны“.

Мученія эти были тѣ же мученія разочарованія и неудовлетворенности, которыя онъ испытывалъ и вслѣдствіе болѣе близкаго знакомства съ отдѣльными личностями, составлявшими предметъ его привязанностей.

Этотъ горькій жизненный опытъ взволновалъ юношескій умъ Лермонтова и заставилъ его въ ранніе годы подумать объ общемъ строѣ окружавшей его жизни. Главное зло того времени — крѣпостное право — не могло ускользнуть отъ его вниманія. „Прежде отъ матерей и отцовъ продавали дочерей казакамъ на ярмаркахъ, какъ негровъ. Это въ трагедіи помѣстить“,—пишетъ онъ въ одной изъ своихъ тетрадей Въ его юношескихъ драмахъ мы не находимъ, правда, дальнѣйшихъ слѣдовъ этой мысли, но зато мы встрѣчаемъ тамъ очень яркія картины того безчеловѣчнаго обращенія съ крѣпостными, свидѣтелемъ котораго могъ быть и самъ Лермонтовъ и которое еще болѣе заставило его разочароваться въ людяхъ. „Люди! Люди!... И до такой степени злодѣйства доходитъ женщина—твореніе, иногда столь близкое къ ангелу!... О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье. ваше богатство!... все куплено кровавыми слезами... Ломать руки, колоть, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосокъ по

волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ. Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этого крокодила, этой женщины. Одинъ разсказъ меня приводитъ въ бѣшенство". Такъ говоритъ Владиміръ въ драмѣ „Странный человѣкъ", послѣ того какъ онъ услыхалъ объ обращеніи одной помѣщицы со своими крѣпостными.

Отъ всѣхъ этихъ тяжелыхъ ощущеній Лермонтова освобождали только минуты поэтическаго вдохновенія, минуты творчества, когда онъ забывалъ всѣ тѣ горести и разочарованія, которыя ему приходилось переживать вслѣдствіе несоотвѣтствія окружающей жизни съ его ожиданіями:

„Все измѣнило мнѣ, вездѣ отравы,
Лишь лиры звукъ мнѣ неизмѣненъ былъ!"

Но познаніе дѣйствительной жизни не исчерпывается только знакомствомъ съ общимъ впечатлѣніемъ ея и познаніемъ окружающихъ насъ людей, какъ въ ихъ частной, такъ и въ общественной жизни,—оно заключается и, быть можетъ, главнымъ образомъ, и въ познаніи себя самого. И если Лермонтовъ отъ столкновенія съ окружающей его дѣйствительностью вынесъ тяжелое чувство разочарованія и неудовлетворенности, отъ котораго его избавляли только минуты вдохновенія, то отъ болѣе вѣрнаго познанія себя самого онъ вынесъ такое безысходное разочарованіе, такое безотрадное горькое чувство, отъ котораго его ничто уже не могло избавить:

„Меня спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ суетъ;
Но отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьи нѣтъ".

Такъ говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній 1830-го года. Но сознавать свои недостатки и испытывать мученія вслѣдствіе этого сознанія онъ началъ, конечно, раньше.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Шопенгауэра, утверждающаго, что человѣкъ познаетъ самого себя только эмпирически. Дѣло въ томъ, что чувства, стремленія, возникающія у него, онъ знаетъ, конечно, непосредственно, но по какому то странному свойству относитъ часто къ своему „я" только то, что сознательно имъ одобряется. Между тѣмъ это сознательное одобреніе однихъ стремленій и осужденіе другихъ далеко не можетъ служить ручательствомъ, что въ случаѣ столкновенія ихъ въ реальной жизни возьмутъ перевѣсъ первыя, а не послѣднія.

Чутко прислушиваясь ко всѣмъ движеніямъ своей дѣтской души, Лермонтовъ замѣтилъ эту разницу противоположныхъ стремленій и рѣзко отдѣлилъ одни отъ другихъ. Погруженный въ міръ своей фантазіи, окруженный нѣжной лаской и заботливостью близкихъ ему людей, онъ не имѣлъ вначалѣ никакого повода сомнѣваться въ томъ, что его личность составляютъ только тѣ нравственныя стре-

мленія, которыя безусловно одобряются его сознаніемъ. Но когда ему пришлось поближе столкнуться съ дѣйствительной жизнью, когда изъ міра своей фантазіи онъ долженъ былъ перейти въ реальный окружавшій его міръ, тогда, строго отдавая себѣ отчетъ во всемъ, что совершалось въ его душѣ, онъ долженъ былъ сознаться, что прежнее его мнѣніе о себѣ было не менѣе ошибочно, чѣмъ и о другихъ людяхъ.

Послѣ минутъ разочарованія и раздраженія на бабушку и отца у него наступали, какъ это видно изъ его юношескихъ драмъ, приливы прежней любви къ нимъ, когда онъ замѣчалъ съ ихъ стороны проявленія дѣйствительно нравственныхъ мотивовъ. Эти минуты должны были вызвать въ немъ раскаяніе за прежнее къ нимъ отношеніе и невольно заставляли его задумываться надъ тѣмъ, чѣмъ мотивируется его собственная любовь къ нимъ. Замѣчая, что она бываетъ сильна только тогда, когда они заботятся о его счастіи, и превращается даже въ ненависть, когда онъ видитъ въ ихъ отношеніи къ себѣ проявленія эгоизма, онъ долженъ былъ понять, что и онъ ихъ любитъ только какъ источникъ личныхъ наслажденій и перестаетъ ихъ любить, когда они причиняютъ ему непріятности; онъ долженъ былъ, однимъ словомъ, прійти къ убѣжденію, что имъ руководитъ тотъ же эгоизмъ, который руководитъ и ими. Горько и тяжело было это разочарованіе въ чувствѣ, которое онъ прежде считалъ святымъ. И, огорченный семейными отношеніями, онъ искалъ успокоенія въ дружбѣ съ своими товарищами-сверстниками и въ любви къ тѣмъ дѣвушкамъ, съ которыми его сталкивала судьба. Но, вступая въ такія отношенія съ полнымъ убѣжденіемъ въ вѣчности и глубинѣ своей привязанности, онъ на себѣ самомъ скоро замѣчалъ, какъ непрочно его чувство, какъ не глубоко оно и какъ скоро проходитъ, не оставляя послѣ себя никакого слѣда, что и заставило его говорить впослѣдствіи:

„Но не виновенъ рокъ бываетъ,
Что чувство въ насъ не глубоко;
Что наше сердце измѣняетъ
Надеждамъ прежнимъ такъ легко“.

Но огорчало его не только сознаніе непрочности его чувства. Еще болѣе тяжело отражалось на немъ то, что онъ постепенно начиналъ сомнѣваться и въ достоинствѣ его, особенно въ достоинствѣ чувства любви. Если прежде онъ объяснялъ раннее возникновеніе этого чувства высотою своей души, тѣмъ, что въ ней, говоря его словами, „много музыки“, то теперь, замѣчая въ немъ элементъ чувственности, которая рано пробудилась въ немъ и была причиной многихъ тяжелыхъ для него минутъ, онъ задавалъ горькій для себя вопросъ, не есть ли это столь высокое чувство—простая, только замаскированная, похоть, только „желанье, порожденное въ крови“.

Однимъ словомъ, изъ наблюденія надъ своими отношеніями къ

отдѣльнымъ личностямъ онъ вынесъ глубокое сомнѣніе въ чистотѣ тѣхъ мотивовъ, которые руководили имъ. Не болѣе утѣшительно было для него и познаніе своихъ отношеній не къ близкимъ для него людямъ, а къ тѣмъ, съ которыми онъ сталкивался въ обществѣ.

Если онъ упрекалъ „свѣтъ“ за пустоту его, за господство въ немъ только мелкихъ интересовъ самолюбія, то въ то же время онъ замѣчалъ, что его самого „обида малѣйшая приводила въ бѣшенство, особливо когда трогала его самолюбіе“, онъ замѣчалъ, какъ успѣхъ кого-нибудь въ обществѣ вызывалъ въ немъ зависть и недоброе чувство къ человѣку, который прежде ему самому нравился. Такъ, въ повѣсти „Княгиня Лиговская“ онъ говоритъ о Печоринѣ: „Онъ прежде самъ восхищался благородною красотой лица Красинскаго, но когда женщина, увлекавшая всѣ его думы и надежды, обратила особенное вниманіе на эту красоту, онъ понялъ, что она невольно сдѣлала сравненіе для него убійственное, и ему почти показалось, что онъ вторично потерялъ ее навѣки и съ этой минуты въ свою очередь возненавидѣлъ Красинскаго“.

Приходя въ страшное негодованіе отъ безчеловѣчнаго обращенія съ крѣпостнымъ людомъ, онъ въ то же время видѣлъ, какъ, незамѣтно для него самого, образовалась и въ немъ склонность къ такому же отношенію, какъ онъ самъ „умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея“ и, „принявъ гордый видъ, умѣлъ съ презрѣніемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы“.

Эти наблюденія надъ собой тяжело ложились на душѣ Лермонтова. Такимъ образомъ, въ пятнадцать лѣтъ онъ почти постоянно находился въ тяжеломъ состояніи вслѣдствіе того, что увидалъ полное несоотвѣтствіе дѣйствительной жизни со своими ожиданіями и разочаровался какъ въ себѣ, такъ и въ окружающихъ людяхъ, хотя несомнѣнно, что *въ это время главную роль играетъ разочарованіе въ окружающихъ, а не въ себѣ.* И слѣдствіемъ этого разочарованія въ близкихъ ему людяхъ было прежде всего то, что у него мало-по-малу начала вырабатываться скрытность, замкнутость въ себѣ самомъ, которая съ каждымъ годомъ все увеличивалась. Если прежде онъ говорилъ: „я рожденъ съ душой открытой, я люблю съ друзьями быть“, то теперь мы уже слышимъ отъ него, что

„Таить отъ всѣхъ свои желанья
Привыкъ ужъ онъ съ давнишнихъ дней!“

Рядомъ съ выработкой этой черты характера у него постепенно накопляется горькое чувство противъ людей за отравленные дѣтскіе годы жизни:

„Противу нихъ во мнѣ горитъ, клянусь,
Не злоба, не презрѣніе, не месть.
Но... для чего старалися они
Такъ отравить ребяческіе дни?

Изъ этихъ строкъ уже можно видѣть, что въ это время разочарованіе въ окружающихъ еще не перешло у него въ безусловное отрицаніе существованія хорошей стороны человѣческой природы и чего то „святого“ въ жизни. Особенно же ясно высказывается имъ это въ слѣдующемъ стихотвореніи:

„Мои неясныя мечты
Я выразить хотѣлъ стихами,
Чтобы, прочтя сіи листы,
Меня бы примирила ты
Съ людьми и буйными страстями.
Но взоръ спокойный, чистый твой
Въ меня вперился. Изумленной
Ты покачала головой,
Сказавъ, что боленъ разумъ мой,
Желаньемъ вздорнымъ ослѣпленной.
Я, вѣруя твоимъ словамъ,
Глубоко въ сердце погрузился;
Однако же нашелъ я тамъ,
Что умъ мой не по пустякамъ
Къ чему то тайному стремился;
Къ тому, чего даны въ залогъ
Съ толпою звѣздъ ночные своды;
Къ тому, что обѣщалъ намъ Богъ
И что бъ уразумѣть я могъ
Черезъ мышленіе и годы“.

Если такимъ образомъ онъ вѣрилъ еще въ истинное существованіе нравственныхъ стремленій въ человѣкѣ, то онъ вѣрилъ точно такъ же и въ осуществленіе ихъ, если не въ настоящемъ и не для него, то въ будущемъ и для другихъ:

„Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ.
Мы сгибнемъ, — нашъ сотрется слѣдъ,
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ.
Нашъ духъ вселенной вихрь умчитъ
Къ безбрежнымъ, мрачнымъ сторонамъ,
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.
Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ; станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ!“

Но вѣра въ существованіе нравственныхъ стремленій и смутная надежда на ихъ осуществленіе въ будущемъ не уничтожали для него сознанія полнаго несоотвѣтствія ихъ съ окружающей дѣйствительностью, не уничтожали того разочарованія, которое онъ вынесъ изъ знакомства съ жизнью. И это разочарованіе, вызванное

фактами его собственной жизни, находило себѣ выраженіе, поддерживалось и развивалось такъ любимой имъ поэзіей Байрона, съ которымъ онъ въ это время признавалъ полное тождество своей личности:

„Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ.
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки—
О, если бъ одинаковъ былъ удѣлъ!"

Но если онъ въ это время такъ безусловно отождествлялъ себя съ Байрономъ, если онъ находилъ, что у него съ нимъ „одна душа, однѣ и тѣ же муки", то въ слѣдующемъ году мы уже слышимъ отъ него:

„Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой".

И дѣйствительно, внимательнѣе всматриваясь въ его произведенія, мы замѣтимъ, что внутреннее состояніе его съ 1831 года начинаетъ постепенно измѣняться сравнительно съ тѣмъ, которое у него было до пятнадцатилѣтняго возраста.

Если прежде его тяжелое чувство происходило отъ сознанія несоотвѣтствія съ его ожиданіями дѣйствительной жизни, какъ она главнымъ образомъ проявлялась въ окружающихъ его людяхъ, то съ этого времени основной причиной его мученій является онъ самъ, его собственные недостатки, которые мѣшали ему самому осуществить въ своей жизни нравственныя стремленія, рано въ немъ пробудившіяся; и это *разочарованіе въ себѣ, это недовольство собою начинаетъ мало-по-малу какъ бы заслонять разочарованіе въ другихъ людяхъ, недовольство окружающими:*

„Душа сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна—
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ,
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ".

Почему вниманіе Лермонтова съ 1831 года сосредоточивается главнымъ образомъ на немъ самомъ и почему съ этого года главнымъ источникомъ его мученій является сознаніе имъ своихъ собственныхъ недостатковъ—это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что смерть отца прекратила ту семейную драму, которая такъ сильно отражалась на немъ и въ которой онъ, безъ всякой вины съ своей стороны, игралъ такую тяжелую роль; объясняется это, съ другой стороны, и тѣмъ, что съ каждымъ годомъ онъ видѣлъ увеличеніе и усиленіе своихъ недостатковъ, которые все болѣе и болѣе ясно показывали, насколько онъ самъ далекъ отъ того идеала человѣка, осуществленія котораго онъ требовалъ отъ другихъ. Но это сознаніе своихъ недостатковъ не заставило его понизить требованія отъ людей, стать къ нимъ снисходительнѣе и такимъ образомъ притти хотя къ какому-нибудь примиренію. Напротивъ того, оно еще

болѣе увеличило его разочарованіе и сдѣлало его безысходнымъ, благодаря той чертѣ субъективности въ его личности, вслѣдствіе которой у него недовольство собой легко переходило въ недовольство міромъ, разочарованіе въ себѣ—въ разочарованіе во всемъ окружающемъ. Особенно хорошо обрисована Лермонтовымъ эта черта въ Вадимѣ, про котораго онъ говоритъ: „...онъ такъ малъ сдѣлался въ собственныхъ глазахъ, что готовъ былъ бы въ одинъ мигъ уничтожить плоды многихъ лѣтъ, и *презрѣніе къ самому себѣ, горькое презрѣніе обвилось, какъ змѣя, вокругъ его сердца и вокругъ вселенной, потому что для Вадима все заключалось въ его сердцѣ*".

Что для Лермонтова, какъ и для Вадима, все заключалось въ его сердцѣ, это видно и изъ того, что впослѣдствіи происхожденіе у себя презрѣнія ко всѣмъ людямъ онъ склоненъ былъ объяснять презрѣніемъ къ самому себѣ. „Я иногда себя презираю, — говоритъ Печоринъ,—не оттого ли я презираю и другихъ?"

Насколько съ 1831 года все вниманіе Лермонтова сосредоточивается на немъ самомъ, насколько источникомъ большинства его тяжелыхъ минутъ съ этого времени было сознаніе имъ своихъ недостатковъ, можно видѣть уже изъ того, что онъ готовъ теперь всѣ мученія человѣка объяснять только двойственностью его натуры. „Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло священное съ порочнымъ",— говоритъ онъ въ это время: — „всѣ его мученья происходятъ отъ того".

Производя всѣ мученія человѣка отъ совмѣщенія въ немъ „священнаго" съ „порочнымъ", онъ первое время признавалъ это совмѣщеніе до нѣкоторой степени фатальнымъ, что и отразилось въ томъ поэтически-философскомъ воззрѣніи, которое мы видимъ въ его стихотвореніи „Ангелъ", и по которому душа человѣка, существовавшая до его рожденія и полная слышанныхъ ею въ своей неземной жизни „святыхъ звуковъ", поселилась „въ твореньи земномъ":

„Но чуждъ ей былъ міръ. Объ одномъ
Она все мечтала—о звукахъ святыхъ,
Не помня значенія ихъ.
И долго, желаньемъ напраснымъ полна,
Страдала, томилась она,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли".

Однако признаніе фатальнаго совмѣщенія въ человѣческой природѣ нравственныхъ стремленій, никогда не осуществляющихся, и эгоистическихъ инстинктовъ, проявленіе которыхъ онъ видѣлъ и въ себѣ, и въ окружающихъ, не долго у него продолжалось и стало замѣняться сомнѣніемъ въ существованіи въ человѣческой природѣ чего-нибудь, кромѣ эгоизма. *Съ этого времени разочарованіе въ себѣ и окружающихъ, т.-е. мучительное сознаніе, что ни онъ самъ, ни всѣ другіе съ нимъ живущіе не удовлетворяютъ тѣмъ нравственнымъ требованіямъ, которыя онъ считалъ необходимымъ*

предъявлять человѣку, начинаетъ мало-по-малу переходить у него въ принципіальное безусловное отрицаніе существованія чего-нибудь въ природѣ человѣка, что соотвѣтствовало бы этимъ требованіямъ, начинаетъ переходить у него въ признаніе безусловнаго господства зла въ жизни и въ людяхъ. Вслѣдствіе этого у него складывается убѣжденіе, что для того, чтобы быть счастливымъ, не надо глубоко проникать въ скрытыя пружины людскихъ поступковъ, а если и проникнешь, то надо холодно, безстрастно смотрѣть на господство зла. Высказывая въ это время пожеланія новорожденному ребенку, онъ говоритъ:

„Пускай не знаетъ онъ до срока
Ни мукъ любви, ни славы жадныхъ думъ;
Пускай глядитъ онъ безъ упрека
На ложный блескъ и ложный міра шумъ;
Пускай не ищетъ онъ причины
Чужимъ страстямъ и радостямъ своимъ,
И выйдетъ онъ изъ свѣтской тины
Душою бѣлъ и сердцемъ невредимъ!“

Насколько глубоко запало у него сомнѣніе въ существованіи чего-нибудь дѣйствительно нравственнаго въ людяхъ, мы ясно можемъ видѣть изъ того, что различіе между добромъ и зломъ онъ уже пытается объяснить только, какъ различіе между рѣдко и часто повторяющимися поступками. „Какъ знать?“—говоритъ онъ въ это время:—можетъ быть, и чувства святѣйшія—одна привычка, и если бъ зло было такъ же рѣдко, какъ добро, и послѣднее наоборотъ, то наши преступленія считались бы величайшими подвигами добродѣтели человѣческой“. Но всѣ подобнаго рода мысли, вытекавшія изъ объективнаго, безстрастнаго наблюденія надъ окружавшей его жизнью, вызывали въ немъ такое горькое чувство, которое не давало ему возможности скоро примириться съ ними. Это состояніе борьбы между двумя противоположными воззрѣніями особенно хорошо выражается въ его „Исповѣди“:

„Я вѣрю, обѣщаю вѣрить,
Хоть самъ того не испыталъ,
Что могъ монахъ не лицемѣрить
И жить, какъ клятвой обѣщалъ;
Что поцѣлуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближнихъ малыя ошибки
Они прощаютъ иногда;
Что время лѣчитъ отъ страданья;
Что міръ для счастья сотворенъ;
Что добродѣтель не названье
И жизнь поболѣе, чѣмъ сонъ!..
Но вѣрѣ теплой опытъ хладный
Противорѣчитъ каждый мигъ,
И умъ, какъ прежде безотрадный,
Желанной цѣли не достигъ;

И сердце, полно сожалѣній,
Хранитъ въ себѣ глубокій слѣдъ
Умершихъ, но святыхъ видѣній
И тѣни чувствъ, какихъ ужъ нѣтъ".

Если въ этомъ стихотвореніи выражается борьба двухъ исключающихъ одно другое воззрѣній, то въ другомъ мы находимъ соображенія, съ помощью которыхъ онъ хотѣлъ логически оправдать, почему онъ предается еще „вѣрѣ теплой", несмотря на то противорѣчіе, въ которомъ она находится съ указаніями „опыта хладнаго":

„Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ,
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться,
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда бъ намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать".

Понятно, что не такія соображенія мѣшали Лермонтову притти къ безусловному отрицанію всего „святого" въ жизни. Въ его собственной душѣ, несомнѣнно, было слишкомъ много такого, что не уживалось съ этимъ отрицаніемъ, и вслѣдствіе этого всякій дурной поступокъ, всякое проявленіе дурныхъ сторонъ его личности продолжали вызывать нравственныя мученія, становившіяся все болѣе и болѣе сильными. Насколько тяжелы были эти мученія, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ словъ его, въ которыхъ онъ описывалъ душевное состояніе героя поэмы „Измаилъ-бей", въ посвященіи къ которой онъ прямо указывалъ на автобіографическое ея значеніе:

„Видали ль вы, какъ хищные и злые
Къ оставленному трупу, въ тихій долъ,
Слетаются наслѣдники земные:
Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?
Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!—
Вѣка печали стоятъ тѣхъ минутъ"...

Эти тяжелыя минуты раскаянія и разочарованія въ себѣ являются характерными чертами для разсматриваемаго нами періода жизни Лермонтова и указываютъ на то, что, несмотря на все болѣе и болѣе усиливавшуюся склонность признать всѣ нравственныя стремленія въ человѣкѣ за „пустыя мечтанія", онъ въ это время всетаки еще не могъ этого сдѣлать и продолжалъ требовать отъ себя осуществленія этихъ стремленій и подавленія имъ противоположныхъ. Въ немъ происходила, слѣдовательно, въ это время внутренняя борьба, затруднявшаяся тою страстностію его характера, благодаря которой онъ весь отдавался зародившемуся у него чувству.

какъ хорошему, такъ и дурному, и только тогда могъ отнестись къ нему критически, когда оно было уже удовлетворено.

Еще болѣе затруднялась для Лермонтова борьба съ самимъ собою тѣмъ, что рядомъ съ ней ему приходилось рѣшать вопросъ, существуютъ ли дѣйствительно тѣ нравственныя стремленія, во имя которыхъ онъ старался подавлять свои дурные инстинкты, и не суть ли они просто пріятныя мечтанія, которыми люди пользуются только, какъ прикрытіемъ своего нравственнаго безобразія. А данныхъ для такого заключенія было слишкомъ много въ жизни окружавшаго его общества.

Это горькое заключеніе, результатъ „опыта хладнаго“, результатъ столкновенія съ неприглядной окружавшей его дѣйствительностью и искренняго, строгаго, иногда придирчиваго анализа мотивовъ своихъ собственныхъ поступковъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе перевѣшивало находящуюся въ противорѣчіи съ нимъ „вѣру теплую“, пока, наконецъ, не пересилило ее.

Слѣдствіемъ же этого было установленіе міросозерцанія, противоположнаго тому, которое выработалось въ дѣтскій періодъ его жизни, и постепенное разубѣжденіе въ истинности котораго такъ болѣзненно-тяжело отражалось на немъ. Какъ тогда онъ вѣрилъ, что людьми руководятъ одни только нравственные мотивы, такъ теперь онъ пришелъ къ убѣжденію, что ими руководятъ одни только эгоистическіе инстинкты, прикрытые мнимо-существующими высокими чувствами. Но этотъ крупный шагъ въ перемѣнѣ его міросозерцанія велъ за собой дальнѣйшіе, тѣсно съ нимъ связанные шаги.

Съ убѣжденіемъ въ существованіи нравственныхъ стремленій у людей у Лермонтова тѣсно было связано представленіе о жизни человѣческой, какъ объ осуществленіи этихъ стремленій:

„Стремится медленно толпа людей,
До гроба самаго отъ самой колыбели
Игралищемъ и рока, и страстей,
Къ одной святой, неизъяснимой цѣли“.

Такъ говорилъ онъ въ то время. Съ этимъ же воззрѣніемъ у него неразрывно было связано религіозное убѣжденіе въ безсмертіи души человѣческой, вѣра въ Бога и убѣжденіе въ гармоничности, цѣлесообразности и разумности всего мірозданія.

Во всемъ этомъ онъ теперь разубѣдился. И вслѣдствіе этого человѣкъ, этотъ „царь природы“, по его прежнему мнѣнію, долженъ былъ теперь представиться ему въ карикатурномъ видѣ, стать въ ряды животныхъ и отличаться отъ нихъ развѣ только тѣмъ, что, благодаря своему уму, онъ можетъ ихъ пожирать. „Царь природы“, говоритъ онъ въ это время,

....„Вѣрно созданъ всѣхъ умнѣй,
Чтобъ пожирать растенья и звѣрей,
Хоть между тѣмъ (пожалуй, клясться стану)
Ужасно самъ похожъ на обезьяну“.

Воспѣтыя Лермонтовымъ. II.



А. В. Алябьева.

Если въ такомъ видѣ представляется ему человѣкъ, то не менѣе карикатурнымъ представляется ему и весь міръ. „Вѣрить я готовъ“, говоритъ онъ,

„Что нашъ безлучный міръ—лишь прахъ могильный
Другого,—горсть земли, въ борьбѣ вѣковъ
Случайно уцѣлѣвшая и сильно
Заброшенная въ вѣчный кругъ міровъ.
Свѣтила—ей двоюродные братья,
Хоть носятъ шлейфы огненнаго платья,
Да иногда имѣютъ въ добрый часъ
Вліянье благотворное на насъ....
А дай сойтись, такъ заварится каша—
Въ кулачки, и прощай планета наша“.

Такимъ образомъ вмѣсто прежняго представленія о мірѣ, какъ о величавомъ, цѣлесообразномъ созданіи, въ которомъ человѣкъ—

этотъ „царь природы“—является вѣнцомъ творенія, осуществляющимъ въ своей жизни нравственный законъ, и подобіемъ Божества, у него теперь возникло противоположное, по которому весь этотъ міръ есть только простая случайность, результатъ борьбы какихъ то слѣпыхъ силъ, которыя породили и человѣка, живущаго самыми скотскими инстинктами и представляющаго истинное подобіе обезьяны.

Такая рѣзкая перемѣна въ міросозерцаніи Лермонтова должна была сильно отразиться въ дальнѣйшемъ ходѣ его жизни. Если прежде для него имѣло большое значеніе сосредоточить всѣ свои силы на нравственномъ самоусовершенствованіи и на борьбѣ съ дурными сторонами своего характера, то теперь, когда онъ убѣдился, что всѣ тѣ нравственныя стремленія, во имя которыхъ онъ велъ борьбу, суть лишь „пустыя мечтанія“,—теперь, конечно, продолжать вести эту борьбу не имѣло никакого смысла.

Онъ не могъ продолжать жить такъ, какъ онъ жилъ прежде, потому что самыя основныя воззрѣнія, на которыхъ держалась его прежняя жизнь, измѣнились; слѣдовательно, должна была измѣниться и самая жизнь. Если тогда для него главной задачей являлось подавленіе эгоистическихъ и осуществленіе нравственныхъ стремленій, то теперь этой задачей являлось уже подавленіе этихъ нравственныхъ стремленій, какъ пустыхъ мечтаній, и полное освобожденіе имъ противоположныхъ, какъ единственно истинныхъ. Письма его отъ 1833 года ясно и отчетливо рисуютъ передъ нами эту перемѣну въ его жизни, находящуюся въ непосредственной связи съ перемѣной его міросозерцанія. „Какъ скоро я замѣтилъ“, пишетъ онъ въ одномъ изъ нихъ, „что прекрасныя мечтанія мои разлетаются, я сказалъ самому себѣ, что заниматься изготовленіемъ новыхъ не стоитъ труда,—гораздо лучше, подумалъ я, пріучить себя обходиться безъ нихъ. Я началъ пробовать и походилъ въ это время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были безплодны“. Но, рѣшившись подавить въ себѣ нравственныя стремленія, какъ пустыя мечтанія, и дать просторъ противоположнымъ инстинктамъ, какъ единственно существующимъ и законнымъ, онъ наперекоръ своему новому воззрѣнію все-таки, хотя и безсознательно, признавалъ, что такимъ путемъ не достигнетъ уже истиннаго счастія, а развѣ только наслажденій. „Если бы вы знали“, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, „какую жизнь я намѣренъ повести! О, это будетъ восхитительно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете, но, увы! пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше вѣры; мнѣ нужны чувственныя наслажденія, счастіе осязательное, такое счастіе, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало мои чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйствіи душу“.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ отрывковъ писемъ видно.

что жизнь его должна была принять направленіе, противоположное тому, которое онъ хотѣлъ ей дать прежде. Должна была принять это направленіе потому, что всѣ прежнія стремленія оказались пустыми мечтаніями, предразсудками, мало того, они оказались просто средствомъ, которое служитъ людямъ для маскированія ихъ нравственнаго безобразія. Если это такъ, то единственно, къ чему онъ и могъ стремиться—это только къ полному уничтоженію этихъ предразсудковъ и къ тому, чтобы не пользоваться ими, какъ прикрытіемъ своихъ эгоистическихъ инстинктовъ; онъ долженъ былъ, однимъ словомъ, стараться о томъ,

„Чтобъ разомъ сбросить цѣпь предубѣжденій,
Какъ сбросилъ бы я платье, еслибъ вдругъ
Изъ сѣвера Всевышній сдѣлалъ югъ“.

Желаніе это окончательно отдѣлаться отъ способности прикрывать дурные мотивы своихъ поступковъ мнимо-существующими нравственными стремленіями вызывалось у Лермонтова тѣмъ особенно сильно развитымъ въ немъ чувствомъ правды, которое возбуждало въ немъ страшную ненависть ко всему дѣланному, лживому и неестественному. „Въ юнкерской школѣ“, говоритъ Меринскій въ своихъ воспоминаніяхъ, „Лермонтовъ былъ хорошъ со всѣми товарищами, хотя нѣкоторые изъ нихъ не очень любили его за то, что онъ преслѣдовалъ ихъ своими остротами и насмѣшками за все ложное, натянутое и неестественное, чего никакъ не могъ переносить“. „Впослѣдствіи“, прибавляетъ онъ, „и въ свѣтѣ онъ не оставилъ этой привычки, хотя имѣлъ за то много непріятностей и враговъ“.

Что жизнь Лермонтова съ восемнадцатилѣтняго возраста, т.-е. съ 1833 года, приняла указанное направленіе, что онъ старался съ этого времени искоренить всѣ нравственныя стремленія, какъ лживыя, и болѣзненно-открыто выставлялъ всѣ противоположныя, какъ единственно существующія, это мы можемъ видѣть и изъ разсмотрѣнія тѣхъ крупныхъ его произведеній, въ которыхъ онъ выводитъ передъ нами себя подъ разными именами.

Извѣстный типъ, созданный истиннымъ художникомъ, будетъ ли онъ въ немъ изображать себя или другихъ людей, не есть копія съ натуры, не есть простой снимокъ съ дѣйствительности. Задача художника состоитъ въ томъ, чтобы подмѣтить принципъ, опредѣляющій жизнь человѣка, и, подмѣтивши, до конца провести осуществленіе его въ изображаемой имъ жизни даннаго лица. Если мы сравнимъ теперь изображенія Лермонтовымъ себя самого въ произведеніяхъ, писанныхъ до 1833 года, съ тѣми, которыя были написаны съ этого года, то мы увидимъ крупную между ними разницу. Если въ первыхъ, особенно въ юношескихъ драмахъ, онъ изображаетъ передъ нами человѣка, осуществляющаго въ своей жизни нравственныя стремленія, хотя въ современныхъ имъ мелкихъ стихотвореніяхъ онъ горько жалуется, что въ дѣйствительной жизни

не можетъ ихъ вполнѣ осуществить, то во вторыхъ онъ изображаетъ передъ нами человѣка, открыто и безусловно живущаго одними только эгоистическими стремленіями, хотя въ современныхъ имъ мелкихъ стихотвореніяхъ онъ ясно указываетъ на то, что въ дѣйствительной жизни не можетъ довести до конца ихъ проявленіе. Для насъ во всякомъ случаѣ важно отмѣтить въ данную минуту не то, насколько онъ осуществлялъ этотъ принципъ, а каковъ онъ былъ. Стремясь такимъ образомъ въ этотъ новый періодъ своей жизни къ открытому проявленію однихъ эгоистическихъ инстинктовъ, Лермонтовъ, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ писемъ, не ищетъ уже счастія, которое является слѣдствіемъ гармоніи душевной, онъ ищетъ только сильныхъ впечатлѣній, ищетъ одной только бури и ищетъ ея даже при самыхъ счастливыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Въ это время, говоря его словами,

„Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!“

Въ первое время послѣ описанной нами перемѣны Лермонтовъ почувствовалъ облегченіе, какъ человѣкъ, освободившійся отъ внутренней борьбы, пришедшій къ опредѣленному, хотя и горькому рѣшенію послѣ долгаго колебанія. „Я счастливѣе“, говоритъ онъ, „чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ“. Это опьяняющее веселье продолжалось однако очень недолго. И если мы посмотримъ теперь на внутреннее состояніе его въ этотъ бурный періодъ его жизни—періодъ подавленныхъ идеальныхъ стремленій и погони за волненіями,—то мы увидимъ, что оно измѣнилось, но едва ли можно сказать, что оно улучшилось. Измѣнилось оно тѣмъ, что въ немъ не было уже той борьбы съ самимъ собой, которая была въ предшествующій періодъ, не было, конечно, и тѣхъ невыносимо-жгучихъ мученій, которыя вызывались неудачами этой борьбы, но зато у него образовалось то тяжелое, постоянно давящее отчаяніе, которое, по его словамъ, ничѣмъ нельзя было излѣчить. Въ одномъ письмѣ 1835 года онъ говоритъ про холодную иронію, которая, прибавляетъ онъ, „неудержимо втѣсняется мнѣ въ душу, какъ вода, наполняющая разбитое судно.“ Это была та страшная иронія, это былъ тотъ ужасный, холодный смѣхъ безусловнаго разочарованія и полнаго отчаянія, которымъ можетъ смѣяться только человѣкъ, имѣвшій много очень дорогого въ жизни и сразу все, безусловно все это дорогое потерявшій. Посмотрите, съ какой ироніей онъ самъ говоритъ теперь о своемъ состояніи, и какая глубина страданій скрывается за этой на первый взглядъ легкомысленностью:

„Къ чему, куда ведетъ насъ жизнь, о томъ
Не съ нашимъ бѣднымъ толковать умомъ;
Но исключая два-три дня, да дѣтство,
Она, безспорно, скверное наслѣдство.

Бывало, этой думой удручонъ,
Я прежде много плакалъ и слезами
Я жегъ бумагу. Дѣтскій глупый сонъ
Прошелъ давно, какъ тучка надъ степями;
Но пылкій духъ мой не былъ освѣжонъ,
Въ немъ родилися бури, какъ въ пустынѣ,
Но скоро улеглись онѣ, и нынѣ
Осталось сердцу вмѣсто слезъ, бурь тѣхъ
Одинъ лишь отзывъ—звучный, горькій смѣхъ".

Чтобъ избавиться отъ этой тяжести, онъ начинаетъ убѣждать себя, какъ маленькаго ребенка, въ томъ, что прежнее представленіе его о счастіи было ложно, что ничего святого въ жизни нѣтъ, что нечего думать о другихъ людяхъ и что ничѣмъ не надо стѣсняться въ своей жизни. Особенно хорошо выражено имъ это настроеніе въ слѣдующемъ стихотвореніи:

„Когда, надеждѣ недоступный,
Не смѣя плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнилъ страданьемъ искупить;
Когда былое ежечасно
Очамъ являлося моимъ
И все, что свято и прекрасно,
Отозвалося мнѣ чужимъ,—
Тогда молитвой безразсудной
Я долго небу докучалъ,
И вдругъ услышалъ голосъ чудной:
„Чего ты просишь?" онъ вѣщалъ:
„Ты, бѣдный, палъ, но я ль виновенъ!
Смири страстей своихъ порывъ,
Будь, какъ другіе, хладнокровенъ,
Будь, какъ другіе, терпѣливъ.
Твое блаженство было ложно,
Ужель мечты тебѣ такъ жаль?
Глупецъ! гдѣ посохъ твой дорожный?
Возьми его, пускайся вдаль.
Пойдешь ли ты черезъ пустыню,
Иль городъ пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигдѣ пріютъ себѣ не строй".

Это рѣшеніе „не обожать ничью святыню" облегчало ему возможность находить сильныя ощущенія, которыми онъ старался развлечь себя, чтобы хоть на минуту заглушить то тяжелое чувство, которое, какъ кошмаръ, давило его.

Если прежде страданія людей, происходившія отъ чисто случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, казались ему ничтожными передъ его нравственными мученіями и если онъ прежде говорилъ:

„Не смѣйте искать въ сей груди сожалѣнья,
Питомцы надеждъ золотыхъ!
Когда я свои презираю мученья,
Что мнѣ до страданій чужихъ?"

то теперь онъ самъ охотно возбуждалъ эти страданія, охотно возбуждалъ ихъ потому, что рѣшилъ „не уважать ничью святыню, нигдѣ пріютъ себѣ не строить“, а добиваться только минутныхъ наслажденій, каковы бы они ни были и какой бы цѣной ни покупались. Однимъ словомъ, онъ является передъ нами въ томъ видѣ, въ какомъ онъ самъ выставляетъ себя въ „Героѣ нашего времени“ и въ какомъ намъ рисуютъ его сталкивавшіеся съ нимъ въ то время люди.

Всмотритесь въ эту широкоплечую фигуру средняго роста, съ стройнымъ, тонкимъ станомъ, со всѣми признаками крѣпкаго сложенія и въ то же время съ какой то нервической слабостью во всемъ тѣлѣ, обратите вниманіе на холодный блескъ этихъ вѣчно угрюмыхъ глазъ, не смѣявшихся даже въ то время, когда самая дѣтская улыбка скользила на устахъ его, вдумайтесь глубже въ основныя черты этого „страннаго человѣка“, то блѣднѣющаго отъ стука ставень, то идущаго на кабана одинъ на одинъ, то хранящаго самое гробовое молчаніе въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, то начинающаго болтать такъ, что, говоря словами Максима Максимовича, животики надорвешь со смѣху,—и вы узнаете въ немъ самого Лермонтова въ описываемый нами періодъ его жизни.

Намъ понятно въ такомъ случаѣ, почему на лицѣ его лежала печать глубокой постоянной грусти, такъ рѣзко выражавшейся въ его взглядѣ, намъ ясно, что заставляло его идти на кабана одинъ на одинъ, такъ неотступно добиваться любви Бэлы и скучать, достигнувъ своей цѣли,—такъ энергично преслѣдовать княжну Мери и заставить ее влюбиться въ себя; намъ объясняется, наконецъ, и та радость, которая охватила его, когда онъ узналъ, что противъ него составляется заговоръ Грушницкимъ и его компаніей,—все это, несомнѣнно, была та погоня за волненіями, та жажда впечатлѣній сильныхъ, бурныхъ, раздражающихъ и удовлетворяющихъ самолюбіе, которая одна осталась ему взамѣнъ подавленныхъ идеальныхъ стремленій и удовлетвореніе которой, слѣдовательно, въ то время составляло всю его жизнь.

„Я люблю враговъ“, говоритъ онъ, „хотя не по-христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе ихъ хитростей и замысловъ—вотъ что я называю жизнью“. Изъ этихъ словъ уже болѣе чѣмъ ясно видно, что жизнь его свелась къ погонѣ за волненіями, что онъ не жилъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а старался развлечь себя, чтобы подавить такимъ образомъ то сознаніе безсмысленности жизни, которое все болѣе и болѣе укоренялось въ немъ послѣ описанной нами перемѣны. Но эта возможность забываться „въ весельи жизни шумной“ и „пить чашу бытія съ закрытыми очами“ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе

ослаблялась, такъ какъ источники для сильныхъ, опьяняющихъ душу волненій все уменьшались, а то тяжелое чувство, которое надо было заглушать, все увеличивалось. Мало того, что уменьшались эти источники, они и удовлетвореніе то ему давали неполное, такъ какъ онъ заранѣе зналъ, что стремится къ достиженію извѣстной цѣли только для того, чтобы въ самомъ процессѣ борьбы съ препятствіями заглушить сознаніе безсмысленности всякаго стремленія вообще, и потому, когда достигалъ результата своихъ усилій, то пользовался только минутнымъ удовлетвореніемъ самолюбія и ничѣмъ больше. Даже достиженіе самой страстной любви женщины не радовало его, такъ какъ онъ не могъ признать это чувство истиннымъ, зная, что употребилъ для достиженія его искусственныя средства. „Мнѣ“, говоритъ онъ, „случалось возбуждать въ иныхъ женщинахъ всѣ признаки страсти. Но такъ какъ я очень знаю, что въ этомъ обязанъ только искусству и привычкѣ кстати трогать нѣкоторыя струны человѣческаго сердца, то и не радуюсь своему счастію“.

Если въ то время, когда въ его жизни только что совершалась перемѣна, онъ говорилъ: „Преглупое состояніе человѣка то, когда онъ долженъ занимать себя, чтобы жить, какъ занимали нѣкогда придворные старыхъ королей“, то теперь, когда онъ уже нѣсколько лѣтъ долженъ былъ такъ занимать себя и когда съ каждымъ днемъ онъ чувствовалъ, что прежнія средства перестаютъ дѣйствовать, а новыхъ не находится, у него должно было появиться состояніе, приписываемое имъ Демону, за котораго онъ говоритъ:

„Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка безъ раздѣленья—
И наслаждаться, и страдать,
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья;
Всегда жалѣть и не желать,
Все знать, все чувствовáть, все видѣть,
Все противъ воли ненавидѣть,
И все на свѣтѣ презирать!..“

Мучительное сознаніе безцѣльности и безплодности всей своей жизни—вотъ та главная нота, которая звучитъ во всѣхъ произведеніяхъ описываемаго нами періода жизни Лермонтова.

Это мучительное сознаніе вызывалось непроизводительной тратою силъ, силъ необъятныхъ, по его собственнымъ словамъ, которыя требовали себѣ соотвѣтствующаго выхода и за неимѣніемъ его расходовались на пустую механическую борьбу съ различными препятствіями, встрѣчавшимися ему на пути къ достиженію какой-нибудь случайной цѣли, безсмысленность которой онъ самъ хорошо сознавалъ. Пока въ немъ сохранялась вѣра въ высокія задачи человѣческой жизни, пока онъ не переставалъ еще вѣрить въ стремле-

ніе людей „къ одной святой неизъяснимой цѣли“, онъ и въ своемъ поэтическомъ дарованіи видѣлъ средство, съ помощью котораго долженъ былъ осуществить свое высокое призваніе въ жизни, и мысль о томъ, что онъ не осуществитъ этого призванія и умретъ ничтожнымъ человѣкомъ, доставляла ему много горькихъ минутъ. „Одна вещь меня безпокоитъ“, пишетъ онъ въ письмѣ 1832 года: „я почти совсѣмъ лишился сна, Богъ знаетъ, надолго ли. Не скажу, чтобъ отъ горести: были у меня и большія горести, а я спалъ крѣпко и хорошо. Нѣтъ, я не знаю: тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ“. Но за этой мыслью скрывалась во всякомъ случаѣ увѣренность, что можно все-таки окончить жизнь и не ничтожествомъ. Когда же его міросозерцаніе перемѣнилось, когда весь міръ въ его глазахъ превратился въ „комъ грязи“, тогда онъ уже и не могъ думать объ исполненіи какого-нибудь „высокаго назначенія“. Да и свое собственное прежнее стремленіе къ этому онъ сталъ объяснять простымъ желаніемъ славы, которой онъ теперь и сталъ добиваться, думая, что найдетъ при достиженіи ея полное удовлетвореніе. Но когда онъ достигъ этой славы, когда онъ, по его собственнымъ словамъ, сдѣлался львомъ, за которымъ гонялись и у котораго заискивали, тогда онъ увидалъ, что это не то, что̀ ему дѣйствительно нужно было. И онъ съ горечью пишетъ въ одномъ письмѣ 1838 года, что хотя сильно возросшая тогда его слава доставляетъ удовлетвореніе его самолюбію, но въ концѣ концовъ онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше начинаетъ находить это поклоненіе себѣ „довольно невыносимымъ“. Такимъ образомъ тогда, когда онъ думалъ найти полное удовлетвореніе отъ достиженія давно поставленной цѣли, онъ съ еще большею силою чувствуетъ неудовлетворенность, чувствуетъ горечь, происходившую отъ сознанія безплодно погибшихъ могучихъ силъ, жара души, растраченнаго въ пустынѣ. Но тяжесть его положенія увеличивалась еще тѣмъ, что онъ не видѣлъ выхода изъ него, такъ какъ не имѣлъ вѣры въ возможность ни своего личнаго счастія, ни счастія другихъ людей. „Мы не способны болѣе“, говорилъ онъ, „къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества, ни даже для собственнаго нашего счастія, потому что знаемъ его невозможность“.

А такое только стремленіе „къ благу человѣчества“ и могло вывести его изъ того тяжелаго состоянія погони за минутными наслажденіями, которое становилось для него такъ невыносимо тяжело. Оно одно могло замѣнить погоню за минутными наслажденіями потому, что всякія другія цѣли были въ глазахъ Лермонтова еще менѣе вѣрны, чѣмъ даже эти минутныя наслажденія.

„Если считать ни во что минутный успѣхъ, то гдѣ же счастіе?“ говоритъ Печоринъ въ повѣсти „Княгиня Лиговская“. „Добиваешься прочной любви, прочнаго богатства, прочной славы— глядишь смерть, болѣзнь, пожаръ, потопъ, война, моръ, соперникъ, перемѣна общаго мнѣнія — и всѣ труды пропали!... А забвенье?

Забвенье равно неумолимо къ минутамъ и столѣтіямъ. Если бы меня спросили, чего я хочу—минуту полнаго блаженства или годы двусмысленнаго счастія, я бы скорѣй рѣшился сосредоточить всѣ свои чувства и страсти въ одно божественное мгновеніе, и потомъ страдать сколько угодно, чѣмъ мало-по-малу растягивать ихъ и размѣщать по нумерамъ въ промежуткахъ скуки или печали".

Но такого божественнаго мгновенія не только не встрѣчалось, но даже съ каждымъ днемъ уничтожалась возможность такихъ новыхъ и сильныхъ ощущеній, которыя могли бы заглушить сознаніе, что все это лишь „горькое томленье", и ему оставалось только переходить, говоря его словами, — „отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, какъ наши предки бросались отъ одного заблужденія къ другому, не имѣя, какъ они, ни надежды, ни даже того неопредѣленнаго, хотя и сильнаго наслажденія, которое встрѣчаетъ душа во всякой борьбѣ съ людьми или съ судьбою".

Понятно поэтому, что у него вырывались такія слова, какъ:

„Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной!.."

Понятна эта тоска за погибшее прошлое, понятна эта боязнь передъ безпросвѣтнымъ будущимъ, понятно, наконецъ, и это полное безпомощное одиночество, которое заставляло его, какъ преступника передъ казнью, искать кругомъ души родной.

Если въ тотъ періодъ своей жизни, когда въ немъ происходила внутренняя борьба, когда онъ, говоря его словами, „для добра былъ гибнуть радъ", онъ не находилъ все-таки сочувствія въ людяхъ, и благодаря дурнымъ сторонамъ своего характера, и благодаря тому, что его не понимали окружавшіе, считавшіе его прежнія стремленія за „вздорныя желанія больного ума", то теперь, когда онъ „не уважалъ ничью святыню", когда онъ „смотрѣлъ на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживавшую его душевныя силы", теперь онъ уже, конечно, былъ вполнѣ и безусловно одинокъ.

Отстранялись отъ него люди не только тогда, когда имъ приходилось быть жертвою его каприза, они отстранялись отъ него всегда, потому что, не видя внутреннихъ причинъ его состоянія, считали его просто за желчнаго и озлобленнаго человѣка и какъ то неловко себя съ нимъ чувствовали. Для подтвержденія этой мысли приведу воспоминанія Лорера о знакомствѣ его съ Лермонтовымъ въ этотъ періодъ его жизни. „Съ перваго шага нашего знакомства" — говоритъ онъ, „Лермонтовъ мнѣ не нравился. Я былъ всегда счастливъ тѣмъ, что сталкивался съ людьми симпатичными, теплыми, умѣвшими во всѣхъ фазисахъ своей жизни сохранить благодатный пламень сердца, живое сочувствіе ко всему высокому, прекрасному:

изъ разговоровъ съ Лермонтовымъ онъ показался мнѣ холоднымъ, желчнымъ, раздражительнымъ и ненавистникомъ человѣческаго рода вообще"... „До сихъ поръ не могу отдать себѣ отчета", прибавляетъ онъ далѣе, „почему мнѣ съ нимъ было какъ то неловко".

Но не всѣ, конечно, принимали Лермонтова за „ненавистника рода человѣческаго": были люди, которые видѣли, что̀ скрывается за этой озлобленностью и раздраженностью, и къ такимъ людямъ принадлежалъ, напримѣръ, Бѣлинскій. „Глубокій и могучій духъ!"—говоритъ онъ послѣ посѣщенія Лермонтова, сидѣвшаго на гауптвахтѣ за дуэль.—„О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго... Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого; я это замѣтилъ ему—онъ улыбнулся и сказалъ: дай Богъ! Боже мой, какъ онъ ниже меня по своимъ понятіямъ, и какъ я безконечно ниже его въ моемъ передъ нимъ превосходствѣ".

Но если и встрѣчались съ Лермонтовымъ такія личности, какъ Бѣлинскій, которыя могли понимать и цѣнить его, то это не могло облегчить его положенія, потому что онъ самъ относился къ нимъ подозрительно и недовѣрчиво и охотно дѣлился съ ними только своимъ „разсудочнымъ, охлажденнымъ и озлобленнымъ взглядомъ на жизнь и людей", утаивая отъ нихъ „надежды лучшія и голосъ благородный невѣріемъ осмѣянныхъ страстей", т.-е. именно то, что только и нуждалось въ сердечномъ, дружескомъ сочувствіи. Да, подавивъ свои лучшія стремленія и давъ просторъ дурнымъ инстинктамъ, онъ и отъ себя то самого скрывалъ эти „надежды лучшія" и, видя одни дурные мотивы въ своихъ личныхъ поступкахъ, онъ не находилъ и не хотѣлъ теперь находить ничего другого и въ окружающемъ. Вслѣдствіе этого у него и складывался вполнѣ противоположный прежнимъ надеждамъ взглядъ, который такъ ясно высказываетъ Демонъ въ его „Сказкѣ для дѣтей":

„И я кругомъ глубокій кинулъ взглядъ
И увидалъ съ невольною отрадой
Преступный сонъ подъ сѣнію палатъ,
Корыстный трудъ предъ тощею лампадой
И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.
Я сталъ ловить блуждающіе звуки,
Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки:
То ликовалъ иль мучился порокъ!
Въ молитвѣ я подслушивалъ упрекъ,
Въ бреду любви—безстыдное желанье...
Вездѣ—обманъ, безумство иль страданье".

Съ постояннымъ невыносимо-тяжелымъ чувствомъ, происходившимъ отъ сознанія, что все, „что свято и прекрасно, отозвалось ему чужимъ", съ мрачнымъ, безнадежно мрачнымъ взглядомъ на міръ, въ которомъ онъ видѣлъ „вездѣ обманъ, безумство иль страданье", съ особенной, ему принадлежавшей, способностью постоянно

живо чувствовать всѣ пережитыя имъ страданія и съ полнымъ отсутствіемъ средствъ заглушать ихъ, онъ долженъ былъ въ концѣ концовъ притти къ тѣмъ мыслямъ и чувствамъ, которыя выразились въ знаменитомъ его стихотвореніи „И скучно, и грустно“. Здѣсь въ краткихъ, сжатыхъ, но сильныхъ словахъ имъ высказаны тѣ основныя убѣжденія и чувства, которыя вынесъ онъ изъ своей горькой жизни.

Онъ вынесъ прежде всего чувство глубокаго, безысходнаго одиночества, причины котораго мы уже выяснили и которое заставляло его говорить:

„И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...“

Съ потребностью къ высокой, идеальной, вѣчной любви и съ яснымъ сознаніемъ, „что чувство въ насъ не глубоко, что наше сердце измѣняетъ надеждамъ прежнимъ такъ легко“, онъ, по самой натурѣ своей, не знавшій середины, желавшій или всего, или ничего, долженъ былъ сказать:

„Любить... но кого же? на время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно“.

Изъ всей своей погони за наслажденіями и за удовлетвореніемъ всевозможныхъ возникавшихъ у него въ это время желаній онъ не вынесъ ничего, кромѣ сознанія безсмысленности такой жизни, такъ какъ, если борьба съ препятствіями и развлекала его, то при самомъ достиженіи цѣли онъ не находилъ удовлетворенія, а ощущалъ только пустоту и скуку, отъ которыхъ надо было искать избавленія въ погонѣ за какой-нибудь другой новой и такой же безсмысленной цѣлью, безсмысленной потому, что для него не важенъ былъ результатъ, а только процессъ его достиженія; а между тѣмъ онъ чувствовалъ, что въ этой погонѣ за безсмысленными цѣлями онъ теряетъ лучшіе годы своей жизни. Выражая эти мысли, Лермонтовъ и говоритъ:

„Желанья!... Что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ—все лучшіе годы!“.

Если такимъ безотраднымъ являлось для него будущее, если онъ видѣлъ въ немъ только „напрасныя и вѣчныя желанья“, то не менѣе пустымъ, безсмысленнымъ и ничтожнымъ являлось ему и прошедшее:

„Въ себя ли заглянешь, тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все такъ ничтожно“.

Чтобы понять эти стихи, надо имѣть въ виду то рѣзкое различіе, которое существуетъ во взглядѣ на прошлое у человѣка, стремившагося въ своей жизни къ достиженію какой-нибудь, по его мнѣнію, важной цѣли, и у того, кто добивался только удовлетворенія все-

возможныхъ своихъ прихотей. Какъ у перваго всякій пережитой фактъ сохраняетъ свое значеніе и цѣну, такъ у второго все можетъ имѣть значеніе, только когда переживается, и теряетъ его, когда пережито. Это различіе во взглядѣ на прошлое мы особенно ясно можемъ видѣть въ самомъ Лермонтовѣ. Если въ то время, когда онъ добивался въ своей жизни осуществленія лучшихъ стремленій своей природы, и самыя страданія его казались ему имѣющими смыслъ, хотя бы даже только потому, что „пороки юности преступной онъ мнилъ страданьемъ искупить", то какъ только онъ пришелъ къ убѣжденію, что всѣ эти стремленія лишь „пустыя мечтанія", тотчасъ же все прошлое показалось ему „не болѣе, какъ программою незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ похожденій". Вступая на новый путь и смотря на прошлое, какъ на незначительныя и весьма обыкновенныя похожденія, онъ ожидалъ, конечно, въ будущемъ болѣе значительнаго и болѣе необыкновеннаго, но, пройдя этотъ новый путь, онъ увидалъ, что опять въ прошломъ „и радость, и муки, и все такъ ничтожно".

Видя такимъ образомъ безсмысленность прошлаго и будущаго, онъ долженъ былъ сознавать безсмысленность и настоящаго, которое вчера было будущимъ, а завтра будетъ прошлымъ. Если бы онъ видѣлъ, что постоянная погоня за наслажденіями, постоянное исканіе сильныхъ ощущеній дастъ ему вѣчно пріятное настоящее, хотя бы при безсмысленномъ прошломъ и будущемъ, то онъ, быть можетъ, примирился бы съ этимъ, но онъ живо чувствовалъ, что страсти— это необходимыя условія минутныхъ наслажденій—охладѣютъ, исчезнутъ, онъ живо чувствовалъ, что у него все болѣе и болѣе безсмысленнымъ является и настоящее.

Такимъ образомъ, не видя въ жизни смысла ни въ ея прошломъ, ни въ ея будущемъ, ни въ ея настоящемъ, онъ долженъ былъ сказать:

„И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка".

Такова была рѣзкая, безпощадная критика, таковъ былъ окончательный, безусловный приговоръ Лермонтова надъ жизнью, въ которой подавлены всѣ нравственныя стремленія человѣческой природы и всѣ усилія употреблены на погоню за волненіями и на удовлетвореніе всевозможныхъ эгоистическихъ инстинктовъ. Надъ *такою* жизнью, говорю я, а не надъ жизнью вообще, потому что оцѣнка жизни, признаніе ее имѣющею смыслъ или не имѣющею его, можетъ быть только субъективной. А разъ это такъ, то и нашъ приговоръ надъ ней всегда субъективенъ, всегда есть приговоръ надъ *тою* жизнью, которую мы въ себѣ чувствуемъ. Слѣдовательно, и приговоръ Лермонтова есть приговоръ надь тою жизнью, которую онъ въ это время переживалъ.

Это мы можемъ видѣть и изъ его собственныхъ словъ, писанныхъ имъ въ томъ же 1840 году, въ которыхъ онъ высказываетъ

увѣренность въ возможность лучшей жизни даже для него. „Зачѣмъ я жилъ?“ спрашиваетъ онъ себя, „для какой цѣли я родился? А вѣрно она существовала, и вѣрно было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя. Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей, пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій— лучшій цвѣтъ жизни“.

Въ этихъ вскользь брошенныхъ словахъ видны слѣды начала новаго видоизмѣненія его взглядовъ, видоизмѣненія характернаго и важнаго. Какъ, вступая въ только что описанный нами періодъ, онъ считалъ нравственныя стремленія пустыми мечтаніями, которыми можно только прикрывать единственно существующіе эгоистическіе инстинкты, такъ теперь онъ не только признаетъ ихъ существованіе, но и считаетъ ихъ „лучшимъ цвѣтомъ жизни“, безъ котораго жизнь является „пустой и глупой шуткой“. Поэтому и на происшедшую перемѣну въ своей жизни онъ смотритъ уже не какъ на освобожденіе отъ пустыхъ мечтаній и предразсудковъ, а какъ на отсѣченіе цѣлой части души, части лучшей, которая и дѣлаетъ только жизнь цѣнной. „Я“, говоритъ онъ теперь, „сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла; я ее отрѣзалъ и бросилъ—тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго“.

Рядомъ съ этимъ важнымъ началомъ видоизмѣненія его взглядовъ мы видимъ появленіе и необычнаго для него чувства недовольства собой за то, что онъ съ какой то болѣзненной сладостью копается въ своей страдающей душѣ и выставляетъ гной своихъ душевныхъ ранъ передъ людьми, которые не менѣе его несчастны, но молча подчиняются своей судьбѣ:

„Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ, —
Слезы не встрѣтишь неприличной
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты...
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечомъ картоннымъ“.

Но одного сознанія своей искалѣченности было уже мало для того, чтобы выйти изъ того положенія, въ которомъ онъ находился. Прошлое воротить было нельзя — оно наложило на его душу неизгладимую печать, и отъ всей бурной и горькой жизни его у него осталось одно чувство страшной усталости, которое заставляло его желать „забыться и заснуть“:

„Ужъ не жду отъ жизни ничего я
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя:
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть“.

Рядомъ съ этимъ чувствомъ страшной усталости, истощенія жизненной энергіи у него появляется и грустной ноткой звучитъ предчувствіе близкой кончины:

„Наединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть:
На свѣтѣ мало, говорятъ,
Мнѣ остается жить“.

Еще ярче выступаетъ это предчувствіе въ его стихотвореніи „Сонъ“:

„И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.
Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчиво одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая,
Богъ знаетъ чѣмъ, была погружена.
И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана,
И кровь лилась хладѣющей струей“...

Такъ говоритъ онъ въ своихъ предсмертныхъ стихотвореніяхъ. Дуэль съ Мартыновымъ послужила поводомъ къ осуществленію этого предчувствія. Князь Васильчиковъ, бывшій его секундантомъ, не могъ забыть того „спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ Лермонтова передъ дуломъ направленнаго на него пистолета.“ Раздавшійся выстрѣлъ прекратилъ его жизнь, и для насъ навсегда останется тайной, какое дальнѣйшее теченіе могла бы принять жизнь этого двадцатишестилѣтняго титана, который по самой натурѣ своей не могъ уже продолжать жить по тѣмъ воззрѣніямъ, въ истинности которыхъ онъ началъ разубѣждаться.

Несомнѣнно только одно, что если бы ему суждено было продолжать свою жизнь и если бы онъ вступилъ въ новый фазисъ своего развитія, онъ все-таки сохранилъ бы то глубоко коренившееся въ его натурѣ нравственное чувство, которое вначалѣ не дало ему возможности примириться спокойно съ господствующимъ зломъ, а потомъ — когда онъ пришелъ къ убѣжденію, что въ жизни „добродѣтель лишь названіе“, и подавилъ вслѣдствіе этого дорогія для него стремленія, какъ пустыя мечтанія, — не дало ему возможности потонуть въ наслажденіяхъ, а привело его къ убѣжденію, что *такая* жизнь есть не что иное, „какъ пустая и глупая шутка“.

О. Герасимовъ.

Трагедія Лермонтова.

И тьмой, и холодомъ объята
Душа усталая моя:
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія...

Этому надо вѣрить. Нѣтъ поэта субъективнѣе Лермонтова. Онъ искрененъ поневолѣ, ибо умѣетъ писать только для себя и о себѣ. Его до обожанія любятъ родственныя ему натуры; ими онъ повелѣваетъ и очаровываетъ ихъ, какъ прекрасный Демонъ. Мрачная узость эгоистическаго вдохновенія соединяется въ немъ съ бездонной глубиной чувства. Поэзія его въ своемъ плѣнительномъ однообразіи похожа на глухой и темный колодезь; вѣетъ оттуда сыростью и могильнымъ холодомъ, а тамъ, въ стальной чернотѣ глубокаго дна, сіяя голубыми бликами, ходятъ неясные просвѣты. Ими проскользнувъ „безъ руля и безъ вѣтрилъ“, выплываешь вдругъ въ заколдованное царство. Блаженствуютъ, качаясь, царственные цвѣты, пальмы, чинары; райскія птицы поютъ, и слышится голосъ рыбки:

Дитя мое,
Останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье—
И холодъ, и покой.
Усни! Постель твоя мягка,
Прозраченъ твой покровъ.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ.

Спасти отъ демона-Лермонтова можетъ только серафимъ-Пушкинъ, изъ подземнаго міра уносящійся въ „сосѣдство Бога“.

Поразительна Лермонтовская цѣльность, гармоничность его природы, самобытность колоссальнаго его таланта. Душою онъ въ главномъ своемъ одинъ и тотъ же, — семнадцатилѣтній и на двадцать седьмомъ году, наканунѣ смерти. Можно, пожалуй, сравнить его съ косноязычнымъ Демосѳеномъ: упорствомъ и силой воли достигъ онъ демонской власти надъ словомъ; глаголъ его, точно, жжетъ

сердца. Трудъ удивительный и неимовѣрный положилъ Лермонтовъ, чтобы въ твореніяхъ своихъ запечатлѣть то единственное, чему онъ всю жизнь вѣрилъ и ради чего страдалъ. Узкій въ своихъ темахъ, онъ углубилъ ихъ безчисленными набросками, ворохомъ черновыхъ пробъ и плохихъ стиховъ, — все для того, чтобы создать нѣсколько превосходныхъ произведеній.

Есть у семнадцатилѣтняго Лермонтова одно удивительное стихотвореніе подъ ничего невыражающимъ заглавіемъ: „1831 года, іюня 11 дня“. Это — огромная пьеса въ 256 стиховъ. Въ ней всѣ обычныя достоинства и недостатки юношескаго творчества Лермонтова: мало поэзіи и упругой красоты, много металлической силы и неуклюжей страстности; искренностью она поражаетъ необыкновенной. Въ сухости изложенія таится какая-то, почти математическая, строгость мысли. Не надо забывать, что Лермонтовъ въ то время писалъ исключительно для себя; онъ лишь случайно сдѣлался присяжнымъ писателемъ и къ литературной славѣ всегда былъ глубоко равнодушенъ; оттого его юношескіе стихи пріобрѣтаютъ особенную цѣломудренную прелесть. Въ стихотвореніи „11 іюня“ передъ нами весь Лермонтовъ; здѣсь данъ абрисъ будущей грандіозной картины, какъ бы начерченной углемъ,—краски наложило на нее слѣдующее десятилѣтіе короткой жизни; въ немъ пулѣ Мартынова суждено было стать послѣднимъ, завершающимъ взмахомъ кисти. „11 іюня“ начинается задушевнымъ признаніемъ:

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ.
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями... Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омрачонъ.

„Таинственные сны“... Лермонтовъ—прирожденный сновидецъ и мечтатель. Всю жизнь онъ провелъ въ прозрачномъ мірѣ сновъ. Это его стихія; въ ней онъ царитъ, какъ демонъ (δαίμων), какъ божество. Въ „свѣтѣ“, въ „мірѣ“ онъ живетъ лишь проблесками, минутами сознанія —и минуты эти не омрачаютъ его таинственнаго сна. „Страстей и мукъ умчался прежній сонъ“, „Я зрѣлъ во снѣ, что будто умеръ я“, „Года уходятъ, будто сны“, „Сонъ земныхъ страстей“, „Промчался легкой страсти сонъ“ — это только наудачу взятые стихи съ нѣсколькихъ страницъ 1830 года, — но и дальше всюду у него сны — „сны-мучители“, и вся его поэзія—вѣщій сонъ, а характернѣйшее для него стихотвореніе — „Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана“, гдѣ тяготѣющій надъ влюбленными сонъ одушевляетъ ихъ нездѣшней силой.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,

И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О, нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!

Вызванные къ жизни, образы эти, воплотясь въ стихахъ Лермонтова, точно, мало походятъ на „существъ земныхъ“. Развѣ люди—всѣ эти стихійные Арсеніи, Измаилы, Мцыри? развѣ не родные братья они чарующему Демону, покрывшему Лермонтовскій міръ своими черными угловатыми крылами, пожалуй, въ павлиньихъ краскахъ, какъ на картинѣ Врубеля?

Мечтательность раздвоила существованіе Лермонтова. Жизнь ему не въ жизнь. Онъ и живетъ съ нами во снѣ, какъ Гоголевскій художникъ въ „Невскомъ проспектѣ“, вѣрнѣе — какъ собственный герой его, тоже художникъ, Лугинъ, играющій каждую ночь со старикомъ-фантомомъ въ штосъ. Проснувшись на минуту Маёшкой, кутилой и львомъ-бреттеромъ, онъ снова предается упоительной сонной мечтѣ, стремясь выиграть „чудное, божественное видѣніе“. „Онъ былъ въ сильномъ проигрышѣ, но зато каждую ночь на минуту встрѣчалъ взглядъ и улыбку, за которые онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ“. Вся жизнь Лермонтова — игра съ призракомъ; рѣшающей ставкой былъ поединокъ 15 іюля 1841 года, когда послѣдняя карта была убита.

Во снѣ созерцаетъ Лермонтовъ рай, котораго, онъ знаетъ, наяву ему никогда не видѣть. Святымъ сномъ остается для него воспоминаніе дѣтства, породившее въ душѣ поэта такую пламенную, такую страстную любовь къ Кавказу. За что онъ любилъ Кавказъ? только за одинъ мимолетный призракъ счастія: глядя на горы, переживалъ онъ ласку покойной матери:

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ;
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,—
Люблю я Кавказъ.

И первая чистая любовь его связана съ Кавказомъ — съ вѣчною панорамою южныхъ горъ. Шестнадцатилѣтній отрокъ вспоминаетъ:

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ;
Пять лѣтъ пронеслось: все тоскую по вас.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ,—
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ!

Пять лѣтъ! Да развѣ не сонъ эта „пара божественныхъ глазъ“, когда-то на мигъ мелькнувшихъ десятилѣтнему Мишелю? Разумѣется, — все это происходило во снѣ, на зарѣ жизни, когда еще

зелеными глазами смотритъ ребенокъ на чудесный міръ, не успѣвъ очнуться отъ грезъ предыдущей ночи. Въ дальнѣйшихъ строфахъ „11 іюня“ немало есть дѣтскаго, почти смѣшного, — мечты о клеветѣ, объ изгнаніи, о кровавой могилѣ,—но для семнадцатилѣтнягс поэта все это въ порядкѣ вещей. Мечты эти только подтверждаютъ его полную искренность.

Подъ ношей бытія не устаетъ
И не хладѣетъ гордая душа;
Судьба ее такъ скоро не убьетъ,
А лишь взбунтуетъ; мщеніемъ дыша
Противъ непобѣдимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей;
Съ такой душой ты богъ или злодѣй!..

Тутъ вся мстительная, клянущая и бунтующая стихія Лермонтова, со всѣми ея муками; тутъ и борьба съ судьбой, и „склонность къ разрушенью“, и гордый отказъ отъ райскаго блаженства для земной тоски.

Есть время,—леденѣетъ быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама собою стѣснена;
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна...
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ,
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.
Я къ состоянью этому привыкъ,
Но ясно выразить его бъ не могъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ:
Они такихъ не вѣдаютъ тревогъ,
Въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло.
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ. Всѣ его
Мученья происходятъ оттого.

Въ смѣшеніи священнаго съ порочнымъ опять во весь ростъ является намъ Лермонтовъ, съ бурями адской страсти и безплодной тоской по утраченному эдему. Пусть онъ вѣчно страдаетъ, томимъ воспоминаніемъ объ ангельской чистотѣ своихъ первыхъ дней; пусть рвется стать преступникомъ, демономъ, — онъ остается и навсегда останется только *человѣкомъ*.

Всѣ его
Мученья происходятъ оттого.

Но всего важнѣе въ этой юношеской исповѣди (а вѣдь юношескія признанія всегда искреннѣй старческихъ несравненно) — это слова Лермонтова о любви.

О, когда бъ я могъ
Забыть, что незабвенно... женскій взоръ!
Причину столькихъ слезъ, безумствъ, тревогъ!

Другой владѣетъ ею съ давнихъ поръ,
И я другую съ нѣжностью люблю,
Хочу любить—и небеса молю
О новыхъ мукахъ; но въ груди моей
Все живъ печальный призракъ прежнихъ дней.

Кто она? Это неважно и даже нелюбопытно для насъ; важно то, что и тутъ звучитъ намъ все тотъ же вѣчный лейтъ-мотивъ Лермонтовской поэзіи:

Не вѣрятъ въ мірѣ многіе любви,
И тѣмъ счастливы; для иныхъ она—
Желанье, порожденное въ крови,
Разстройство мозга иль видѣнье сна.
Я не могу любовь опредѣлить,
Но это страсть сильнѣйшая! Любить—
Необходимость мнѣ, и я любилъ
Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ.

Трогательное простодушіе! Любить — ему необходимость. „Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь десяти лѣтъ отъ роду? Нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, *или это мнѣ кажется* потому, что я никогда такъ не любилъ, какъ въ тотъ разъ". (Запись 8 іюля 1830 г.) Конечно, это кажется, только кажется. Первая любовь: для нея женщина никогда не цѣль, а только средство: образъ женщины избираетъ она, какъ предлогъ для своего существованія. Лопухина ли, Сушкова ли, та или иная дама — все равно. „Люблю мечты моей созданье". Но „обманъ" (въ смыслѣ *разочарованія*) не могъ отучить его отъ увлеченія женщиной. Въ послѣднемъ предсмертномъ стихотвореніи онъ говоритъ:

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье,—
Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.
Когда порой я на тебя смотрю,
Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ,
Таинственнымъ я занятъ разговоромъ,—
Но не съ тобой я сердцемъ говорю.
Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ—уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ—огонь угаснувшихъ очей.

А въ сущности—никого не люблю, кромѣ „мечты", кромѣ „сна", кромѣ того, что „кажется".

Трагедія Лермонтова не въ самой любви, а въ отношеніи его къ ней. Разочарованіе его неподдѣльно; нѣтъ, ужъ какой тутъ байронизмъ! Слѣпой подражатель Байрону не вырвалъ бы никогда изъ груди своей такихъ леденящихъ сердце стоновъ. Душа Лермонтова, дѣйствительно, увяла: она дышитъ сыростью могильныхъ цвѣтовъ. Мысль о любви всегда сочетается у него съ мечтами о смерти, о вѣчности—и сладостно жутко читать эти полудѣтскіе стихи:

Вчера до самой ночи просидѣлъ
Я на кладбищѣ. Все смотрѣлъ, смотрѣлъ
Вокругъ себя, полстертыя слова
Я разбиралъ. Невольно голова
Наполнилась мечтами вновь; очей
Я не былъ въ силахъ оторвать съ камней...
Одинъ ушелъ ужъ въ землю, и на немъ
Все стерлося; тамъ крестъ къ кресту челомъ
Нагнулся, будто любятъ; будто сонъ
Земныхъ страстей узналъ въ семъ мѣстѣ онъ.
Вкругъ тихо, сладко все, какъ мысль о *ней*.

Мысль о ней—гдѣ же? на кладбищѣ. Это не сантиментальныя воздыханія Жуковскаго о близости небеснаго свиданія, это—зловѣщее предчувствіе разлуки вѣчной. Любовь Лермонтова тысячами нитей сплетена со смертью, съ гробомъ, мертвецами и со всѣмъ ихъ кладбищенскимъ обиходомъ. И опять это не романтическій, мишурный антуражъ: Лермонтовъ искренно любитъ страшныя тайны могилъ, чувствуетъ подлинную поэзію склепа, какъ чувствовалъ ее Эдгаръ По. Ярко и мучительно переживаетъ этотъ пензенскій барченокъ, начитавшійся Байрона, муки любви, ощущая въ то же время адское наслажденіе при мысли о смерти. Эти двѣ могущественнѣйшія стихіи, любовь и смерть, озарены у него въ соединеніи своемъ невыносимымъ свѣтомъ. Мрачно, сладострастнымъ шопотомъ повѣствуетъ онъ въ своемъ „Вадимѣ“: „Однажды мать сосватала невѣсту для сына, давно убитаго на войнѣ; долго ждала красавица своего суженаго, наконецъ, вышла замужъ за другого; на первую же ночь свадьбы явился призракъ перваго жениха и легъ съ новобрачными въ постель. Она моя, — говорилъ онъ, — и слова его были вѣтеръ, гулющій въ пустомъ черепѣ; онъ прижалъ невѣсту къ груди своей, гдѣ на мѣстѣ сердца у него была кровавая рана; призвали попа съ крестомъ и святой водой и выгнали опоздавшаго гостя, и, выходя, онъ заплакалъ, но вмѣсто слезъ песокъ посыпался изъ открытыхъ глазъ его“.

Апоѳеозъ любви, пережившій смерть! Воистину, *любовь сильнѣе смерти*, именно *сильнѣе*. Все обаяніе поэзіи Лермонтова въ его силѣ. Онъ—силачъ, сказочный богатырь. Не даромъ современникъ его, художникъ П. А. Ѳедотовъ, называлъ его стихи „пѣснями богатыря въ минуты скорби неслыханной“.

Я не могу любовь опредѣлить,
Но это страсть сильнѣйшая.

Горе тому, у кого любовь на всю жизнь остается сильнѣйшей страстью. Она неизбѣжно приведетъ его къ крушенію. Для Лермонтова главный ужасъ заключался въ раздвоенности его любви, въ той пропасти, что зіяетъ вѣчно между женщиной и идеаломъ. Онъ, какъ Дантъ, созданъ былъ для любви истинной, для любви безсмертной, но въ этой жизни не пришлось встрѣтить ему своей Бе-

атриче. Судьба при рожденіи одарила его нездѣшнимъ чувствомъ любви, какъ бы забывъ, что ему предназначено жить на землѣ. Онъ искалъ, тоскуя, неземную мечту, а кругомъ были Лопухины, Сушковы, Смирновы, Щербатовы. Что же оставалось поэту, какъ не любить „мечты своей созданья“? Но и существовать одною мечтою онъ не могъ: онъ быть *человѣкомъ*, сыномъ праха и жителемъ земли. Въ груди его вулканомъ вскипала страсть; онъ не въ силахъ былъ оставаться равнодушнымъ передъ чарами прекрасныхъ женщинъ. И, презирая ихъ безмѣрно, шелъ къ нимъ со святыней въ глубинѣ души, зная, что ничего не найдетъ въ отвѣтъ.

Есть рай небесный! звѣзды говорятъ;
Но гдѣ же? вотъ вопросъ, и въ немъ то ядъ.
Онъ сдѣлалъ то, что въ женскомъ сердцѣ я
Хотѣлъ сыскать отраду бытія.

Подлинная любовь Лермонтова, конечно, не земная. Иначе онъ врядъ ли бы невредимо пронесъ ее сквозь жизненныя дебри. Та грязь, что его окружала съ дѣтства, давно захлестнула бы бѣлый мраморъ земного идола, но голубую воздушность женственнаго видѣнія она оттѣняла еще чище. Сны, къ счастію для людей, неподвластны ужасамъ житейскимъ.

Въ ребячествѣ моемъ тоску любови знойной
Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной;
На мягкомъ ложѣ сна не разъ во тьмѣ ночной,
При свѣтѣ трепетномъ лампады образной,
Воображеніемъ, предчувствіемъ томимый,
Я предавалъ свой умъ мечтѣ непобѣдимой:
Я видѣлъ женскій ликъ—онъ хладенъ былъ, какъ ледъ—
И очи... этотъ взоръ въ груди моей живетъ;
Какъ совѣсть, душу онъ хранитъ отъ преступленій;
Онъ слѣдъ единственный младенческихъ видѣній...
И дѣву чудную любилъ я, какъ любить
Не могъ еще съ тѣхъ поръ, не стану, можетъ быть.

Женскій взоръ святого призрака сопровождаетъ поэта во всю жизнь, какъ „слѣдъ единственный младенческихъ видѣній“. Можетъ ли онъ, влюбленный въ мечту, любившій „чудную дѣву“ такъ, какъ „любить въ другой разъ онъ не можетъ и не станетъ“,— могъ ли онъ любить дѣвъ земныхъ?

До сихъ поръ никто еще, кажется, не обращалъ серьезнаго вниманія на огромное автобіографическое значеніе Лермонтовскаго „Сашки“. Поэму эту считаютъ нескромнымъ подражаніемъ Полежаеву, легкою шалостью молодого пера, а между тѣмъ это—полная содержанія и серьезная значеніемъ пьеса. Изъ нея цѣликомъ вышла „Сказка для дѣтей“; послѣднюю сближаетъ съ „Сашкой“ не только общій тонъ разсказа, но и буквальное совпаденіе нѣкоторыхъ стиховъ. Въ „Сашкѣ“ встрѣчаются мѣста удивительной выдержанности

и силы, и можно бы пожалѣть, что Лермонтовъ бросилъ поэму неоконченной, если бы изъ ея хаоса не возникла черезъ нѣсколько лѣтъ стройная колоннада „Сказки". Историко-біографическая правдивость „Сашки" безспорна. „Сашка" — цѣннѣйшій документъ для характеристики Лермонтова-ребенка и Лермонтова-юноши въ первыя семнадцать лѣтъ его жизни, до самаго поступленія въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Читая „Сашку", начинаешь яснѣе понимать трагическую сторону въ жизни Лермонтова: нѣжная, какъ крылья мотылька, чистая, какъ вершины кавказскихъ горъ, душа геніальнаго ребенка уже въ раннемъ дѣтствѣ заляпана была комками житейской грязи.

И Саша былъ четырнадцати лѣтъ.
Онъ привыкалъ (скажу вамъ подъ секретомъ,
Хоть важности большой во всемъ томъ нѣтъ)
Толкаться межъ служанокъ. Часто лѣтомъ,
Когда луна бросала томный свѣтъ
На тихій садъ, на сводъ густыхъ акацій,
И съ шопотомъ толпа домашнихъ грацій
Въ аллеѣ кралась,—легкою стопой
Онъ догонялъ ихъ, и, шутя, порой
Его невинность (вы поймете сами)
Онѣ дразнили дерзкими перстами.

Раннее прикосновеніе порока, „смутивъ ребенка сонъ покойный", дыханіемъ набѣгающей бури налетѣло на зеркальную гладь души и заставило навсегда задрожать ее сладострастной зыбью. На людей, подобныхъ Лермонтову, первое познаніе добра и зла кладетъ неумолимый отпечатокъ, своего рода каторжное клеймо, доводящее иныхъ до самоубійства.

По тѣмъ временамъ (сто лѣтъ назадъ) сближеніе подрастающаго барченка съ міромъ дѣвичьей было явленіемъ неизбѣжнымъ и притомъ обычнымъ. Конечно, сама строгая бабушка Арсеньева нисколько не огорчилась бы, узнавъ о связи Мишеля съ дворовой дѣвушкой. Дѣвичья въ помѣщичьей усадьбѣ была особымъ міромъ; сюда отбирались красивѣйшія и умнѣйшія дѣвушки, часто незаконныя дочери господъ; здѣсь зарождались крѣпостныя актрисы и танцовщицы, но подъ старость изъ дѣвичьей же выходили Арины Родіоновны и Натальи Савишны. Изъ какого то ложнаго стыда (передъ чѣмъ?) мы все еще затѣняемъ положительныя стороны старой помѣщичьей жизни, донынѣ не изслѣдованныя. Дѣвичья играла большую роль въ юности нашихъ предковъ. Изъ записокъ гр. Л. Толстого мы знаемъ, что отца его въ шестнадцать лѣтъ родители соединили „для здоровья" съ одной изъ дворовыхъ дѣвушекъ. Самъ Толстой въ „Отрочествѣ" разсказываетъ о любви къ горничной Машѣ. Въ дѣвичьей возникало первое очарованіе женской любви, вспыхивали первые порывы сладострастія, но далеко не для всѣхъ вліяніе это оказывалось вреднымъ и роковымъ. Въ воспоминаніяхъ Фета мы находимъ идиллическое описаніе прекрасной горничной

Аннушки, пробудившей первую возвышенную страсть въ груди будущаго пѣвца „Соловья и Розы“. У Лермонтова описаніе ночныхъ свиданій съ Маѳушей сдѣлано, несомнѣнно, съ натуры.

Во тьмѣ ночной,
На цыпочкахъ по лѣстницѣ ступая,
Въ чепцѣ, платокъ накинувъ шерстяной,
Являлась къ Сашѣ дѣва молодая.
Задувъ лампаду, трепетной рукой
Держась за спинку шаткую кровати,
Она искала жаркихъ тамъ объятій.
Потомъ, на мягкій пухъ привлечена,
Подъ одѣяло пряталась она;
Тяжелый вздохъ изъ груди вырывался,
И въ жаркихъ поцѣлуяхъ онъ сливался.

Правда и то, что, какъ признается поэтъ,

Я пробѣжалъ пороковъ длинный рядъ
И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденьемъ.

Старческій опытъ, проклятый опытъ Адама, рано воцарился въ опустошенной душѣ полуребенка.

А главное—Сашка „имѣлъ большую склонность къ разрушенью“. Прототипъ его, Александръ Арбенинъ въ неоконченномъ прозаическомъ отрывкѣ, характеризуется тѣми же самыми чертами.

„Зимой горничныя дѣвушки приходили шить и вязать въ дѣтскую... Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными, и понятіями противообщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать... Ему хотѣлось, чтобъ кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ, но у старой няньки руки были такія жесткія... Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ... Между тѣмъ, природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу“.

Это одинъ и тотъ же образъ. Сашка, Александръ Арбенинъ, Печоринъ,—всѣ они перегорѣли на медленномъ огнѣ, превратившемъ ихъ души въ холодный пепелъ.

Впечатлѣнія отроческихъ лѣтъ даютъ направленіе цѣлой жизни. Черты, роднящія любимыхъ Лермонтовскихъ героевъ въ ихъ главномъ, позволяютъ съ увѣренностью утверждать ихъ непосредственную близость къ самому поэту. Все это одинъ герой, имя которому Михаилъ Лермонтовъ. Отсюда понятно это небывалое у другихъ поэтовъ обиліе однихъ и тѣхъ же описаній, вводимыхъ въ разныя произведенія, упорныя повторенія стиховъ, одинаковыя имена ге-

роевъ. Все это обнаруживаетъ глубокую одноцентренность вѣчно сверлящей души, которою одна неотступная мысль владѣетъ: выразить самоё себя. Душѣ этой пришлось пройти сквозь строй, вынести ужасную пытку земной любви. Лермонтовъ барахтается въ жизни, какъ лебедь въ грязной лужѣ. Начиная съ бабушкиныхъ горничныхъ, прѣсненскихъ Тирзъ и Парашъ и кончая юнкерскими Уланшами, Лариссами и танцорками, все соединилось, чтобы осквернить любящую нѣжную душу, чтобы, омрачивъ, высосать и опустошить ее.

Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока,
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.

Какъ тутъ не вспомнить Достоевскаго? „Дьяволъ съ Богомъ борются, а поле битвы—сердца людей. (Въ Лермонтовѣ есть черты Димитрія.) Широкъ человѣкъ, слишкомъ широкъ — я бы сузилъ“. Воочію передъ нами эта чудесная широкость, — совмѣщеніе идеала содомскаго съ идеаломъ Мадонны.

Однажды, послѣ долгихъ преній
И осушивъ бутылки три,
Князь Б., любитель наслажденій,
Съ Лафою сталъ держать пари.
Клянуся, молвилъ князь удалый,
Что нашу польку въ эту ночь...

И вдругъ тутъ же, почти тотчасъ:

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою...

Отчаянный юнкеръ въ сѣрой шинели, едва проспавшійся послѣ угарной ночи, съ душой, мутной отъ пьянаго похмелья,— вотъ стоитъ онъ плечомъ къ плечу съ нѣжно-воздушной барышней гдѣ-нибудь на Зимней Канавкѣ, прислушивается къ вечернимъ выстрѣламъ, — и уже по искаженной душѣ его, какъ по небу полуночи, пролетаетъ бѣлокрылый ангелъ:

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою
Прощались позднею порою?
Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
И мы съ волненіемъ внимали...
Тогда лучи ужъ догарали,
И нá морѣ туманъ густѣлъ;
Ударъ съ усиліемъ промчался
И вдругъ за безднour скончался.

Но, потерявъ навѣкъ серафическую непокорность чувствъ, Лермонтовъ не хочетъ покориться Року.

Въ противность своему Демону, онъ знаетъ, что никакая Тамара не возвратитъ ему рая. Дьявольская гримаса ироніи навсегда омрачила угрюмое лицо. На всѣхъ портретахъ Лермонтова застыло выраженіе тоскливо-мрачной ироніи. Любовь, со всею ея необъятною

нѣжностью и красотой, со страданіемъ и счастіемъ влюбленныхъ, для корнета Лермонтова вырождается въ лѣнивую интригу. Самодовольно-скучающій свѣтскій левъ, онъ относится къ женщинамъ со снисходительнымъ пренебреженіемъ. Уже шестнадцати лѣтъ, оторвавшись на мигъ отъ созерцанія неземной красоты, воздушнаго видѣнья, онъ холодно замѣчаетъ:

Повѣрь, невинныхъ женщинъ вовсе нѣтъ;
Лишь по желанью, случай и предметъ
Не вѣчно тутъ. Любить не ставитъ въ грѣхъ
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ.

Теперь на землѣ остается у него одно сладострастіе, любовь же умерла навсегда, какъ только онъ понялъ, что женщина и мечта о ней—не одно и то же.

Если вѣра въ любовь погибла, что же тогда остается въ жизни? И что такое самая жизнь?

Что жизнь?—Давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое—рожденье, гдѣ второе—
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть—послѣднее, а цѣлое—обманъ!

Обманъ. Въ этомъ сплошномъ обманѣ стоитъ ли играть смѣшную роль?

Любить? Но кого же? На время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить—невозможно.

Разъ уже начались разсужденія о томъ, стоитъ ли труда полюбить хотя на время, то ясно, что душѣ такого человѣка недоступна уже и просто не нужна сама любовь.

Всѣхъ героевъ своихъ Лермонтовъ щедро надѣлилъ своими же собственными страстями. Любопытно прослѣдить, какъ, начавъ съ безобразнаго урода Вадима, онъ кончаетъ прекраснымъ Демономъ. Представленіе его о „героѣ" пережило нѣсколько постепенныхъ стадій, но всегда онъ въ лицѣ ихъ прикрашиваетъ или безобразитъ самого себя. Кажется, будто онъ разсматриваетъ себя въ нѣсколько зеркалъ, примѣривая различныя позы и платья. Всѣ герои его непремѣнно любовники, почти всегда несчастные или не хотящіе быть счастливыми; у всѣхъ борьба съ женщиной на первомъ планѣ—поединки въ любви или въ кокетствѣ; всѣ заняты только своими переживаніями, своей любовью. Немногаго не хватаетъ имъ, чтобы стать смѣшными, но вѣдь и самъ Лермонтовъ... почти смѣшонъ.

Вѣра въ „Героѣ нашего времени" говоритъ Печорину: „Никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ".

Лермонтова до конца не удовлетворили его герои; самымъ неудачнымъ изъ нихъ былъ Арбенинъ изъ „Маскарада", эта ходячая

месть, благородный шулеръ съ самолюбіемъ. Когда то увлекался Лермонтовъ роковой фигурой Наполеона, можетъ быть, потому, что находилъ въ немъ сходство съ собою; тѣни его вложилъ онъ въ уста фразу: „Я выше и похвалъ, и славы, и людей“. Попытка Лермонтова создать единственнаго героя олицетворилась всего удачнѣе въ „Демонѣ“, который въ сущности опять все тотъ же, отвлеченно взятый Лермонтовъ. Демонъ мучилъ Лермонтова нѣсколько лѣтъ, пока онъ отъ него не „отдѣлался стихами“. Но развѣ это не тотъ же прежній и постоянный его герой,—„духъ изгнанья“, „отверженный“, кто „похожъ на вечеръ ясный: ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ“, „царь познанья и свободы“, „врагъ небесъ, зло природы“, тотъ, „кого никто не любитъ и все живущее клянетъ“?

Наканунѣ смерти Лермонтовъ могъ видѣть, какъ вычерченные имъ полубезсознательно десять лѣтъ назадъ контуры жизни расцвѣтились яркими красками. Но — увы — картина эта была совсѣмъ не та, какою воображалъ ее поэтъ!

Еще въ ребячествѣ созналъ Лермонтовъ горькую истину, что „ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ“. За свою короткую жизнь сроднился онъ съ мыслью о ничтожествѣ, небытіи (néant), загодя какъ бы привыкнулъ къ смерти. Тогда же сказалъ онъ:

Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ.

Чашу эту приходилось ему испивать до дна во цвѣтѣ жизни, съ небольшимъ въ двадцать пять лѣтъ, когда могучій талантъ его, какъ Демонъ, развертывалъ траурныя крылья, приготовляясь къ полету. А между тѣмъ самъ поэтъ чувствовалъ, что некуда и не за чѣмъ ему летѣть. Все въ мірѣ стало для него мертво и пустынно, отравлено адской скукой. Быть можетъ, проживи Лермонтовъ еще шесть, десять лѣтъ, онъ переломилъ бы себя, какъ Левъ Толстой, съ юностью котораго его юность имѣетъ большое сходство. Въ признаніяхъ Печорина звучатъ Толстовскія ноты; самая идея „исповѣди“ роднитъ Лермонтова съ Толстымъ. „Въ первой моей молодости,—говоритъ Печоринъ,—съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ и былъ любимъ, но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться — науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастіе отъ насъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди — не-

вѣжды, а слава—удача, и чтобъ добиться ея, надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно"... Скука — вотъ Демонъ, терзавшій Лермонтова. Отъ этого чудовища нельзя было отдѣлаться стихами.

Въ себя ли заглянешь,—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...
Что страсти?—вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка...

Прекратить эту шутку могла одна смерть.

Нѣмецкій писатель Фридрихъ Боденштедтъ, поклонникъ и переводчикъ Лермонтова, встрѣтилъ впервые нашего поэта незадолго до его смерти въ одномъ изъ петербургскихъ ресторановъ, въ обществѣ двухъ молодыхъ людей. Онъ оставилъ любопытное описаніе внѣшности, манеръ и разговоровъ Лермонтова. Какъ ни старается Боденштедтъ смягчить рѣзкость впечатлѣній, въ разсказѣ его обрисовывается во весь ростъ пошловатый и заносчивый офицеръ, дерзкій и невоздержный на языкъ, употребляющій постоянно въ разговорѣ неприличныя слова. Язвительныя шутки Лермонтова въ ушахъ сантиментальнаго и благовоспитаннаго нѣмца все время звучали такъ, какъ будто кто-нибудь „скребъ по стеклу". Тутъ же, при Боденштедтѣ, Лермонтовъ едва не нарывается на ссору съ однимъ изъ пріятелей, перейдя должную границу въ остротахъ. Злить людей, очевидно, сдѣлалось для него потребностью. Позже, въ Пятигорскѣ, онъ любилъ забавляться тѣмъ, что незамѣтно надламывалъ приготовленныя въ гостиницѣ за общимъ столомъ тарелки. Слуги приходили въ отчаяніе, во время мытья посуды вынимая изъ воды груду черепковъ, а Лермонтовъ, насладившись ихъ недоумѣніемъ и испугомъ, тутъ же щедро расплачивался съ хозяиномъ. Что это, какъ не дошедшая до послѣдней степени скука? Приступы той же мертвящей скуки побуждали Лермонтова травить пріятелей; онъ придирается, злитъ, выводитъ изъ себя. („Собакѣ собачья смерть",—сказала, узнавъ о кончинѣ Лермонтова, одна высокопоставленная особа.) Въ эти послѣдніе зрѣлые годы жизни дѣйствительность, манившая когда то поэта грезами, показала ему свою изнанку, а горькій опытъ безжалостно разрушалъ возможность земного счастья.

Представимъ себѣ положеніе Лермонтова на Кавказскихъ водахъ въ роковое для него лѣто 1841 года. Не сознавать всего значенія своего таланта онъ въ то время уже не могъ, но этотъ же талантъ дѣлалъ въ обществѣ положеніе его ложнымъ, ибо въ глазахъ дамъ, да еще свѣтскихъ, да еще семьдесятъ лѣтъ назадъ, быть русскимъ писателемъ оказывалось совсѣмъ не comme il faut. „Въ то время мы всѣ писали такіе стихи", замѣтилъ одинъ изъ современниковъ Лермонтова. Врядъ ли кому извѣстно, что Мартыновъ,

убійца поэта, тоже писалъ стихи и даже недурные, т.-е. посредственные, чего для успѣха въ салонѣ болѣе чѣмъ достаточно. Вообще, Мартыновъ, какъ увидимъ ниже, въ обществѣ имѣлъ всѣ преимущества на своей сторонѣ и былъ опаснымъ соперникомъ поэту. Біографы Лермонтова, изъ сочувствія къ нему, изображаютъ Мартынова смѣшнымъ пошлякомъ: на дѣлѣ было далеко не такъ. Смѣшонъ Мартыновъ не былъ, и со смѣшнымъ человѣкомъ у Лермонтова до дуэли не дошло бы. Но серьезно ухаживать за пятигорскими барышнями Лермонтовъ въ то время уже не могъ: слишкомъ хорошо постигъ онъ „науку страсти нѣжной“, да и водяное общество ему, что называется, „поднадоѣло“. И вотъ ему приходится быть равнодушнымъ зрителемъ, какъ тутъ же, на глазахъ его, всѣ влюбляются, ухаживаютъ, пишутъ стихи, терзаются ревностью. Какъ не презирать этихъ слѣпыхъ людишекъ ему, познавшему до конца гнетущій ужасъ жизни, наперснику Демона, для кого вся жизнь была только „тетрадь съ давно извѣстными стихами“? По привычкѣ онъ все-таки слегка ухаживаетъ за младшей дочерью бригаднаго генерала, Н. П. Верзилиной. Надежда Петровна была самая обыкновенная барышня, провинціальная кокетка, окруженная обществомъ военной молодежи, оживлявшей каждое лѣто пятигорскій сезонъ,— и, конечно, дуэль Лермонтова только сдѣлала ее болѣе „интересной“. Въ прошломъ у нея осталось пріятное воспоминаніе, что вотъ изъ-за нея убитъ на дуэли Лермонтовъ, тотъ самый... Впослѣдствіи она была примѣрной женою и матерью семейства. И казалось бы, не все ли равно Лермонтову, что красавецъ Мартыновъ нравится Надеждѣ Петровнѣ, что она оказываетъ ему предпочтеніе? Ложное самолюбіе свѣтскаго льва не позволяло ему оставаться равнодушнымъ. Ему не вспоминался собственный его давнишній мадригалъ „Глупой красавицѣ“, написанный лѣтъ десять тому назадъ:

Амуръ спросилъ меня однажды,
Хочу ль испить его вина...
Я не имѣлъ въ то время жажды,
Но выпилъ кубокъ весь до дна.
Теперь желалъ бы я напрасно
Смочить горящія уста,
Затѣмъ, что чаша влаги страстной,
Какъ голова твоя, пуста.

Пуста и хорошенькая головка Надежды Петровны, и такъ мало значитъ она для Лермонтова, что онъ даже ничего не можетъ написать ей въ альбомъ, кромѣ какихъ то безсвязно-забавныхъ пустяковъ:

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ?
И локонъ небрежный
Подъ шейкою нѣжной,
На поясѣ ножъ...
C'est un vers qui cloche

А ночью, тамъ, у себя, въ маленькомъ домикѣ, подъ Машукомъ, пишетъ, быть можетъ, со слезами: „Выхожу одинъ я на дорогу“, и восклицаетъ, вспоминая пусто и безцѣльно проведенный день:

Нѣтъ, не съ тобой я сердцемъ говорю!

И такъ чудовищно это несоотвѣтствіе между жизнью и мечтой, что, выбросивъ жемчужные стихи, мятежная душа не утихаетъ, — и еще пуще хочется на другой день злить самодовольнаго Мартынова.

Мартыновъ по рожденію и воспитанію принадлежалъ къ тому же обществу, что и Лермонтовъ, но значительно превосходилъ послѣдняго успѣхомъ служебной своей карьеры. Будучи годомъ моложе Лермонтова, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ майора, тогда какъ Лермонтовъ былъ только поручикъ. О храбрости Мартынова свидѣтельствовало боевое отличіе, сверхъ всего, онъ, какъ описываетъ его одинъ изъ современниковъ, „былъ очень красивый молодой гвардейскій офицеръ, высокаго роста, блондинъ съ выгнутымъ немного носомъ. Онъ былъ всегда очень любезенъ, веселъ, порядочно пѣлъ романсы и все мечталъ о чинахъ, орденахъ и думалъ не иначе, какъ дослужиться на Кавказѣ до генеральскаго чина“ [1]). Всѣ данныя для полнаго успѣха въ жизни! Гдѣ ужъ было соперничать съ такимъ блестящимъ представителемъ золотой середины большеголовому кривоногому Маёшкѣ, съ его вѣчно ядовитыми остротами и пронзительнымъ непріятнымъ смѣхомъ? По выходѣ въ отставку, Мартыновъ,—разсказываетъ тотъ же современникъ,—изъ веселаго, свѣтскаго, изящнаго молодого человѣка сдѣлался какимъ то дикаремъ: отрастилъ огромныя бакенбарды; въ простомъ черкесскомъ костюмѣ, съ огромнымъ кинжаломъ, нахлобученной бѣлой папахой, вѣчно мрачный и молчаливый, онъ игралъ Печорина [2]). Разумѣется, и это все шло къ нему. Какъ будто самъ Печоринъ, въ лицѣ Мартынова, явился воочію на кавказскія воды. И княжна Мери, суще-

[1]) Воспоминанія Я. И. Костенецкаго (*Русская Старина*, 1875 г., IX, стр. 64). Къ этому надо еще добавить, что Мартыновъ писалъ также и стихи, вродѣ слѣдующихъ:

Пѣснь чеченца.

За Аргуномъ рѣкой,
Надъ кремнистой скалой,
Какъ гнѣздо, выдается аулъ.
Онъ сто лѣтъ на горѣ,
И въ столѣтней корѣ
Лѣсъ дремучій его обогнулъ...
. . . .
И желаній тоска
Грудь вздымаетъ слегка,
Будто волны несутъ лебедей;
И на свѣжихъ устахъ,
Какъ роса на цвѣтахъ,
Сладостратія влага у ней. И т. д.

(А. Н. Нарцовъ. „Матеріалы для исторіи дворянскихъ родовъ Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ“. Тамбовъ, 1904 г.). Вѣроятно, многимъ стихи эти казались ничѣмъ не хуже Лермонтовскихъ.

[2]) Ibid. *Р. С.* 1875, т. IX, стр. 64.

ствуй она въ дѣйствительности, конечно, отдала бы сердце Мартынову, а никакъ не своему поэту, не говоря уже о простодушной дикаркѣ Бэлѣ. Можно вообразить, какъ раздражало Лермонтова печоринство Мартынова! Его герой воплотился наяву своими худшими сторонами. Мартынову пребываніе Лермонтова на водахъ было непріятно по многимъ причинамъ. Въ душѣ онъ сознавалъ свое ничтожество; его стихи и романсы восхищать могли дѣвицъ, но врядъ ли онъ отважился бы на нихъ въ присутствіи Лермонтова, видѣвшаго его насквозь; на убійственныя остроты послѣдняго онъ не находилъ отвѣтовъ. Но, какъ всякій „порядочный молодой человѣкъ", Мартыновъ больше всего на свѣтѣ боялся „влетѣть въ исторію", а потому спускалъ многое несносному Маёшкѣ [1]). Одного не могъ вынести Мартыновъ: шутокъ Лермонтова „при дамахъ",—очень ужъ страдало отъ нихъ пѣтушье самолюбіе неотразимаго кавалера. Онъ даже унижался до просьбы: перестать острить, но, разумѣется, только усиливалъ тѣмъ ядовитыя нападки. И вотъ, можетъ быть, въ тотъ самый моментъ, когда Мартыновъ рѣшительнымъ печоринскимъ пріемомъ покорялъ нѣжное сердце Наденьки Верзилиной, по комнатѣ громко прозвучало ненавистное: montagnard au grand poignard. Чаша терпѣнія переполнилась—и насмѣшникъ поплатился жизнью.

Вся поэзія Лермонтова—одинъ демоническій аккордъ. Нечеловѣческое что-то слышится въ немъ; стихи его, а въ особенности проза, дышатъ тою же силой, что заключалась въ чертахъ портрета, поразившаго Лугина. „Рука человѣка никогда съ намѣреніемъ не произведетъ этихъ линій; математически малое отступленіе—и прежнее выраженіе погибло безвозвратно. Въ лицѣ портрета дышало именно то *неизъяснимое*, возможное только генію или случаю". У Лермонтова слогъ зловѣщій. Стихи его падаютъ на читателя, какъ желтые осенніе листья. Главное значеніе его поэзіи въ лирикѣ и „Героѣ нашего времени"; кавказскія декоративныя его поэмы, за исключеніемъ „Демона", скучны и ходульны. Полное собраніе его сочиненій являетъ собой огромную груду смѣнявшихся безпрестанно черновиковъ; перебѣлить ихъ окончательно не дала смерть.

Борисъ Садовской.

[1]) „Какъ поэтъ, Лермонтовъ возвышался до геніальности, но, какъ человѣкъ, онъ былъ мелоченъ и несносенъ. Эти недостатки и признакъ безразсуднаго упорства въ нихъ были причиною смерти геніальнаго поэта отъ выстрѣла, сдѣланнаго рукою человѣка добраго, сердечнаго, котораго Лермонтовъ довелъ своими насмѣшками и даже клеветами почти до сумасшествія. Мартыновъ, котораго я хорошо зналъ, до конца своей жизни мучился и страдалъ оттого, что былъ виновникомъ смерти Лермонтова". (И. А. Арсеньевъ. *Историческій Вѣстникъ.* 1887 г., т. II, стр. 354).


1838
годъ.



ДУМА.

361.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ;
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,

Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно малодушны,
И передъ властію—презрѣнные рабы.
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли:
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства —
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.



М. И. Цейдлеръ.

362. Къ М. И. Цейдлеру.

Русскій нѣмецъ бѣлокурый
Ѣдетъ въ дальнюю страну,
Гдѣ косматые гяуры
Вновь затѣяли войну.
Ѣдетъ онъ, томимъ печалью,
На могучій пиръ войны;
Но иной, не бранной *сталью*
Мысли юноши полны.

363. Поэтъ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ,
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ—
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба,
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ козакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ заброшенный потомъ
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь родныхъ ножонъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ—
Увы, безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньѣ?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ фиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ?
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ножонъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?


1839г.

364. На рожденіе сына у А. А. Лопухина.

Ребенка милаго рожденье
    Привѣтствуетъ мой запоздалый стихъ.
Да будетъ съ нимъ благословенье
    Всѣхъ ангеловъ небесныхъ и земныхъ!
Да будетъ онъ отца достоинъ;
    Какъ мать его, прекрасенъ и любимъ;
Да будетъ духъ его спокоенъ
    И въ правдѣ твердъ, какъ Божій херувимъ.
Пускай не знаетъ онъ до срока
    Ни мукъ любви, ни славы жадныхъ думъ;
Пускай глядитъ онъ безъ упрека
    На ложный блескъ и ложный міра шумъ;
Пускай не ищетъ онъ причины
    Чужимъ страстямъ и радостямъ своимъ,
И выйдетъ онъ изъ свѣтлой тины
    Душою бѣлъ и сердцемъ невредимъ!

365. Не вѣрь себѣ.

Que nous font après tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

A. Barbier.

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой,
    Какъ язвы, бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бредъ души твоей больной,
    Иль плѣнной мысли раздраженье.
Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
    То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
    Разлей отравленный напитокъ!
Случится ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
    Отрыть въ душѣ, давно безмолвной,
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
    Простыхъ и сладкихъ звуковъ полной, —

Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.
Закрадется ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой,—
Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.
Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной,
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной...
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!...
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ,
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечомъ картоннымъ.

366. Молитва.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души—какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...



367. ТРИ ПАЛЬМЫ.

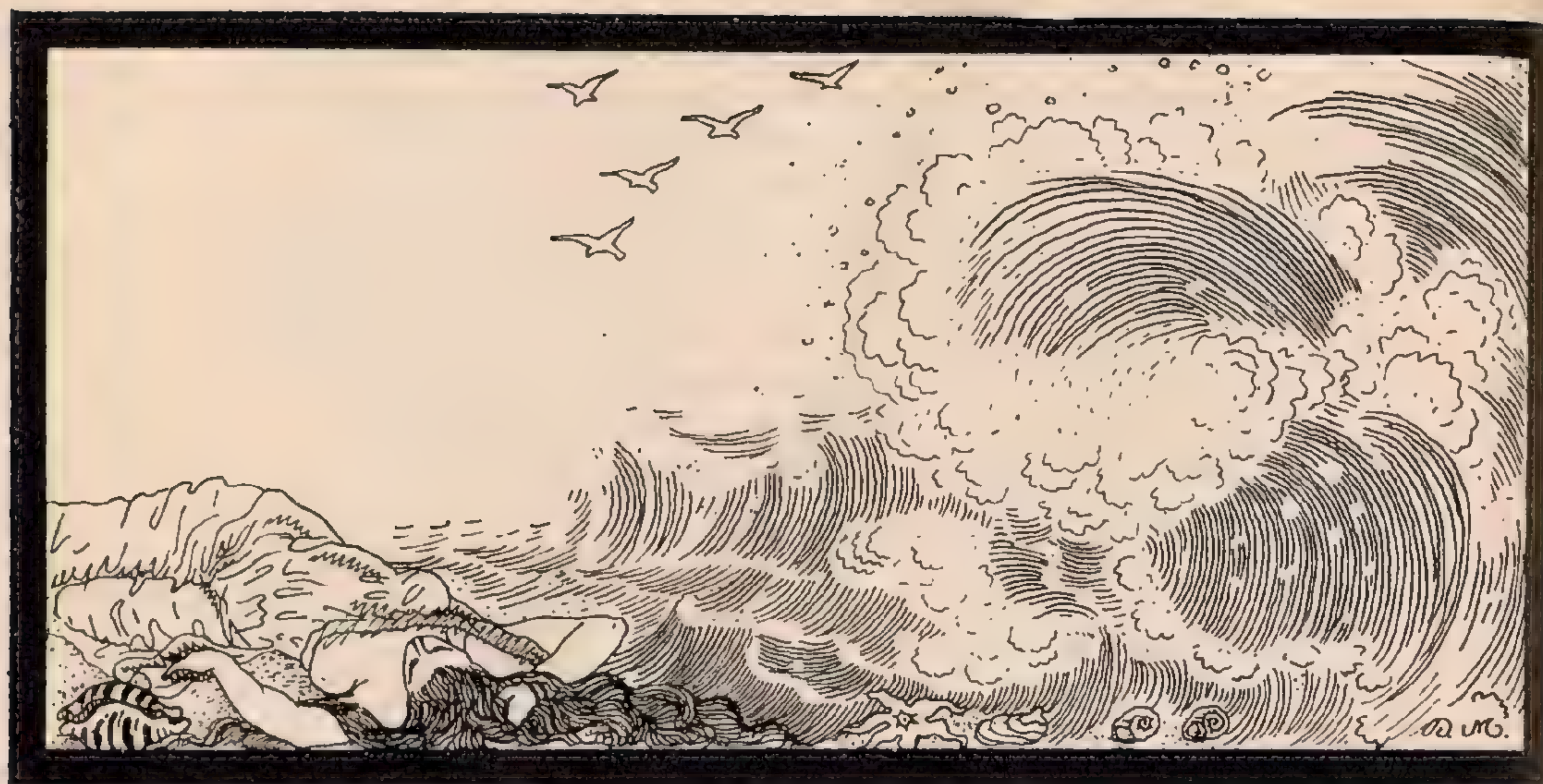
(ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНІЕ).

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,

Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый подъ сѣнью зеленыхъ листовъ
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.
И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый изъ чуждой земли
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой;
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.
И стали три пальмы на Бога роптать:
„На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ничей благосклонный не радуя взоръ...
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!...“
И только замолкли,—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.
Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.
И конь на дыбы подымался порой
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плѐчамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на-скаку.
Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ,
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.
Но только что сумракъ на землю упалъ,
По кòрнямъ упругимъ топоръ застучалъ,—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сòрвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до ỳтра огнемъ.
Когда же на западъ умчался туманъ,

Урочный свой путь совершалъ караванъ;
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ въ степи ихъ потомъ разнесло.
И нынѣ все дико и пусто кругомъ;
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключомъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ,—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.





ДАРЫ ТЕРЕКА

368.

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но, по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ,
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчитъ:
„Разступись, о старецъ-море,
Дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ.
Я, родился у Казбека,
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.
Я, сынамъ твоимъ въ забаву,
Разорилъ родной Дарьялъ
И валуновъ имъ на славу
Стадо цѣлое пригналъ".
Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ;

И опять, ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ:
„Я привезъ тебѣ гостинецъ!
То гостинецъ не простой:
Съ поля битвы кабардинецъ,
Кабардинецъ удалой.
Онъ въ кольчугѣ драгоцѣнной,
Въ налокотникахъ стальныхъ,
Изъ Корана стихъ священной
Писанъ золотомъ на нихъ.
Онъ угрюмо сдвинулъ брови,
И усовъ его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взоръ открытый, безотвѣтный,
Полонъ старою враждой;
По затылку чубъ завѣтный
Вьется черною космой".
Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій дремлетъ и молчитъ;
И, волнуясь, буйный Терекъ
Старцу снова говоритъ:
„Слушай, дядя: даръ безцѣнной!
Что̀ другіе всѣ дары!
Но его отъ всей вселенной
Я таилъ до сей поры.
Я примчу къ тебѣ съ волнами
Трупъ казачки молодой,
Съ томно-блѣдными плечами,
Съ свѣтло-русою косой.
Грустенъ ликъ ея туманный,
Взоръ такъ тихо, сладко спитъ,
А на грудь изъ малой раны
Струйка алая бѣжитъ.
По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.
Осѣдлалъ онъ вороного,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злого
Сложитъ голову свою".
Замолчалъ потокъ сердитой,
И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старикъ во блескѣ власти
Всталъ, могучій, какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.
Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.



Кн. А. И. Одоевскій.

369. Памяти Александра Ивановича Одоевскаго.

1.

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой;

Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!

2.

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ,
Поэзіи и счастья... Но—безумной—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
И свѣтъ не пощадилъ, и рокъ не спасъ!
Но до конца, среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ,
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

3.

Но онъ погибъ далеко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единой...

4.

И было ль то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крикъ послѣдняго недуга,—
Кто скажетъ намъ?... Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои, и мнѣнья,
И думы—все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:

Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ.
Куда они? зачѣмъ? откуда?—кто ихъ спроситъ...

5.

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной...
Что за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье:
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Коварныя его отвергнулъ цѣпи:
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи

6.

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
И, вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ,
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А море Черное шумитъ не умолкая...

370. (Казотъ).

На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ,
Одинъ, покинутый безумными друзьями,
И въ даль грядущаго, закрытую предъ нами,
Духовный взоръ его смотрѣлъ.
И помню я, исполнены печали,
Средь звона чашъ, и криковъ, и рѣчей,
И пѣсенъ праздничныхъ, и хохота гостей,
Его слова пророчески звучали.
Онъ говорилъ: „Ликуйте, о друзья!
Что̀ вамъ судьбы дряхлѣющаго міра?
Надъ вашей головой колеблется сѣкира,—
Но что жъ?... изъ васъ одинъ ее увижу я“...
. . . .



Гр. Э. К. Мусина-Пушкина.

371. Къ гр. Э. К. Мусиной-Пушкиной.

Графиня Эмилія
Бѣлѣе, чѣмъ лилія,
Стройнѣй ея таліи
На свѣтѣ не встрѣтится,
И небо Италіи
Въ глазахъ ея свѣтится;
Но сердце Эмиліи
Подобно Бастиліи.





372. БѢГЛЕЦЪ.

ГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани,
Быстрѣй, чѣмъ заяцъ отъ орла,—
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани,
Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли,
И подъ пятой у супостата
Лежатъ ихъ головы въ пыли.
Ихъ кровь течетъ и проситъ мщенья.
Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ:
Онъ растерялъ въ пылу сраженья
Винтовку, шашку, и бѣжитъ...
И скрылся день; клубясь, туманы
Одѣли темныя поляны

Широкой, бѣлой пеленой.
Пахнуло холодомъ съ востока,
И надъ пустынею Пророка
Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.
Усталый, жаждою томимый,
Съ лица стирая кровь и потъ,
Гарунъ межъ скалъ аулъ родимый
При лунномъ свѣтѣ узнаетъ.
Подкрался онъ, никѣмъ незримый;
Кругомъ молчанье и покой.
Съ кровавой битвы невредимый
Лишь онъ одинъ пришелъ домой,
И къ саклѣ онъ спѣшитъ знакомой;
Тамъ блещетъ свѣтъ: хозяинъ—дома.
Скрѣпясь душой, какъ только могъ,
Гарунъ ступилъ черезъ порогъ.
Селима звалъ онъ прежде другомъ;
Селимъ пришельца не узналъ;
На ложѣ, мучимый недугомъ,
Одинъ, онъ молча умиралъ.
„Великъ Аллахъ! отъ злой отравы
Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
Велѣлъ беречь тебя для славы...
Что новаго?...“ спросилъ Селимъ,
Поднявъ слабѣющія вѣжды.
И взоръ блеснулъ огнемъ надежды,
И онъ привсталъ, и кровь бойца
Вновь разыгралась въ часъ конца.
—Два дня мы билися въ тѣснинѣ,
Отецъ мой палъ, и братья съ нимъ,
И скрылся я одинъ въ пустынѣ;
Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ,
Съ окровавлѐнными ногами
Отъ острыхъ камней и кустовъ,
Я шелъ безвѣстными тропами
По слѣду вепрей и волковъ.
Черкесы гибнутъ. Врагъ повсюду.
Прими меня, мой старый другъ,
И—вотъ Пророкъ!—твоихъ услугъ
Я до могилы не забуду.—
А умирающій въ отвѣтъ:
„Ступай, достоинъ ты презрѣнья!
Ни крова, ни благословенья
Здѣсь у меня для труса нѣтъ!“
Стыда и тайной муки полный,
Безъ гнѣва вытерпѣвъ упрекъ,

Ступилъ опять Гарунъ безмолвный
За непривѣтливый порогъ.
И саклю новую минуя,
На мигъ остановился онъ,
И прежнихъ дней летучій сонъ
Вдругъ обдалъ жаромъ поцѣлуя
Его холодное чело.
И стало сладко и свѣтло
Его душѣ; во мракѣ ночи,
Казалось, пламенныя очи
Блеснули ласково предъ нимъ;
И онъ подумалъ: „я любимъ,
Она лишь мной живетъ и дышитъ“...
И хочетъ онъ войти—и слышитъ...
И слышитъ пѣсню старины, —
И сталъ Гарунъ блѣднѣй луны.

„Мѣсяцъ плыветъ,
И тихъ и спокоенъ,
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритъ:
„Мой милый, смѣлѣе
Ввѣряйся ты року;
Молися Востоку,
Будь вѣренъ Пророку,
Будь славѣ вѣрнѣе.
Своимъ измѣнившій
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ.
Въ горахъ никого нѣтъ,
Кто бъ вынесъ позоръ,—
И труса прогонитъ
Красавица горъ!“

Главой поникнувъ, съ быстротою
Гарунъ свой продолжаетъ путь,
И крупная слеза порою
Съ рѣсницы падаетъ на грудь.
Но вотъ, отъ бури наклоненный,
Предъ нимъ родной бѣлѣетъ домъ;
Надеждой снова ободренный,
Гарунъ стучится подъ окномъ.
Тамъ, вѣрно, теплыя молитвы

Восходятъ къ небу за него;
Старуха-мать ждетъ сына съ битвы,
Но ждетъ его не одного.
„Мать, отвори! я странникъ бѣдной,
Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,
Сквозь пули русскія безвредно
Пришелъ къ тебѣ“...—Одинъ?—„Одинъ!“
—А гдѣ отецъ и братья?—„Пали.
Пророкъ ихъ смерть благословилъ,
И ангелы ихъ души взяли“.
—Ты отомстилъ?—„Не отомстилъ.
Но я стрѣлой пустился въ горы,
Оставилъ мечъ въ чужомъ краю,
Чтобы твои утѣшить взоры
И утереть слезу твою“.
—Молчи, молчи! гяуръ лукавой,
Ты умереть не могъ со славой!
Такъ удались, живи одинъ:
Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы,
Не омрачу я стары годы.
Ты рабъ и трусъ... а мнѣ не сынъ!—
Умолкло слово отверженья,
И все кругомъ объято сномъ.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго подъ окномъ,
И наконецъ ударъ кинжала
Пресѣкъ несчастнаго позоръ...
И мать по утру увидала
И хладно отвернула взоръ.
И трупъ, отъ праведныхъ изгнанный,
Никто къ кладбищу не отнесъ,
И кровь съ его глубокой раны
Лизалъ, рыча, домашній песъ.
Ребята малые ругались
Надъ хладнымъ тѣломъ мертвеца.
Въ преданьяхъ вольности остались
Позоръ и гибель бѣглеца.
Душа его отъ глазъ Пророка
Со страхомъ удалилась прочь,
И тѣнь его въ горахъ Востока
Понынѣ бродитъ въ темну ночь;
И подъ окномъ, поутру рано,
Онъ въ саклю просится, стуча;
Но, внемля громкій стихъ Корана,
Бѣжитъ опять подъ сѣнь тумана,
Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

373. Сказка для дѣтей.

1.

Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ,
И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ;
Поэты въ томъ виновны не совсѣмъ
(Хотя у многихъ стихъ не вовсе гладокъ).
И публика не права, между тѣмъ.
Кто виноватъ, кто правъ, ужъ я не знаю;
А самъ стиховъ давно я не читаю,—
Не потому, чтобъ не любилъ стиховъ,
А такъ: смѣшно жъ терять для звучныхъ строфъ
Златое время... Въ нашемъ вѣкѣ зрѣломъ,
Извѣстно вамъ, всѣ заняты мы дѣломъ.

2.

Стиховъ я не читаю, но люблю
Марать, шутя, бумаги листъ летучій.
Свой стихъ за хвостъ отважно я ловлю;
Я безъ ума отъ тройственныхъ созвучій
И влажныхъ риѳмъ, какъ, напримѣръ, на *ю*,
Вотъ почему пишу я эту сказку.
Ея волшебно-темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтобъ кой-какихъ допросовъ избѣжать;
Зато конецъ не будетъ безъ морали,
Чтобы ее хоть дѣти прочитали.

3.

Герой извѣстенъ, и не новъ предметъ.
Тѣмъ лучше: устарѣло все, что ново!
Кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ,
Я прежде пѣлъ про демона инова:
То былъ безумный, страстный, дѣтскій бредъ...
Богъ знаетъ, гдѣ завѣтная тетрадка?
Касается ль душистая перчатка
Ея листовъ, и слышно: c'est joli...
Иль мышь надъ ней старается въ пыли?
Но этотъ чортъ совсѣмъ иного сорта:
Аристократъ и не похожъ на чорта.

4.

Перенестись теперь прошу сейчасъ
За мною въ спальню. Розовыя шторы
Опущены; съ трудомъ лишь можетъ глазъ



Полетъ Фауста и Мефистофеля. Рисун. худ. М. А. Врубеля.

Слѣдить ковра восточные узоры.
Пріятный трепетъ вдругъ объемлетъ васъ,
И дѣвственнымъ дыханьемъ напоенный,
Огнемъ въ лицо вамъ пышетъ воздухъ сонный.
Вотъ ручка, вотъ плечо, и возлѣ нихъ,
На кисеѣ подушекъ кружевныхъ,
Рисуется младой, но строгій профиль...
И на него взираетъ Мефистофель.

5.

То былъ ли самъ великій сатана,
Иль мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечиновныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ, семейныхъ и любовныхъ,—
Не знаю! Еслибъ имъ была дана
Земная форма, по рогамъ и платью
Я могъ бы сволочь различить со знатью;

Но духъ... извѣстно, что такое духъ!—
Жизнь, сила, чувство, зрѣнье, голосъ, слухъ
И мысль—безъ тѣла, часто въ видахъ разныхъ
(Бѣсовъ вобще рисуютъ безобразныхъ).

6.

Но я не такъ всегда воображалъ
Врага святыхъ и чистыхъ побужденій.
Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно... И душа тоскою
Сжималася; и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался стихами!

7.

Оружіе отличное: врагамъ
Кидаете въ лицо вы эпиграммой...
Вамъ насолить захочется ль друзьямъ—
Пустите въ нихъ поэмой или драмой...
Но полно, къ дѣлу! Я сказалъ ужъ вамъ,
Что въ спальнѣ той таился хитрый демонъ.
Невиннымъ сномъ былъ тронутъ не совсѣмъ онъ;
Не мудрено: кипѣла въ немъ не кровь,
И понималъ иначе онъ любовь;
И рѣчь его коварныхъ искушеній
Была полна: вѣдь онъ не даромъ геній!

8.

„Не знаешь ты, кто я, но ужъ давно
Читаю я въ душѣ твоей; незримо,
Неслышно говорю съ тобою; но
Слова мои, какъ тѣнь, проходятъ мимо
Ребяческаго сердца, и оно
Дивится имъ спокойно и въ молчаньѣ.
Пускай! зачѣмъ тебѣ мое названье?
Ты съ ужасомъ отвергнула бъ мою
Безумную любовь. Но я люблю
По-своему... терпѣть и ждать могу я;
Не надо мнѣ ни ласкъ, ни поцѣлуя.

9.

Когда ты спишь, о ангелъ мой земной,
И шибко бьется дѣвственною кровью

Младая грудь подъ грезою ночной,
Знай: это я, склонившись къ изголовью,
Любуюся и говорю съ тобой,
И въ тишинѣ, наставникъ твой случайный,
Чудесныя разсказываю тайны...
А много было взору моему
Доступно и понятно потому,
Что узами земными я не связанъ
И вѣчностью и знаніемъ наказанъ...

10.

Тому назадъ еще не много лѣтъ,
Я пролеталъ надъ сонною столицей.
Кидала ночь свой странный полусвѣтъ;
Румяный западъ съ новою денницей
На сѣверѣ сливались, какъ привѣтъ
Свиданія съ моленіемъ разлуки;
Надъ городомъ таинственные звуки,
Какъ грѣшныхъ сновъ нескромныя слова,
Неясно раздавались, и Нева,
Межъ кораблей сверкая на просторѣ,
Журча, съ волной ихъ уносила въ море.

11.

Задумчиво столбы дворцовъ нѣмыхъ
По берегамъ тѣснилися, какъ тѣни,
И въ пѣнѣ водъ гранитныхъ крылецъ ихъ
Купалися широкія ступени:
Минувшихъ лѣтъ событій роковыхъ
Волна слѣды смывала роковые...
И улыбались звѣзды голубыя,
Глядя съ высотъ на гордый прахъ земли,
Какъ будто міръ достоинъ ихъ любви,
Какъ будто имъ земля небесъ дороже...
И я тогда... я улыбнулся тоже.

12.

И я кругомъ глубокій кинулъ взглядъ;
И увидалъ съ невольною отрадой
Преступный сонъ подъ сѣнію палатъ,
Корыстный трудъ предъ тощею лампадой
И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.
Я сталъ ловить блуждающіе звуки,
Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки:
То ликовалъ иль мучился порокъ!
Въ молитвахъ я подслушивалъ упрекъ,

Въ бреду любви—безстыдное желанье;
Вездѣ обманъ, безумство иль страданье!

13.

Но близъ Невы одинъ старинный домъ
Казался полнъ священной тишиною.
Все важностью наслѣдственною въ немъ
И роскошью дышало вѣковою:
Украшенъ былъ онъ княжескимъ гербомъ;
Изъ мрамора волнистаго колонны
Кругомъ тѣснились чинно, и балконы
Чугунные, воздушною семьей,
Межъ нихъ гордились дивною рѣзьбой;
И оконъ рядъ, всегда прозрачно-темныхъ,
Манилъ, пугая, взоръ очей нескромныхъ.

14.

Пора была, боярская пора!
Тѣснилась знать въ роскошные покои—
Былая знать минувшаго двора,
Забытыхъ дѣлъ померкшіе герои!
Музыкой тутъ гремѣли вечера,
Въ Невѣ дробился блескъ высокихъ оконъ,
Напудренный мелькалъ и вился локонъ,
И часто ножка съ краснымъ каблучкомъ
Давала знакъ условный подъ столомъ;
И старики, въ звѣздахъ и брилліантахъ,
Судили рѣзко о тогдашнихъ франтахъ.

15.

Тотъ вѣкъ прошелъ, и люди тѣ прошли,
Смѣнили ихъ другіе; родъ старинной
Перевелся; въ готической пыли
Портреты гордыхъ баръ, краса гостиной,
Забытые, тускнѣли; поросли
Дворы травой; и, блескъ смѣнивъ бывалой,
Сырая мгла и сумракъ длинной залой
Спокойно завладѣли... Тихій домъ
Казался пустъ, но жилъ хозяинъ въ немъ,
Старикъ худой и съ виду величавый,
Озлобленный на новый вѣкъ и нравы.

16.

Онъ ростомъ былъ двѣнадцати вершковъ;
Съ домашними былъ строгъ неумолимо;
Всегда молчалъ; ходилъ до двухъ часовъ,

Обѣдалъ, спалъ... да иногда, томимой
Безсонницей, собранье острыхъ словъ
Перебиралъ или читалъ Вольтера.
Какъ быть,—сильна къ преданьямъ въ людяхъ вѣра!...
Имѣлъ онъ дочь четырнадцати лѣтъ,
Но съ ней видался рѣдко: за обѣдъ
Она являлась въ фартучкѣ, съ мадамой,
Сидѣла чинно и держалась прямо.

17.

Всегда одна, запугана отцомъ
И англичанки строгостью небрежной,
Она росла, какъ ландышъ за стекломъ,
Или, скорѣй, какъ блѣдный цвѣтъ подснѣжной.
Она была стройна, но съ каждымъ днемъ
Съ ея лица сбѣгали жизни краски,
Задумчивѣй большіе стали глазки.
Покинувъ книжку скучную, она
Охотнѣе садилась у окна,—
И вдалекѣ мечты ея блуждали,
Пока ее играть не посылали.

18.

Тогда она сходила въ длинный залъ,
Но бѣгать въ немъ ей какъ то страшно было,
И какъ то странно дѣтскій шагъ звучалъ
Между колоннъ. Разрытою могилой
Надъ юной жизнью воздухъ тамъ дышалъ;
И въ зеркалахъ являлися предметы
Длиннѣе и безцвѣтнѣе, одѣты
Какой то мертвой дымкою; и вдругъ
Неясный шорохъ слышался вокругъ:
То загремитъ, то снова тише, тише...
(То были тѣни предковъ или мыши).

19.

И что жъ?—Она привыкла толковать
По-своему развалинъ говоръ странный,
И стала мысль горячая летать
Надъ блѣдною головкой и туманный,
Воздушный рой видѣній навѣвать.
Я съ ней не разлучался. Дѣтскій лепетъ
Подслушивать, невинной груди трепетъ
Слѣдить, ея дыханіемъ съ нѣмой,
Мучительной и жадною тоской,

Какъ жизнью, упиваться—это было
Смѣшно, но мнѣ такъ ново и такъ мило!

20.

Влюбился я... И точно хороша
Была не въ шутку маленькая Нина.
Нѣтъ, никогда свинецъ карандаша
Рафаэля иль кисти Перуджина
Не начертали, пламенемъ дыша,
Подобный профиль. Всѣ ея движенья
Особаго казались выраженья
Исполнены. Но съ самыхъ дѣтскихъ дней
Ея глаза не измѣняли ей,
Тая равно̀ надежду, радость, горе;
И было темно въ нихъ, какъ въ синемъ морѣ.

21.

Я понялъ, что душа ея была
Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ;
Ихъ чувствамъ повторяться не дано...
Такія души я любилъ давно
Отыскивать по свѣту на свободѣ:
Я самъ вѣдь былъ немножко въ этомъ родѣ!

22.

Ее смущали странныя мечты:
Порой она среди пустого зала
Сіянье, роскошь, музыку, цвѣты,
Толпу гостей и шумъ воображала;
Кипѣла кровь отъ душной тѣсноты;
На платьицѣ чудесные узоры
Виднѣлись ей; и вотъ гремѣли шпоры,
Къ ней кавалеръ незримый подходилъ
И въ мнимый вальсъ съ собою уносилъ;
И вотъ она кружилась въ вихрѣ бала
И, утомясь, на кресла упадала...

23.

И тутъ она, склонивъ лукавый взоръ,
И выставивъ едва примѣтно ножку,
Двусмысленный и темный разговоръ

Съ нимъ завести старалась понемножку.
Сначала былъ онъ веселъ и остеръ,
А иногда и черезчуръ небреженъ,
Но подъ конецъ зато какъ милъ и нѣженъ!...
Что дѣлать ей?—Притворно-строгій взглядъ
Его, какъ громъ, отталкивалъ назадъ...
А сердце билось въ ней такъ шибко, шибко,
И по устамъ змѣилася улыбка.

24.

Предъ зеркаломъ, бывало, цѣлый часъ
То волосы пригладитъ, то красивый
Цвѣтокъ пришпилитъ къ нимъ; движенью глазъ,
Головкѣ наклоненной видъ лѣнивый
Придавъ, стоитъ... и учится. Не разъ
Хотѣлось мнѣ совѣтъ ей дать лукавый,
Но умъ ея, и смѣтливый, и здравый,
Отгадывалъ все мигомъ самъ собой...
Такъ годы шли безмолвной чередой;
И вотъ насталъ тотъ возрастъ, о которомъ
Такъ пòлны ваши книги всякимъ вздоромъ.

25.

То былъ великій день: семнадцать лѣтъ!
Все, что досель таилось за рѣшеткой,
Теперь надменно явится на свѣтъ!
Старикъ-отецъ послалъ за старой теткой,
И съѣхались родные на совѣтъ.
Ихъ затруднилъ удачный выборъ бала;
Что, будетъ дворъ иль нѣтъ?—Иныхъ пугала
Застѣнчивость дикарки молодой;
Но очень тонко замѣчалъ другой,
Что это видъ ей дастъ оригинальный.
Потомъ нарядъ осматривали бальный.

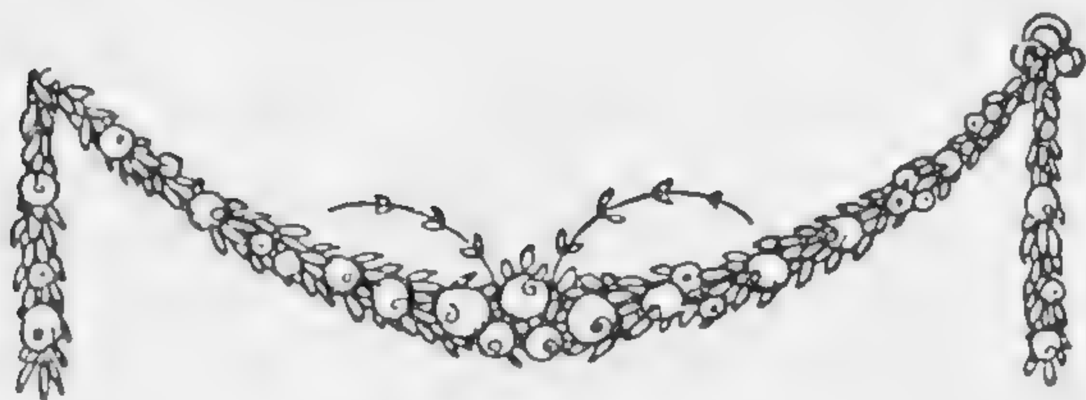
26.

Но вотъ насталъ и вечеръ роковой.
Она съ утра была, какъ въ лихорадкѣ,
Поплакала немножко; золотой
Браслетъ сломала; въ суетахъ перчатки
Разорвалà... Со страхомъ и тоской
Она въ карету сѣла и дорóгой
Была полна мучительной тревогой;
И, выходя, споткнулась на крыльцѣ,
И съ блѣдностью печальной на лицѣ

Вступила въ залу... Странный шопотъ встрѣтилъ
Ея явленье: свѣтъ ее замѣтилъ.

27.

Кипѣлъ, сіялъ ужъ въ полномъ блескѣ балъ.
Тутъ было все, что называютъ свѣтомъ...
Не я ему названье это далъ,
Хоть смыслъ глубокій есть въ названьѣ этомъ.
Своихъ друзей я тутъ бы не узналъ;
Улыбки, лица лгали такъ искусно,
Что даже мнѣ чуть-чуть не стало грустно.
Прислушаться хотѣлъ я, но едва
Ловилъ мой слухъ летучія слова,
Отрывки безыменныхъ чувствъ и мнѣній—
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній!“...
. . . .




1840 г.



Видъ Тарханъ.

374. Первое января.

Какъ часто, пестрою толпою окружонъ,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей,
Приличьемъ стянутыя маски;
Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ
Съ небрежной смѣлостью красавицъ городскихъ
Давно безтрепетныя руки,—
Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.
И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться,—памятью къ недавней старинѣ

Лечу я вольной, вольной птицей.
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится, и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.
И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою;
Я думаю о ней, я плачу и люблю,—
Люблю мечты моей созданье,
Съ глазами, полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сіянье.
Такъ, царства дивнаго всесильный господинъ,
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.
Когда жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою,
На праздникъ нѐзванную гостью,—
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!..

375. Казачья колыбельная пѣсня.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою!



Рисун. худ. А. Якимченко.

„Спи, младенецъ мой прекрасный,
баюшки-баю“.



Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.
Самъ узнаешь—будетъ время—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь съ виду
И козакъ душой.
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

376. Журналистъ, читатель и писатель.

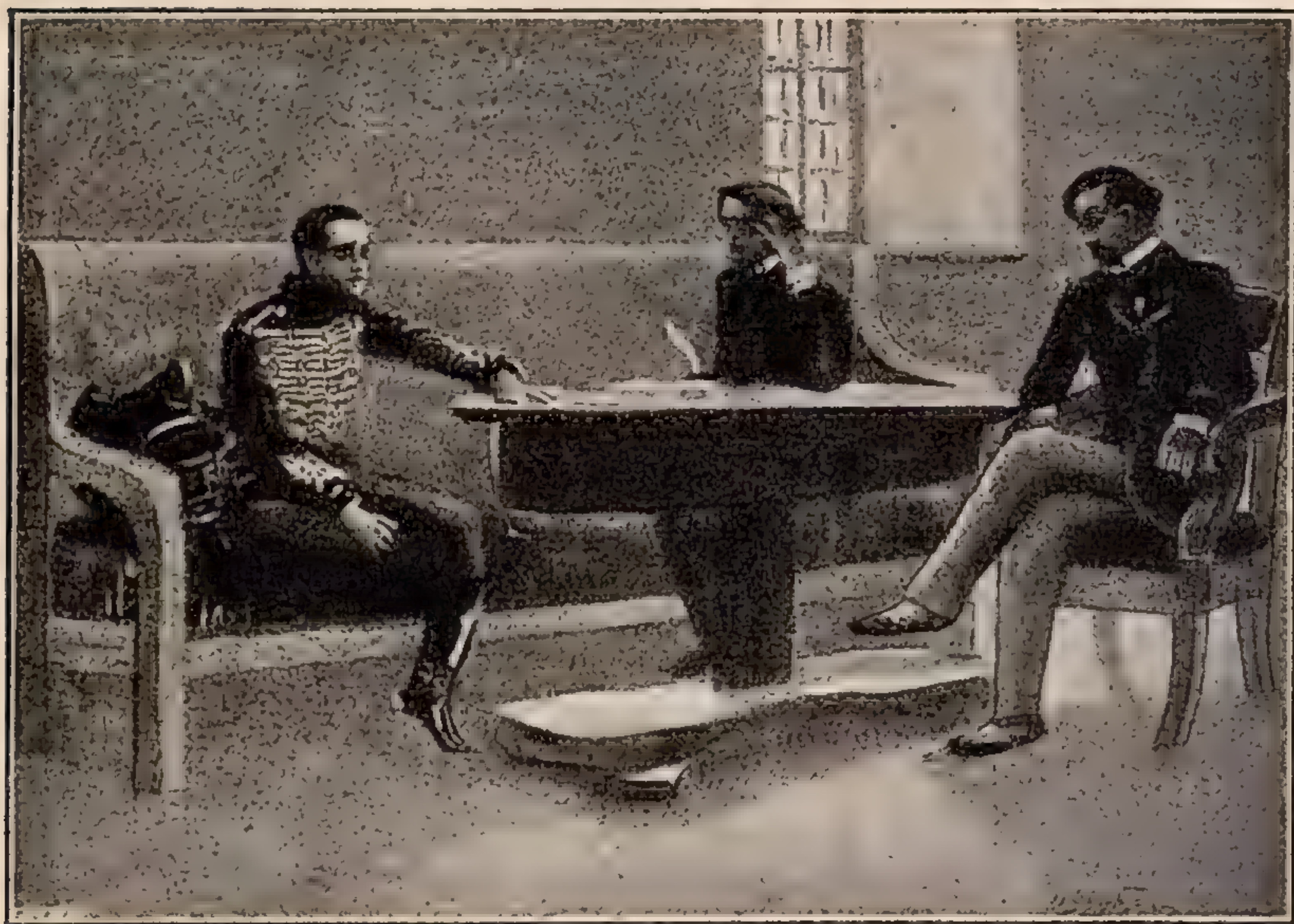
Les poëtes ressemblent aux ours qui se
nourrissent en suçant leur patte.
Inédit.

Комната писателя; опущенныя шторы. Онъ сидитъ въ большихъ креслахъ передъ каминомъ. Читатель, съ сигарой, стоитъ спиной къ камину. Журналистъ входитъ.

Журналистъ.

Я очень радъ, что вы больны:
Въ заботахъ жизни, въ шумѣ свѣта

Теряетъ скоро умъ поэта
Свои божественные сны.
Среди различныхъ впечатлѣній,
На мелочь душу размѣнявъ,
Онъ гибнетъ жертвой общихъ мнѣній.
Когда ему въ пылу забавъ
Обдумать зрѣлое творенье?
Зато, какая благодать,
Коль небо вздумаетъ послать
Ему изгнанье, заточенье
Иль даже долгую болѣзнь:
Тотчасъ въ его уединеньѣ



Журналистъ, читатель и писатель. Рисун. худ. М. А. Врубеля.

Раздастся сладостная пѣснь!
Порой влюбляется онъ страстно
Въ свою нарядную печаль...
Ну, что вы пишете? Нельзя ль
Узнать?

Писатель.

Да ничего...

Журналистъ.

Напрасно!

Писатель.

О чемъ писать? Востокъ и югъ
Давно описаны, воспѣты;
Толпу ругали всѣ поэты,

Хвалили всѣ семейный кругъ;
Всѣ въ небеса неслись душою,
Взывали съ тайною мольбою
Къ N. N., невѣдомой красѣ,
И страшно надоѣли всѣ.

Читатель.

И я скажу, нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть вашъ журналъ
(Онъ мнѣ ужъ руки обломалъ):
Во-первыхъ, сѣрая бумага,
Она, быть можетъ, и чиста,
Да какъ то страшно безъ перчатокъ...
Читаешь—сотни опечатокъ!
Стихи—такая пустота;
Слова безъ смыслу, чувства нѣту,
Натянутъ каждый оборотъ;
Притомъ—сказать ли по секрету?—
И въ риѳмахъ часто недочетъ.
Возьмешь ли прозу—переводъ.
А если вамъ и попадутся
Разсказы на родимый ладъ,
То, вѣрно, надъ Москвой смѣются
Или чиновниковъ бранятъ.
Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышатъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ...
Когда же на Руси безплодной,
Разставшись съ ложной мишурой,
Мысль обрѣтетъ языкъ простой
И страсти голосъ благородной?

Журналистъ.

Я точно то же говорю:
Какъ вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я,—
Прочтите критику мою.

Читатель.

Читалъ я. Мелкія нападки
На шрифтъ, виньетки, опечатки,
Намеки тонкіе на то,
Чего не вѣдаетъ никто.
Хотя бъ забавно было свѣту!...
Въ чернилахъ вашихъ, господа,

И желчи ѣдкой даже нѣту,
А просто грязная вода.

Журналистъ.

И съ этимъ надо согласиться.
Но вѣрьте мнѣ, душевно радъ
Я былъ бы вовсе не браниться,
Да какъ же быть?... меня бранятъ!
Войдите въ наше положенье!
Читаетъ насъ и низшій кругъ:
Нагая рѣзкость выраженья
Не всякій оскорбляетъ слухъ;
Приличье, вкусъ—все такъ условно;
А деньги всѣ вѣдь платятъ ровно!
Повѣрьте мнѣ: судьбою несть
Даны намъ тяжкія вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги,
И все зачѣмъ? Чтобъ вамъ сказать,
Что ихъ ненадобно читать!...

Читатель.

Зато какое наслажденье,
Какъ отдыхаетъ умъ и грудь,
Коль попадется какъ-нибудь
Живое, свѣтлое творенье!
Вотъ, напримѣръ, пріятель мой:
Владѣетъ онъ изряднымъ слогомъ,
И чувствъ и мыслей полнотой
Онъ одаренъ Всевышнимъ Богомъ.

Журналистъ.

Все это такъ, да вотъ бѣда:
Не пишутъ эти господа.

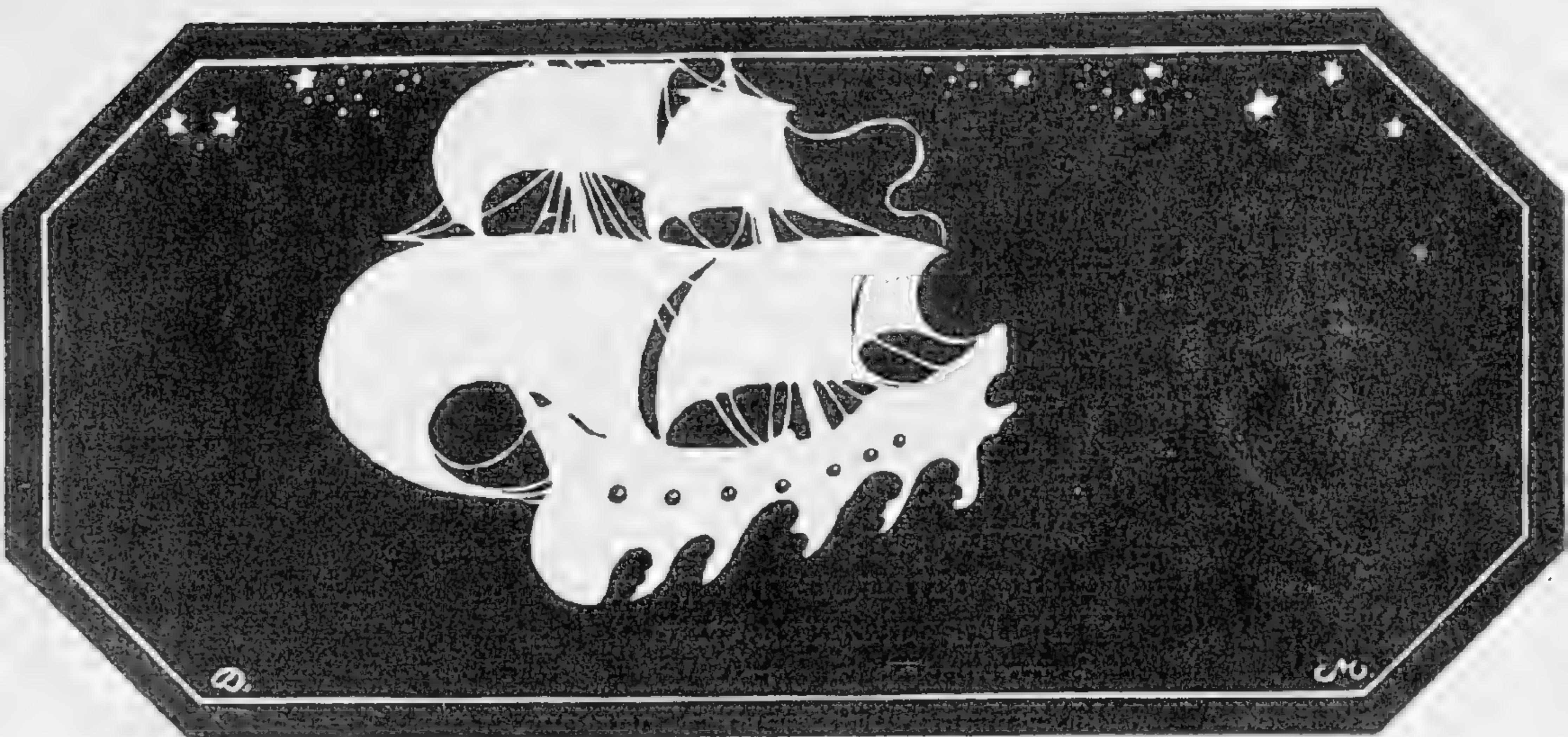
Писатель.

О чемъ писать?... Бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя,
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны.
И риѳмы дружныя, какъ волны
Журча, одна вослѣдъ другой
Несутся вольной чередой.
Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ проснувшейся едва:
На мысли, дышащія силой,

Какъ жемчугъ, нижутся слова...
Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.
Но эти странныя творенья
Читаетъ дома онъ одинъ,
И ими послѣ, безъ зазрѣнья,
Онъ затопляетъ свой каминъ.
Ужель ребяческія чувства,
Воздушный, безотчетный бредъ
Достойны строгаго искусства?
Ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ...
Бываютъ тягостныя ночи:
Безъ сна, горятъ и плачутъ очи,
На сердцѣ жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлетъ;
Невольно страхъ власы подъемлетъ,
Болѣзненный, безумный крикъ
Изъ груди рвется, и языкъ
Лепечетъ громко, безъ сознанья,
Давно забытыя названья;
Давно забытыя черты
Въ сіяньи прежней красоты
Рисуетъ память своевольно;
Въ очахъ любовь, въ устахъ обманъ,—
И вѣришь снова имъ невольно,
И какъ то весело и больно
Тревожить язвы старыхъ ранъ...
Тогда пишу.—Диктуетъ совѣсть,
Перомъ сердитый водитъ умъ:
То соблазнительная повѣсть
Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ;
Картины хладныя разврата,
Преданья глупыхъ юныхъ дней,
Давно, безъ пользы и возврата
Погибшихъ въ омутѣ страстей,
Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ,
Среди обманщицъ и невѣждъ,
Среди сомнѣній ложно-черныхъ
И ложно-радужныхъ надеждъ.
Судья безвѣстный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьемъ скрашенный порокъ
Я смѣло предаю позору;

Неумолимъ я и жестокъ...
Но, право, этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному взору
Я не рѣшуся показать...
Скажите жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь?
Чтобъ бранью назвали каварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойной
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О нѣтъ!—преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю!...

24 марта 1840 г.
Подъ арестомъ на Арсенальной гауптвахтѣ.



377. ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

(ИЗЪ ЦЕДЛИЦА).

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.
Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И молча въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.
Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели
И бури ему ни по чемъ.
Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ,
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.
Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.
И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,

Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.
Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.
Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.
Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.
И только что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ,
И очи пылаютъ огнемъ.
На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.
Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.
И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.
И топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:
Зоветъ онъ любезнаго сына—
Опору въ превратной судьбѣ,
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только себѣ.
Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ...
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ.
Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

378. И скучно, и грустно.

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!
Любить... но кого же?... На время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь,—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда;
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...
Что страсти?—вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка...
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка!...

379. Ребенку.

О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если бъ знало ты, какъ я тебя люблю!
Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя,
И быстрые глаза, и кудри золотыя,
И звонкій голосокъ!—Не правда ль, говорятъ,
Ты на нее похожъ?—Увы! года летятъ;
Страданія ее до срока измѣнили,
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошенныя ласки?
Не слишкомъ часто ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла ль?
Смотри жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ...
Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала,
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней,—скажи, тебя она

Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой?...
Не вспоминай его... Что имя?—звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если, какъ-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его,—ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

380. Отчего.

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

381. Благодарность.

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей,
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ.
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

382. Изъ Гёте.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

383. Сосна.

(ИЗЪ ГЕЙНЕ).

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна
И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.



Картина худ. И. И. Шишкина. *Сосна.*





ТУЧИ

384.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.
Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?
Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Апрѣль, 1840 г.

385. Любовь мертвеца.

Пускай холодною землею
Засыпанъ я,
О, другъ! всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя.

Любви безумнаго томленья,
    Жилецъ могилъ,
Въ странѣ покоя и забвенья
    Я не забылъ.
Безъ страха въ часъ послѣдней муки
    Покинувъ свѣтъ,
Отрады ждалъ я отъ разлуки,—
    Разлуки нѣтъ!
Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ
    И тосковалъ,
Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
    Не узнавалъ.
Что̀ мнѣ сіянье Божьей власти
    И рай святой?
Я перенесъ земныя страсти
    Туда съ собой:
Ласкаю я мечту родную
    Вездѣ одну;
Желаю, плачу и ревную,
    Какъ въ старину.
Коснется ль чуждое дыханье
    Твоихъ ланитъ,—
Душа моя въ нѣмомъ страданьѣ
    Вся задрожитъ;
Случится ль, шепчешь, засыпая,
    Ты о другомъ,—
Твои слова текутъ, пылая,
    По мнѣ огнемъ.
Ты не должна любить другова,
    Нѣтъ, не должна;
Ты мертвецу святыней слова
    Обручена.
Увы! твой страхъ, твои моленья—
    Къ чему онѣ?
Ты знаешь,—мира и забвенья
    Не надо мнѣ!

...ань.

...[illegible]
...[illegible]
...[illegible]
...[illegible]
...[illegible]
...[illegible]
...[illegible]
...[illegible]
...[illegible]

...[illegible]
...[illegible]
...[illegible]
...[illegible]
...[illegible]
...[illegible] и одним,
...[illegible]
...[illegible]
...[illegible]

...к дворцу высокой
...зелёный сад,
...[illegible] его широка
...[illegible] виноград,
...[illegible]
...[illegible]
...[illegible]
...[illegible]
...и пробуждал...—

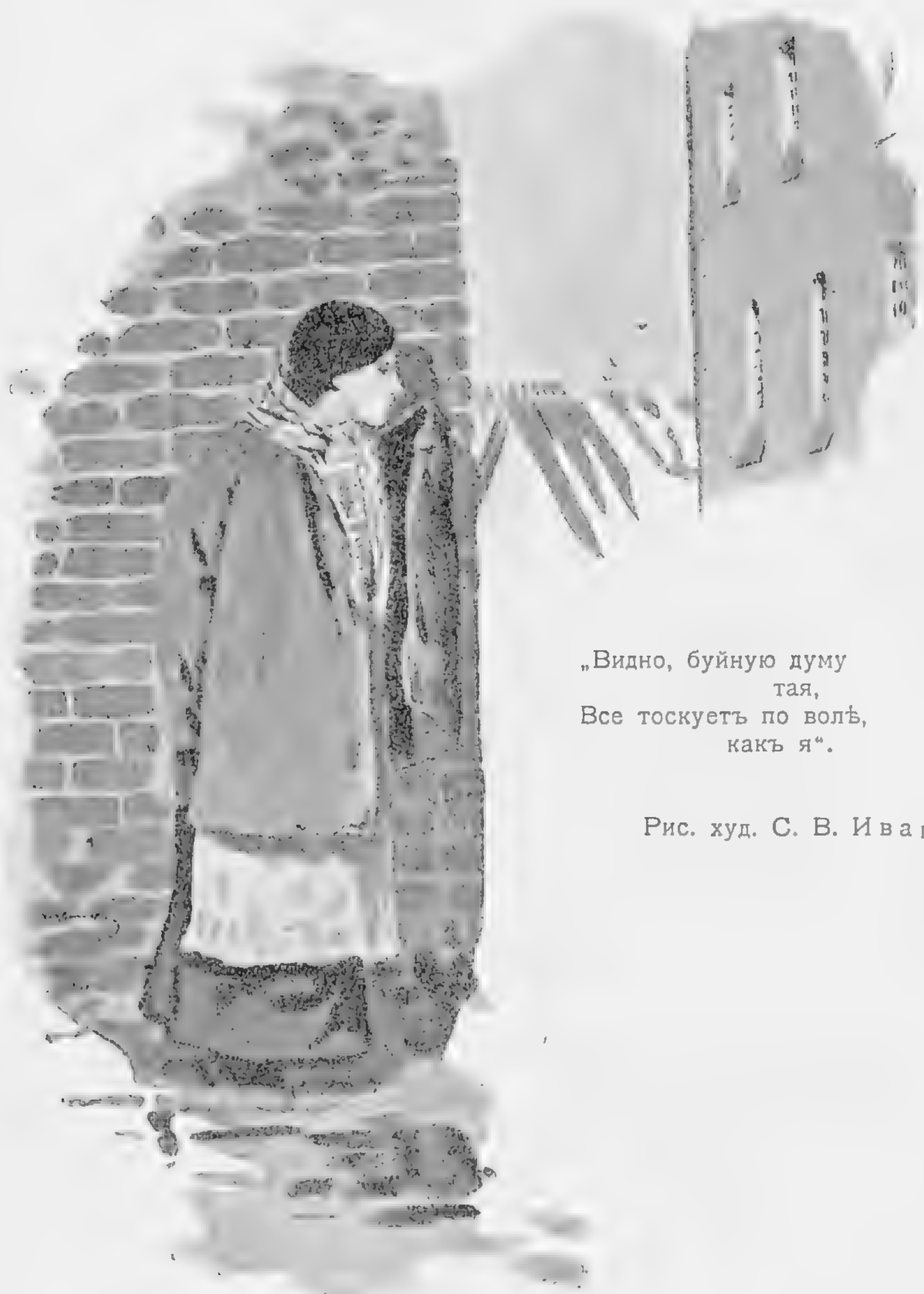
На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета как ризой она.
И снится ей все, что в пустыне далекой
В том крае, где солнца восход
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет..

386. Марьѣ Павловнѣ Соломирской.

Надъ бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читаетъ на воротахъ рая
Узоры надписи святой;
И часто тайную отраду
Находитъ мукѣ неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.
Такъ, разбирая въ заточеньѣ
Досель мнѣ чуждыя черты,
Я былъ свободенъ на мгновенье
Могучей волею мечты.
Залогомъ вольности желанной,
Лучомъ надежды въ морѣ бѣдъ
Мнѣ сталъ тогда вашъ безыменной,
Но вѣчно-памятный привѣтъ.

387. Плѣнный рыцарь.

Молча сижу подъ окошкомъ темницы.
Синее небо отсюда мнѣ видно:
Въ небѣ играютъ все вольныя птицы...
Глядя на нихъ, мнѣ и больно, и стыдно.
Нѣтъ на устахъ моихъ грѣшной молитвы,
Нѣту ни пѣсни во славу любезной;
Помню я только старинныя битвы,
Мечъ мой тяжелый да панцырь желѣзной.
Въ каменный панцырь я нынѣ закованъ,
Каменный шлемъ мою голову давитъ,
Щитъ мой отъ стрѣлъ и меча заколдованъ,
Конь мой бѣжитъ, и никто имъ не правитъ.
Быстрое время—мой конь неизмѣнный,
Шлема забрало—рѣшетка бойницы,
Каменный панцырь—высокія стѣны,
Щитъ мой—чугунныя двери темницы.
Мчись же быстрѣе, летучее время!
Душно подъ новой бронею мнѣ стало!
Смерть, какъ пріѣдемъ, поддержитъ мнѣ стремя;
Слѣзу, и сдерну съ лица я забрало.



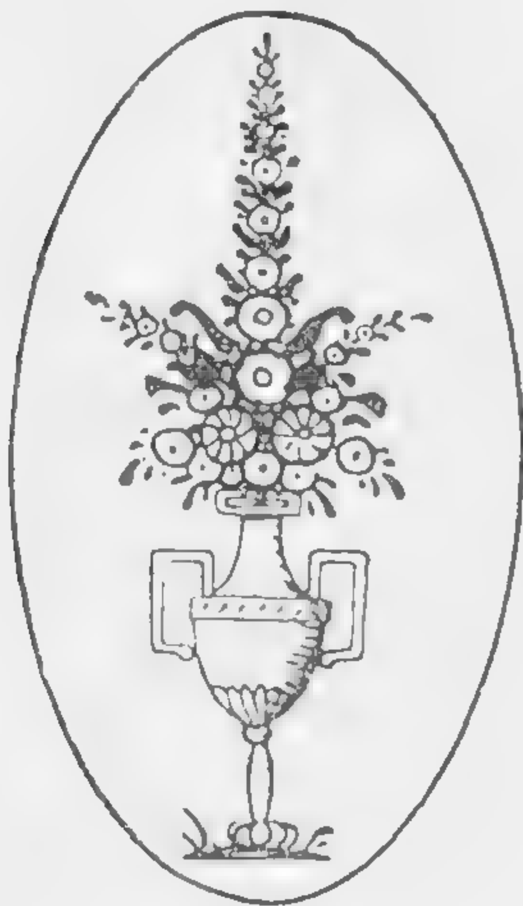
„Видно, буйную думу
тая,
Все тоскуетъ по волѣ,
какъ я".

Рис. худ. С. В. Иванова.

388. Сосѣдка.

Не дождаться мнѣ видно свободы!...
А тюремные дни будто годы,
И окно высоко̀ надъ землей,
А у двери стоитъ часовой.
Умереть бы ужъ мнѣ въ этой клѣткѣ,
Кабы не было милой сосѣдки...
Мы проснулись сегодня съ зарей,—
Я кивнулъ ей слегка головой.
Разлучивъ, насъ сдружила неволя,
Познакомила общая доля,

Природнило желанье одно,
Да съ двойною рѣшеткой окно.
    У окна лишь поутру я сяду,
Волю дамъ ненасытному взгляду...
Вотъ напротивъ окошечко стукъ—
Занавѣска подымется вдругъ.
    На меня посмотрѣла плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А съ плеча, будто сдулъ вѣтерокъ,
Полосатый скатился платокъ.
    Но блѣдна ея грудь молодая,
Но сидитъ она, долго вздыхая,—
Видно, буйную думу тая,
Все тоскуетъ по волѣ, какъ я.
    Не грусти, дорогая сосѣдка...
Захоти лишь,—отворится клѣтка,
И, какъ Божіи птички, вдвоемъ
Мы въ широкое поле порхнемъ.
    У отца ты ключи мнѣ украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь;
А ужъ съ тѣмъ, что поставленъ къ дверямъ,
Постараюсь я справиться самъ.
    Избери только ночь потемнѣе,
Да отцу дай вина похмельнѣе,
Да повѣсь, чтобы вѣдать я могъ,
На окно полосатый платокъ.





А. О. Смирнова.

389. Александрѣ Осиповнѣ Смирновой.

Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ—я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго,—
И я въ смущенiи молчу.
Что жъ дѣлать?... Рѣчью неискусной
Занять вашъ умъ мнѣ не дано...
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

390. Къ портрету.

(ГР. А. К. ВОРОНЦОВОЙ-ДАШКОВОЙ).

Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва,
Нарядна, какъ бабочка лѣтомъ;
Значенья пустого слова
Въ устахъ ея полны привѣтомъ.
Ей нравиться долго нельзя,—
Какъ цѣпь, ей несносна привычка;
Она ускользнетъ, какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится, какъ птичка.
Таитъ молодое чело—
По волѣ—и радость, и горе;
Въ глазахъ, какъ на небѣ, свѣтло,
Въ душѣ ея тёмно, какъ въ морѣ.
То истиной дышитъ въ ней все,
То все въ ней притворно и ложно;
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

391. [Кн. Марьѣ Алексѣевнѣ Щербатовой].

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла.
Но юга родного
На ней сохранились примѣты
Среди ледяного,
Среди безпощаднаго свѣта.
Какъ ночи Украйны
Въ мерцаніи звѣздъ незакатныхъ,
Исполнены тайны
Слова ея устъ ароматныхъ.
Прозрачны и сини,
Какъ небо тѣхъ странъ, ея глазки;
Какъ вѣтеръ пустыни,
И нѣжатъ, и жгутъ ея ласки.
И зрѣющей сливы
Румянецъ на щечкахъ пушистыхъ,
И солнца отливы
Играютъ въ кудряхъ золотистыхъ.
И, слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,

Въ надежду на Бога
Хранитъ она дѣтскую вѣру.
Какъ племя родное,
У чуждыхъ опоры не проситъ,
И въ гордомъ покоѣ
Насмѣшку и зло переноситъ.
Отъ дѣтскаго взора
Въ ней страсти не вспыхнутъ пожаромъ,
Полюбитъ не скоро,
Зато не разлюбитъ ужъ даромъ.

392. Въ альбомъ автору „Курдюковой“.

(ИВ. ПЕТР. МЯТЛЕВУ).

На нашихъ дамъ морозныхъ
Съ досадой я смотрю,
Угрюмыхъ и серьезныхъ
Фигуръ ихъ не терплю.
Вотъ дама Курдюкова!
Ея разсказъ такъ милъ,
Я отъ слова до слова
Его бы затвердилъ.
Мой умъ скакалъ за нею,
И часто былъ готовъ
Я броситься на шею
Къ madame de-Курдюковъ.

393. Изъ альбома

СОФЬИ НИКОЛАЕВНЫ КАРАМЗИНОЙ.

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы,
И бури тайныя страстей.
Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязной
И оглушающій языкъ.
Люблю я больше годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру—ясную погоду,
Подъ вечеръ—тихій разговоръ...
Люблю я разговоры ваши
И „ха-ха-ха“ и „хи-хи-хи!“
Смирновой штучки, фарсы Саши
И Ишки Мятлева стихи.



Гр. Е. П. Ростопчина.

394. Графинѣ Ростопчиной.

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули тѣ же сны.
Но что жъ?—Отъ цѣли благородной
Оторванъ бурею страстей,
Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вѣчную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать,
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную ввѣрять...
Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
Въ пустынѣ моря голубой;
Ихъ гонитъ вмѣстѣ вѣтеръ южной,
Но ихъ разрознитъ гдѣ-нибудь

Утеса каменная грудь...
И полны холодомъ привычнымъ,
Онѣ несутъ брегамъ различнымъ,
Безъ сожалѣнья и любви,
Свой ропотъ сладостный и томный,
Свой бурный шумъ, свой блескъ заемный
И ласки вѣчныя свои.

395. Завѣщаніе.

Наединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть:
На свѣтѣ мало, говорятъ,
Мнѣ остается жить!
Поѣдешь скоро ты домой;
Смотри жъ... Да что! моей судьбой,
Сказать по правдѣ, очень
Никто не озабоченъ.
А если спроситъ кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросилъ,—
Скажи имъ, что навылетъ въ грудь
Я пулей раненъ былъ;
Что умеръ честно за царя,
Что плохи наши лѣкаря,
И что родному краю
Поклонъ я посылаю.
Отца и мать мою едва-ль
Застанешь ты въ живыхъ...
Признаться, право, было бъ жаль
Мнѣ опечалить ихъ;
Но если кто изъ нихъ и живъ,
Скажи, что я писать лѣнивъ,
Что полкъ въ походъ послали,
И чтобъ меня не ждали.
Сосѣдка есть у нихъ одна...
Какъ вспомнишь, какъ давно
Разстались... Обо мнѣ она
Не спроситъ... Все равно,
Ты разскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалѣй;
Пускай она поплачетъ...
Ей ничего не значитъ!

396. * * *.

Есть рѣчи—значенье
Темно иль ничтожно,

Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.
    Какъ полны ихъ звуки
Безумствомъ желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья.
    Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірскова
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово;
    Но въ храмѣ, средь боя,
И гдѣ я ни буду,
Услышавъ, его я
Узнаю повсюду;
    Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу,
И брошусь изъ битвы
Ему я навстрѣчу.

397. A madame Hommaire de Hell.

    Près d'un bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant,
Tout dénudé par les vents d'autan,
Je m'assois, fatigué, sur la route.
Attentif, longuement, j'écoute
La grande voix du silence.
De loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement,
Son tiède parfum distillant.
Elle vient à moi en courant;
Puis disparaît subitement,
Et se perd dans la nuit sombre.
C'est la poussière qui poudroie,
Un tas de feuilles qui tournoie;
La chaude bouffée qu'exhalait
Le vent parfumé de la nuit,
En s'avançant á petit bruit,
Un serpent glissait sur les galets.
Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse.
Las d'attendre, je m'endors soudain.
Tout à coup, tremblant, je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Son pied effleurait le mien.

Mischor. 28 Octobre 1840.



„Онъ машетъ, кличетъ... Гдѣ отважный?“ Рисун. худ. С. В. Иванова.

398. Валерикъ.

Я къ вамъ пишу случайно; право,
Не знаю, какъ и для чего.
Я потерялъ ужъ это право.
И что скажу вамъ?—Ничего!...
Что помню васъ?—Но, Боже правый!
Вы это знаете давно,
И вамъ, конечно, все равно.
И знать вамъ также нѣту нужды,
Гдѣ я? что я? въ какой глуши?
Душою мы другъ другу чужды,—
Да врядъ ли есть родство души!...
Страницы прошлаго читая,
Ихъ по порядку разбирая
Теперь остынувшимъ умомъ,
Разувѣряюсь я во всемъ.
Смѣшно же сердцемъ лицемѣрить
Передъ собою столько лѣтъ:
Добро бъ еще морочить свѣтъ!

Да и притомъ, что пользы вѣрить
Тому, чего ужъ больше нѣтъ?...
Безумно ждать любви заочной!
Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ;
Но я васъ помню,—да и точно,
Я васъ никакъ забыть не могъ!
Во-первыхъ, потому, что много
И долго, долго васъ любилъ,
Потомъ страданьемъ и тревогой
За дни блаженства заплатилъ,
Потомъ въ раскаяньи безплодномъ



Перестрѣлка въ горахъ Кавказа. Рисун. М. Ю. Лермонтова.

Влачилъ я цѣпь тяжелыхъ лѣтъ,
И размышленіемъ холоднымъ
Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ...
Съ людьми сближаясь осторожно,
Забылъ я шумъ младыхъ проказъ,
Любовь, поэзію... но васъ
Забыть мнѣ было невозможно.
И къ мысли этой я привыкъ,
Мой крестъ несу я безъ роптанья:
То иль другое наказанье—
Не все ль одно?... Я жизнь постигъ.
Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ,
За все я равно благодаренъ;
У Бога счастья не прошу

И молча зло переношу;
Быть можетъ, небеса Востока
Меня съ ученьемъ ихъ Пророка
Невольно сблизили. Притомъ
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы, ночь и днемъ,
Все, размышленію мѣшая,
Приводитъ въ первобытный видъ
Больную душу; сердце спитъ,
Простора нѣтъ воображенью,
И нѣтъ работы головѣ...
Зато лежишь въ густой травѣ
И дремлешь подъ широкой тѣнью
Чинаръ иль виноградныхъ лозъ.
Кругомъ бѣлѣются палатки;
Казачьи тощія лошадки
Стоятъ рядкомъ, повѣся носъ;
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цѣпь стоитъ вдали;
Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
Вотъ разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ ходили
Въ Чечню, въ Аварію, къ горамъ,
Какъ тамъ дрались, какъ мы ихъ били,
Какъ доставалося и намъ.
И вижу я неподалеку,
У рѣчки, слѣдуя Пророку,
Мирной татаринъ свой намазъ
Творитъ, не подымая глазъ;
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе.
Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ,
Подобный цвѣту наговицъ,
Ихъ шапки, рукава худые,
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.
Чу!—дальній выстрѣлъ... прожужжала
Шальная пуля... Славный звукъ!...
Вотъ крикъ—и снова все вокругъ
Затихло... Но жара ужъ спала;
Ведутъ коней на водопой,
Зашевелилася пѣхота;
Вотъ проскакалъ одинъ, другой...
Шумъ, говоръ... „Гдѣ вторая рота?"—
„Что? вьючить?"—„Что же капитанъ?"—

„Повозки подвигайте живо!“—
„Савельичъ!...“—„Ой ли?“—„Дай огниво!“—
Подъемъ ударилъ барабанъ,
Гудитъ музыка полковая;
Между колоннами въѣзжая,
Звенятъ орудья; генералъ
Впередъ со свитой поскакалъ...
Разсыпались въ широкомъ полѣ,
Какъ пчелы, съ гикомъ козаки;
Ужъ показалися значки



Перестрѣлка въ горахъ Кавказа. Рисун. М. Ю. Лермонтова.

Тамъ, на опушкѣ—два и болѣ;
А вотъ въ чалмѣ одинъ мюридъ
Въ черкескѣ красной ѣздитъ важно,
Конь свѣтло-сѣрый весь кипитъ;
Онъ машетъ, кличетъ... Гдѣ отважный?
Кто выйдетъ съ нимъ на смертный бой?...
Сейчасъ... Смотрите: въ шапкѣ черной
Козакъ пустился гребенской,
Винтовку выхватилъ проворно,
Ужъ близко... выстрѣлъ... легкій дымъ...
„Эй вы, станичники, за нимъ!“...—
„Что? раненъ?“—„Ничего! бездѣлка!“...—
И завязалась перестрѣлка...

Но въ этихъ сшибкахъ удалыхъ
Забавы много, толку мало:
Прохладнымъ вечеромъ, бывало,
Мы любовалися на нихъ
Безъ кровожаднаго волненья,
Какъ на трагическій балетъ.
Зато видалъ я представленья,
Какихъ у васъ на сценѣ нѣтъ...
Разъ—это было подъ Гехами—
Мы проходили темный лѣсъ,
Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркій сводъ небесъ.
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокой.
Изъ горъ Ичкеріи далекой
Уже въ Чечню на бранный зовъ
Толпы стекались удальцовъ.
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ,
И дымъ ихъ то вился столбомъ,
То разстилался облаками;
И оживилися лѣса:
Скликались дико голоса
Подъ ихъ зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обозъ
Въ поляну,—дѣло началось.
Чу! въ арьергардъ орудье просятъ;
Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ,
Вотъ тащатъ за ноги людей
И кличутъ громко лѣкарей...
И вотъ изъ лѣса, изъ опушки,
Вдругъ съ гикомъ кинулись на пушки...
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ... Впереди же
Все тихо... Тамъ между кустовъ
Бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе;
Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись,—молчатъ...
Но вотъ, надъ бревнами завала
Ружье какъ будто заблистало,
Потомъ мелькнуло шапки двѣ,—
И вновь все спряталось въ травѣ.
То было грозное молчанье!..
Не долго длилося оно.
Но въ этомъ страшномъ ожиданьѣ
Забилось сердце не одно.
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ рядами...

Что нужды?—Здѣшніе полки
Народъ испытанный... „Въ штыки!
Дружнѣе!“—раздалось за нами.
Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди...
Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня...
„Ура!“—и смолкло.—„Вонъ кинжалы!...
Въ приклады!“... И пошла рѣзня.
И два часа въ струяхъ потока



Валерикъ. Рисун. кн. Г. Г. Гагарина.

Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь;
Ручей тѣлами запрудили.
Хотѣлъ воды я зачерпнуть,—
И зной, и битва утомили
Меня,—но мутная волна
Была тепла, была красна...
　　На берегу, подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ первый рядъ,
Стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ
Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слезы капали съ рѣсницъ,
Покрытыхъ пылью. На шинели,

Спиною къ дереву, лежалъ
Ихъ капитанъ. Онъ умиралъ;
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно. Онъ шепталъ:
„Спасите, братцы! тащатъ въ горы...
Постойте! гдѣ же генералъ?...
Не слышу“... Долго онъ стоналъ,
Но все слабѣй, и понемногу
Затихъ—и душу отдалъ Богу.
На ружья опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали... Потомъ
Его останки боевые
Накрыли бережно плащомъ
И понесли... Тоской томимый,
Имъ вслѣдъ смотрѣлъ я, недвижимый.
Межъ тѣмъ, товарищей, друзей
Со вздохомъ возлѣ называли;
Но не нашелъ въ душѣ моей
Я сожалѣнья, ни печали.
Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу; кровь текла
Струею дымной по каменьямъ,—
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ,
А тамъ, вдали, грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ,
Тянулись горы, и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?...
Галубъ прервалъ мое мечтанье,
Ударивъ по пчечу,—онъ былъ
Кунакъ мой. Я его спросилъ,

Какъ мѣсту этому названье?
Онъ отвѣчалъ мнѣ; „Валерикъ,—
А перевесть на вашъ языкъ,
Такъ будетъ—рѣчка смерти; вѣрно,
Дано старинными людьми!“—
„А сколько ихъ дралось примѣрно
Сегодня?“—„Тысячъ до семи“.—
„А много горцы потеряли?“—
„Какъ знать? зачѣмъ вы не считали?“—
„Да, будетъ,—кто-то тутъ сказалъ,—
Имъ въ память этотъ день кровавой“.



Валерикъ. Рисун. М. Ю. Лермонтова.

Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво,
И головою покачалъ...
Но я боюся вамъ наскучить.
Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны
Тревоги дикія войны;
Свой умъ вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о концѣ;
На вашемъ молодомъ лицѣ
Слѣдовъ заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Какъ умираютъ. Дай вамъ Богъ

И не видать: иныхъ тревогъ
Довольно есть. Въ самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь,
И безпробуднымъ сномъ заснуть
Съ мечтой о близкомъ пробужденьи?
Теперь прощайте!—Если васъ
Мой безыскусственный разсказъ
Развеселитъ, займетъ хоть малость,—
Я буду счастливъ; а не такъ,—
Простите мнѣ его, какъ шалость,
И тихо молвите: „чудакъ!"...





Воскресающій Наполеонъ. Рисун. Вернэ.

399. Послѣднее новоселье.

1.

Межъ тѣмъ какъ Франція, среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій
Въ изгнаньи мрачномъ и цѣпяхъ;

2.

Межъ тѣмъ какъ міръ услужливой хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ,—

3.

Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе сихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты жалкій и пустой народъ!

4.

Ты жалокъ потому, что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній,
Тобой растоптано въ пыли.

5.

Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности—орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча.

6.

Ты погибалъ! И онъ явился съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ.

7.

И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ.

8.

Одинъ онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ степяхъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.

9.

А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть избранную, какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!

10.

Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,



Наполеонъ на островѣ св. Елены. Рисун. худ. Л. О. Пастернака.

Какъ женщина, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали его.

11.

Лишенный правъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ,
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ родного сына,—
Вы сына выдали врагамъ!

12.

Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ,
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ.

13.

Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ
Зарытъ наемною рукой...

14.

Но годы протекли,—и вѣтреное племя
Кричитъ: „Подайте намъ священный этотъ прахъ!
Онъ нашъ! Его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!“

15.

И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ,
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Останки тлѣнные кладутъ.

16.

Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И, краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!

17.

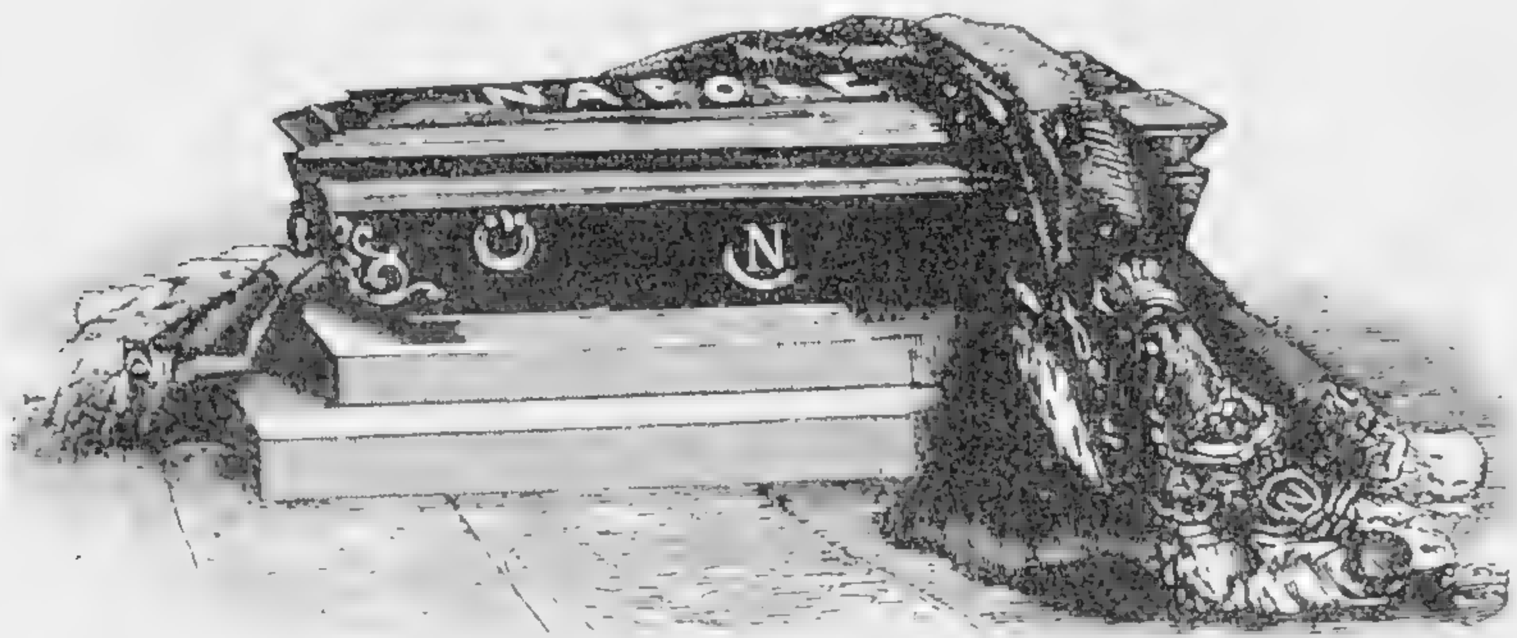
И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно, столько лѣтъ спокойствія и сна!

18.

И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!

19.

Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!





400.

Вкушая, вкусихъ мало меда, и се азъ умираю.

I Книга Царствъ.

1.

Не много лѣтъ тому назадъ.
Тамъ, гдѣ сливаяся шумятъ,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Былъ монастырь. Изъ-за горы
И нынче видитъ пѣшеходъ
Столбы обрушенныхъ воротъ,
И башни, и церковный сводъ;
Но не курится ужъ подъ нимъ
Кадильницъ благовонный дымъ,
Не слышно пѣнье въ поздній часъ
Молящихъ иноковъ за насъ.
Теперь одинъ старикъ сѣдой,
Развалинъ стражъ полуживой,
Людьми и смертію забытъ,
Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,
Которыхъ надпись говоритъ
О славѣ прошлой и о томъ,
Какъ, удрученъ своимъ вѣнцомъ,
Такой то царь, въ такой то годъ,
Вручалъ Россіи свой народъ.
И Божья благодать сошла
На Грузію! Она цвѣла

Съ тѣхъ поръ въ тѣни своихъ садовъ,
Не опасаяся враговъ
За гранью дружескихъ штыковъ.

2.

Однажды русскій генералъ
Изъ горъ къ Тифлису проѣзжалъ;
Ребенка плѣннаго онъ везъ.
Тотъ занемогъ, не перенесъ
Трудовъ далекаго пути.
Онъ былъ, казалось, лѣтъ шести;
Какъ серна горъ, пугливъ и дикъ,
И слабъ и гибокъ, какъ тростникъ;
Но въ немъ мучительный недугъ
Развилъ тогда могучій духъ
Его отцовъ. Безъ жалобъ онъ
Томился, даже слабый стонъ
Изъ дѣтскихъ губъ не вылеталъ;
Онъ знакомъ пищу отвергалъ
И тихо, гордо умиралъ.
Изъ жалости одинъ монахъ
Больного призрѣлъ, и въ стѣнахъ
Хранительныхъ остался онъ,
Искусствомъ дружескимъ спасенъ.
Но, чуждъ ребяческихъ утѣхъ,
Сначала бѣгалъ онъ отъ всѣхъ,
Бродилъ безмолвенъ, одинокъ,
Смотрѣлъ вздыхая на востокъ,
Томимъ неясною тоской
По сторонѣ своей родной.
Но послѣ къ плѣну онъ привыкъ,
Сталъ понимать чужой языкъ,
Былъ окрещенъ святымъ отцомъ,
И, съ шумнымъ свѣтомъ незнакомъ,
Уже хотѣлъ во цвѣтѣ лѣтъ
Изречь монашескій обѣтъ;
Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
Осенней ночью. Темный лѣсъ
Тянулся по горамъ кругомъ.
Три дня всѣ поиски по немъ
Напрасны были; но потомъ
Его въ степи безъ чувствъ нашли
И вновь въ обитель принесли.
Онъ страшно блѣденъ былъ, и худъ,
И слабъ, какъ будто долгій трудъ,
Болѣзнь иль голодъ испыталъ.

Рисун. худ. Л. О. Пастернака.

„И, гордо выслушавъ, больной
Привсталъ, собравъ остатокъ силъ,
И долго такъ онъ говорилъ...“





„Смотрѣлъ, вздыхая, на востокъ“. Рисун. худ. Л. О. Пастернака.

Онъ на допросъ не отвѣчалъ,
И съ каждымъ днемъ примѣтно вялъ,
И близокъ сталъ его конецъ.
Тогда пришелъ къ нему чернецъ
Съ увѣщеваньемъ и мольбой.
И, гордо выслушавъ, больной
Привсталъ, собравъ остатокъ силъ,
И долго такъ онъ говорилъ:

3.

„Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ,—благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь;
Но людямъ я не дѣлалъ зла,
И потому мои дѣла
Не много пользы вамъ узнать,—
А душу можно ль разсказать?
Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.

Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ бы, если бъ могъ.
Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю.

4.

Старикъ! я слышалъ много разъ,
Что ты меня отъ смерти спасъ.
Зачѣмъ?.. Угрюмъ и одинокъ,
Грозой оторванный листокъ,
Я выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
Душой дитя, судьбой монахъ.
Я никому не могъ сказать
Священныхъ словъ „отецъ“ и „мать“.
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ..
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ,—могилъ!
Тогда, пустыхъ не тратя слезъ,
Въ душѣ я клятву произнесъ;
Хотя на мигъ, когда-нибудь,
Мою пылающую грудь
Прижать съ тоской къ груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья тѣ
Погибли въ полной красотѣ,
И я, какъ жилъ, въ землѣ чужой
Умру рабомъ и сиротой.

5.

Меня могила не страшитъ!
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ;
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
Я молодъ, молодъ... зналъ ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не зналъ, или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой,
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ: ты слабъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ.
Что за нужда? Ты жилъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть,
Ты жилъ,—я также могъ бы жить!

6.

Ты хочешь знать, что видѣлъ я
На волѣ? Пышныя поля,
Холмы, покрытые вѣнцомъ
Деревъ, разросшихся кругомъ,
Шумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
И думы ихъ я угадалъ:
Мнѣ было свыше то дано!
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года—
Имъ не сойтиться никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые, какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зари
Курилися, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ,

И облачко за облачкомъ,
Покинувъ тайный свой ночлегъ,
Къ востоку направляло бѣгъ,
Какъ будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ.
Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
Въ снѣгахъ, горящихъ, какъ алмазъ,
Сѣдой, незыблемый Кавказъ;
И было сердцу моему
Легко,—не знаю почему.
Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
И стало въ памяти моей
Прошедшее яснѣй, яснѣй...

7.

И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ;
Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ
И дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица;
И блескъ оправленныхъ ножонъ
Кинжаловъ длинныхъ... И, какъ сонъ,
Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣгало предо мной.
А мой отецъ? Онъ, какъ живой,
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ,—и помнилъ я
Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И гордый непреклонный взоръ,
И молодыхъ моихъ сестеръ,—
Лучи ихъ сладостныхъ очей,
И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
Надъ колыбелію моей...
Въ ущельи томъ бѣжалъ потокъ.
Онъ шуменъ былъ, но не глубокъ;
Къ нему, на золотой песокъ
Играть я въ полдень уходилъ
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ, передъ дождемъ,
Волны касалися крыломъ.



Рисун. худ. В. Замирайло

*„Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ!“.*



И вспомнилъ я нашъ мирный домъ
И предъ вечернимъ очагомъ
Разсказы долгіе о томъ,
Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ міръ еще пышнѣй.

8.

Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ, и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы.
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что̀ средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?...

9.

Бѣжалъ я долго... гдѣ? куда?
Не знаю! Ни одна звѣзда
Не озаряла трудный путь.
Мнѣ было весело вдохнуть
Въ мою измученную грудь
Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ,—
И только. Много я часовъ
Бѣжалъ и, наконецъ, уставъ,
Прилегъ между̀ высокихъ травъ;
Прислушался: погони нѣтъ.
Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
Тянулся длинной полосой
Межъ темнымъ небомъ и землей,
И различалъ я, какъ узоръ,
На ней зубцы далекихъ горъ.

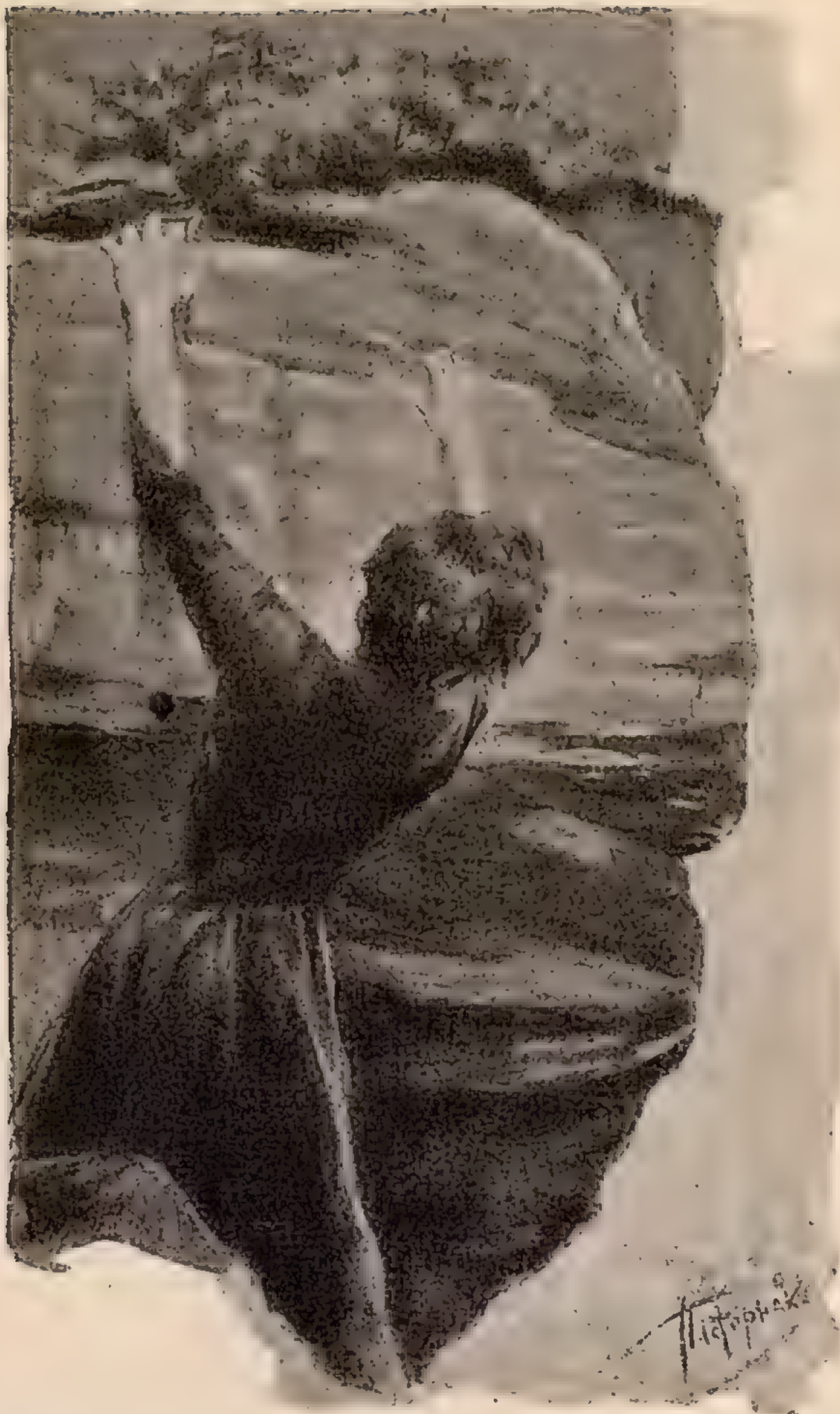
Недвижимъ, молча, я лежалъ.
Порой въ ущелiи шакалъ
Кричалъ и плакалъ, какъ дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змѣя скользила межъ камней;
Но страхъ не сжалъ души моей:
Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей,
И ползъ, и прятался, какъ змѣй.

10.

Внизу, глубоко подо мной,
Потокъ, усиленный грозой,
Шумѣлъ, и шумъ его глухой
Сердитыхъ сотнѣ голосовъ
Подобился. Хотя безъ словъ,
Мнѣ внятенъ былъ тотъ разговоръ,
Немолчный ропотъ, вѣчный споръ
Съ упрямой грудою камней.
То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй
Онъ раздавался въ тишинѣ;
И вотъ, въ туманной вышинѣ
Запѣли птички, и востокъ
Озолотился; вѣтерокъ
Сырые шевельнулъ листы;
Дохнули сонные цвѣты,
И, какъ они, навстрѣчу дню
Я поднялъ голову мою...
Я осмотрѣлся; не таю,
Мнѣ стало страшно: на краю
Грозящей бездны я лежалъ,
Гдѣ вылъ, крутясь, сердитый валъ.
Туда вели ступени скалъ,
Но лишь злой духъ по нимъ шагалъ,
Когда, низверженный съ небесъ,
Въ подземной пропасти исчезъ.

11.

Кругомъ меня цвѣлъ Божiй садъ.
Растенiй радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полные на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой



„Съ плиты на плиту я, какъ могъ,
Спускаться началъ“!

Рисун. худ. Л. О. Пастернака.

Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ припалъ
И вновь прислушиваться сталъ
Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ:
Они шептались по кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ; не раздался
Въ торжественный хваленья часъ
Лишь человѣка гордый гласъ.
Все, что я чувствовалъ тогда,
Тѣ думы—имъ ужъ нѣтъ слѣда;
Но я бъ желалъ ихъ разсказать,
Чтобъ жить, хоть мысленно, опять.
Въ то утро былъ небесный сводъ

Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока полдневный зной
Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томиться сталъ.

12.

Тогда къ потоку съ высоты,
Держась за гибкіе кусты,
Съ плиты на плиту я, какъ могъ,
Спускаться началъ. Изъ-подъ ногъ
Сорвавшись, камень иногда
Катился внизъ, за нимъ бразда
Дымилась, прахъ вился столбомъ;
Гудя и прыгая, потомъ
Онъ поглощаемъ былъ волной;
И я висѣлъ надъ глубиной,—
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я съ крутыхъ высотъ
Спустился, свѣжесть горныхъ водъ
Повѣяла навстрѣчу мнѣ,
И жадно я припалъ къ волнѣ.
Вдругъ голосъ... Легкій шумъ шаговъ...
Мгновенно скрывшись межъ кустовъ,
Невольнымъ трепетомъ объятъ,
Я поднялъ боязливый взглядъ
И жадно вслушиваться сталъ.
И ближе, ближе все звучалъ
Грузинки голосъ молодой,
Такъ безыскусственно живой,
Такъ сладко вольный, будто онъ
Лишь звуки дружескихъ именъ
Произносить былъ пріученъ.
Простая пѣсня то была,
Но въ мысль она мнѣ залегла;
И мнѣ, лишь сумракъ настаетъ,
Незримый духъ ее поетъ.

13.

Держа кувшинъ надъ головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила къ берегу. Порой

Она скользила межъ камней,
Смѣясь неловкости своей.
И бѣденъ былъ ея нарядъ,
И шла она легко, назадъ
Изгибы длинные чадры
Откинувъ. Лѣтніе жары
Покрыли тѣнью золотой
Лицо и грудь ея; и зной
Дышалъ отъ устъ ея и щекъ.
И мракъ очей былъ такъ глубокъ,
Такъ полонъ тайнами любви,
Что думы пылкія мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звонъ, когда струя
Вливалась медленно въ него,
И шорохъ... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь,
И отлила отъ сердца кровь,
Она была ужъ далеко;
И шла хоть тише, но легко,
Стройна подъ ношею своей,
Какъ тополь, царь ея полей.
Недалеко, въ прохладной мглѣ,
Казалось, приросли къ скалѣ
Двѣ сакли дружною четой;
Надъ плоской кровлею одной
Дымокъ струился голубой.
Я вижу, будто бы теперь,
Какъ отперлась тихонько дверь
И затворилася опять...
— Тебѣ, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если бъ могъ,—мнѣ было бъ жаль:
Воспоминанья тѣхъ минутъ
Во мнѣ, со мной, пускай умрутъ.

14.

Трудами ночи изнуренъ,
Я легъ въ тѣни. Отрадный сонъ
Сомкнулъ глаза невольно мнѣ...
И снова видѣлъ я во снѣ
Грузинки образъ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть—
И пробудился. Ужъ луна

Вверху сіяла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Какъ за добычею своей,
Объятья жадныя раскрывъ.
Міръ теменъ былъ и молчаливъ.
Лишь серебристой бахромой
Вершины цѣпи снѣговой
Вдали сверкали предо мной,
Да въ берега плескалъ потокъ.
Въ знакомой саклѣ огонекъ
То трепеталъ, то снова гасъ:
На небесахъ въ полночный часъ



„И грызъ сырую грудь земли“. Рисун. худ. Л. О. Пастернака.

Такъ гаснетъ яркая звѣзда!
Хотѣлось мнѣ... но я туда
Взойти не смѣлъ. Я цѣль одну—
Пройти въ родимую страну—
Имѣлъ въ душѣ, и превозмогъ
Страданье голода, какъ могъ,
И вотъ, дорогою прямой
Пустился, робкій и нѣмой;
Но скоро въ глубинѣ лѣсной
Изъ виду горы потерялъ
И тутъ съ пути сбиваться сталъ.

15.

Напрасно въ бѣшенствѣ порой
Я рвалъ отчаянной рукой

Терновникъ, спутанный плющомъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста...
Моя кружилась голова.
Я сталъ влѣзать на дерева,—
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горючею росой...
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ... Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной,
И если бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ,—клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ.

16.

Ты помнишь, въ дѣтскіе года
Слезы не зналъ я никогда,
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучомъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость—
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ; и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,

Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови... Да! рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ...
Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ.

17.

Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный, какъ стонъ,
Раздался вдругъ... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертiю грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ:
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкiй лобъ его разсѣкъ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипѣлъ, смертельный бой!

18.

Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ:
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я,—и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,

Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!...

19.

Ты видишь на груди моей
Слѣды глубокіе когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покровъ ихъ освѣжитъ,
И смерть навѣки заживитъ.
О нихъ тогда я позабылъ,
И, вновь собравъ остатокъ силъ,
Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной...
Но тщетно спорилъ я съ судьбой:
Она смѣялась надо мной!

20.

Я вышелъ изъ лѣсу. И вотъ
Проснулся день, и хороводъ
Свѣтилъ напутственныхъ исчезъ
Въ его лучахъ. Туманный лѣсъ
Заговорилъ. Вдали аулъ
Куриться началъ. Смутный гулъ
Въ долинѣ съ вѣтромъ пробѣжалъ...
Я сѣлъ и вслушиваться сталъ;
Но смолкъ онъ вмѣстѣ съ вѣтеркомъ.
И кинулъ взоры я кругомъ:
Тотъ край, казалось, мнѣ знакомъ.
И страшно было мнѣ,—понять
Не могъ я долго, что опять
Вернулся я къ тюрьмѣ моей;
Что безполезно столько дней
Я тайный замыселъ ласкалъ,
Терпѣлъ, томился и страдалъ...
И все зачѣмъ?... чтобъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,
При звучномъ ропотѣ дубравъ

Блаженство вольности познавъ,
Унесть въ могилу за собой
Тоску по родинѣ святой,
Надеждъ обманутыхъ укоръ
И вашей жалости позоръ!...
Еще въ сомнѣнье погружонъ,
Я думалъ: это страшный сонъ...
Вдругъ дальній колокола звонъ
Раздался снова въ тишинѣ,—
И тутъ все ясно стало мнѣ...
О, я узналъ его тотчасъ!
Онъ съ дѣтскихъ глазъ уже не разъ
Сгонялъ видѣнья сновъ живыхъ
Про милыхъ ближнихъ и родныхъ,
Про волю дикую степей,
Про легкихъ, бѣшеныхъ коней,
Про битвы чудныя межъ скалъ,
Гдѣ всѣхъ одинъ я побѣждалъ!...
И слушалъ я безъ слезъ, безъ силъ.
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца, будто кто-нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И смутно понялъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда.

21.

Да, заслужилъ я жребій мой!
Могучій конь, въ степи чужой
Плохого сбросивъ сѣдока,
На родину издалека
Найдетъ прямой и краткій путь...
Что я предъ нимъ?—Напрасно грудь
Полна желаньемъ и тоской:
То жаръ напрасный и пустой,
Игра мечты, болѣзнь ума.
На мнѣ печать свою тюрьма
Оставила... Таковъ цвѣтокъ
Темничный: выросъ одинокъ
И блѣденъ онъ межъ плитъ сырыхъ,
И долго листьевъ молодыхъ
Не распускалъ, все ждалъ лучей
Живительныхъ. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цвѣтка,
И былъ онъ въ садъ перенесенъ,

Въ сосѣдство розъ. Со всѣхъ сторонъ
Дышала сладость бытія...
Но что жъ? Едва взошла заря,
Палящій лучъ ея обжогъ
Въ тюрьмѣ воспитанный цвѣтокъ...

22.

И, какъ его, палилъ меня
Огонь безжалостнаго дня.
Напрасно пряталъ я въ траву
Мою усталую главу:
Изсохшій листъ ея вѣнцомъ
Терновымъ надъ моимъ челомъ
Свивался,—и въ лицо огнемъ
Сама земля дышала мнѣ.
Сверкая быстро въ вышинѣ,
Кружились искры; съ бѣлыхъ скалъ
Струился паръ. Міръ Божій спалъ
Въ оцѣпенѣніи глухомъ
Отчаянья тяжелымъ сномъ.
Хотя бы крикнулъ коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячій лепетъ... Лишь змѣя,
Сухимъ бурьяномъ шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Какъ будто надписью златой
Покрытый до-низу клинокъ,
Браздя разсыпчатый песокъ,
Скользила бережно; потомъ,
Играя, нѣжася на немъ,
Тройнымъ свивалася кольцомъ;
То, будто вдругъ обожжена,
Металась, прыгая, она
И въ дальнихъ пряталась кустахъ...

23.

И было все на небесахъ
Свѣтло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернѣли двѣ горы.
Нашъ монастырь изъ-за одной
Сверкалъ зубчатою стѣной.
Внизу Арагва и Кура̀,
Обвивъ каймой изъ серебра
Подошвы свѣжихъ острововъ,
По ко̀рнямъ шепчущихъ кустовъ

Бѣжали дружно и легко...
До нихъ мнѣ было далеко!
Хотѣлъ я встать,—передо мной
Все закружилось съ быстротой;
Хотѣлъ кричать,—языкъ сухой
Беззвученъ и недвижимъ былъ...
Я умиралъ. Меня томилъ
Предсмертный бредъ.
Казалось мнѣ,
Что я лежу на влажномъ днѣ
Глубокой рѣчки,—и была
Кругомъ таинственная мгла.
И, жажду вѣчную поя,
Какъ ледъ холодная струя,
Журча, вливалася мнѣ въ грудь...
И я боялся лишь заснуть—
Такъ было сладко, любо мнѣ...
А надо мною въ вышинѣ
Волна тѣснилася къ волнѣ,
И солнце сквозь хрусталь волны
Сіяло сладостнѣй луны...
И рыбокъ пестрыя стада
Въ лучахъ играли иногда.
И помню я одну изъ нихъ:
Она привѣтливѣй другихъ
Ко мнѣ ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ея спина. Она вилась
Надъ головой моей не разъ,
И взоръ ея зеленыхъ глазъ
Былъ грустно-нѣженъ и глубокъ...
И надивиться я не могъ:
Ея сребристый голосокъ
Мнѣ рѣчи странныя шепталъ,
И пѣлъ, и снова замолкалъ.
Онъ говорилъ:
„Дитя мое,
Останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье—
И холодъ, и покой.
Я созову моихъ сестеръ.
Мы пляской круговой
Развеселимъ туманный взоръ
И духъ усталый твой.
Усни! постель твоя мягка,
Прозраченъ твой покровъ.

Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ.
О, милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, какъ вольную струю,
Люблю, какъ жизнь мою“...
И долго, долго слушалъ я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихій ропотъ свой
Съ словами рыбки золотой.
Тутъ я забылся. Божій свѣтъ
Въ глазахъ угасъ. Безумный бредъ
Безсилью тѣла уступилъ...

24.

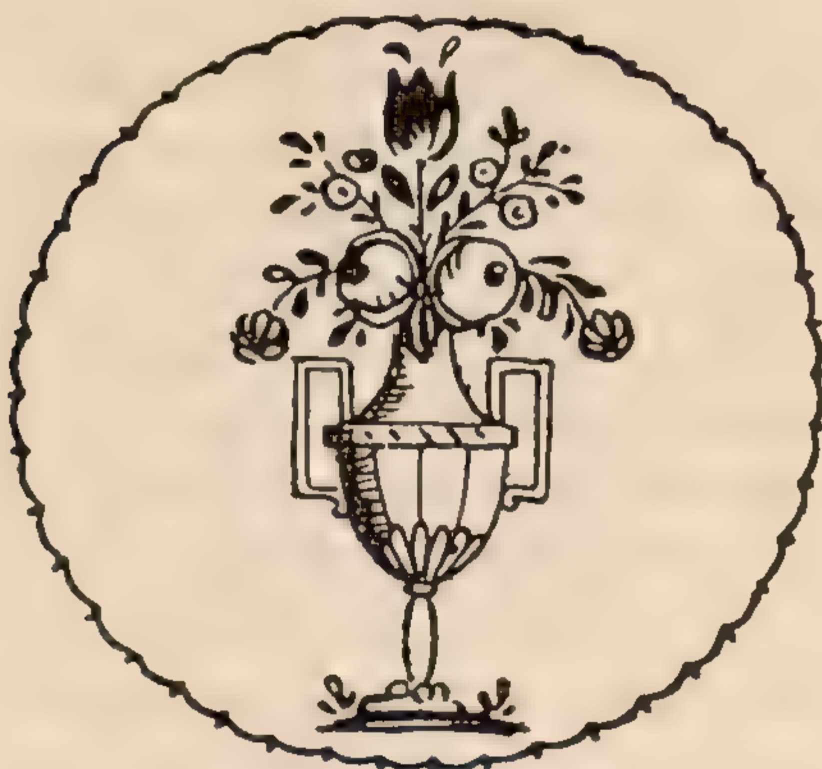
Такъ я найдѐнъ и поднятъ былъ...
Ты остальное знаешь самъ.
Я кончилъ. Вѣрь моимъ словамъ
Или не вѣрь—мнѣ все равно.
Меня печалитъ лишь одно:
Мой трупъ холодный и нѣмой
Не будетъ тлѣть въ землѣ родной,
И повѣсть горькихъ мукъ моихъ
Не призоветъ межъ стѣнъ глухихъ
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

25.

Прощай, отецъ... дай руку мнѣ.
Ты чувствуешь: моя въ огнѣ...
Знай, этотъ пламень съ юныхъ дней,
Таяся, жилъ въ груди моей;
Но нынѣ пищи нѣтъ ему,
И онъ прожегъ свою тюрьму,
И возвратится вновь къ Тому,
Кто всѣмъ знакомой чередой
Даетъ страданье и покой...
Но что мнѣ въ томъ? Пускай въ раю,
Въ святомъ, заоблачномъ краю,
Мой духъ найдетъ себѣ пріютъ...
Увы! за нѣсколько минутъ
Между крутыхъ и темныхъ скалъ,
Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я бъ рай и вѣчность промѣнялъ!...

26.

Когда я стану умирать—
И вѣрь, тебѣ не долго ждать—
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!
Тамъ положить вели меня.
Сіяньемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ
И что въ-полголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну
И никого не прокляну!...“





Рисун. худ. А. Якимченко.

„Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста“.




1841 г.



401. Отчизна.

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтнаго преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.
Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея полей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ дремучихъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленно пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень;
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи ночующій обозъ,
И на холмѣ средь желтой нивы
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

402. Оправданіе.

1.

Когда одни воспоминанья
О заблужденіяхъ страстей,
На мѣсто славнаго названья,
Твой другъ оставитъ межъ людей;

2.

И будетъ спать въ землѣ безгласно
То сердце, гдѣ кипѣла кровь,
Гдѣ такъ безумно, такъ напрасно
Съ враждой боролася любовь;

3.

Когда предъ общимъ приговоромъ
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будетъ для тебя позоромъ
Любовь безгрѣшная твоя,—

4.

Того, кто страстью и порокомъ
Затмилъ твои младые дни,
Молю, язвительнымъ упрекомъ
Ты въ оный часъ не помяни!

5.

Но предъ судомъ толпы лукавой
Скажи, что судитъ насъ Иной,
И что прощать святое право
Страданьемъ куплено тобой.

403. Договоръ.

1.

Пускай толпа клеймитъ презрѣньемъ
Нашъ неразгаданный союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ,—

2.

Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

3.

Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не отличая никого:
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего.

4.

Земного счастья мы не цѣнимъ,
Людей привыкли мы цѣнить;
Себѣ мы оба не измѣнимъ,
А намъ не могутъ измѣнить.

5.

Въ толпѣ другъ друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь:
Была безъ радостей любовь,—
Разлука будетъ безъ печали.

404. * * *.

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою
Прощались позднею порою?
Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
И мы съ волненіемъ внимали...
Тогда лучи ужъ догорали,
И на морѣ туманъ густѣлъ;
Ударъ съ усиліемъ промчался
И вдругъ за бездною скончался.
Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
Я часто о тебѣ мечтаю,
Бродя вблизи пустынныхъ водъ,
Вечернимъ выстрѣламъ внимаю.
И, между тѣмъ, какъ чередой
Глушитъ волнами ихъ сѣдыми,
Я плачу, я томимъ тоской,
Я умереть желаю съ ними...

405. * * *.

1.

Изъ-подъ таинственной холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный, какъ мечта,
Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки,
И улыбалися лукавыя уста.

2.

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланитъ и шеи бѣлизну;
Счастливецъ! видѣлъ я и локонъ своевольной
Родныхъ кудрей покинувшій волну...

3.

И создалъ я тогда въ моемъ воображеньѣ
По легкимъ признакамъ красавицу мою,
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

4.

И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
Въ года минувшіе слыхалъ когда то я;
И кто то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

406 * * *.

1.

Не плачь, не плачь, мое дитя,
Не стоитъ онъ безумной муки.
Вѣрь, онъ ласкалъ тебя шутя,
Вѣрь, онъ любилъ тебя отъ скуки!
И мало ль въ Грузіи у насъ
Прекрасныхъ юношей найдется?
Быстрѣй огонь ихъ черныхъ глазъ,
И черный усъ ихъ лучше вьется!

2.

Изъ дальней, чуждой стороны
Онъ къ намъ заброшенъ былъ судьбою;
Онъ ищетъ славы и войны,—
И что жъ онъ могъ найти съ тобою?
Тебя онъ золотомъ дарилъ,
Клялся, что вѣчно не измѣнитъ;
Онъ ласки дорого цѣнилъ,
Но слезъ твоихъ онъ не оцѣнитъ!

407 * * *.

Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима.
Царствовалъ грозный Тиверій и гналъ христіанъ безпощадно;

Но ежедневно, на мѣстѣ отрубленныхъ вѣтвей, у древа
Церкви Христовой юные вновь зеленѣли побѣги.
Въ тайной пещерѣ надъ Тибромъ ревущимъ скрывался въ то время
Праведный старецъ, въ постѣ и молитвѣ свой вѣкъ доживая;
Богъ его въ людяхъ своей благодатью прославилъ,
Чудный онъ даръ получилъ: исцѣлять отъ недуговъ тѣлесныхъ
И отъ страданій душевныхъ. Рано утромъ однажды,
Горько рыдая, приходитъ къ нему старуха простого
Званія; съ нею и мужъ ея, грусти безмолвной исполненъ.
Проситъ она воскресить ея дочь, внезапно во цвѣтѣ
Дѣвственной жизни умершую... „Вотъ ужъ два дня и двѣ ночи,—
Такъ она говорила,—мы нашихъ боговъ неотступно
Молимъ во храмахъ и жжемъ ароматы на мраморѣ хладномъ,
Золото сыплемъ жрецамъ ихъ и плачемъ... но все безполезно!
Если бы зналъ ты Виргинію нашу, то жалость стѣснила бъ
Сердце твое, равнодушное къ прелестямъ міра: какъ часто
Дряхлые старцы, любуясь на бѣлыя плечи, волнистыя кудри,
На темныя очи ея, молодѣли; юноши страстнымъ
Взоромъ ее провожали, когда, напѣвая простую
Пѣсню, амфору держа надъ главой, осторожно тропинкой
Къ Тибру спускалась она за водою, иль въ пляскѣ,
Передъ домашнимъ порогомъ, подругъ побѣждала искусствомъ,
Звонкимъ ребяческимъ смѣхомъ родительскій слухъ утѣшая.
Только въ послѣднее время примѣтно она измѣнилась:
Игры наскучили ей, и взоръ отуманился думой;
Изъ дома стала она уходить до зари, возвращаясь
Вечеромъ темнымъ, и ночи безъ сна проводила. При свѣтѣ
Поздней лампады я видѣла разъ, какъ она, на колѣнахъ,
Тихо, усердно и долго молилась... кому?... неизвѣстно...
Созвали мы стариковъ и родныхъ для совѣта; рѣшили...
. . . .

408. Видъ горъ изъ степей Козлова.

(ИЗЪ „КРЫМСКИХЪ СОНЕТОВЪ“ МИЦКЕВИЧА).

Пилигримъ.

Аллахъ ли тамъ, среди пустыни,
Застывшихъ волнъ воздвигъ твердыни,
Притоны ангеламъ своимъ?
Иль Дивы, словомъ роковымъ,
Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скалъ нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
Вотъ свѣтъ все небо озарилъ:

То не пожаръ ли Царяграда?
Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
Тебя, полночная лампада,
Маякъ спасительный, отрада
Плывущихъ по̀ морю свѣтилъ?

Мирза.

Тамъ былъ я; тамъ со дня созданья
Бушуетъ вѣчная метель;
Потоковъ видѣлъ колыбель,
Дохнулъ,—и мерзнулъ паръ дыханья.
Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ,
И дремлетъ громъ надъ глубиною,
И тамъ, гдѣ надъ моей чалмою
Одна сверкала лишь звѣзда,—
То Чатырдагъ былъ...

Пилигримъ.

А!...

409. Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой.

Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный,
Вамъ строки чудныя писалъ,
И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный,
Воспоминаньемъ оживленный,
Онъ передъ вами изливалъ.
Онъ васъ не зрѣлъ; но ваши рѣчи,
Какъ отголосокъ юныхъ дней,
При первомъ звукѣ новой встрѣчи
Его встревожили сильнѣй.
Тогда признательную руку,
Въ отвѣтъ на вашъ привѣтный взоръ,
Навстрѣчу радостному звуку
Онъ въ упоенiи простеръ.
И я, повѣренный случайный
Надеждъ и думъ его живыхъ,
Я буду дорожить, какъ тайной,
Печальнымъ выраженьемъ ихъ.
Я вѣрю, годы не убили,
Изгладить даже не могли,
Все, что вы прежде возбудили
Въ его возвышенной груди.
Но да сойдетъ благословенье
На вашу жизнь за то, что вы,

Хоть на единое мгновенье,
Умѣли снять вѣнецъ мученья
Съ его преклонной головы.

410. Эпиграмма.

(О. И. СЕНКОВСКОМУ).

Подъ фирмой иностранной иноземецъ
Не утаилъ себя никакъ;
Бранится пошло: ясно—нѣмецъ,
Похвалитъ: видно, что полякъ.

411. * * *.

(ПЕРЕДЪ ОТЪѢЗДОМЪ НА КАВКАЗЪ).

Прощай, немытая Россія,
Страна рабовъ, страна господъ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный имъ народъ.
Быть можетъ, за хребтомъ Кавказа
Укрòюсь отъ твоихъ пашей,
Отъ ихъ всевидящаго глаза,
Отъ ихъ всеслышашихъ ушей.

412. * * *.

Je l'attends dans la plaine sombre...
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement.
Eh non! trompeuse espérance!
C'est un vieux bouleau qui balance
Son tronc desséché et luisant.
Je me penche et longtemps j'écoute,
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas léger produit.
Non, ce n'est rien! c'est dans la mousse
Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.
Rempli d'une amère tristesse
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profond.
Tout-à-coup, tremblant, je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.



СПОРЪ.

413.

Какъ то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ.
„Берегись!“ сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
„Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,



Рисун. Кн. Г. Г. Гагарина. *Верблюды у пирамидъ.*





А. П. Ермоловъ.

Гдѣ носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ,
Берегися: многолюденъ
И могучъ Востокъ!“
—Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорныя шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,

У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня...
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!—
„Не хвались еще заранѣ!"
Молвилъ старый Шатъ:
„Вотъ на сѣверѣ, въ туманѣ,
Что то видно, братъ!"
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ,
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамены,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣдными строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.

Рисун. худ. В. Д. Полѣнова.

„У жемчужнаго фонтана дремлетъ Тегеранъ“.


Бр Менертъ. Москва

И, испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно медленны, какъ тучи,
Прямо на востокъ,
И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый—
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ—
И навѣкъ затихъ.

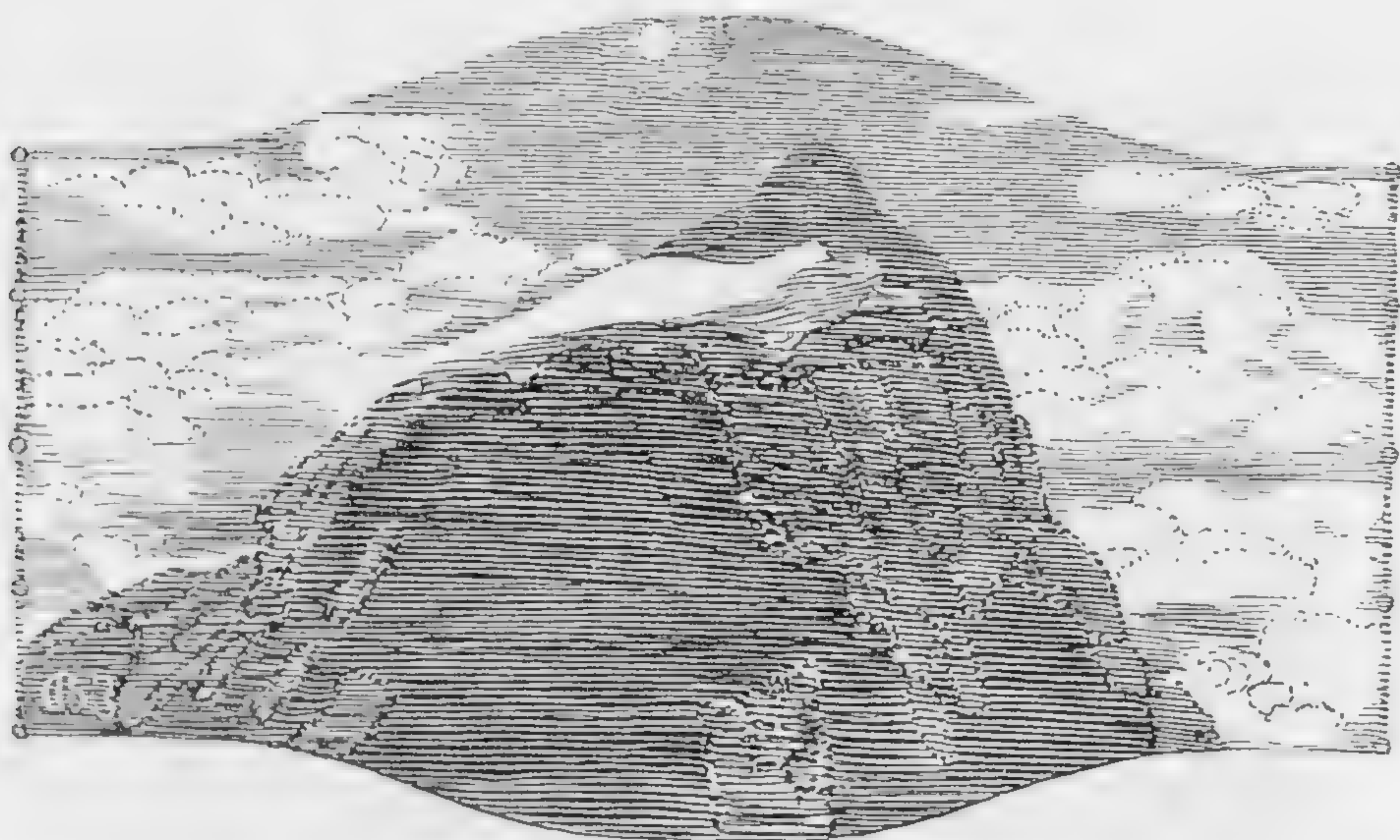


Сонъ. Рисун. худ. К. А. Коровина.

414. Сонъ.

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь сочилася моя.
Лежалъ одинъ я на пескѣ долины;
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,

И солнце жгло ихъ желтыя вершины,
И жгло меня,—но спалъ я мертвымъ сномъ.
    И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.
    Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчиво одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая,
Богъ знаетъ чѣмъ, была погружена.
    И снилась ей долина Дагестана...
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди дымясь чернѣла рана,
И кровь лилась хладѣющей струей...



УТЕСЪ

415.

    Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана;
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.
    Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко,
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

416. * * *.

Sie liebten sich Beide, doch Keiner
Wollt'es dem Andern gestehn...
Heine.

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно,
Съ тоскою глубокой и страстью безумно мятежной;
Но, какъ враги, избѣгали признанья и встрѣчи,
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.
Они разстались въ безмолвномъ и гордомъ страданьѣ,
И милый образъ во снѣ лишь порою видали;
И смерть пришла: наступило за гробомъ свиданье,—
Но въ мірѣ новомъ другъ друга они не узнали.

417. Тамара.

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ.
Въ той башнѣ высокой и тѣсной
Царица Тамара жила,
Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ, коварна и зла.
И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ огонекъ золотой,
Кидался онъ путнику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ ночной.
И слышался голосъ Тамары:
Онъ весь былъ желанье и страсть,
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непонятная власть.
На голосъ невидимой пери
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ;
Предъ нимъ отворялися двери,
Встрѣчалъ его мрачный евнухъ.
На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостя. Шипѣли
Предъ нею два кубка вина.
Сплетались горячія руки,
Уста прилипали къ устамъ,
И странные, дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ,—
Какъ будто въ ту башню пустую



Замокъ Тамары. Рисун. худ. И. К. Айвазовскаго.

Сто юношей пылкихъ и женъ
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну большихъ похоронъ.
    Но только что утра сіянье
Кидало свой лучъ по горамъ,
Мгновенно и мракъ, и молчанье
Опять воцарялися тамъ.
    Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла
Гремя нарушалъ тишину;
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.
    И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили онѣ унести...

Въ окнѣ тогда что то бѣлѣло,
Звучало оттуда: „прости!“
И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ...



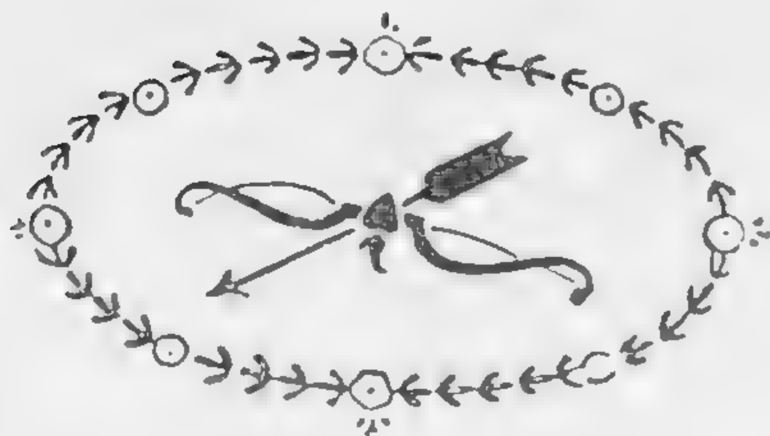
„Кинжаломъ въ нетерпѣніи
Изрѣзалъ я коверъ“.
Рисун. худ. К. А. Коровина.

418. Свиданіе.

Ужъ за горой дремучею
Погасъ вечерній лучъ,
Едва струей гремучею
Сверкаетъ жаркій ключъ;
Сады благоуханіемъ
Наполнились живымъ,
Тифлисъ объятъ молчаніемъ,
Въ ущельѣ мгла и дымъ;

Летаютъ сны мучители
Надъ грѣшными людьми,
И ангелы хранители
Бесѣдуютъ съ дѣтьми.
Тамъ, за твердыней старою,
На сумрачной горѣ,
Подъ свѣжею чинарою
Лежу я на коврѣ,
Лежу одинъ и думаю:
Ужели не во снѣ
Свиданье въ ночь угрюмую
Назначила ты мнѣ?
И въ этотъ часъ таинственный,
Но сладкій для любви,
Тебя, мой другъ единственный,
Зовутъ мечты мои.
Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горятъ,
И колокольни черныя,
Какъ сторожи, стоятъ;
И поступью несмѣлою
Изъ бань со всѣхъ сторонъ
Выходятъ цѣпью бѣлою
Четы грузинскихъ женъ;
Вотъ улицей пустынною
Бредутъ, едва скользя...
Но подъ чадрою длинною
Тебя узнать нельзя!
Твой домикъ съ крышей гладкою
Мнѣ виденъ вдалекѣ,
Крыльцо съ ступенью шаткою
Купается въ рѣкѣ.
Среди прохлады, вѣющей
Надъ синею Курой,
Онъ сѣтью зеленѣющей
Окутанъ плющевой.
За тополью высокою
Я вижу тамъ окно,
Но свѣчкой одинокою
Не свѣтится оно!
Я жду. Въ недоумѣніи
Напрасно бродитъ взоръ;
Кинжаломъ въ нетерпѣніи
Изрѣзалъ я коверъ.
И жду съ тоской безплодною;
Мнѣ грустно, тяжело...

Вотъ сыростью холодною
Съ востока понесло;
Краснѣютъ за туманами
Сѣдыхъ вершинъ зубцы;
Выходятъ съ караванами
Изъ города купцы...
Прочь, прочь, слеза позорная!
Кипи, душа моя!
Твоя измѣна черная
Понятна мнѣ, змѣя!
Я знаю, чѣмъ утѣшенный,
По звонкой мостовой
Вчера скакалъ, какъ бѣшеный,
Татаринъ молодой.
Недаромъ онъ красуется
Передъ твоимъ окномъ,
И твой отецъ любуется
Персидскимъ жеребцомъ!
Возьму винтовку длинную,
Пойду я изъ воротъ.
Тамъ, подъ скалой пустынною,
Есть узкій поворотъ;
До полдня за могильною
Часовней подожду,
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
Я легъ между камней...
Чу! близкій топотъ слышится...
А! это ты, злодѣй!





ДУБОВЫЙ ЛИСТОКЪ

419. * * *.

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго моря.
У Чернаго моря чинара стоитъ молодая;
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская,
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.
И странникъ прижался у корня чинары высокой;
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой,
И такъ говоритъ онъ: „Я бѣдный листочекъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой;
Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ твоихъ изумрудныхъ,—
Немало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ“.
— На что мнѣ тебя!—отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...
Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море.



Морская царевна. Картина худ. И. А. Врубеля.

420. Морская царевна.

Въ морѣ царевичъ купаетъ коня,
 Слышитъ: „Царевичъ, взгляни на меня!“
Фыркаетъ конь и ушами прядетъ,
 Брызжетъ, и плещетъ, и далѣ плыветъ.
Слышитъ царевичъ: „Я царская дочь;
 Хочешь провесть ты съ царевною ночь?“

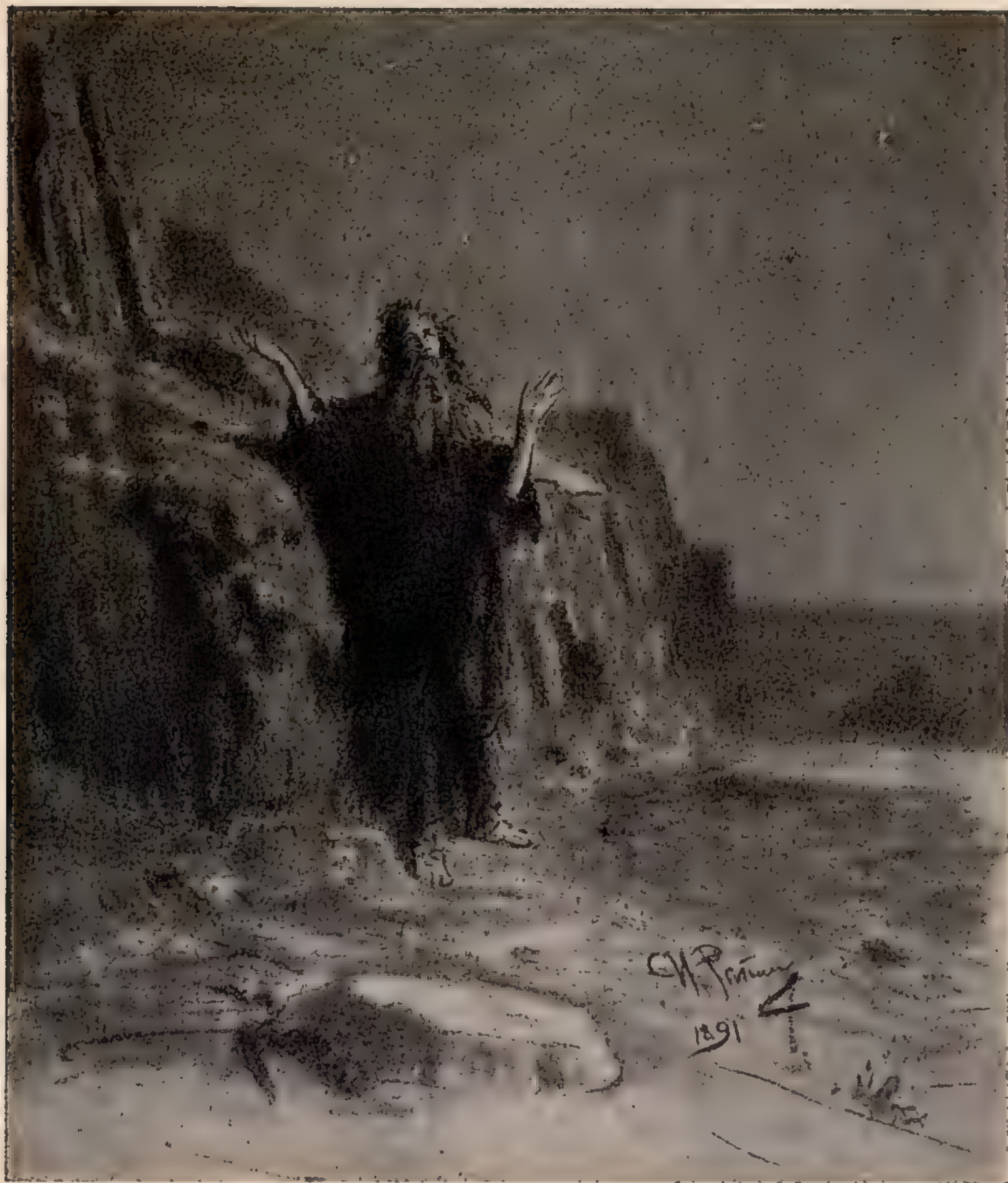
Вотъ показалась рука изъ воды,
Ловитъ за кисти шелкóвой узды.
Вышла младая потомъ голова:
Въ косу вплелася морская трава,
Синія очи любовью горятъ,
Брызги на шеѣ, какъ жемчугъ, дрожатъ.
Мыслитъ царевичъ: „добро же, постой!“
За̀ косу ловко схватилъ онъ рукой.
Держитъ. Рука боевая сильна:
Плачетъ, и молитъ, и бьется она.
Къ берегу витязь отважно плыветъ;
Выплылъ, товарищей громко зоветъ:
„Эй вы! сходитесь, лихіе друзья!
Гляньте, какъ бьется добыча моя...
Что жъ вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?“
Вотъ оглянулся царевичъ назадъ,
Ахнулъ,—померкъ торжествующій взглядъ.
Видитъ: лежитъ на пескѣ золотомъ
Чудо морское съ зеленымъ хвостомъ.
Хвостъ чешуею змѣиной покрытъ,
Весь замирая, свиваясь, дрожитъ.
Пѣна струями сбѣгаетъ съ чела,
Очи одѣла смертельная мгла.
Блѣдныя руки хватаютъ песокъ,
Шепчутъ уста непонятный упрекъ...
Ѣдетъ царевичъ задумчиво прочь...
Будетъ онъ помнить про царскую дочь!



Рисун. худ. К. А. Савицкаго.

*„Эй вы! сходитесь, лихіе друзья!
Гляньте, какъ бьется добыча моя“...*



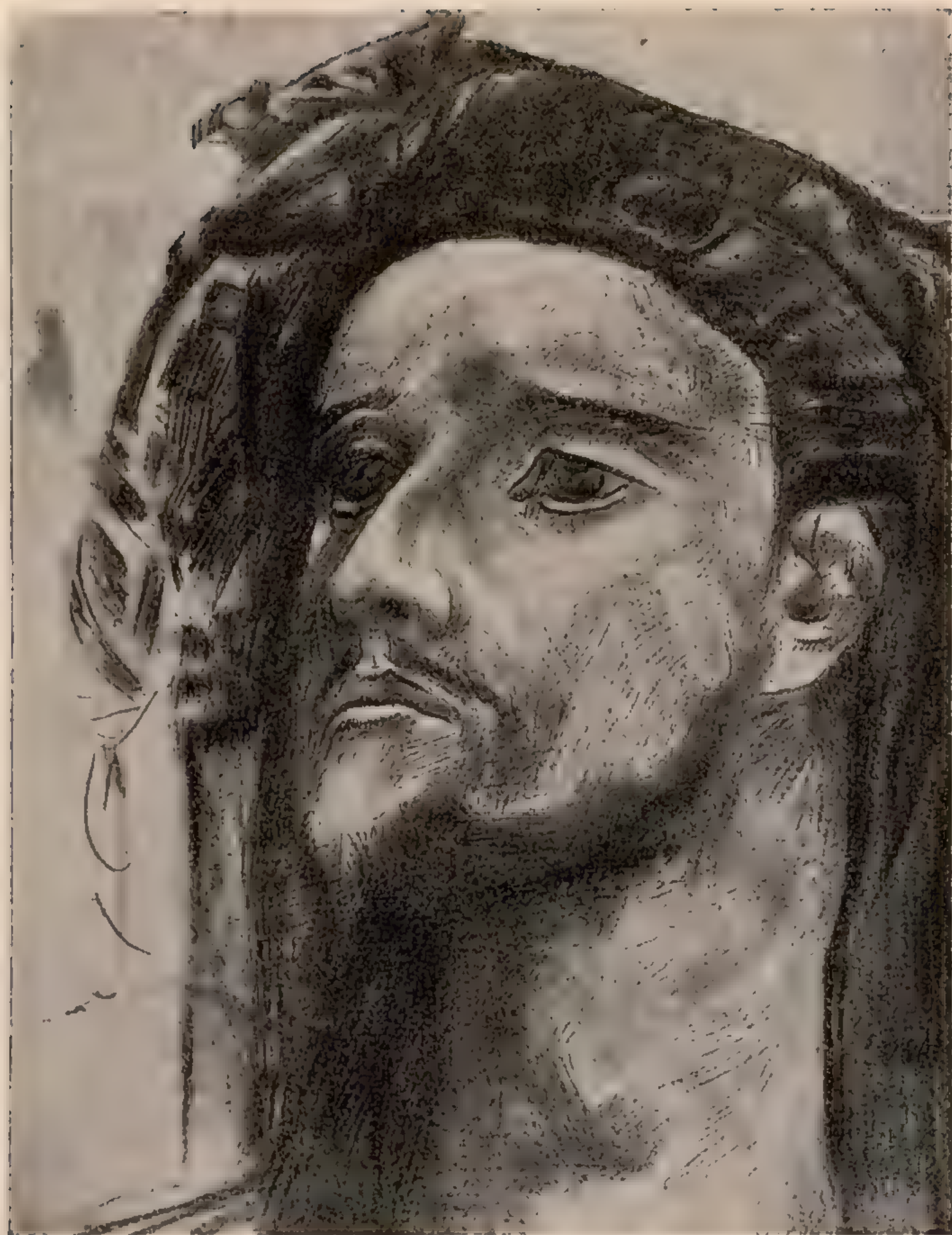


„И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя".

Рисун. худ. И. Е. Рѣпина.

421. Пророкъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы, даромъ Божьей пищи.



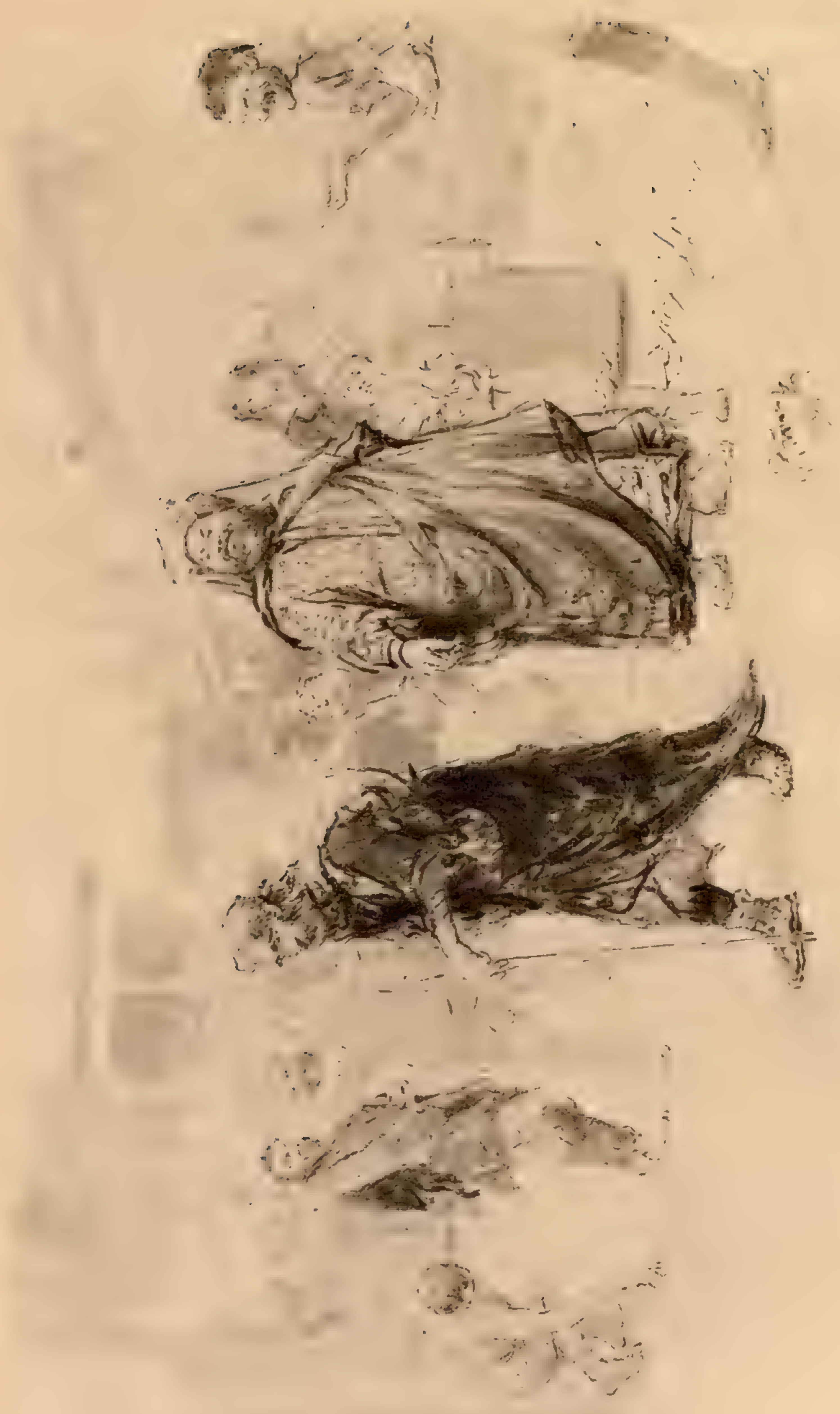
Голова пророка. Рисун. худ. М. А. Врубеля.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.
Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
„Смотрите, вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!“



Рисун. худ. И. Е. Рѣпина.

„Въ меня всѣ ближніе мои
бросали бѣшено каменья“.





422. * * *.

Выхожу одинъ я на дорогу.
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.
Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ?
Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть.
Я ищу свободы и покоя;
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы:
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтобъ, всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

423. * * *.

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье,—
Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.
Когда, порой, я на тебя смотрю,
Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ,
Таинственнымъ я занятъ разговоромъ,—
Но не съ тобой я сердцемъ говорю.
Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ—уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ—огонь угаснувшихъ очей.

424. Н. П. Верзилиной.

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неравно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локонъ небрежной
Надъ шейкою нѣжной,
На поясѣ ножъ...
C'est un vers qui cloche.



ДЕМОНЪ



ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.



Летящій Демонъ. Рисун. худ. М. А. Врубеля.

425. Демонъ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ [1]).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей;
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой,—
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ;
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны

---

1) Академическій текстъ. О поправкахъ см. въ примѣчаніяхъ.

Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ;
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья;
Когда, безпечный, онъ не зналъ,
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
Безплодной муки сожалѣнья;
И не грозилъ уму его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы!

II.

Давно отверженный блуждалъ
Въ пустынѣ міра безъ пріюта.
Во-слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья:
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья,—
И зло наскучило ему.

III.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ;
И Терекъ, прыгая, какъ львица,
Съ косматой гривой на спинѣ,
Ревѣлъ; и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной вышинѣ,
Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы,—
У вратъ Кавказа на часахъ

(Отеч. Зап.)

Ю. Отпечатать особо три экземпляра. Кр.

ДЕМОНЪ.

ПОЭМА.

ЧАСТЬ I.

I.

Печальный демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей,
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой, —
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ,
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ;
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья!
~~[illegible]~~
Не зналъ ни ~~[illegible]~~, ни сомнѣнья, страха
~~[illegible]~~, душъ
И не грозилъ ~~уму~~ его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый.....
И много, много...... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы!

II.

Въ пустынѣ міра онъ
~~Давно отверженный~~ блуждалъ
Давно безъ цѣли и
~~Въ пустынѣ міра безъ~~ пріюта
Во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ
Какъ за минутою минута
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья;
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья, —
И зло наскучило ему.

III.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ:
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая какъ львица
Съ косматой гривой на ~~[illegible]~~ хребтѣ
Ревѣлъ, — и горный звѣрь и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ.

Сторожевые великаны!
И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ; но горній духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего.

IV.

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли:
Столпообразныя раины [1]),
Звонко̀ бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнча̀нныя плющомъ;
Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени;
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой.
Но, кромѣ зависти холодной,
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплодной
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ,—
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, онъ ненавидѣлъ.

V.

Высокій домъ, широкій дворъ
Сѣдой Гудалъ себѣ построилъ...
Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
Рабамъ послушнымъ съ давнихъ поръ.

[1]) Тополи.

Съ утра̀ на скатъ сосѣднихъ горъ
Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;
Въ скалѣ нарублены ступени:
Онѣ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелькая,
Покрыта бѣлою чадрой,
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходитъ за водой.

VI.

Всегда безмолвно на долины
Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;
Но пиръ большой сегодня въ немъ,
Звучитъ зурна̀, и льются вины:
Гудалъ сосваталъ дочь свою,
На пиръ онъ со̀звалъ всю семью.
На кровлѣ, устланной коврами,
Сидитъ невѣста межъ подругъ;
Средь игръ и пѣсенъ ихъ досугъ
Проходитъ. Дальними горами
Ужъ спрятанъ солнца полукругъ.
Въ ладони мѣрно ударяя,
Онѣ поютъ, и бубенъ свой
Беретъ невѣста молодая.
И вотъ она, одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится легче птицы,
То остановится,—глядитъ,
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ-подъ завистливой рѣсницы;
То черной бровью поведетъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья дѣтскаго полна.
Но лучъ луны, по влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едва ль сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость, живой.

VII.

Клянусь полночною звѣздой,
Лучомъ заката и востока,
Властитель Персіи златой
И не единый царь земной

Не цѣловалъ такого ока;
Гарема брызжущій фонтанъ
Ни разу, жаркою порою,
Своей жемчужною росою
Не брызгалъ на подобный станъ;
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела;
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ юга не цвѣла.

VIII.

Въ послѣдній разъ она плясала...
Увы! заутра ожидала
Ее, наслѣдницу Гудала,
Свободы рѣзвое дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна чуждая донынѣ
И незнакомая семья.
И часто тайныя сомнѣнья
Темнили свѣтлыя черты;
Но были всѣ ея движенья
Такъ стройны, полны выраженья,
Такъ полны милой простоты,
Что еслибъ Демонъ, пролетая,
Во то время на нее взглянулъ,
То, прежнихъ братьевъ вспоминая,
Онъ отвернулся бъ и вздохнулъ...

IX.

И Демонъ видѣлъ... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ.
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ,
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты...
И долго сладостной картиной
Онъ любовался, и мечты
О прежнемъ счастьѣ цѣпью длинной,
Какъ будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Онъ съ новой грустью сталъ знакомъ,
Въ немъ чувство вновь заговорило

Роднымъ когда то языкомъ.
То былъ ли призракъ возрожденья?
Онъ словъ коварныхъ въ искушенье
Найти въ умѣ своемъ не могъ.
Забыть?—забвенья не далъ Богъ,
Да онъ и не взялъ бы забвенья.
. . . .

X.

Измучивъ добраго коня,
На брачный пиръ, къ закату дня,
Спѣшитъ женихъ нетерпѣливой.
Арагвы свѣтлой онъ счастливо
Достигъ зеленыхъ береговъ.
Подъ тяжкой ношею даровъ
Едва-едва переступая,
За нимъ верблюдовъ длинный рядъ
Дорòгой тянется, мелькая;
Ихъ колокольчики звенятъ...
Онъ самъ, властитель Синодала,
Ведетъ богатый караванъ.
Ремнемъ затянутъ легкій станъ;
Оправа сабли и кинжала
Блеститъ на солнцѣ; за спиной
Ружье съ насѣчкой вырѣзной;
Играетъ вѣтеръ рукавами
Его чухи; кругомъ она
Вся галуномъ обложенà.
Цвѣтными вышито шелками
Его сѣдло; узда съ кистями;
Подъ нимъ весь въ мылѣ конь лихой,
Безцѣнной масти золотой—
Питомецъ рѣзвый Карабаха—
Прядетъ ушьми и, полный страха,
Храпя, косится съ крутизны
На пѣну скачущей волны.
Опасенъ, узокъ путь прибрежной:
Утесы съ лѣвой стороны,
Направо глубь рѣки мятежной.
Ужъ поздно. На вершинѣ снѣжной
Румянецъ гаснетъ; всталъ туманъ...
Прибавилъ шагу караванъ.

XI.

И вотъ часовня на дорогѣ.
Тутъ съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ

Какой то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
Съ тѣхъ поръ, на праздникъ иль на битву,
Куда бы путникъ ни спѣшилъ,
Всегда усердную молитву
Онъ у часовни приносилъ;
И та молитва сберегала
Отъ мусульманскаго кинжала.
Но прѐзрѣлъ удалой женихъ
Обычай прадѣдовъ своихъ,—



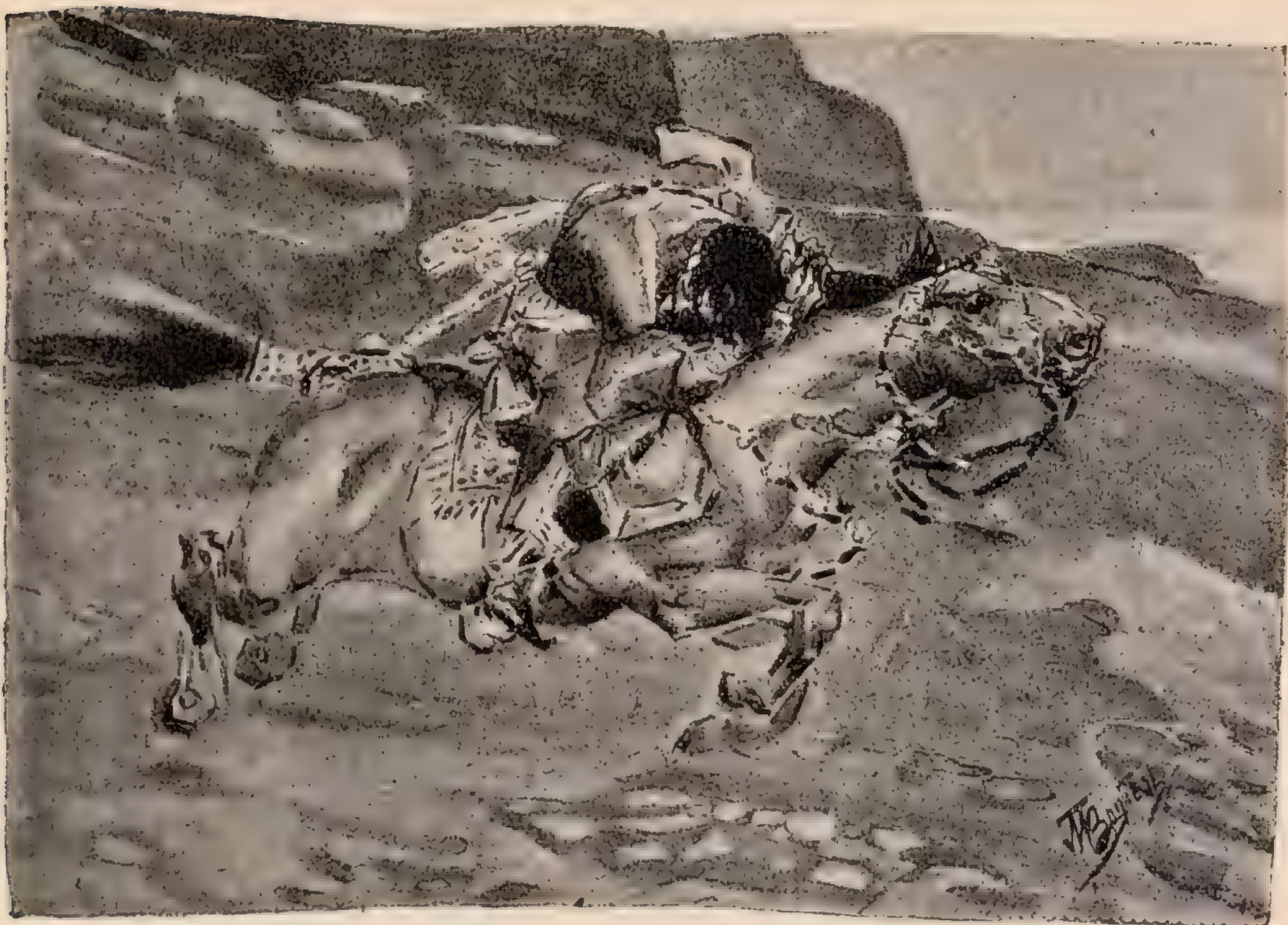
„Верблюды съ ужасомъ глядѣли". Рисун. худ. М. А. Врубеля.

Его коварною мечтою
Лукавый Демонъ возмущалъ:
Онъ въ мысляхъ подъ ночною тьмою
Уста невѣсты цѣловалъ...
Вдругъ впереди мелькнули двое,
И больше... выстрѣлъ... Что такое?...
Привставъ на звонкихъ стременахъ,
Надвинувъ нà брови папахъ,
Отважный князь не молвилъ слова;
Въ рукѣ сверкнулъ турецкій стволъ,
Нагайка щелкъ,—и, какъ орелъ,
Онъ кинулся... и выстрѣлъ снова...
И дикій крикъ, и стонъ глухой

Промчались въ глубинѣ долины.
Недолго продолжался бой:
Бѣжали робкіе грузины.

XII.

Затихло все. Тѣснясь толпой,
На трупы всадниковъ порой
Верблюды съ ужасомъ глядѣли,
И глухо въ тишинѣ степной
Ихъ колокольчики звенѣли.



„Несется конь быстрѣе лани“. Рисун. худ. М. А. Врубеля.

Разграбленъ пышный караванъ,
И надъ тѣлами христіанъ
Чертитъ круги ночная птица.
Не ждетъ ихъ мирная гробница
Подъ слоемъ монастырскихъ плитъ,
Гдѣ прахъ отцовъ ихъ былъ зарытъ;
Не придутъ сестры съ матерями,
Покрыты длинными чадрами,
Съ тоской, рыданьемъ и мольбами,
На гробъ ихъ изъ далекихъ мѣстъ.
Зато усердною рукою
Здѣсь у дороги, надъ скалою,
На память водрузится крестъ,

И плющъ, разросшійся весною,
Его, ласкаясь, обовьетъ
Своею сѣткой изумрудной;
И, своротивъ съ дороги трудной,
Не разъ усталый пѣшеходъ
Подъ Божьей тѣнью отдохнетъ.

XIII.

Несется конь быстрѣе лани,
Храпитъ и рвется, будто къ брани;
То вдругъ осадитъ на скаку,
Прислушается къ вѣтерку,
Широко ноздри раздувая,
То, разомъ въ землю ударяя
Шипами звонкими копытъ,
Взмахнувъ растрепанною гривой,
Впередъ безъ памяти летитъ.
На немъ есть всадникъ молчаливой:
Онъ бьется на сѣдлѣ порой,
Припавъ на гриву головой;
Ужъ онъ не правитъ поводами,
Задвинувъ ноги въ стремена,
И кровь широкими струями
На чепракѣ его видна...
Скакунъ лихой, ты господина
Изъ боя вынесъ, какъ стрѣла,
Но злая пуля осетина
Его во мракѣ догнала!

XIV.

Въ семьѣ Гудала плачъ и стоны,
Толпится на дворѣ народъ:
Чей конь примчался запыленный
И палъ на камни у воротъ?
Кто этотъ всадникъ бездыханной?
Хранили слѣдъ тревоги бранной
Морщины смуглаго чела,
Въ крови оружіе и платье,
Въ послѣднемъ бѣшеномъ пожатьѣ
Рука на гривѣ замерла.
Недолго жениха младова,
Невѣста, взоръ твой ожидалъ!
Сдержалъ онъ княжеское слово:
На брачный пиръ онъ прискакалъ...
Увы! но никогда ужъ снова
Не сядетъ на коня лихова!...

XV.

На беззаботную семью,
Какъ громъ, слетѣла Божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдаетъ бѣдная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышитъ...
И вотъ она какъ будто слышитъ
Волшебный голосъ надъ собой:
„Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
Твоя слеза на трупъ безгласной
Живой росой не упадетъ;
Она лишь взоръ туманитъ ясной,
Ланиты дѣвственныя жжетъ...
Онъ далеко, онъ не узнаетъ,
Не оцѣнитъ тоски твоей;
Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ
Безплотный взоръ его очей;
Онъ слышитъ райскіе напѣвы...
Что жизни мелочные сны,
И стонъ, и слезы бѣдной дѣвы
Для гостя райской стороны?
Нѣтъ, жребій смертнаго творенья,
Повѣрь мнѣ, ангелъ мой земной,
Не стоитъ одного мгновенья
Твоей печали дорогой.

На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ, безъ слѣда,
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.
Въ день томительный несчастья
Ты о нихъ лишь вспомяни,
Будь къ земному безъ участья
И безпечна, какъ они!

Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,



Рисун. худ. М. А. Врубеля. „Не плачь, дитя, не плачь напрасно“.


ВРУБЕЛЬ



„Къ тебѣ я стану прилетать"... Рисун. худ. В. А. Сѣрова.

Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчитъ;
Лишь только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травою,
И птичка, спрятанная въ ней,
Порхнетъ во мракѣ веселѣй;
И подъ лозою виноградной,
Росу небесъ глотая жадно,
Цвѣтокъ распустится ночной;
Лишь только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горы тихонько встанетъ
И на тебя украдкой взглянетъ,—
Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы.



„Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни миракъ, ни свѣтъ!“

Рисун. худ. М. А. Врубеля.

И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать...“

XVI.

Слова умолкли; въ отдаленьѣ
Вослѣдъ за звукомъ умеръ звукъ.
Она, вскочивъ, глядитъ вокругъ...
Невыразимое смятенье
Въ ея груди: печаль, испугъ,
Восторга пылъ—ничто въ сравненьи.
Всѣ чувства въ ней вскипѣли вдругъ:
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жиламъ пробѣгалъ,
И этотъ голосъ, чудно новый,
Ей мнилось, все еще звучалъ.
И передъ утромъ сонъ желанной
Глаза усталые смыкалъ,
Но мысль ея онъ возмущалъ
Мечтой пророческой и странной:
Пришлецъ туманный и нѣмой,
Красой блистая неземной,

Къ ея склонился изголовью;
И взоръ его съ такой любовью,
Такъ грустно на нее смотрѣлъ,
Какъ будто онъ о ней жалѣлъ.
То не былъ ангелъ-небожитель,
Ея божественный хранитель:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшалъ его кудрей;
То не былъ ада духъ ужасный
Порочный мученикъ,—о, нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

„Отецъ! отецъ! оставь угрозы,
Свою Тамару не брани.
Я плачу. Видишь эти слезы?...
Уже не первыя они...
Не буду я ничьей женою—
Скажи моимъ ты женихамъ:
Супругъ мой взятъ сырой землею,—
Другому сердца не отдамъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ трупъ его кровавый
Мы схоронили подъ горой,
Меня тревожитъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой;
Въ тиши ночной меня тревожитъ
Толпа печальныхъ, странныхъ сновъ:
Молиться днемъ душа не можетъ,
Мысль далеко отъ звука словъ;
Огонь по жиламъ пробѣгаетъ...
Я сохну, вяну день отъ дня.
Отецъ! душа моя страдаетъ...
Отецъ мой, пощади меня!
Отдай въ священную обитель
Дочь безразсудную свою:
Тамъ защититъ меня Спаситель,
Предъ Нимъ тоску мою пролью.
На свѣтѣ нѣтъ ужъ мнѣ веселья...
Святыни миромъ осѣня,
Пусть приметъ сумрачная келья,
Какъ гробъ, заранѣе меня“.

II.

И въ монастырь уединенной
Ее родные отвезли.
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и въ монашеской одеждѣ,
Какъ подъ узорною парчой,
Все беззаконною мечтой
Въ ней сердце билося, какъ прежде.
Предъ алтаремъ, при блескѣ свѣчъ,
Въ часы торжественнаго пѣнья,
Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася рѣчь.
Подъ сводомъ сумрачнаго храма
Знакомый образъ иногда
Скользилъ безъ звука и слѣда;
Въ туманѣ легкомъ ѳиміама
Сіялъ онъ тихо, какъ звѣзда,
Манилъ и звалъ онъ... но куда?...

III.

Въ прохладѣ, межъ двумя холмами,
Таился монастырь святой.
Чинаръ и тополей рядами
Онъ окруженъ былъ,—и порой,
Когда ложилась ночь въ ущельи,
Сквозь нихъ мелькала въ окнахъ кельи
Лампада схимницы младой.
Кругомъ въ тѣни деревъ миндальныхъ,
Гдѣ рядъ стоитъ крестовъ печальныхъ—
Безмолвныхъ сторожей гробницъ—
Спѣвались хоры легкихъ птицъ;
По камнямъ прыгали, шумѣли
Ключи студеною волной,
И подъ нависшею скалой,
Сливаясь дружески въ ущельи,
Катились дальше межъ кустовъ,
Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.

IV.

На сѣверъ видны были горы,
При блескѣ утренней Авроры,
Когда синѣющій дымокъ
Курится въ глубинѣ долины,
И, обращаясь на востокъ,

Зовутъ къ молитвѣ муэдзины;
И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая,
Въ торжественный и мирный часъ;
Когда грузинка молодая
Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
Съ горы спускается крутой,—
Вершины цѣпи снѣговой
Свѣтло-лиловою стѣной
На чистомъ небѣ рисовались,
А въ часъ заката одѣвались
Онѣ румяной пеленой.
И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоялъ, всѣхъ выше головой,
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

V.

Но, полно думою преступной,
Тамары сердце недоступно
Восторгамъ чистымъ. Передъ ней
Весь міръ одѣтъ угрюмой тѣнью;
И все ей въ немъ предлогъ къ мученью:
И утра лучъ, и мракъ ночей.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обойметъ,
Передъ божественной иконой
Она въ безумьи упадетъ
И плачетъ; и въ ночномъ молчаньѣ
Ея тяжелое рыданье
Тревожитъ путника вниманье,
И мыслитъ онъ: „то горный духъ,
Прикованный къ пещерѣ, стонетъ!“—
И, чуткій напрягая слухъ,
Коня измученнаго гонитъ...

VI.

Тоской и трепетомъ полна,
Тамара часто у окна
Сидитъ въ раздумьи одинокомъ,
И смотритъ вдаль прилежнымъ окомъ,
И цѣлый день, вздыхая, ждетъ...
Ей кто то шепчетъ: „онъ придетъ!“
Не даромъ сны ее ласкали,
Не даромъ онъ являлся ей,

Съ глазами, полными печали,
И чудной нѣжностью рѣчей.
Ужъ много дней она томится,
Сама не зная, почему;
Святымъ захочетъ ли молиться,
А сердце молится ему;
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна,—
Подушка жжетъ, ей душно, страшно,
И вся, вскочивъ, дрожитъ она;
Трепещетъ грудь, пылаютъ плечи,
Нѣтъ силъ дышать, туманъ въ очахъ,
Объятья жадно ищутъ встрѣчи,
Лобзанья таютъ на устахъ...
. . . .
. . . .

VII.

Вечерней мглы покровъ воздушный
Ужъ хòлмы Грузіи одѣлъ.
Привычкѣ сладостной послушный,
Въ обитель Демонъ прилетѣлъ.
Но долго, долго онъ не смѣлъ
Святыню мирнаго пріюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался онъ готовъ
Оставить умыселъ жестокой.
Задумчивъ, у стѣны высокой
Онъ бродитъ; отъ его шаговъ
Безъ вѣтра листъ въ тѣни трепещетъ.
Онъ поднялъ взоръ: ея окно,
Озарено лампадой, блещетъ;
Кого то ждетъ она давно.
И вотъ, средь общаго молчанья,
Чангуры стройное бряцанье
И звуки пѣсни раздались;
И звуки тѣ лились, лились,
Какъ слезы, мѣрно, другъ за другомъ;
И эта пѣснь была нѣжна,
Какъ будто для земли она
Была на небѣ сложенà.
Не ангелъ ли съ забытымъ другомъ
Вновь повидаться захотѣлъ,
Сюда украдкою слетѣлъ
И о быломъ ему пропѣлъ,
Чтобъ усладить его мученье?...

Тоску любви, ея волненье
Постигнулъ Демонъ въ первый разъ...
Онъ хочетъ въ страхѣ удалиться,—
Его крыло не шевелится!
И, чудо!—изъ померкшихъ глазъ
Слеза тяжелая катится...
Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный виденъ камень
Слезою жаркою, какъ пламень,
Не человѣческой слезой!...

VIII.

И входитъ онъ, любить готовой,
Съ душой, открытой для добра,
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ будто въ первое свиданье,
Спознались съ гордою душой:
То было злое предвѣщанье...
Онъ входитъ, смотритъ: передъ нимъ
Посланникъ рая—херувимъ,
Хранитель схимницы прекрасной,
Стоитъ съ блистательнымъ челомъ
И отъ врага, съ улыбкой ясной,
Пріосѣнилъ ее крыломъ...
И лучъ божественнаго свѣта
Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И, вмѣсто сладкаго привѣта,
Раздался тягостный укоръ:

IX.

„Духъ безпокойный, духъ порочной,
Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ;
Зло не дышало здѣсь понынѣ!
Къ моей любви, къ моей святынѣ
Не пролагай преступный слѣдъ!
Кто звалъ тебя?“
Ему въ отвѣтъ
Злой духъ коварно усмѣхнулся;
Зардѣлся ревностію взглядъ,
И вновь въ душѣ его проснулся
Старинной ненависти ядъ.



„И чудо!—Изъ померкшихъ глазъ
Слеза тяжелая катится“...

Рисун. худ. М. А. Врубеля.

„Она моя!—сказалъ онъ грозно,—
Оставь ее! она моя!
Явился ты, защитникъ, поздно,
И ей, какъ мнѣ, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложилъ печать мою;
Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни;
Здѣсь я владѣю и люблю!“
И ангелъ грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ
И, медленно взмахнувъ крылами,
Въ эѳирѣ неба потонулъ...

. . . .



Рисун. худ. В. Д. Полѣнова. *„Я тотъ, которому внимала“.*



X.

Тамара.

О, кто ты? Рѣчь твоя опасна!
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
Чего ты хочешь?

Демонъ.

Ты прекрасна!

Тамара.

Но молви, кто ты?... Отвѣчай!...

Демонъ.

Я тотъ, которому внимала
Ты въ полунощной тишинѣ,
Чья мысль душѣ твой шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образъ видѣла во снѣ;
Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ,
Едва надежда расцвѣтетъ;
Я тотъ, кого никто не любитъ,
И все живущее клянетъ.
Ничто пространство мнѣ и годы;
Я бичъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло природы,—
И видишь, я у ногъ твоихъ!
Тебѣ принесъ я въ утѣшенье
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первыя мои.
О, выслушай изъ сожалѣнья!
Меня добру и небесамъ
Ты возвратить могла бы словомъ;
Твоей любви святымъ покровомъ
Одѣтый, я предсталъ бы тамъ,
Какъ новый ангелъ, въ блескѣ новомъ.
О! только выслушай, молю,
Я рабъ твой, я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидѣлъ,
И тайно вдругъ возненавидѣлъ
Безсмертіе и власть мою,—
Я позавидовалъ невольно
Неполной радости земной:

Не жить, какъ ты, мнѣ стало больно,
И страшно—розно жить съ тобой.
Въ безкровномъ сердцѣ лучъ нежданный
Опять затеплила земля,
И грусть на днѣ старинной раны
Зашевелилась, какъ змѣя.
Что̀ безъ тебя мнѣ эта вѣчность?
Моихъ владѣній безконечность?—
Пустыя звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!

Тамара.

Оставь меня, о духъ лукавой!
Молчи, не вѣрю я врагу!
Творецъ!... увы, я не могу
Молиться; гибельной отравой
Мой умъ слабѣющій объятъ.
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова—огонь и ядъ...
Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

Демонъ.

Зачѣмъ, красавица?—Увы,
Не знаю; полонъ жизни новой,
Съ моей преступной головы
Я гордо снялъ вѣнецъ терновой,
Я все былое бросилъ въ прахъ;
Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ!
Люблю тебя не здѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты.
Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ напечатлѣнъ,
Передо мной носился онъ
Въ пустыняхъ вѣчнаго эѳира.
Давно тревожа мысль мою,
Мнѣ имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мнѣ въ раю
Одной тебя недоставало.
О, если бъ ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья
И наслаждаться, и страдать,—
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за добро вознагражденья,

Жить для себя, скучать собой
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда жалѣть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Стараться все возненавидѣть
И все на свѣтѣ презирать!...
Лишь только Божіе проклятье
Исполнилось,—съ того же дня
Природы жаркія объятья
Навѣкъ остыли для меня...
Синѣло предо мной пространство,
Я видѣлъ брачное убранство
Свѣтилъ, знакомыхъ мнѣ давно...
Они текли въ вѣнцахъ изъ злата;
Но что же?—прежняго собрата
Не узнавало ни одно!
Изгнанниковъ, себѣ подобныхъ,
Я звать въ отчаяніи сталъ,
Но словъ, и лицъ, и взоровъ злобныхъ,
Увы!—я самъ не узнавалъ.
И въ страхѣ я, взмахнувъ крылами,
Помчался... но куда? зачѣмъ?
Не знаю. Прежними друзьями
Я былъ отверженъ; какъ эдемъ,
Міръ для меня сталъ глухъ и нѣмъ.
По вольной прихоти теченья,
Такъ поврежденная ладья
Безъ парусовъ и безъ руля
Плыветъ, не зная назначенья;
Такъ ранней утренней порой
Отрывокъ тучи громовой,
Въ лазурной вышинѣ чернѣя,
Одинъ, нигдѣ пристать не смѣя,
Летитъ безъ цѣли и слѣда,
Богъ вѣсть, откуда и куда!
Но я людьми не долго правилъ,
Грѣху не долго ихъ училъ,
Все благородное безславилъ
И все прекрасное хулилъ;
Не долго... Пламень чистой вѣры
Легко навѣкъ я залилъ въ нихъ...
А стоили ль трудовъ моихъ
Одни глупцы да лицемѣры?
И скрылся я въ ущельяхъ горъ;
И сталъ бродить, какъ метеоръ

Во мракѣ полночи глубокой...
И мчался путникъ одинокой,
Обманутъ близкимъ огонькомъ,
И, въ бездну падая съ конемъ,
Напрасно звалъ,—и слѣдъ кровавый
За нимъ вился по крутизнѣ...
Но злобы мрачныя забавы
Не долго нравилися мнѣ.
Какъ часто, подымая прахъ,
Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Я шумно мчался въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть!
Что̀ повѣсть тягостныхъ лишеній,
Трудовъ и бѣдъ толпы людской,
Грядущихъ, прошлыхъ поколѣній,
Передъ минутою одной
Моихъ непризнанныхъ мученій?
Что̀ люди? Что̀ ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!
Надежда есть—ждать правый судъ:
Простить онъ можетъ, хоть осудитъ!
Моя жъ печаль безсмѣнно тутъ,
И ей конца, какъ мнѣ, не будетъ,
И не вздремнуть въ могилѣ ей;
Она—то ластится, какъ змѣй,
То жжетъ и блещетъ, будто пламень,
То давитъ мысль мою, какъ камень—
Надеждъ погибшихъ и страстей
Несокрушимый мавзолей!

Тамара.

Кто бъ ни былъ ты, мой другъ случайной,
Покой навѣки погубя,
Невольно я съ отрадой тайной,
Страдалецъ, слушаю тебя.
Но если рѣчь твоя лукава,
Но если ты—обманъ тая...
О, пощади... какая слава?...
На что душа тебѣ моя?
Ужели небу я дороже
Всѣхъ незамѣченныхъ тобой?
Онѣ, увы! прекрасны тоже;

Какъ здѣсь, ихъ дѣвственное ложе
Не смято смертною рукой!...
Нѣтъ, дай мнѣ клятву роковую...
Скажи,—ты видишь: я тоскую,
Ты видишь жалкія мечты!..
Невольный страхъ въ душѣ ласкаешь...
Но ты все понялъ, ты все знаешь,
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися мнѣ... отъ злыхъ стяжаній
Отречься нынѣ дай обѣтъ!
Ужель ни клятвъ, ни обѣщаній
Ненарушимыхъ больше нѣтъ?..

Демонъ.

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ,
Клянусь позоромъ преступленья
И вѣчной правды торжествомъ;
Клянусь паденья горькой мукой,
Побѣды краткою мечтой;
Клянусь свиданіемъ съ тобой
И вновь грядущею разлукой;
Клянуся сонмищемъ духовъ,
Судьбою братій, мнѣ подвластныхъ,
Мечами ангеловъ безстрастныхъ,
Моихъ недремлющихъ враговъ;
Клянуся небомъ я и адомъ,
Земной святыней и тобой;
Клянусь твоимъ послѣднимъ взглядомъ,
Твоею первою слезой,
Незлобныхъ устъ твоихъ дыханьемъ,
Волною шелковыхъ кудрей;
Клянусь блаженствомъ и страданьемъ,
Клянусь любовію моей:
Отрекся я отъ старой мести,
Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
Отнынѣ ядъ коварной лести
Ничей ужъ не встревожитъ умъ.
Хочу я съ небомъ примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я вѣровать добру;
Слезой раскаянья сотру
Я на челѣ, тебя достойномъ,
Слѣды небеснаго огня,
И міръ въ невѣдѣньи спокойномъ
Пусть доцвѣтаетъ безъ меня!

О, вѣрь мнѣ: я одинъ понынѣ
Тебя постигъ и оцѣнилъ,
Избравъ тебя моей святыней,
Я власть у ногъ твоихъ сложилъ;
Твоей любви я жду, какъ дара,
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ,—
Въ любви, какъ въ злобѣ, вѣрь, Тамара,
Я неизмѣненъ и великъ.
Тебя я, вольный сынъ эѳира,
Возьму въ надзвѣздные края,
И будешь ты царицей міра,
Подруга первая моя;
Безъ сожалѣнья, безъ участья
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты;
Гдѣ преступленья лишь да казни,
Гдѣ страсти мелкой только жить,
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?—
Волненье крови молодое!
Но дни бѣгутъ,—и стынетъ кровь.
Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки
И своенравія мечты?
Нѣтъ, не тебѣ, моей подругѣ,
Знай, предназначено судьбой
Увянуть молча въ тѣсномъ кругѣ
Ревнивой грубости рабой,
Средь малодушныхъ и холодныхъ,
Друзей притворныхъ и враговъ,
Боязней и надеждъ безплодныхъ,
Пустыхъ и тягостныхъ трудовъ!
Печально за стѣной высокой
Ты не угаснешь безъ страстей,
Среди молитвъ, равно далеко
Отъ божества и отъ людей.
О, нѣтъ! прекрасное созданье,
Къ иному ты присуждена:
Тебя иное ждетъ страданье,
Иныхъ восторговъ глубина!
Оставь же прежнія желанья
И жалкій свѣтъ его судьбѣ:



Рисун. худ. В. Д. Полѣнова. *„Я тотъ, которому внимала“*



Пучину гордаго познанья
Взамѣнъ открою я тебѣ.
Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ;
Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ
Тебѣ, красавица, я дамъ;
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой,
Возьму съ цвѣтовъ росы полночной,
Его усыплю той росой;
Лучомъ румянаго заката
Твой станъ, какъ лентой, обовью;
Дыханьемъ чистымъ аромата
Окрестный воздухъ напою!
Всечасно дивною игрою
Твой слухъ лелѣять буду я;
Чертоги пышные построю
Изъ бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дамъ тебѣ все, все земное—
Люби меня!..

XI.

— И онъ слегка
Коснулся жаркими устами
Къ ея трепещущимъ губамъ;
Соблазна полными рѣчами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ.
Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи,—
Онъ жегъ ее: во мракѣ ночи
Надъ нею прямо онъ сверкалъ,
Неотразимый, какъ кинжалъ.
Увы, злой духъ торжествовалъ!
Смертельный ядъ его лобзанья
Мгновенно въ грудь ея проникъ...
Мучительный, ужасный крикъ
Ночное возбудилъ молчанье.
Въ немъ было все: любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой
И безнадежное прощанье—
Прощанье съ жизнью молодой...
. . . .

XII.

Въ то время сторожъ полуночный,
Одинъ вокругъ стѣны крутой,

Свершая тихо путь урочный,
Бродилъ съ чугунною доской.
И возлѣ кельи дѣвы юной
Онъ шагъ свой мѣрный укратилъ,
И руку надъ доской чугунной,
Смутясь душой, остановилъ.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышалъ онъ
Двухъ устъ согласное лобзанье,
Минутный крикъ и слабый стонъ.
И нечестивое сомнѣнье
Проникло въ сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье—
И смолкло все; издалека
Лишь дуновенье вѣтерка
Роптанье листьевъ приносило,
Да съ темнымъ берегомъ уныло
Шепталась горная рѣка.
Канонъ угодника святого
Спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать,
Чтобъ навожденье духа злого
Отъ грѣшной мысли отогнать;
Крестйтъ дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь,
И молча, скорыми шагами
Обычный продолжаетъ путь.
. . . .

XIII.

Какъ пери спящая мила,
Она въ гробу своемъ лежала;
Бѣлѣй и чище покрывала
Былъ томный цвѣтъ ея чела.
Навѣкъ опущены рѣсницы...
Но кто бъ, о небо! не сказалъ,
Что взоръ подъ ними лишь дремалъ
И, чудный, только ожидалъ
Иль поцѣлуя, иль денницы?
Но безполезно лучъ дневной
Скользилъ по нимъ струей златой;
Напрасно ихъ въ нѣмой печали
Уста родныя цѣловали,—
Нѣтъ, смерти вѣчную печать
Ничто не въ силахъ ужъ сорвать!



Рисун. худ. М. А. Врубеля. *„Какъ пери спящая мила“.*


МВрубель

XIV.

Ни разу не былъ въ дни веселья
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Тамары праздничный нарядъ.
Цвѣты родимаго ущелья
(Такъ древній требуетъ обрядъ)
Надъ нею льютъ свой ароматъ,
И, сжаты мертвою рукою,
Какъ бы прощаются съ землею.
И ничего въ ея лицѣ
Не намекало о концѣ
Въ пылу страстей и упоенья.
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, какъ смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ея устамъ,
О многомъ грустномъ говорила
Она внимательнымъ глазамъ:
Въ ней было хладное презрѣнье
Души, готовой отцвѣсти,
Послѣдней мысли выраженье,
Землѣ беззвучное: прости.
Напрасный отблескъ жизни прежней,
Она была еще мертвѣй,
Еще для сердца безнадежнѣй
Навѣкъ угаснувшихъ очей.
Такъ, въ часъ торжественный заката,
Когда, растаявъ въ морѣ злата,
Ужъ скрылась колесница дня,
Снѣга̀ Кавказа на мгновенье,
Отливъ румяный сохраня,
Сіяютъ въ темномъ отдаленьѣ;
Но этотъ лучъ полуживой
Въ пустынѣ отблеска не встрѣтитъ,
И путь ничей онъ не освѣтитъ
Съ своей вершины ледяной!..

XV.

Толпой сосѣди и родные
Ужъ собралѝсь въ печальный путь.
Терзая локоны сѣдые,

Безмолвно поражая грудь,
Въ послѣдній разъ Гудалъ садится
На бѣлогриваго коня,—
И поѣздъ тронулся. Три дня,
Три ночи путь ихъ будетъ длиться.
Межъ старыхъ дѣдовскихъ костей
Пріютъ покойный вырытъ ей.
Одинъ изъ праотцевъ Гудала,
Грабитель странниковъ и селъ,
Когда болѣзнь его сковала,
И часъ раскаянья пришелъ,
Грѣховъ минувшихъ въ искупленье
Построить церковь обѣщалъ
На вышинѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,
Куда лишь коршунъ залеталъ.
И скоро межъ снѣговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ,
И кости злого человѣка
Вновь упокоилися тамъ;
И превратилася въ кладбище
Скала, родная облакамъ:
Какъ будто ближе къ небесамъ
Теплѣй посмертное жилище;
Какъ будто дальше отъ людей
Послѣдній сонъ не возмутится...
Напрасно! мертвымъ не приснится
Ни грусть, ни радость прошлыхъ дней.

XVI.

Въ пространствѣ синяго эѳира
Одинъ изъ ангеловъ святыхъ
Летѣлъ нъ крыльяхъ золотыхъ,
И душу грѣшную отъ міра
Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ;
И сладкой рѣчью упованья
Ея сомнѣнья разгонялъ,
И слѣдъ проступка и страданья
Съ нея слезами онъ смывалъ.
Издалека ужъ звуки рая
Къ нимъ доносилися, какъ вдругъ,
Свободный путь пересѣкая,
Взвился изъ бездны адскій духъ.
Онъ былъ могучъ, какъ вихорь шумной,
Блисталъ, какъ молніи струя,

И гордо, въ дерзости безумной,
Онъ говоритъ: „она моя!"
Къ груди хранительной прижалась,
Молитвой ужасъ заглуша,
Тамары грѣшная душа.
Судьба грядущаго рѣшалась:
Предъ нею снова онъ стоялъ,
Но, Боже!—кто бъ его узналъ?
Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ,
Какъ полонъ былъ смертельнымъ ядомъ
Вражды, не знающей конца;
И вѣяло могильнымъ хладомъ
Отъ неподвижнаго лица.
„Исчезни, мрачный духъ сомнѣнья!"
Посланникъ неба отвѣчалъ:
„Довольно ты торжествовалъ;
Но часъ суда теперь насталъ,
И благо Божіе рѣшенье!
Дни испытанія прошли:
Съ одеждой бренною земли
Оковы зла съ нея ниспали.
Узнай, давно ее мы ждали!
Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь—одно мгновенье
Невыносимаго мученья,
Недосягаемыхъ утѣхъ;
Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ!
Цѣной жестокой искупила
Она сомнѣнія свои...
Она страдала и любила,—
И рай открылся для любви!"
И ангелъ строгими очами
На искусителя взглянулъ
И, радостно взмахнувъ крылами,
Въ сіяньи неба потонулъ.
И проклялъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ, надменный,
Одинъ, какъ прежде, во вселенной,
Безъ упованья и любви!...



„И вновь остался онъ надменный...“.

Рис. М. А. Врубеля.

* * *

На склонѣ каменной горы,
Надъ Койшаурскою долиной,
Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Разсказовъ, страшныхъ для дѣтей,
О нихъ еще преданья полны...
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный,
Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣетъ.
Внизу разсыпался аулъ,
Земля цвѣтетъ и зеленѣетъ,
И голосовъ нестройный гулъ
Теряется, и караваны
Идутъ, звеня, издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блеститъ и пѣнится рѣка.
И жизнью вѣчно-молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною
Природа тѣшится шутя,
Какъ беззаботное дитя.
Но грустенъ замокъ, отслужившій
Когда то въ очередь свою,
Какъ бѣдный старецъ, пережившій
Друзей и милую семью.
И только ждутъ луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда имъ праздникъ и свобода!
Жужжатъ, бѣгутъ во всѣ концы.
Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,
Прядетъ сѣтей своихъ основы;
Зеленыхъ ящерицъ семья
На кровлѣ весело играетъ,
И осторожная змѣя
Изъ темной щели выползаетъ
На плиты стараго крыльца:
То вдругъ совьется въ три кольца,
То ляжетъ длинной полосою,
И блещетъ, какъ булатный мечъ,
Забытый въ полѣ дальнихъ сѣчъ,
Ненужный падшему герою...
Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ сметала,
И не напомнитъ ничего

О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его!
Но церковь на крутой вершинѣ,
Гдѣ взяты кости ихъ землей,
Хранима властiю святой,
Видна межъ тучъ еще понынѣ,
И у воротъ ея стоятъ
На стражѣ черные граниты,
Плащами снѣжными покрыты;
И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.
Обваловъ сонныя громады
Съ уступовъ, будто водопады,



„Но церковь на крутой вершинѣ,
Гдѣ взяты кости ихъ землей,
Хранима властiю святой...“

Рис. худ. М. А. Врубеля.

Морозомъ схваченные вдругъ,
Висятъ, нахмурившись, вокругъ.
И тамъ метель дозоромъ ходитъ,
Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ,
То пѣсню долгую заводитъ,
То окликаетъ часовыхъ.
Услыша вѣсти въ отдаленьѣ
О чудномъ храмѣ въ той странѣ,
Съ востока облака однѣ
Спѣшатъ толпой на поклоненье;
И надъ семьей могильныхъ плитъ
Давно никто ужъ не груститъ!
Скала угрюмая Казбека
Добычу жадно сторожитъ,
И вѣчный ропотъ человѣка
Ихъ вѣчный миръ не возмутитъ.



М. А. Врубель. Демонъ.

Демонъ.

(Висковатовскій текстъ).

ПОСВЯЩЕНІЕ I.

В . . .   А . . . . .   Б.

Прими мой даръ, моя Мадонна!
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ явилась ты,
Моя любовь мнѣ оборона
Отъ гордыхъ думъ и суеты...

Я кончилъ—и въ груди невольное сомнѣнье:
Займетъ ли вновь тебя знакомый звукъ,
Стиховъ невѣдомыхъ задумчивое пѣнье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный другъ!
Пробудится ль въ тебѣ о прошломъ сожалѣнье?
Иль, быстро пробѣжавъ докучную тетрадь,
Ты—только мертваго, пустого одобренья
Наложишь на нее тяжелую печать;—
И не узнаешь здѣсь простого выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ;
И примешь за игру иль сонъ воображенья
Больной души тяжелый бредъ....

Вашъ М. Лермонтовъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ II.

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежной:
Какъ сына, ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои

Прикованы судьбою неизбѣжной;
На сѣверѣ, въ странѣ, тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.
Еще ребенкомъ робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,
Увитыя туманными чалмами,
Какъ головы поклонниковъ Аллы.
Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами,
Тамъ ночевать слетаются орлы;
Я въ гости къ нимъ леталъ мечтой послушной
И сердцемъ былъ товарищъ ихъ послушной.
Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ,
И вновь меня межъ скалъ твоихъ ты встрѣтилъ;
Какъ нѣкогда ребенку, твой привѣтъ
Изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ;
Онъ пролилъ въ грудь мою забвенье бѣдъ
И дружески на дружный зовъ отвѣтилъ.
И нынѣ здѣсь, въ полуночномъ краю,
Все о тебѣ мечтаю и пою.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей;
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой—
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ;
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ;
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья,
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
И не грозилъ уму его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый....
И много, много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы.



М. А. Врубель. Демонъ.

II.

Въ пространствѣ міра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли и пріюта.
Вослѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья;
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья—
И зло наскучило ему.

III.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ,
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ,
И разъяренною тигрицей
Косматый Терекъ въ глубинѣ
Ревѣлъ, и горный звѣрь и птица,
Кружась въ лазурной вышинѣ,
Глаголу водъ его внимали;
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ; но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенья Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего...

IV.

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:

Роскошной Грузіи долины
Ковромъ пестрѣющимъ легли.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя раины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющомъ,
Ущелья, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды, яркія, какъ очи
Грузинки пылкой, молодой.
Но кромѣ зависти холодной
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безсильной
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ,—
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, онъ ненавидѣлъ.

V.

Высокій домъ, широкій дворъ
Сѣдой Гудалъ себѣ построилъ...
Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
Рабамъ, послушнымъ съ давнихъ поръ.
Съ утра на скатъ сосѣднихъ горъ
Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;
Въ скалѣ нарублены ступени;
Онѣ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ. По нимъ мелькая,
Покрыта бѣлою чадрой,
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходитъ за водой.

VI.

Всегда безмолвно на долины
Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;
Но пиръ большой сегодня въ немъ,

Звучитъ зурна̀, и льются вины:
Гудалъ сосваталъ дочь свою;
На пиръ онъ со̀звалъ всю семью...
На кровлѣ, устланной коврами,
Сидитъ невѣста межъ подругъ;
Средь игръ и пѣсенъ ихъ досугъ
Проходитъ. Дальними горами
Ужъ спрятанъ солнца полукругъ.
Въ ладоши мѣрно ударяя,
Онѣ поютъ, и бубенъ свой
Беретъ невѣста молодая—
И вотъ она, одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится легче птицы,
То остановится—глядитъ,
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ-подъ завистливой рѣсницы;
То черной бровью поведетъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка;
И улыбается она
Веселья дѣтскаго полна.

VII.

Клянусь полночною звѣздой,
Лучомъ заката и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единый царь земной
Не цѣловалъ такого ока;
Гарема брызжущій фонтанъ
Ни разу, жаркою порою,
Своей алмазною росою
Не омывалъ подобный станъ;
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела.
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишенъ былъ рая,
Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ юга не цвѣла.

VIII.

Увлечена летучей пляской,
Она забыла міръ земной.
Ея узорчатой повязкой
И золотыхъ кудрей волной

Играетъ вѣтеръ—лишь порой
Темнили смутныя сомнѣнья
Ея небесныя черты,
Но были всѣ ея движенья
Такъ стройны, полны выраженья,
Такъ полны милой простоты,
Что еслибъ Демонъ, пролетая,
Въ то время на нее взглянулъ,
То, прежнихъ братій вспоминая,
Онъ отвернулся бъ—и вздохнулъ...

IX.

И Демонъ видѣлъ... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ, и вновь
Въ нѣмой душѣ его пустыню
Проникла молніей любовь.—
И онъ опять постигъ святыню
И міръ добра и красоты...
И долго сладостной картиной
Онъ любовался, и мечты
О прежнемъ счастьѣ цѣпью длинной,
Какъ будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ воскреснули тогда.
Прикованный незримой силой,
Онъ съ новой думой сталъ знакомъ,
Въ немъ чувство вновь заговорило
Роднымъ когда то языкомъ.
То былъ ли признакъ возрожденья?
Онъ словъ насмѣшки и презрѣнья
Найти въ умѣ своемъ не могъ.
Забыть? — забвенья не далъ Богъ,
Да онъ и не взялъ бы забвенья.
. . . .

X.

На брачный пиръ къ закату дня,
Измучивъ добраго коня,
Спѣшитъ женихъ нетерпѣливо.
Арагвы свѣтлой онъ счастливо
Достигъ зеленыхъ береговъ,
Подъ тяжкой ношею даровъ
Едва, едва переступая,
За нимъ верблюдовъ длинный рядъ
Дорогой тянется; мелькая,
Ихъ колокольчики звенятъ...

Онъ самъ, властитель Синодала,
Ведетъ богатый караванъ.
Ремнемъ затянутъ стройный станъ;
Оправа шашки и кинжала
Блеститъ на солнцѣ; за спиной
Ружье съ насѣчкой вырѣзной;
Играетъ вѣтеръ рукавами
Его чухи; кругомъ она
Вся галуномъ обведена.
Цвѣтными вышито шелками
Его сѣдло; узда съ кистями:
Подъ нимъ весь въ мылѣ конь лихой,
Безцѣнной масти золотой.
Питомецъ нѣжный Карабаха,
Прядетъ ушами, полный страха,
Храпя, косится съ крутизны
На пѣну скачущей волны.
Опасенъ, узокъ путь прибрежной:
Утесы съ лѣвой стороны,
Направо глубь рѣки мятежной.
Ужъ поздно. На вершинѣ снѣжной
Румянецъ гаснетъ; всталъ туманъ...
Прибавилъ шагу караванъ.

XI.

И вотъ часовня на дорогѣ...
Тутъ съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ
Какой то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
Съ тѣхъ поръ, на праздникъ иль на битву,
Куда бы путникъ ни спѣшилъ,
Всегда усердную молитву
Онъ у часовни приносилъ;
И та молитва сберегала
Отъ мусульманскаго кинжала.
Но прѣзрѣлъ удалой женихъ
Обычай прадѣдовъ своихъ—
Его коварною мечтою
Лукавый демонъ возмущалъ:
Онъ въ мысляхъ подъ ночною тьмою
Уста невѣсты цѣловалъ...
Вдругъ впереди мелькнули двое,
И больше... Выстрѣлъ... Что такое?
Привставъ на звонкихъ стременахъ,
Надвинувъ нá брови папахъ,
Отважный князь не молвилъ слова;

Въ рукѣ сверкнулъ турецкій стволъ;
Нагайка щелкъ—и, какъ орелъ,
Онъ кинулся... И выстрѣлъ снова,
И дикій крикъ, и стонъ глухой
Промчались въ тишинѣ долины...
Недолго продолжался бой:
Бѣжали робкіе грузины.

XII.

Затихло все... Тѣснясь толпой,
Верблюды съ ужасомъ глядѣли
На трупы всадниковъ; порой
Чуть слышно въ тишинѣ ночной
Ихъ колокольчики звенѣли.
Разграбленъ пышный караванъ,
И надъ тѣлами христіанъ
Чертитъ круги ночная птица.
Не ждетъ ихъ мирная гробница
Подъ слоемъ монастырскихъ плитъ,
Гдѣ прахъ отцовъ ихъ былъ зарытъ;
Не придутъ сестры съ матерями,
Покрыты длинными чадрами,
Съ тоской, рыданьемъ и мольбами
На гробъ ихъ изъ далекихъ мѣстъ!
Зато усердною рукою
Здѣсь у дороги, надъ скалою,
На память водрузится крестъ;
И плющъ, разросшійся весною,
Его, ласкаясь, обовьетъ
Своею сѣткой изумрудной;
И, своротивъ съ дороги трудной,
Не разъ усталый пѣшеходъ
Подъ Божьей тѣнью отдохнетъ...

XIII.

Несется конь быстрѣе лани,
Храпитъ и рвется, будто въ брани,
То вдругъ осадитъ на скаку,
Прислушается къ вѣтерку,
Широко ноздри раздувая;
То разомъ въ землю ударяя
Шипами звонкими копытъ,
Взмахнувъ растрепанною гривой,
Впередъ безъ памяти летитъ.
На немъ есть всадникъ молчаливой;
Онъ бьется на сѣдлѣ порой,



Демонъ, смотрящій на долину. Рисун. М. А. Врубеля.

Припавъ на гриву головой.
Ужъ онъ не правитъ поводами,
Задвинулъ ноги въ стремена,
И кровь широкими струями
На чепракѣ его видна...
Скакунъ лихой, ты господина
Изъ боя вынесъ, какъ стрѣла,
Но злая пуля осетина
Его во мракѣ догнала.

XIV.

Въ семьѣ Гудала плачъ и стоны,
Толпится на дворѣ народъ:
Чей конь примчался запаленный,
И палъ на камнѣ у воротъ?
Кто блѣдный всадникъ бездыханной?
Хранили слѣдъ тревоги бранной
Морщины смуглаго чела.
Въ крови оружіе и платье;
Въ послѣднемъ бѣшеномъ пожатьѣ
Рука на гривѣ замерла.
Не долго жениха младова,
Невѣста, взоръ твой ожидалъ!

Сдержалъ онъ княжеское слово:
На брачный пиръ онъ прискакалъ...
Увы! но никогда ужъ снова
Не сядетъ на коня лихова!...

XV.

На беззаботную семью,
Какъ громъ, слетѣла Божья кара.
Упала на постель свою,
Рыдаетъ бѣдная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышитъ...
И вотъ она какъ будто слышитъ
Волшебный голосъ надъ собой;
„Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
Твоя слеза на трупъ безгласной
Живой росой не упадетъ;
Она лишь взоръ туманитъ ясной,
Ланиты дѣвственныя жжетъ!
Онъ далеко, онъ не узнаетъ,
Не оцѣнитъ тоски твоей;
Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ
Безплотный взоръ его очей.
Онъ слышитъ райскіе напѣвы...
Что жизни мелочные сны,
И стонъ, и слезы бѣдной дѣвы
Для гостя райской стороны?
Нѣтъ, жребій смертнаго творенья,
Повѣрь мнѣ, ангелъ мой земной,
Не стоитъ одного мгновенья
Твоей печали дорогой.
　　„На воздушномъ океанѣ,
　　Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
　　Тихо плаваютъ въ туманѣ
　　Хоры стройные свѣтилъ.
　　Средь полей необозримыхъ
　　Въ небѣ ходятъ безъ слѣда.
　　Облаковъ неуловимыхъ
　　Волокнистыя стада.
　　Часъ разлуки, часъ свиданья—
　　Имъ ни радость, ни печаль:
　　Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
　　Имъ прошедшаго не жаль.
　　Въ день томительный несчастья
　　Ты о нихъ лишь вспомяни;

Будь къ земному безъ участья
И безпечна, какъ они!
„Лишь только ночь своимъ покровомъ
Долины ваши осѣнитъ;
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчитъ;
Лишь только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травою,
И птичка, спрятанная въ ней,
Порхнетъ во мракѣ веселѣй;
И подъ лозою виноградной,
Росу небесъ глотая жадно,
Цвѣтокъ распустится ночной;
Лишь только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горы тихонько встанетъ
И на тебя украдкой взглянетъ,—
Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы,
И на шелко̀выя рѣсницы
Сны золотые навѣвать"...

XVI.

Слова умолкли... Въ отдаленьѣ
Вослѣдъ за звукомъ умеръ звукъ...
Она, вскочивъ, глядитъ вокругъ...
Невыразимое смятенье
Въ ея груди; печаль, испугъ,
Восторга пылъ—ничто въ сравненьѣ;
Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ.
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жиламъ пробѣгалъ,
И этотъ голосъ чудно новый,
Ей мнилось, все еще звучалъ.
И передъ утромъ сонъ желанной
Глаза усталые смыкалъ;
Но мысль ея онъ возмущалъ
Мечтой пророческой и странной:
Пришлецъ туманный и нѣмой,
Красой блистая не земной,
Къ ея склонялся изголовью;
И взоръ его съ такой любовью,
Такъ грустно на нее смотрѣлъ,
Какъ будто онъ о ней жалѣлъ.
То не былъ ангелъ-небожитель,
Ея божественный хранитель;
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей



Тамара и Демонъ. Рисун. кн. Г. Г. Гагарина.

Не украшалъ его кудрей;
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ—о, нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный,
На день, на ночь, на мракъ, на свѣтъ!

XVII.

Тоской и трепетомъ полна,
Тамара часто у окна
Сидитъ въ раздумьи одинокомъ
И смотритъ вдаль прилежнымъ окомъ,
И цѣлый день, вздыхая, ждетъ...
Ей кто то шепчетъ: „онъ придетъ!“.
Не даромъ сны ее ласкали,
Не даромъ онъ являлся ей
Съ глазами, полными печали,
И чудной нѣжностью рѣчей.
Ужъ много дней она томится,
Сама не зная, почему;

Святымъ захочетъ ли молиться,
А сердце молится ему;
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна,—
Подушка жжетъ, ей душно, страшно,
И вся, вскочивъ, дрожитъ она;
Трепещетъ грудь, пылаютъ плечи,
Нѣтъ силъ дышать, туманъ въ очахъ,
Объятья жадно ищутъ встрѣчи,
Лобзанья таютъ на устахъ...
. . . .
. . . .

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

„Отецъ! отецъ! оставь угрозы,
Свою Тамару не брани.
Я плачу—видишь эти слезы?...
Уже не первыя онѣ...
Напрасно женихи толпою
Спѣшатъ сюда изъ дальнихъ мѣстъ...
Не мало въ Грузіи невѣстъ...
А мнѣ не быть ничьей женою...
Скажи моимъ ты женихамъ:
Супругъ мой взятъ сырой землею,—
Другому сердца не отдамъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ трупъ его кровавый
Мы схоронили подъ горой,
Меня тревожитъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой.
Въ тиши ночной меня смущаютъ,—
Видѣнья пестрыхъ, странныхъ сновъ
Молиться мнѣ не дозволяютъ,
Мысль далеко отъ звука словъ;
Огонь по жиламъ пробѣгаетъ...
Я сохну, вяну день отъ дня.
Отецъ! душа моя страдаетъ...
Отецъ мой, пощади меня!
Отдай въ священную обитель
Дочь безразсудную свою:
Тамъ защититъ меня Спаситель,
Предъ Нимъ тоску мою пролью.

На свѣтѣ нѣтъ ужъ мнѣ веселья...
Святыни миромъ осѣня,
Пусть приметъ сумрачная келья,
Какъ гробъ, заранѣе меня“.

II.

И въ монастырь уединенной
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и въ монашеской одеждѣ,
Какъ подъ узорною парчой,
Все безпокойною мечтой
Въ ней сердце билося, какъ прежде.
Предъ алтаремъ, при блескѣ свѣчъ,
Въ часы торжественнаго пѣнья
Знакомая среди моленья
Ей часто слышалася рѣчь.
Подъ сводомъ сумрачнаго храма
Знакомый образъ иногда
Скользилъ безъ звука и слѣда;
Въ туманѣ легкомъ ѳиміама
Сіялъ онъ тихо, какъ звѣзда,
Манилъ и звалъ онъ... но куда?
. . . .

III.

Таился монастырь святой
Въ прохладѣ межъ двумя холмами;
Чинаръ и тополей рядами
Онъ окруженъ былъ—и порой,
Когда ложилась ночь въ ущельи,
Сквозь нихъ мерцала въ окнахъ кельи
Лампада схимницы младой.
Кругомъ въ тѣни деревъ миндальныхъ,
Гдѣ рядъ стоитъ крестовъ печальныхъ,
Безмолвныхъ сторожей гробницъ,
Спѣвались хоры легкихъ птицъ;
По камнямъ прыгали, шумѣли
Ключи студеною волной,
И подъ нависшею скалой,
Сливаясь дружески въ ущельѣ,
Катились дальше межъ кустовъ,
Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.

IV.

На сѣверъ видны были горы.
При блескѣ утренней Авроры,
Когда синѣющій дымокъ
Курится въ глубинѣ долины,
И, обращаясь на востокъ,
Зовутъ къ молитвѣ муэззины;
И звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая,
Въ торжественный восхода часъ;
Когда грузинка молодая
Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
Съ горы спускается крутой—
Вершины цѣпи снѣговой
Свѣтло-лиловою стѣной
На чистомъ небѣ рисовались;
А въ часъ заката одѣвались
Онѣ румяной пеленой.
И между нихъ прорѣзавъ тучи,
Стоялъ всѣхъ выше головой
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

V.

Но въ схимницѣ своимъ блистаньемъ
Восторга міръ не пробуждалъ.
Полна тревожнымъ ожиданьемъ,
Вся предалась она мечтаньямъ,
Все передъ нею *онъ* стоялъ.
Страсть безотчетная, какъ тѣнью,
Жизнь осѣнила передъ ней;
Ей стало все предлогъ мученью:
И утра лучъ, и мракъ ночей.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обойметъ,
Передъ божественной иконой
Она въ безумьѣ упадетъ,
И плачетъ; и въ ночномъ молчаньѣ
Ея тяжелое рыданье
Тревожитъ путника вниманье,
И мыслитъ онъ: „то горній духъ,
Прикованный въ пещерѣ, стонетъ!“
И, чуткій напрягая слухъ,
Коня измученнаго гонитъ...
То думы радостной волна

Ее охватитъ, и былое
Встаетъ изъ мрака, какъ живое,
И ясныхъ сновъ душа полна.
Тѣснятся въ ней воспоминанья,
Изъ дѣтства ранняго сказанья
Родной и милой старины.
Ея тревожныя мечтанья
Опять къ *нему* обращены.
Вновь гость чудесный передъ нею
Съ челомъ развѣнчаннымъ стоялъ,
Онъ отъ нея спасенья ждалъ,
Любить и вѣровать не смѣя.
Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ молилъ,
Онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ...
. . . .

VI.

Вечерней мглы покровъ воздушный
Ужъ холмы Грузіи одѣлъ.
Привычкѣ сладостной послушный,
Въ обитель Демонъ прилетѣлъ.
Но долго, долго онъ не смѣлъ
Святыню мирнаго пріюта
Нарушить, — и была минута,
Когда, казалось, онъ готовъ
Оставить умыселъ жестокій.
Задумчивъ у стѣны высокой
Онъ бродитъ; отъ его шаговъ
Безъ вѣтра листъ въ тѣни трепещетъ.
Онъ поднялъ взоръ; ея окно,
Озарено лампадой, блещетъ;
Кого то ждетъ она давно.
И вотъ средь общаго молчанья
Чингуры стройное бряцанье
И звуки пѣсни раздались;
И звуки тѣ лились, лились,
Какъ слезы, мѣрно другъ за другомъ;
И эта пѣснь была нѣжна,
Какъ будто для земли она
Была на небѣ сложена.
Не ангелъ ли съ забытымъ другомъ
Вновь повидаться захотѣлъ,
Сюда украдкою слетѣлъ,
И о быломъ ему пропѣлъ,
Чтобъ усладить его томленье?..
Тоску любви, ея волненье

Постигнулъ Демонъ въ первый разъ...
Онъ хочетъ въ страхѣ удалиться —
Его крыло не шевелится!
И чудо! изъ померкшихъ глазъ
Слеза тяжелая катится...
Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный виденъ камень
Слезою жаркою, какъ пламень,
Не человѣческой слезой!...
. . . .

VII.

И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой, открытой для добра;
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ будто въ первое свиданье,
Спознались съ гордою душой...
Минуя образъ озаренный,
Проникнулъ въ келію смущенный
Духъ отверженія и зла;
И сталъ недвижимъ у порога
И, чуя вѣяніе Бога,
Не смѣя приподнять чела,
На грудь склонился головою,
Томимъ невѣдомой тоскою...

VIII.

Но взоръ онъ поднялъ — ангелъ нѣжной
Въ одеждѣ легкой, бѣлоснѣжной
Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
Хранитель схимницы прекрасной,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ.
Они невинны, чисты оба!
Онъ смотритъ — ненависть и злоба
Мгновенно пробудили страсть:
Исчезнулъ ясный рой мечтаній;
Вѣка вражды, вѣка страданій
Надъ нимъ свою явили власть.

Херувимъ

„Духъ безпокойный, духъ порочной,
Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?

Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ,
Зло не дышало здѣсь понынѣ!
Къ моей любви, къ моей святынѣ
Не пролагай преступный слѣдъ!“

Демонъ.

„Оставь ее! Межъ ней и мною
Не становись: она моя!
Мы связаны судьбой одною,
И ей, какъ мнѣ, не ты судья.
Подъ чарой ясной благостыни
Я счастье лучшихъ дней ловлю!
Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни,
Здѣсь я владѣю, я люблю!
Рѣшило небо нашу встрѣчу,
Любовь и торжество мое...
Не ты—предъ Богомъ я отвѣчу
И за себя, и за нее...“
И ангелъ грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ
И, медленно взмахнувъ крылами,
Въ эѳирѣ неба потонулъ...
. . . .

IX.

Тамара гордой рѣчи внемлетъ;
Чудесный страхъ ее объемлетъ;
Онъ передъ схимницей стоитъ:
Знакомой блещетъ красотою,
И утихающей грозою
Взоръ отуманенный блеститъ,

Тамара.

О, кто ты? Рѣчь твоя опасна!
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
Чего ты хочешь?

Демонъ.

Ты прекрасна!

Тамара.

Но кто же, кто ты?.. отвѣчай!..

Демонъ.

Я тотъ, которому внимала
Ты въ полуночной тишинѣ,

Чья мысль душѣ твой шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образъ видѣла во снѣ;
Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ,
Едва надежда расцвѣтетъ;
Я тотъ, кого никто не любитъ,
И все живущее клянетъ.
Ничто пространство мнѣ и годы;
Я богъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло природы,
И видишь—я у ногъ твоихъ!..
Тебѣ принесъ я въ умиленьѣ
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первыя мои.
О, выслушай изъ сожалѣнья!
Меня добру и небесамъ
Ты возвратить могла бы словомъ;
Твоей любви святымъ покровомъ
Одѣтый, я предсталъ бы тамъ,
Какъ новый ангелъ въ блескѣ новомъ,
О! только выслушай, молю,
Я рабъ твой, я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидѣлъ—
И тайно вдругъ возненавидѣлъ
Безсмертіе и власть мою.
Я позавидовалъ невольно
Неполной радости земной;
Не жить, какъ ты, мнѣ стало больно,
И страшно—розно жить съ тобой.
Въ безкровномъ сердцѣ лучъ нежданный
Опять затеплился живѣй,
И грусть на днѣ старинной раны
Вдругъ шевельнулася, какъ змѣй.
Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность,
Моихъ владѣній безконечность?
Пустыя, звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!

Тамара.

Оставь меня, о духъ лукавый!
Молчи, не вѣрю я врагу!
Творецъ!.. увы, я не могу
Молиться... тайною отравой
Мой умъ слабѣющій объятъ.

Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова—огонь и ядъ...
Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

Демонъ.

Зачѣмъ, красавица? Увы,
Не знаю! полонъ жизни новой,
Съ своей преступной головы
Я гордо снялъ вѣнецъ терновый,
Я все былое бросилъ въ прахъ;
И адъ, и рай въ твоихъ очахъ!
Люблю тебя не здѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты...
Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ напечатлѣнъ,
Передо мной носился онъ
Въ пустыняхъ вѣчнаго эѳира.
Давно тревожа мысль мою,
Мнѣ имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мнѣ въ раю
Одной тебя недоставало.
О! еслибъ ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья
И наслаждаться, и страдать,
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда жалѣть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Все противъ воли ненавидѣть,
Все безотрадно презирать!..
Лишь только Божіе проклятье
Исполнилось, съ того же дня
Природы жаркія объятья
Навѣкъ остыли для меня...
Синѣло предо мной пространство,
Я видѣлъ пышное убранство
Свѣтилъ, знакомыхъ мнѣ давно...
Они текли въ вѣнцахъ изъ злата;
Но что же? прежняго собрата
Не узнавало ни одно!

Изгнанниковъ, себѣ подобныхъ,
Я звать въ отчаяніи сталъ,
Но словъ и лицъ и взоровъ злобныхъ,
Увы, я самъ не узнавалъ.
Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ,
Какъ часто подымая прахъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Я шумно мчался въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть!
Что повѣсть тягостныхъ лишеній,
Трудовъ и бѣдъ толпы людской,
Грядущихъ, прошлыхъ поколѣній
Передъ минутою одной
Моихъ непризнанныхъ мученій?
Что люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!
Надежда есть: ждетъ правый судъ;
Простить онъ можетъ, хоть осудитъ!
Моя жъ печаль безсмѣнно тутъ,
И ей конца, какъ мнѣ, не будетъ,
И не вздремнуть въ могилѣ ей!
Она—то ластится, какъ змѣй,
То жжетъ и блещетъ, будто пламень,
То давитъ мысль мою, какъ камень—
Надеждъ погибшихъ и страстей
Несокрушимый мавзолей!

X.

Тамара.

Кто бъ ни былъ ты, мой другъ случайной,
Покой навѣки погубя,
Невольно я съ отрадой тайной,
Страдалецъ, слушаю тебя.
Но если рѣчь твоя лукава,
Но если ты, обманъ тая...
О! пощади!.. Какая слава!..
На что тебѣ душа моя?..
Ужели небу я дороже
Всѣхъ незамѣченныхъ тобой?
Онѣ, увы! прекрасны тоже,
Какъ здѣсь, ихъ дѣвственное ложе

Не смято смертнаго рукой!..
Нѣтъ! дай мнѣ клятву роковую...
Скажи—ты видишь, я тоскую,
Ты знаешь женскія мечты!
Невольно страхъ въ душѣ рождаешь...
Но ты все понялъ, ты все знаешь,
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися, мнѣ.... отъ злыхъ стяжаній
Отречься нынѣ дай обѣтъ!
Ужель ни клятвъ, ни обѣщаній
Ненарушимыхъ больше нѣтъ?..

Демонъ.

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ,
Клянусь позоромъ преступленья
И вѣчной правды торжествомъ;
Клянусь паденья горькой мукой;
Побѣды ясною мечтой,
Клянусь свиданіемъ съ тобой
И вновь грозящею разлукой;
Клянуся сонмищемъ духовъ,
Судьбою братій, мнѣ подвластныхъ,
Мечами ангеловъ безстрастныхъ,
Моихъ недремлющихъ враговъ;
Клянуся небомъ я и адомъ,
Земной святыней и тобой;
Клянусь твоимъ послѣднимъ взглядомъ,
Моею первою слезой;
Незлобныхъ устъ твоихъ дыханьемъ,
Волною шелковыхъ кудрей;
Клянусь блаженствомъ и страданьемъ,
Клянусь любовію моей,—
Отрекся я отъ старой мести,
Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
Хочу я съ небомъ примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я вѣровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челѣ, тебя достойномъ,
Слѣды небеснаго огня;
И міръ въ невѣдѣньѣ спокойномъ
Пусть доцвѣтаетъ безъ меня!
О! вѣрь мнѣ: я одинъ понынѣ
Тебя постигъ и оцѣнилъ.
Избравъ тебя моей святыней,

Я власть у ногъ твоихъ сложилъ.
Твоей любви я жду, какъ дара,
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ;
Въ любви, какъ въ злобѣ, вѣрь, Тамара,
Я неизмѣненъ, я великъ...
Тебя я, вольный сынъ эѳира,
Возьму въ надзвѣздные края,
И будешь ты царицей міра,
Подруга вѣчная моя;
Безъ сожалѣнья, безъ участья
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты,
Гдѣ преступленья лишь да казни,
Гдѣ страсти мелкой только жить,
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?—
Волненье крови молодое!—
Но дни бѣгутъ, и стынетъ кровь.
И пусть другіе бъ утѣшались
Ничтожнымъ жребіемъ своимъ:
Ихъ думы неба не касались,
Міръ лучшій недоступенъ имъ,
Но ты, прекрасное созданье,
Къ иному ты присуждена;
Тебя иное ждетъ страданье,
Иныхъ восторговъ глубина!
Толпѣ духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ;
Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ
Тебѣ, красавица, я дамъ,
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой,
Возьму съ цвѣтовъ росы полночной,
Его усыплю той росой;
Лучомъ румянаго заката
Твой станъ, какъ лентой, обовью;
Дыханьемъ чистымъ аромата
Окрестный воздухъ напою!
Всечасно дивною игрою
Твой слухъ лелѣять буду я;
Чертоги пышные построю
Изъ бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,

Я полечу за облака,
Я дамъ тебѣ все, все земное—
Люби меня!..

XI.

— И онъ слегка
Коснулся жаркими устами
Къ ея трепещущимъ губамъ;
Соблазна полными рѣчами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ.
Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи,
Онъ жегъ ее. Во мракѣ ночи
Надъ нею прямо онъ сверкалъ
Неотразимый, какъ кинжалъ.
Смертельный ядъ его лобзанья
Мгновенно въ кровь ея проникъ...
Мучительный, но слабый крикъ
Ночное возмутилъ молчанье...
Въ немъ было все: любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой
И безнадежное прощанье—
Прощанье съ жизнью молодой.

XII.

Въ то время сторожъ полуночный
Одинъ вокругъ стѣны крутой,
Свершая тихо путь урочный,
Бродилъ съ чугунною доской,
И подъ окошкомъ дѣвы юной
Онъ шагъ свой мѣрный укротилъ,
И руку надъ доской чугунной,
Смутясь душой, остановилъ,
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышалъ онъ
Двухъ устъ согласное лобзанье,
Чуть внятный крикъ и слабый стонъ...
И нечестивое сомнѣнье
Проникло въ сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье—
И смолкло все; издалека
Лишь дуновенье вѣтерка
Роптанье листьевъ приносило,
Да съ темнымъ берегомъ уныло
Шепталась горная рѣка.
Канонъ угодника святого
Спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать,
Чтобъ навожденье духа злого

От грѣшной мысли отогнать;
Креститъ дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь,
И, молча, скорыми шагами
Обычный продолжаетъ путь.
. . . .

XIII.

Какъ пери спящая мила,
Она въ гробу своемъ лежала;
Бѣлѣй и чище покрывала
Былъ блѣдный видъ ея чела.
Навѣкъ опущены рѣсницы...
Но кто бъ, взглянувши, не сказалъ,
Что взоръ подъ ними лишь дремалъ,
И, чудный, только ожидалъ
Иль поцѣлуя, иль денницы?
Но безполезно лучъ дневной
Скользилъ по нимъ струей златой;
Напрасно ихъ въ нѣмой печали
Уста родныя цѣловали...
Нѣтъ, смерти вѣчную печать
Ничто не въ силахъ ужъ сорвать!
Ни разу не былъ въ дни веселья
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Тамары праздничный нарядъ:
Цвѣты родимаго ущелья
(Такъ древній требуетъ обрядъ)
Надъ нею льютъ свой ароматъ,
И, сжаты мертвою рукою,
Какъ бы прощаются съ землею.
И долго бѣдной жертвы тлѣнья
Не трогалъ ангелъ разрушенья,
И ничего въ ея лицѣ
Не намекало о концѣ.

XIV.

Собралися въ печальный путь
Друзья, сосѣди и родные.
Терзая локоны сѣдые,
Безмолвно поражая грудь,
Въ послѣдній разъ Гудалъ садится
На бѣлогриваго коня,
И поѣздъ тронулся.—Три дня,
Три ночи путь ихъ будетъ длиться.
Межъ старыхъ дѣдовскихъ костей

Пріютъ покойный вырытъ ей.
Одинъ изъ праотцевъ Гудала,
Грабитель странниковъ и селъ,
Когда болѣзнь его сковала,
И часъ раскаянья пришелъ,
Грѣховъ минувшихъ въ искупленье,
Построить церковь обѣщалъ
На вышинѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,
Куда лишь коршунъ залеталъ.
И скоро межъ снѣговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ,
И кости злого человѣка
Вновь успокоилися тамъ;
И превратилася въ кладбище
Скала, родная облакамъ;
Какъ будто ближе къ небесамъ
Теплѣй посмертное жилище;
Какъ будто дальше отъ людей
Послѣдній сонъ не возмутится...
Напрасно! мертвымъ не приснится
Ни грусть, ни радость прошлыхъ дней.

XV.

Уже послѣдній стихъ прочли
Надъ прахомъ дочери Гудала,
И горсть прощальная земли
О крышку гроба застучала;
Ужъ воскурился къ небесамъ
Кадилъ прощальный ѳиміамъ;
Замолкъ и за скалой сосѣдней
Рыданій горькихъ звукъ послѣдній...
Подковы стукъ и шумъ шаговъ,
Рѣдѣвшій откликъ голосовъ
Все ниже, дальше замирали...
А тучи грозно окружали
Тамары хладную постель—
Вдругъ разыгралася мятель—
И громче хищнаго шакала
Она завыла въ небесахъ,
И бѣлымъ прахомъ заметала
Родной скалѣ врученный прахъ.

XVI.

Въ пространствѣ синяго эѳира
Одинъ изъ ангеловъ святыхъ

Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ,
И душу грѣшную отъ міра
Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ;
И сладкой рѣчью упованья
Ея сомнѣнья разгонялъ,
И слѣдъ проступка и страданья
Съ нея слезами онъ смывалъ.
Издалека ужъ звуки рая
Къ нимъ доносилися,—какъ вдругъ,
Свободный путь пересѣкая,
Взвился изъ бездны адскій духъ...
Онъ былъ могучъ, какъ вихорь шумный,
Блисталъ, какъ молніи струя,
И гордо въ дерзости безумной
Онъ говорилъ: „она моя!“

Къ груди хранительной прижалась,
Молитвой ужасъ заглуша,
Тамары грѣшная душа.
Судьба грядущаго рѣшалась:
Предъ нею снова онъ стоялъ.
Но, Боже! кто бъ *его* узналъ?
Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ,
Какъ полонъ былъ смертельнымъ ядомъ
Вражды, не знающей конца,
И вѣяло могильнымъ хладомъ
Отъ неподвижнаго лица.

„Исчезни, мрачный духъ сомнѣнья“,
Посланникъ неба отвѣчалъ:
„Довольно ты торжествовалъ,
Но часъ суда теперь насталъ,
И благо Божіе рѣшенье!
Дни испытанія прошли;
Съ одеждой бренною земли
Оковы зла съ нея ниспали.
Узнай, давно ее мы ждали!
Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь—одно мгновенье
Невыносимаго мученья,
Недосягаемыхъ утѣхъ;
Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ.
Цѣной жестокой искупила

Она сомнѣнія свои...
Она страдала и любила—
И рай открылся для любви!“

И ангелъ строгими очами
На искусителя взглянулъ,
И, радостно взмахнувъ крылами,
Въ сіяньи неба потонулъ.
И проклялъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!..



Сидящій демонъ. Рисун. М. А. Врубеля.

(ЭПИЛОГЪ).

На склонѣ каменной горы,
Надъ Кайшаурскою долиной,
Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Разсказовъ страшныхъ для дѣтей
О нихъ еще преданья полны...
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный,
Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣетъ.
Внизу разсыпался аулъ,
Земля цвѣтетъ и зеленѣетъ,
И голосовъ нестройный гулъ
Теряется, и караваны

Идутъ, звеня, издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блеститъ и пѣнится рѣка.
И жизнью вѣчно молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною
Природа тѣшится шутя,
Какъ беззаботное дитя.

Но грустенъ замокъ, отслужившій
Когда то очередь свою,
Какъ бѣдный старецъ, пережившій
Друзей и милую семью.
И только ждутъ луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда имъ праздникъ и свобода,
Жужжатъ, бѣгутъ во всѣ концы.
Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,
Прядетъ сѣтей своихъ основы;
Зеленыхъ ящерицъ семья
На кровлѣ весело играетъ,
И осторожная змѣя
Изъ темной щели выползаетъ
На плиту стараго крыльца:
То вдругъ совьется въ три кольца,
То ляжетъ длинной полосою,
И блещетъ, какъ булатный мечъ,
Забытый въ полѣ давнихъ сѣчъ,
Ненужный падшему герою...

Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ сметала,
И не напомнитъ ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его!
Но церковь на крутой вершинѣ,
Гдѣ взяты кости ихъ землей,
Хранима властію святой,
Видна межъ тучъ еще понынѣ;
И у воротъ ея стоятъ
На стражѣ черные граниты,
Плащами снѣжными покрыты,
И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.
Обваловъ сонныя громады
Съ уступовъ, будто водопады,

Морозомъ схваченные вдругъ,
Висятъ, нахмурившись, вокругъ.
И тамъ мятель дозоромъ ходитъ,
Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ,
То пѣсню долгую заводитъ,
То окликаетъ часовыхъ.
Услыша вѣсти въ отдаленьѣ
О чудномъ храмѣ, къ той странѣ,
Съ востока облака однѣ
Спѣшатъ толпой на поклоненье;
И надъ семьей могильныхъ плитъ
Давно никто ужъ не груститъ.
Скала угрюмаго Казбека
Добычу жадно сторожитъ,
И вѣчный ропотъ человѣка
Ихъ вѣчный миръ не возмутитъ.

I. ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „ДЕМОНУ“.

Первоначальные очерки „Демона“.

I.

(1829).

1. ПОСВЯЩЕНІЕ.

Я буду пѣть, пока поется,
Пока волненья позабылъ,
Пока высокимъ сердце бьется,
Пока я жизнь не пережилъ.
Въ душѣ горятъ, хотя безвѣстнѣй,
Лучи небеснаго огня;
Но нѣжныхъ и веселыхъ пѣсней,
Мой другъ, не требуй отъ меня...
Я умеръ. Свѣтлыхъ вдохновеній
Забыта мною сторона
Давно. Какъ скученъ день осенній,
Такъ жизнь моя была скучна;
Такъ впечатлѣній непріятныхъ
Душа всегда была полна;
Понынѣ о годахъ развратныхъ
Не престаетъ скорбѣть она.

2. ПОСВЯЩЕНІЕ.

Я буду пѣть, пока поется,
Пока, друзья, въ груди моей
Еще высокимъ сердце бьется,
И жалость не погибла въ ней!
Но той веселости прекрасной
Не требуй отъ меня напрасно;
И юныхъ гордыхъ дней, поэтъ,
Ты не вернешь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ...
Какъ солнце осени суровой,
Такъ пасмурна и жизнь моя.
Среди людей скучаю я,
Мнѣ впечатлѣніе не ново...
И вотъ печальныя мечты,
Плоды душевной пустоты!

* *
*

Печальный демонъ, духъ изгнанья,
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ;
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ Него,
Когда сердечная тревога
Чуждалася души его,
Какъ дня боится мракъ могилы.
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы...

(Демонъ узнаетъ, что ангелъ любитъ одну смертную. Демонъ узнаетъ и обольщаетъ ее, такъ что она покидаетъ ангела, но скоро умираетъ и дѣлается духомъ ада. Демонъ обольстилъ ее, разсказывая, что Богъ несправедливъ, и проч. свою ист...).

Любовь забылъ онъ навсегда;
Коварство, ненависть, вражда
Надъ нимъ владычествуютъ нынѣ...
Въ немъ пусто, пусто, какъ въ пустынѣ.
Смертельный слѣдъ напечатлѣнъ
На томъ, къ чему онъ прикоснется,
И говорятъ, что даже онъ
Своимъ злодѣйствамъ не смѣется,
Что груды гибнущихъ людей
Не веселятъ его очей...
Зачѣмъ же демонъ отверженья
Роняетъ, посреди мученья,
Свинцовы слезы иногда,
И имъ забыты на мгновенья
Коварство, зависть и вражда?..

(Демонъ влюбляется въ смертную (монахиню), и она его, наконецъ, любитъ; но демонъ видитъ ея ангела-хранителя, и отъ зависти и ненависти рѣшается погубить ее. Она умираетъ. Душа ея улетаетъ въ адъ, и демонъ, встрѣчая ангела, который плачетъ съ высотъ неба, упрекаетъ его язвительной улыбкой).

Угрюмо жизнь его текла,
Какъ жизнь развалинъ. Безконечность
Его тревожить не могла,
Онъ хладнокровно видѣлъ вѣчность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды...
Ему желанья были чужды;
Онъ жегъ печатью роковой
Того, къ кому онъ прикасался;
Но часто демонъ молодой
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Таковъ осеннею порой,
Среди долины опустѣлой,
Одинъ чернѣетъ пень горѣлой,
Сражонъ стрѣлою громовой:
Онъ прямо высится главой
И презираетъ бурь порывы,
Пустыни сторожъ молчаливый...
Боясь лучей, бѣжалъ онъ тьму;
Душой измученною боленъ,

Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
Все горько сдѣлалось ему;
И все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣря ничему
И ничего не принимая.
Въ полнòчь, между высокихъ скалъ,
Однажды, надъ волнами моря,
Одинъ, безъ радости, безъ горя,
Бѣглецъ эдема пролеталъ,
И грѣшнымъ взоромъ созерцалъ
Земли пустынныя равнины.
И зритъ, чернѣютъ надъ горой
Стѣна обители святой
И башенъ странныя вершины.
Межъ низкихъ келій тишина.
Садится поздняя луна.
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вотъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ...
И чей то голосъ... Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ...
Его крыло не шевелится,
И странно! изъ потухшихъ глазъ
Слеза свинцовая катѝтся...
Какъ много значилъ этотъ звукъ!
Мечты забытыхъ упоеній,
Вѣка страданія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій—
Все оживилось въ немъ, и вновь
Погибшій вѣдаетъ любовь.

Монахиня.

О чемъ ты близъ меня вздыхаешь?
Чего ты хочешь получить?
Я поклялась давно, ты знаешь,
Земныя страсти позабыть...
Кто ты?... Мольба моя напрасна...
Чего ты хочешь?

Демонъ.

Ты прекрасна.

Монахиня.

Кто ты?

Демонъ.

Я демонъ. Не страшись,
Святыни здѣшней не нарушу!
И о спасеньи не молись:
Не искусить пришелъ я душу.
Сгарая жаждою любви,
Несу къ ногамъ твоимъ моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.

II.

(1830).

(Писано въ пансіонѣ, въ началѣ 1830 года).

Cain.	Who art thou?
Lucifer.	Master of Spirits.
Cain.	And being so, canst thou Leave them, and walk with dust?
Luc.	I know the thoughts Of dust, and feel for it, and with you.

1.

Печальный демонъ, духъ изгнанья,
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ;
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ Него,
Когда заботы и тревога
Чуждалися ума его,
Какъ дня боится мракъ могилы...
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы.
Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ міра. Безконечность
Его тревожить не могла,
Онъ равнодушно видѣлъ вѣчность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды;
Ему желанья были чужды;
Онъ жегъ печатью роковой
Все то, къ чему ни прикасался;
И часто демонъ молодой
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Боясь лучей, бѣжалъ онъ тьму;
Душой измученною боленъ,
Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
Все горько сдѣлалось ему;
И все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣря ничему
И ничего не признавая.

2.

Однажды вечеромъ межъ скалъ
И надъ сѣдой равниной моря,
Одинъ, безъ радости, безъ горя,
Бѣглецъ эдема пролеталъ
И грѣшнымъ взоромъ созерцалъ
Земли пустынныя равнины.
И зритъ: бѣлѣютъ подъ горой
Стѣна обители святой

И башенъ странныя вершины.
Межъ бѣдныхъ келій тишина.
Встаетъ багровая луна.
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ...
И чей то голосъ. Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ...
Его крыло не шевелится,
И—чудо!—изъ померкшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится...
Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный виденъ камень
Слезою, жаркою, какъ пламень,
Не человѣческой слезой.

3.

Какъ много значитъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій:
Все оживилось въ немъ опять.
Но что жъ? Ему не воскресать
Для нѣжныхъ чувствъ. Такъ, если мчитс
По небу лѣтнему порой
Отрывокъ тучи громовой,
И лучъ случайно отразится
На сумрачныхъ краяхъ, она
Тотъ блескъ мгновенный презираетъ
И дальше, дальше улетаетъ,
Холодной гордостью полна.
Проникнулъ въ келью духъ смущенный,
Людского счастья тайный воръ,
Минуетъ образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ;
Онъ зритъ божественныя книги,
Лампаду, четки и вериги;
Но гдѣ же звуки? гдѣ же та,
Къ которой сильная мечта
Его влечетъ?...
Она сидѣла
Съ испанской лютнею въ рукахъ
И пѣсню горъ, играя, пѣла;
И все, и все въ ея чертахъ
Земной безпечностью дышало;
И кольца мягкія кудрей
Сбѣгали, будто покрывало,
На вѣки блѣдныя очей.
Исполнена какой то думой,
Младая волновалась грудь.
Вотъ поднялась. На сводъ угрюмой
Она задумала взглянуть.

Какъ звѣзды омраченной дали,
Глаза монахини сіяли;
Ея лилейная рука,
Бѣла, какъ утромъ облака,
На черномъ платьѣ отдѣлялась;
И отвѣчали струны ей,
Что дальше, то нѣжнѣй, нѣжнѣй.
Тоской раскаянья, казалось,
Была та пѣсня сложенà.
Межъ тѣмъ, какъ путникъ любопытный,
Въ окно, участіемъ полна,
На дѣву, жертву грусти скрытной,
Смотрѣла ясная луна.
Окованъ сладкою игрою,
Стоялъ злой духъ. Ему любить
Не должно сердца допустить:
Онъ связанъ клятвой роковою
(И эту клятву молвилъ онъ,
Когда блистающій Сіонъ
Оставилъ съ гордымъ сатаною).
. . . .
. . . .

Онъ искушать хотѣлъ—не могъ;
Не находилъ въ себѣ искусства;
Забыть—забвенья не далъ Богъ;
Любить—не доставало чувства.
Что дѣлать? Новыя мечты
И чуждыя понынѣ муки!
Такъ, демонъ, слыша эти звуки,
Земную страсть извѣдалъ ты.
Ты плакалъ горькими слезами,
Глядя на милый свой предметъ,
О томъ, что цѣпь лежитъ межъ вами,
Что пламя въ мертвомъ сердцѣ нѣтъ;
Когда ты зналъ, что не принудитъ
Его минута полюбить,
Что даже скоро, можетъ быть,
Она твоею жертвой будетъ.
И удалиться онъ спѣшилъ
Отъ этой кельи, гдѣ впервые
Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ.
Но прелесть звуковъ и видѣнья
Остались на душѣ его,
въ памяти сего мгновенья
Ужъ не загладитъ ничего...

4.

Спустя сто лѣтъ, пергаментъ пыльный
Между развалинъ отыскалъ
Какой то странникъ. Онъ узналъ,
Что это памятникъ могильный,
И съ любопытствомъ прочиталъ
Онъ монастырскія преданья
О жизни дѣвы молодой,

И имъ повѣрилъ, и порой
Жалѣлъ о ней въ часы мечтанья.
Онъ перевелъ на свой языкъ
Разсказъ таинственный. Но свѣту
Не передамъ я повѣсть эту:
Цѣнить онъ чувства не привыкъ!

5.

Печальный демонъ удалился
Отъ силы адской съ этихъ поръ,
Онъ на хребетъ далекихъ горъ,
Въ ледяный гротъ переселился,
Гдѣ подъ снѣгами хрустали
Корой огнистою легли,
Природы дивныя творсенья.
Ея причудливой игры
Онъ наблюдаетъ измѣненья:
Составя свѣтлые шары,
Онъ ихъ по вѣтру посылаетъ,
Велитъ имъ путнику блеснуть,
И надъ болотомъ освѣщаетъ
Заглохшій, неѣзжалый путь.
Когда метель гудитъ и свищетъ,
Онъ охраняетъ пришлеца,
Сдуваетъ снѣгъ съ его лица
И для него защиту ищетъ...
И часто, подымая прахъ,
Въ борьбѣ съ летучимъ ураганомъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Онъ дико мчится въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной,
И незабвенное забыть.
Но все не то его тревожитъ,
Что прежде; тотъ желѣзный сонъ
Прошелъ... Любить онъ можетъ... можетъ...
И въ самомъ дѣлѣ любитъ онъ.
И хочетъ въ путь опять пускаться,
Чтобъ съ милой дѣвой повидаться,
Чтобъ разъ ей въ очи поглядѣть
И невозвратно улетѣть...

6.

Едва блестящее свѣтило
На небо юное взошло,
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Какъ демонъ видѣлъ предъ собой
Стѣну обители святой,
И башни бѣлыя, и келью,
И подъ рѣшетчатымъ окномъ
Цвѣтущій садикъ. И кругомъ

Обходитъ демонъ, но веселью
Онъ недоступенъ; тайный страхъ
Въ ледяныхъ свѣтится глазахъ...
Вотъ дверь простая передъ ними.
Томяся муками живыми,
Онъ долго медлилъ, онъ не могъ
Переступить черезъ порогъ,
Какъ будто бы онъ тамъ погубитъ,
Что на минуту отдалъ рокъ...
. . . .
Теперь лишь видно, что онъ любитъ!
Теперь лишь признаки любви:
Волненіе надеждъ несмѣлыхъ
 пламень неземной крови
Видны въ чертахъ окаменѣлыхъ!...
 Все тихо. Вдругъ услышалъ онъ
Давно знакомый лютни звонъ:
Слова пѣвицы вдохновенной
Лились, какъ свѣтлыя струи;
Но не понравились они
Тому, кто съ думой дерзновенной
Искалъ надежды и любви.

Пѣснь монахини.

 Какъ парусъ надъ бездной морской,
Какъ подъ вечеръ златая звѣзда,
Явился мнѣ ангелъ святой:
Не забуду его никогда.
 Къ другой онъ летѣлъ иль ко мнѣ,—
Я напрасно бъ старалась узнать.
Быть можетъ, то было во снѣ...
О, зачѣмъ долженъ сонъ улетать!
 Тебя лишь любила, Творецъ,
Я понынѣ съ младенческихъ дней;
Но видитъ душа, наконецъ,
Что другое готовилось ей.
 Виновна я быть не должна:
Я горю не любовью земной;
Чиста, какъ мой ангелъ, она,
Мысль о немъ неразлучна съ Тобой!
 Онъ отблескъ сіяній Твоихъ,
Ты украсилъ чело его Самъ;
Явился онъ мнѣ лишь на мигъ,—
Но за вѣчность тотъ мигъ не отдамъ.
 Онъ въ сладкомъ снѣ
 Явился мнѣ;
 Онъ будетъ для меня всегда
 Звѣзда
 Надеждъ въ иной странѣ.
 Моей виной,
 Создатель мой,
 Любовь къ нему не можетъ быть.
 Любить
 Приказано Тобой!

7.

Умолкла. Вѣтеръ моря хладный
Послѣдній звукъ унесъ съ собой.
Непобѣдимою судьбой
Гонимый, демонъ безотрадный
Проникнулъ въ келью. Что же онъ
Не привлечетъ ея вниманья?
Зачѣмъ не пьетъ ея дыханья?
Не вздохъ любви—могильный стонъ,
Какъ эхо, изъ груди разбитой
Протяжно вышелъ, наконецъ,
И сердце, яростью облито,
Отяжелѣло, какъ свинецъ.
Его рука остановилась
На воздухѣ. Сведенный перстъ
Оледенѣлъ; хоть взоръ отверзтъ,
Въ немъ ничего не отразилось,
Кромѣ презрѣнья—но къ чему?
Что показалося ему?

8.

Посланникъ рая, ангелъ нѣжной
Въ одеждѣ дымной, бѣлоснѣжной,
Стоялъ съ блистающимъ челомъ
Вблизи монахини прекрасной,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ.
Они счастливы, святы оба!...
И мщенье, ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.
Онъ вышелъ твердою стопой.
Онъ вышелъ. Сколько чувствъ различныхъ,
Съ давнишнихъ лѣтъ ему привычныхъ,
Въ душѣ тѣснятся! Сколько думъ
Мѣняетъ безпокойный умъ!
Красавицѣ погибнуть надо.
Ее не пощадитъ онъ вновь.
Погибнетъ! — Прежняя любовь
Не будетъ для нея оградой!...

9.

Какъ жалко! онъ уже хотѣлъ
На путь спасенья возвратиться,
Забыть толпу недобрыхъ дѣлъ,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, можетъ быть,
Внушилъ бы демонъ сожалѣнье,
И благодатное прощенье
Ему бъ случилось получить.
Но поздно! сынъ безгрѣшный рая
Вдругъ разбудилъ мятежный умъ:
Кипитъ онъ, ревностью пылая,
Явилась снова воля злая
И ядъ преступныхъ черныхъ думъ.

Онъ образъ смертный принимаетъ:
Вѣнецъ чело его ласкаетъ,
И очи черныя горятъ...
Но что жъ? Очей тѣхъ пламень—ядъ.
Онъ ждетъ, у стѣнъ святыхъ блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня младая,
Когда нескромная луна
Взойдетъ, пустыню озаряя;
Онъ ожидаетъ часъ глухой,
Текущій подъ ночною мглой,
Часъ тайныхъ встрѣчъ и наслажденій
И незамѣтныхъ преступленій.
Онъ къ ней прокрадется туда,
Подъ сѣнь обители уснувшей,
И тамъ погубитъ навсегда
Предметъ любви своей минувшей!

10.

Лампада въ кельѣ чуть горитъ.
Лукавый съ дѣвою сидитъ,
И чудный страхъ ее объемлетъ;
Она, какъ смерть блѣднѣя, внемлетъ.

Она.

Страстей волненье позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь!
Къ чему жъ теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

Духъ.

Ты прекрасна!

Она.

Кто ты?

Духъ.

Я демонъ. Не страшись,
Святыни здѣшней не нарушу!
И о спасеньи не молись —
Не искусить пришелъ я душу.
Къ твоимъ ногамъ, томясь въ любви,
Несу покорныя моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.
Не разставлялъ я людямъ сѣти
Съ толпою грозной злыхъ духовъ:
Брожу одинъ среди міровъ
Несмѣтное число столѣтій.
Не выжимай изъ груди стонъ,
Не отгоняй меня укоромъ:
Насправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.

На зная радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перелетный метеоръ,
Оставленъ всѣми, безпріютный.
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
У Бога вашего прощенья:
Я полюбилъ мои мученья
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Свой любовью непритворной
Мою томительную лѣнь
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь...
. . . .
Такъ говорилъ онъ, и рукою
Онъ трепетную руку жалъ,
И поцѣлуями порою
Плечо дѣвицы покрывалъ.
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый снѣгъ отъ взоровъ дня...

11.

Въ часы суровой непогоды,
Въ осенній день, когда межъ скалъ,
Пѣнясь, крутясь, шумѣли воды,
Восточный вѣтеръ бушевалъ,
И темно-сѣрыми рядами
Неслися тучи небесами, —
Зловѣщій колокола звонъ,
Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами.
Къ чему манитъ отшельницъ онъ?..
Не на молитву поспѣшали
Въ обширный и высокій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Въ гробу мертвецъ лежалъ безгласной,
И рядъ монахинь окружалъ
Тотъ гробъ съ недвижностью безстрастной.
Зачѣмъ не слышенъ плачъ родныхъ,
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ мертвыя черты;
Уста закрытыя безцвѣтны,
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Сіи глаза не поселятъ,
Хотя еще весьма недавно
Владѣли бурною душой,
Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной,
Не знавшей власти надъ собой.

За часъ до горестной кончины,
Когда сырая ночи мгла
На усыпленныя долины
Сребристой дымкою легла,—
Духовника на мигъ единый
Младая дѣва призвала,
Чтобъ жизни грѣшныя дѣянья
Открыть съ слезами покаянья.
Пришелъ испòвѣдникъ. Но вдругъ
Его безумный хохотъ встрѣтилъ.
Онъ на лицѣ ея замѣтилъ
Борeнiе послѣднихъ мукъ.
На предстоящихъ не взирая,
Шептала дѣва молодая:
„О!... демонъ!... о, коварный другъ!
Своими сладкими рѣчами
Ты... бѣдную... заворожилъ...
Ты былъ любимъ и не любилъ,
Ты бъ могъ спастись, а погубилъ...
Проклятье сверху, мракъ подъ нами!“
Но кто безжалостный злодѣй —
Тогда не понялъ старецъ чѐстной;
И жизнь монахини моей
Осталась людямъ неизвѣстной...

12.

Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ
Пустѣла тихая обитель,
И время, общiй разрушитель,
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ... И храмъ священный
Сталъ жертва бури и дождей.
Изъ двери въ дверь во мглѣ ночей
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри на ликахъ расписныхъ
И средь разсѣлинъ стѣнъ сѣдыхъ
Большой паукъ, пустынникъ новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Сбѣгаючи со скалъ крутыхъ,
Случалось, лань, дитя свободы,
Прiютъ отъ зимней непогоды
Искала въ кельѣ,—и порой
Забытой утвари паденье,
Среди развалины глухой,
Вдругъ приводило въ удивленье
Ее... Но нынче ничему
Нельзя встревожить тишину:
Что можетъ падать, то упало,
Что мретъ, то умерлò давно,
Что живо, то безсмертно стало,—
Но время вживѣ удержало
Воспоминанiе одно...
И море пѣнится и злится,
И сильно плещетъ и шумитъ,
Когда волнами устремится

Обнять береговой гранитъ;
Онъ вдался въ море одиноко,
На немъ чернѣетъ крестъ высокой;
Всегда скалой отражена,
Покрыта пѣной бѣлоснѣжной,
Тѣснится у волны волна,
И слышенъ ропотъ ихъ мятежной;
И удаляются толпой,
Другимъ предоставляя бой.

13.

Надъ тѣмъ крестомъ, надъ той скалою,
Однажды, утренней порою,
Съ глубокой думою стоялъ
Дитя эдема, ангелъ мирной,
И слезы молча утиралъ
Своей одеждою сапфирной.
И кудри, мягкіе, какъ ленъ,
Съ главы вѣнчанной упадали,
крылья, ле гкія, какъ сонъ,
За бѣлыми плечьми сіяли.
И былъ небесный сводъ надъ нимъ
Украшенъ радугой цвѣтистой.
И волны съ пѣной серебристой,
Съ какимъ то трепетомъ живымъ,
Къ скаламъ тѣснились вѣковымъ.
Все было тихо. Взоръ унылый
На небо поднялъ ангелъ милый,
И съ непонятною тоской
За душу грѣшницы младой
Творцу молился онъ, и мнилось—
Природа вмѣстѣ съ нимъ молилась...
Тогда надъ синей глубиной
Духъ гордости и отверженья
Безъ цѣли мчался съ быстротой;
Но ни раскаянья, ни мщенья
Не изъявлялъ угрюмый ликъ:
Онъ побѣждать себя привыкъ,
Не для другихъ его мученья!
Какъ сводъ безлунный въ день осенній,
Былъ мраченъ искуситель-геній.
Онъ близъ могилы промелькнулъ,
И, взоръ пронзительный кидая,
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ...

III.

(1831).

По голубому небу пролеталъ
Однажды демонъ. Съ злобою нѣмой
Онъ въ безпредѣльность грустный взоръ кидалъ,
И вспоминанья передъ нимъ толпой

Тѣснились. Это небо, гдѣ Творецъ
Внималъ его хваламъ и, наконецъ,
Проклятьямъ, эти звѣзды... все кругомъ
Прекрасно въ блескѣ вѣчно молодомъ,
Какъ было въ тотъ святой, великій часъ,
Когда отъ мрака отдѣлился свѣтъ,
И, ангелъ радостный, онъ въ первый разъ
Взглянулъ на будущность. И сколько лѣтъ,
И сколько тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло!
И онъ уже не тотъ. Его чело
Померкло... Онъ одинъ, одинъ, одинъ...
Врагъ счастья—и порока властелинъ.
Изгнанникъ, для чего тоскуешь ты
О томъ, что невозвратно? Но пускай!
Не воскресивъ душевной чистоты,
Ты не найдешь потерянный свой рай!
Напрасно обращенъ преступный взоръ
На небеса: ихъ свѣтъ — тебѣ укоръ.
Будь гордъ, старайся мстить, живи, губя.
Но что жъ?—и зло не радуетъ тебя?
И часто, очень часто людямъ онъ
Завидовалъ. „У нихъ надежда есть
На искупленье, на могильный сонъ.
Всѣ ихъ несчастья легче перенесть
Одной палящей капли адскихъ мукъ;
И вѣчность (это слово, этотъ звукъ,
Который значитъ все) имъ не страшна.
Нѣтъ, вѣчность для рабовъ не создана!
Такъ мыслилъ демонъ. Медленно крыломъ,
Спускаяся на землю, разсѣкалъ
Онъ воздухъ. Все цвѣло въ краю земномъ,
Весенній день, краснѣя, догоралъ.
Растенія и волны, вѣтеркомъ
Колеблемы, негрѣющимъ лучомъ
Казались зажжены. Туманъ сырой
Ревниво подымался надъ землей.
И только крестъ пустынный, наконецъ,
Стоящій на горѣ, едва вдали
Блестѣлъ... и гаснетъ! Звѣздный свой вѣнецъ
Надѣла ночь. Въ молчаніи текли
Свѣтила неба въ этотъ мирный часъ,
Но въ ихъ молчаньи есть понятный гласъ!
О будущемъ пророчествуетъ онъ.
Вотъ встала и луна. Повсюду сонъ.
Свѣти, свѣти, прекрасная луна!
Природа любитъ шаръ твой золотой:
Въ его сіяньи нѣжится она,
Одѣтая полупрозрачной мглой.
Но человѣка любишь ты дразнить
Несбыточной мечтой. Какъ не грустить,
Когда на насъ ты льешь свой блѣдный свѣтъ,
Ты памятникъ всего, чего ужъ нѣтъ!..

(Я хотѣлъ описать эту поэму въ стихахъ, но нѣтъ—въ прозѣ лучше).

IV.

(1833).

1.

Печальный демонъ, духъ изгнанья,
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ;
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ Него,
Когда заботы и тревога
Чуждалися ума его,
Какъ дня боится мракъ могилы...
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы.
Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ міра—и на вѣчность
Онъ приглядѣлся; но была
Мучительна его безпечность.
Путемъ, назначеннымъ судьбой,
Онъ равнодушно подвигался;
Онъ жегъ печатью роковой
Все то, къ чему ни прикасался.
Смѣясь надъ зломъ и надъ добромъ,
Стыдясь надеждъ, стыдясь боязни,
Онъ съ гордымъ встрѣтилъ бы челомъ
Прощенья гласъ, какъ слово казни.
Онъ жилъ забытъ и одинокъ—
Грозой оторванный листокъ—
Угрюмъ и воленъ, избѣгая
И свѣтъ небесъ, и ада тьму,
Онъ жилъ, не-вѣря ничему
И ничего не признавая.
Какъ черный саванъ, на землѣ
Лежала ночь... Вились туманы
По гребнямъ горъ; на ихъ челѣ,
Сторожевые великаны,
Гнѣздились стаи облаковъ,
И вѣчно ропщущее море
Гуляло мирно на просторѣ,
Сверкая пѣною валовъ.
О море, море!.. Какъ прекрасны
Въ блестящій день и въ день ненастный
Его и ревъ, и тишина!..
Покрыта бѣлыми кудрями,
Какъ серебромъ и жемчугàми,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена,
И, какъ царица молодая

Течетъ одна между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая...
Какъ я люблю съ давнишнихъ поръ
Слѣдить ихъ буйныя движенья,
И толковать ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья;
Люблю упорный этотъ бой
Съ суровымъ небомъ и землей;
Люблю безпечность ихъ свободы,
Цѣпей не знавшей никогда,
Ихъ безконечные походы,
Богъ вѣсть откуда и куда,
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы,
И безполезный этотъ шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ гроба и безъ колыбели,
Безъ мукъ, безъ счастія, безъ цѣли...
Между прибрежныхъ дикихъ скалъ
Бѣглецъ эдема пролеталъ.
Онъ взоръ, исполненный презрѣнья,
Вперилъ на грѣшный міръ земной.
И зритъ въ туманѣ отдаленья
Верхи обители святой.
У стѣнъ ея, прохлады полны,
Однообразно шепчутъ волны;
Кругомъ ея—густыхъ деревъ
Сплелись кудрявыя вершины,
И кое-гдѣ изъ ихъ средины,
Стремясь достать до облаковъ,
Встаетъ, бѣлѣя, остовъ длинный
Зубчатой башни, и надъ ней—
Символъ спасенія забвенный—
Чернѣетъ ржавый крестъ, согбенный
Усильемъ бури и дождей.
Межъ бѣдныхъ келій храмъ огромный.
Едва, сквозь длинное окно,
Глядитъ лампады лучъ нескромный
Внутри все спитъ давнымъ-давно,
Все вкругъ таинственно и тёмно.
Вотъ, одинока и красна,
Встаетъ двурогая луна.
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ...
И чей то голосъ. Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ,—
Его крыло не шевелится;
И—чудо!—изъ померкшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится...
Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожжённый виденъ камень

Слезою, жаркою, какъ пламень,
Не человѣческой слезой.
Какъ много значилъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоенiй,
Вѣка изгнанiя и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленiй
О настоящемъ и быломъ—
Все разомъ отразилось въ немъ.
Къ чему?.. одной минутой рая
Не оживетъ душа пустая!
Безсильно свѣтлый лучъ зари
На темной тучѣ не гори:
Тебѣ вѣдь съ ней не подружиться,—
Ей ждать нельзя, она умчится,
Она громовою стрѣлой
Затмитъ покровъ твой золотой.
Проникнулъ въ келью духъ смущенный,
Минуя образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ;
Въ углу изъ мрамора Мадонна,
Лампада мѣдная предъ ней,
На головѣ ея корона
Изъ розъ душистыхъ и лилѐй;
У стѣнки дѣвственное ложе;
Луна, смѣясь, въ окно глядитъ,
А у окна... всесильный Боже!..
Что съ нимъ?.. онъ млѣетъ!.. онъ дрожитъ!..
По струнамъ лютни ударяя,
Предъ нимъ, озарена луной,
Въ одеждѣ черной, власяной
Была монахиня младая.
Она сидѣла передъ нимъ,
Объята жаромъ вдохновенья,
Мила, какъ первый херувимъ,
Какъ звѣзды первыя творенья...
Въ большихъ глазахъ ея порой
Невнятно говорило что то
Невыразимою тоской,
Неизъяснимою заботой...
Полураскрытыя уста
Живые изливали звуки,
Въ нихъ было все: моленья, муки,
Слова надеждъ, слова разлуки
И дѣтскихъ мыслей простота...
И грудь высоко воздымалась,
И обнаженная рука—
Бѣлѣй, чѣмъ утромъ облака—
Къ струнамъ, какъ вѣтеръ, прикасалась...
Клянусь святыней гробовой,
Лучомъ заката и востока,
Властитель Персiи златой
И ни единый царь земной
Не цѣловалъ такого ока.
Гаремовъ брызжущiй фонтанъ

Ни разу лѣтнею порою
Своей алмазною росою
Не обмывалъ подобный станъ.
Ни разу гордый сынъ порока
Не осквернялъ руки такой...
Клянусь святыней гробовой,
Лучомъ заката и востока!..
Духъ отверженія и зла
Стоялъ недвижимъ у порога;
Не смѣлъ онъ приподнять чела,
Страшася въ ней увидѣть Бога!
Увы, въ душѣ его была
Давно забытая тревога!
Онъ искушать хотѣлъ,—не могъ,
Не находилъ въ себѣ искусства;
Забыть?—забвенья не далъ Богъ;
Любить?—недоставало чувства.
И удалиться онъ спѣшилъ
Отъ этой кельи, гдѣ впервые
Нарушилъ клятвы роковыя,—
Земной святынѣ уступилъ.
Но прелесть звуковъ и видѣнья
Остались на душѣ его,
И въ памяти сего мгновенья
Ужъ не изгладитъ ничего.

2.

Скажу ль? Сначала думалъ онъ,
Хотѣлъ во что бы то ни стало
Исторгнуть изъ души, какъ жало,
Мгновенный свѣтлый этотъ сонъ.
И, побѣдивъ свое презрѣнье,
Онъ замѣшался межъ людей,
Чтобъ ядомъ пагубныхъ рѣчей
Убить въ нихъ вѣру въ Провидѣнье.
Но до него, какъ и при немъ,
Ужъ вѣры не было ни въ комъ.
И полонъ скуки непонятной,
Онъ скоро кинулъ міръ развратной,
И на хребетъ пустынныхъ горъ
Переселился съ этихъ поръ.
Тамъ надъ жемчужнымъ водопадомъ
Себѣ пещеру отыскалъ,
Въ природу впикъ глубокимъ взглядомъ,
Душою жизнь ея объялъ.
Какъ часто на вершинѣ льдистой,
Одинъ межъ небомъ и землей,
Какъ царь съ развѣнчанной главой,
Подъ кровомъ радуги огнистой
Сидѣлъ онъ—мрачный и нѣмой,
И бѣлогривыя метели,
Какъ львы, у ногъ его ревѣли.
Какъ часто, подымая прахъ
Въ борьбѣ съ шипучимъ ураганомъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,

Онъ дико мчался въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть.
Но ужъ не то его тревожитъ,
Что прежде; тотъ желѣзный сонъ
Прошелъ... Любить онъ можетъ, можетъ...
И въ самомъ дѣлѣ любитъ онъ!
И хочетъ въ путь опять пускаться,
Чтобъ съ милой дѣвой повидаться,
Чтобъ разъ ей въ очи поглядѣть—
И невозвратно улетѣть.
Востока ясное свѣтило
На небѣ юное взошло,
И моря синее стекло
Лучами утро озарило.
Вотъ милый берегъ! вотъ она,
Обѣтованная страна!
Вотъ, испещренная цвѣтами,
Густой лимонной рощи сѣнь,
Вотъ предъ святыми воротами
Часовня... Южный теплый день
Играетъ яркими лучами
По бѣлымъ башнямъ и стѣнамъ.
Безмолвно-мраморныя плиты,
Отъ стѣнъ ведущія во храмъ,
Плющомъ душистымъ перевиты;
Вокругъ него ряды крестовъ—
Нѣмые сторожи гробовъ,
Какъ стадо лѣтомъ предъ грозой,
Пестрѣя, жмутся межъ собой...
Страшась надеждамъ волю дать,
Къ знакомой кельѣ онъ подходитъ.
Кругомъ нея задумчивъ бродитъ...
Жива ль она? одна ль? какъ знать?
Къ дверямъ прильнулъ онъ жаднымъ ухомъ,—
Ни струнъ, ни пѣсенъ не слыхать!
Невольно онъ смутился духомъ,
Невольно, какъ въ пещеру змѣй,
Закралось въ умъ его сомнѣнье,
И вѣщій лучъ грядущихъ дней
Сверкнулъ въ его воображеньѣ.
То былъ лишь мигъ, но страшный мигъ!
Смиривъ напрасное волненье,
Онъ въ келью свѣтлую проникъ...
Взошелъ, взглянулъ... Ужасный крикъ,
Какъ бури свистъ порой ночною,
Раздался въ воздухѣ пустомъ,
И ярость адскою волною,
Какъ лава, разлилась по немъ.
Простите, кроткія надежды
Любви блаженства и добра,—
Открылъ дремавшія онъ вѣжды...
И то сказать—давно пора!

Посланникъ рая, ангелъ нѣжной,
Въ одеждѣ дымной, бѣлоснѣжной
Стоялъ съ блистающимъ челомъ
Передъ монахиней прекрасной,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнялъ её крестомъ.
Они счастливы, святы оба!
Давно ли?.. Ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.
Онъ вышелъ твердою стопой.
Онъ вышелъ... Сколько чувствъ различныхъ,
Съ давнишнихъ поръ ему привычныхъ,
Въ душѣ тѣснятся; сколько думъ
Мѣняетъ недовольный умъ!
Красавицѣ погибнуть надо,
Ее не пощадитъ онъ вновь.
Погибнетъ! прежняя любовь
Не будетъ для нея отрадой!..
Свершилось! онъ опять таковъ,
Какимъ явился межъ рабовъ
Великому Царю вселенной
Въ часы той битвы незабвенной,
Гдѣ на преступное чело
Проклятье вѣчное легло.
Онъ ждетъ, у стѣнъ святыхъ блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня младая;
Когда нескромная луна
Взойдетъ, пустыню озаряя.
Онъ ожидаетъ часъ глухой,
Текущій подъ ночною мглой,
Часъ тайныхъ встрѣчъ и наслажденій
И незамѣтныхъ преступленій.
Онъ къ ней прокрадется туда,
Подъ сѣнь обители уснувшей,
И тамъ погубитъ навсегда
Предметъ любви своей минувшей!..
Лампада въ кельѣ чуть горитъ.
Лукавый съ дѣвою сидитъ,
И чудный страхъ ее объемлетъ.
Она, какъ смерть блѣднѣя, внемлетъ.

Монахиня.

Забыть волненія страстей
Я поклялась давно, ты знаешь;
Къ чему жъ теперь меня смущаешь
Мольбою странною своей?..
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!..
Чего ты хочешь?

Незнакомецъ.

Ты прекрасна!

Монахиня.

Кто ты?

Незнакомецъ.

Я демонъ! Не страшись:
Святыни здѣшней не нарушу;
И о спасеньи не молись,—
Не искусить пришелъ я душу.
Къ твоимъ ногамъ, томясь въ любви,
Несу покорныя моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.
Не отгоняй меня укоромъ,
Не выжимай изъ груди стонъ,—
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не зная радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перелетный метеоръ,
Какъ степи вѣтеръ безпріютной.
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
У Бога вашего прощенья.
Я полюбилъ мои мученья
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лѣнь
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь...

Монахиня.

Къ чему мнѣ знать твои печали?
Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
Ты виноватъ...

Незнакомецъ.

Противъ тебя ли?

Монахиня.

Насъ могутъ слышать.

Незнакомецъ.

Мы одни.

Монахиня.

А Богъ?...

Незнакомецъ.

На насъ не кинетъ взгляда:
Онъ занятъ небомъ, не землей!

Монахиня.

А наказанье?... Муки ада?...

Незнакомецъ.

Такъ что жъ? Ты будешь тамъ со мной!
Мы станемъ жить любя, страдая,

И адъ намъ будетъ стоить рая...
Оставь сомнѣнія свои.
И что такое жизнь святая
Передъ минутою любви?
Моя безпечная подруга,
Ты будешь раздѣлять со мной
Вѣка безсмертнаго досуга
И власть надъ бѣдною землей,
Гдѣ носитъ все печать презрѣнья,
Гдѣ межъ людей съ давнишнихъ лѣтъ
Ни настоящаго мученья,
Ни счастья безъ обмана нѣтъ.
Благословишь ты нашу долю,
Не будешь на нее роптать,
И не захочешь грусть и волю
За рабство тихое отдать.

Монахиня.

Оставь меня, о духъ лукавой!
Оставь, не вѣрю я врагу!
Творецъ... увы! Я не могу
Молиться... Тайною отравой
Мой умъ слабѣющій объятъ!
Но слушай, ты меня погубишь!
Твои слова — огонь и ядъ...
Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

Незнакомецъ.

Зачѣмъ, красавица? Увы,
Не знаю!... Полонъ жизнью новой,
Съ моей преступной головы
Я гордо снялъ вѣнецъ терновой, —
Я все былое бросилъ въ прахъ.
Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ.
Я проклялъ прошлую безпечность;
Съ тобою розно міръ и вѣчность —
Пустыя звучныя слова,
Прекрасный храмъ безъ божества.
Люблю тебя нездѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты.
Люблю блаженствомъ и страданьемъ,
Надеждою, воспоминаньемъ,
Всей роскошью души моей.
О, не страшись, но пожалѣй!
Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ,
Прислужницъ чудныхъ и волшебныхъ
Тебѣ, красавица, я дамъ;
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой,
Возьму съ цвѣтовъ росы полночной,
Его усыплю той росой;
Лучомъ румянаго заката

Твой станъ, кокъ лентой, обовью
И яркій перстень изъ агата
Надѣну на̀ руку твою.
Всечасно дивною игрою
Твой слухъ лелѣять буду я;
Чертоги пышные построю
Изъ бирюзы и янтаря.
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дамъ тебѣ все, все земное—
Люби меня!
И онъ слегка
Прижался страстными устами
Къ ея пылающимъ устамъ;
Тоской, угрозами, слезами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ.
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый воскъ отъ взоровъ дня.
Въ то время сторожъ полуночный
Одинъ вокругъ стѣны крутой,
Когда ударилъ часъ урочный,
Бродилъ съ чугунною доской.
Но возлѣ кельи дѣвы юной
Онъ шагъ свой мѣрный укротилъ,
И руку надъ доской чугунной,
Смутясь душой, остановилъ.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышалъ онъ
Двухъ устъ согласное лобзанье,
Невнятный крикъ и слабый стонъ...
И нечестивое сомнѣнье
Проникло въ сердце старика.
„То не отшельницы моленье!“—
Подумалъ онъ,—и до замка
Уже коснулся... Тихо снова,
Ни словъ, ни шума не слыхать...
Канонъ угодника святова
Спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать;
Креститъ дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь,
И молча, скорыми шагами
Обычный продолжаетъ путь.

За часъ до солнечнаго всхода,
Еще высокій берегъ спалъ,
Вдругъ зашумѣла непогода,
И океанъ забушевалъ.
И вмѣстѣ съ бурей и громами,
Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами
Зловѣщій колокола звонъ.
Не для молитвы призывали

Святыхъ монахинь въ тихій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Досками черными обитый,
И въ томъ гробу мертвецъ лежалъ,
Холоднымъ саваномъ увитый.
Зачѣмъ не слышенъ плачъ родныхъ,
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ блѣдныя черты;
Уста закрытыя безцвѣтны,
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Сіи глаза не поселятъ,
Хотя еще весьма недавно
Владѣли пылкою душой,
Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Не знавшей власти надъ собой!
И нѣтъ тебя, младая дѣва!...
Какъ злакъ потоптанныхъ полей,
Добыча ревности и гнѣва,
Ты вдругъ увяла въ цвѣтѣ дней.
Напрасно будетъ солнце юга
Играть привѣтно надъ тобой,
Напрасно будутъ дождь и вьюга
Ревѣть надъ плитой гробовой;
Лобзанье юноши живое
Твои уста не разомкнетъ!...
Земля взяла свое земное —
Она назадъ не отдаетъ...

3.

Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ,
Пустѣла древняя обитель,
И время, вѣчный разрушитель,
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ... И храмъ священный,
Добыча бури и дождей,
Сталъ молчаливъ, какъ мавзолей —
Умершихъ памятникъ надменный.
Изъ двери въ дверь во мглѣ ночей
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный.
Внутри, на ликахъ расписныхъ
И на окладахъ золотыхъ
Большой паукъ, отшельникъ новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Не разъ, сбѣжавъ со скалъ крутыхъ,
Сайгакъ иль серна, дочь свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искала въ кельяхъ,—и порой
Забытой утвари паденье,
Среди развалины глухой,
Ихъ приводило въ изумленье.

Но въ наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:
Что можетъ падать, то упало,
Что мретъ, то умерло̀ давно,
Что живо, то безсмертно стало,
И время вживѣ удержало
Воспоминаніе одно...
И море пѣнится и злится,
И сильно плещетъ и шумитъ,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранитъ;
Онъ вдался въ море одинокой,
Надъ нимъ чернѣетъ крестъ высокой.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пылью бѣлоснѣжной,
Тѣснится у волны волна,
И слышенъ ропотъ ихъ мятежной,
И удаляются толпой,
Другимъ предоставляя бой.
Надъ тѣмъ крестомъ, надъ той скалою,
Однажды, утренней порою,
Съ глубокой думою стоялъ
Дитя эдема, ангелъ мирный,
И слезы молча утиралъ
Своей одеждою сапфирной.
И кудри, мягкія, какъ ленъ,
Съ главы вѣнча̀нной упадали,
И крылья, легкія, какъ сонъ,
За бѣлыми плечьми сіяли.
И былъ небесный сводъ надъ нимъ
Украшенъ радугой цвѣтистой,
И волны съ пѣной серебристой
Къ скаламъ тѣснились вѣковымъ.
Все было тихо. Взоръ унылый
На небо поднялъ ангелъ милый;
И съ непонятною тоской
За душу грѣшницы младой
Творцу молился онъ,—и мнилось,
Природа вмѣстѣ съ нимъ молилась...
Тогда надъ синей глубиной
Духъ отвержѐнья и порока
Безъ цѣли мчался съ быстротой
Новорожденнаго потока;
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась,
По слѣду крылъ его тащилась
Багровой молніи струя.
Когда жъ онъ предъ собой увидѣлъ
Все, что любилъ и ненавидѣлъ,
То шумно мимо промелькнулъ,
И, взоръ пронзительный кидая,
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ.

V.

Посвященія поэмы „Демонъ".

1.

Прими мой даръ, моя Мадонна!
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ явилась ты,
Моя любовь мнѣ оборона
Отъ порицаній клеветы.
Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего:
Ты неспособна лицемѣрить,
Ты слишкомъ ангелъ для того!
Скажу ли? — преданъ самовластью
Страстей печальныхъ и судьбѣ,
Я счастьемъ не обязанъ счастью,
Но всѣмъ обязанъ я тебѣ.
Какъ демонъ хладный и суровый,
Я въ мірѣ веселился зломъ;
Обманы были мнѣ не новы,
И ядъ былъ нà сердцѣ моемъ.
Теперь, какъ мрачный этотъ геній,
Я близъ тебя опять воскресъ
Для непорочныхъ наслажденій,
И для надеждъ, и для небесъ.

2.

Я кончилъ, — и въ груди невольное сомнѣнье:
Займетъ ли вновь тебя давно знакомый звукъ,
Стиховъ невѣдомыхъ задумчивое пѣнье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный другъ?
Пробу̀дится ль въ тебѣ о прошломъ сожалѣнье?
Иль, быстро пробѣжавъ докучную тетрадь,
Ты — только мертваго, пустого одобренья
Наложишь на нее тяжелую печать,
И не узнаешь здѣсь простого выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ,
И примешь за игру иль сонъ воображенья
Больной души тяжелый бредъ!

3.

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стихъ небрежной:
Какъ сына, ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На сѣверѣ, въ странѣ, тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.
Еще ребенкомъ, робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,

Увитыя туманными чалмами,
Какъ головы поклонниковъ Аллы.
Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами,
Тамъ ночевать слетаются орлы;
Я въ гости къ нимъ леталъ мечтой послушной
И сердцемъ былъ товарищъ ихъ воздушной.
  Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ,
И вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ;
Какъ нѣкогда ребенку, твой привѣтъ
Изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ;
Онъ пролилъ въ грудь мою забвенье бѣдъ
И дружески на дружній зовъ отвѣтилъ.
И нынѣ здѣсь, въ полуночномъ краю,
Все о тебѣ мечтаю и пою.

II. ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

А. Д. З.

1.

О ты, котораго клевретъ твой вѣрный Павелъ
Въ искусствѣ... въ младенчествѣ наставилъ;
О ты, къ которому день всякій Валерьянъ
На ванькѣ прiѣзжалъ ярыгой, глупъ и пьянъ,
Которому служилъ лакеемъ изъ лакеевъ
Шутъ, алырь [1], ... великiй Тиличеевъ!
Привѣтствую тебя и твой трiумвиратъ:
И кто сказать бы смѣлъ, что чортъ тебѣ не братъ? [2]).

1831.

Счастливый мигъ.

2.

Не робѣй, краса младая,
Хоть со мной наединѣ;
Стыдъ наружный отгоняя,
Подойди—дай руку мнѣ.
Не тепла твоя свѣтлица,
Не мягка постель твоя,
Но къ устамъ твоимъ, дѣвица,
Я прильну,—согрѣюсь я.

Отъ нескромнаго невѣжды
Занавѣсь окно платкомъ;
Ну,—скидай свои одежды,
Не упрямься, мы вдвоемъ;
На пирахъ, за полной чашей,
Я, клянусь, не разскажу
О взаимной страсти нашей.
Такъ скорѣе жъ... Я дрожу.

Передъ тѣмъ, чтобы лишиться
Непорочности своей,
Такъ невинна ты, что, мнится,
Я, любя тебя,—злодѣй.
Взоръ, склоненный на колѣна,
Будто молитъ пощадить;

[1]) Шутъ, плутъ.
[2]) „Русскiй Библiофилъ", 1913, VIII, 79.

Но ужасенъ, другъ мой Лена,
Мигъ одинъ не можетъ быть.

О, какъ полны, какъ прекрасны,
Груди жаркія твои,
Какъ румяны, сладострастны
Предъ мгновеніемъ любви!
Вотъ и маленькая ножка,
Вотъ и круглый гибкій станъ...
Подъ сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисманъ...

Полонъ сладкимъ ожиданьемъ,
Я лишь взоръ питаю свой;
Ты сама, горя желаньемъ,
Призовешь меня рукой,—
И тогда душа забудетъ
Все, что въ муку ей дано,
И отъ счастья насъ разбудитъ
Истощеніе одно [1]).

1831.

Ода къ н—ку.

3.

О ты, в.... храмъ, невѣдомой богини!
Къ тебѣ мой гласъ... къ тебѣ взываю изъ пустыни,
Гдѣ шумная толпа тѣснится столько дней,
И гдѣ такъ мало я нашелъ еще людей!
Прими мой ѳиміамъ летучій и свободной,
Незрѣлой, слабой цвѣтъ поэзіи народной!
Ты покровитель нашъ, въ святыхъ стѣнахъ твоихъ,
Я не боюсь враговъ завистливыхъ и злыхъ,
Подъ сѣнію твоей не причинятъ мнѣ страха
Ни взоръ Михайлова, ни голосъ Шлиппенбаха.
Едва отъ трапезы возстанутъ юнкера,
Хватаютъ чубуки—бѣгутъ, кричатъ: пора!
Народъ заботливо толпится за дверями...
Вотъ искры отъ кремня посыпались звѣздами,
Изъ рукава чубукъ ужъ выползъ, какъ змѣя.
Гостепріимная отдушина твоя...
Открылась бережно... огонь табакъ объемлетъ,
Пріемная труба завѣтный дымъ пріемлетъ!
Когда жъ Ласковскаго приходитъ грозный классъ,
Отъ поисковъ его ты вновь скрываешь насъ.
. . . .
Является къ тебѣ отважно безъ покрова [2]).

1833—1834.

[1]) „Русскій Библіофилъ", 1913, VIII, 79—80. Третья строфа первоначально начиналась:
Жалко мнѣ очей безцѣнныхъ
Яркій пламень затемнять
И въ объятьяхъ вожделѣнныхъ
Эти прелести измять.

[2]) „Русская Старина", 1882, VIII, 391—392.

Тизенгаузену.

4.

Не води такъ томно окомъ,
Круглой . . . . не верти,
Сладострастьемъ и порокомъ
Своенравно не шути.
Не ходи къ чужой постели
И къ своей не допускай,
Ни шутя, ни въ самомъ дѣлѣ
Нѣжно рукъ не пожимай.
Знай, прелестный нашъ чухонецъ,
Юность долго не блеститъ,
Хоть... твой червонецъ
Каждый разъ тебѣ даритъ;
Знай, когда рука Господня
Разразится надъ тобой,
Всѣ, которыхъ ты сегодня
Зришь у ногъ твоихъ съ мольбой,
Сладкой влагой поцѣлуя
Не уймутъ тоску твою,
Хоть тогда . . . .
Ты бы отдалъ жизнь свою [1]).

1833—1834.

[1]) „Русскій Эротъ“.

III. ЗАМѢТКИ, СЮЖЕТЫ И НАБРОСКИ.

Панорама Москвы.

Кто никогда не былъ на вершинѣ Ивана Великаго, кому никогда не случалось окинуть однимъ взглядомъ всю нашу древнюю столицу съ конца въ конецъ, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тотъ не имѣетъ понятія о Москвѣ, ибо Москва не есть обыкновенный большой городъ, какихъ тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодныхъ, составленныхъ въ симметрическомъ порядкѣ... нѣтъ! у нея есть своя душа, своя жизнь. Какъ въ древнемъ римскомъ кладбищѣ, каждый ея камень хранитъ надпись, начертанную временемъ и рокомъ, надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувствомъ и вдохновеніемъ для ученаго, патріота и поэта!.. Какъ у океана, у нея есть свой языкъ, языкъ сильный, звучный, святой, молитвенный!.. Едва проснется день, какъ уже со всѣхъ ея златоглавыхъ церквей раздается согласный гимнъ колоколовъ, подобно чудной, фантастической увертюрѣ Бетховена, въ которой густой ревъ контрабаса, трескъ литавръ съ пѣніемъ скрипки и флейты образуютъ одно великое цѣлое; и мнится, что безтѣлесные звуки принимаютъ видимую форму, что духи неба и ада свиваются подъ облаками въ одинъ разнообразный, неизмѣримый, быстро вертящійся хороводъ! О, какое блаженство внимать этой неземной музыкѣ, взобравшись на самый верхній ярусъ Ивана Великаго, облокотясь на узкое мшистое окно, къ которому привела васъ истертая, скользкая витая лѣстница, и думать, что весь этотъ оркестръ гремитъ подъ вашими ногами, и воображать, что все это для васъ однихъ, что вы царь этого невещественнаго міра, и пожирать очами этотъ огромный муравейникъ, гдѣ суетятся люди, для васъ чуждые, гдѣ кипятъ страсти, вами на минуту забытыя!.. Какое блаженство разомъ обнять душою всю суетную жизнь, всѣ мелкія заботы человѣчества, смотрѣть на міръ— съ высоты!..

На сѣверъ передъ вами, въ самомъ отдаленіи, на краю синяго небосклона, немного правѣе Петровскаго замка, чернѣетъ романическая Марьина роща, и предъ нею лежитъ слой пестрыхъ кровель, пересѣченныхъ кое-гдѣ пыльной зеленью бульваровъ, устроенныхъ на древнемъ городскомъ валу; на крутой горѣ, усыпанной низкими домиками, среди коихъ изрѣдка лишь проглядываетъ широкая бѣлая стѣна какого-нибудь боярскаго дома, возвышается четыреугольная сизая, фантастическая громада — Сухарева башня. Она гордо взираетъ на окрестности, будто знаетъ, что имя Петра начертано на ея мшистомъ челѣ! Ея мрачная физіономія, ея гигантскіе размѣры, ея рѣшительныя формы—все хранитъ отпечатокъ другого вѣка, отпечатокъ той грозной власти, которой ничто не могло противиться. Ближе къ центру города зданія принимаютъ видъ болѣе стройный, болѣе европейскій; проглядываютъ богатыя колоннады, широкіе дворы, обнесенные чугунными рѣшетками, безчисленныя главы церквей, шпицы колоколенъ съ ржавыми крестами и пестрыми, раскрашенными карнизами.

Еще ближе, на широкой площади, возвышается Петровскій театръ, произведеніе новѣйшаго искусства, огромное зданіе, сдѣланное по всѣмъ прави-

ламъ вкуса, съ плоской кровлей и величественнымъ портикомъ, на коемъ возвышается алебастровый Аполлонъ, стоящій на одной ногѣ въ алебастровой колесницѣ, неподвижно управляющій тремя алебастровыми конями и съ досадою взирающій на Кремлевскую стѣну, которая ревниво отдѣляетъ его отъ древнихъ святынь Россіи!

На востокъ картина еще богаче и разнообразнѣе: за самой стѣной, которая вправо спускается съ горы и оканчивается круглой угловой башнею, покрытой, какъ чешуею, зелеными черепицами; немного лѣвѣе этой башни являются безчисленные куполы церкви Василія Блаженнаго, семидесяти придѣламъ которой дивятся всѣ иностранцы, и которую ни одинъ русскій не потрудился еще описать подробно. Она, какъ древній Вавилонскій столпъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ уступовъ, кои оканчиваются огромной, зубчатой радужнаго цвѣта главой, чрезвычайно похожей (если простятъ мнѣ сравненіе) на хрустальную граненую пробку стариннаго графина. Кругомъ нея разсѣяно по всѣмъ уступамъ ярусовъ множество второклассныхъ главъ, совершенно не похожихъ одна на другую; онѣ разсыпаны по всему зданію безъ симметріи, безъ порядка, какъ отрасли стараго дерева, пресмыкающіяся по обнаженнымъ корнямъ его.

Витыя тяжелыя колонны поддерживаютъ желѣзныя кровли, повисшія надъ дверями и наружными галлереями, изъ коихъ выглядываютъ маленькія темныя окна, какъ зрачки стоглазаго чудовища. Тысячи затѣйливыхъ іероглифическихъ изображеній рисуются вокругъ этихъ оконъ; изрѣдка тусклая лампада свѣтится сквозь стекла ихъ, загороженныя рѣшетками, какъ блещетъ ночью мирный свѣтлякъ сквозь плющъ, обвивающій полуразвалившуюся башню. Каждый предѣлъ раскрашенъ снаружи особенною краской, какъ будто они не были выстроены всѣ въ одно время, какъ будто каждый владѣтель Москвы въ продолженіе многихъ лѣтъ прибавлялъ по одному въ честь своего ангела.

Весьма немногіе жители Москвы рѣшались обойти всѣ придѣлы сего храма. Его мрачная наружность наводитъ на душу каксе то уныніе: кажется, видишь передъ собою самого Іоанна Грознаго, но таковымъ, каковъ онъ былъ въ послѣдніе годы своей жизни!

И что же?—рядомъ съ этимъ великолѣпнымъ, угрюмымъ зданіемъ, прямо противъ его дверей, кипитъ грязная толпа, блещутъ ряды лавокъ, кричатъ разносчики, суетятся булочники у пьедестала монумента, воздвигнутаго Минину; гремятъ модныя кареты, лепечутъ модныя барыни... все такъ шумно, живо, непокойно!

Вправо отъ Василія Блаженнаго, подъ крутымъ скатомъ, течетъ мелкая, широкая, грязная Москва-рѣка, изнемогая подъ множествомъ тяжкихъ судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ и дровами; ихъ длинныя мачты, увѣнчанныя полосатыми флюгерами, встаютъ изъ-за Москворѣцкаго моста, ихъ скрипучіе канаты, колеблемые вѣтромъ, какъ паутина, едва чернѣютъ на голубомъ небосклонѣ. На лѣвомъ берегу рѣки, глядясь въ ея гладкія воды, бѣлѣетъ Воспитательный домъ, коего широкія голыя стѣны, симметрически расположенныя окна и трубы, и вообще европейская осанка рѣзко отдѣляются отъ прочихъ сосѣднихъ зданій, одѣтыхъ восточной роскошью или исполненныхъ духомъ среднихъ вѣковъ. Далѣе, къ востоку, на трехъ холмахъ, между коихъ извивается рѣка, пестрѣютъ широкія массы домовъ всѣхъ возможныхъ величинъ и цвѣтовъ; утомленный взоръ съ трудомъ можетъ достигнуть дальняго горизонта, на которомъ рисуются группы нѣсколькихъ монастырей, между коими Симоновъ примѣчателенъ особенно своею, почти между небомъ и землей висящею, платформой, откуда наши предки наблюдали за движеніемъ приближающихся татаръ.

Къ югу, подъ горой, у самой подошвы стѣны Кремлевской, противъ Тайницкихъ воротъ, протекаетъ рѣка, и за нею широкая долина, усыпанная домами и церквами, простирается до самой Поклонной горы, откуда Наполеонъ кинулъ первый взглядъ на гибельный для него Кремль, откуда въ первый разъ онъ увидалъ его вѣщее пламя—этотъ вѣщій свѣточъ, который озарялъ его торжество и паденіе!

На западѣ, за длинной башней, гдѣ живутъ и могутъ жить однѣ ласточки (ибо она, будучи построена послѣ французовъ, не имѣетъ внутри ни потолковъ, ни лѣстницъ, и стѣны ея расперты крестообразно поставленными брусьями), возвышаются арки каменнаго моста, который дугою перегибается съ одного берега на другой; вода, удержанная небольшой запрудой, съ шумомъ и пѣною вырывается изъ-подъ него, образуя между сводами небольшіе водопады, которые часто, особливо весною, привлекаютъ любопытство московскихъ зѣвакъ, а иногда принимаютъ въ свои нѣдра тѣло бѣднаго грѣшника. Далѣе моста, по правую сторону рѣки, отдѣляются на небосклонѣ зубчатые силуэты Алексѣевскаго монастыря; по лѣвую, на равнинѣ между кровлями купеческихъ домовъ, блещутъ верхи Донского монастыря... А тамъ за нимъ, одѣты голубымъ туманомъ, восходящимъ отъ студеныхъ волнъ рѣки, начинаются Воробьевы горы, увѣнчанныя густыми рощами, которыя съ крутыхъ вершинъ глядятся въ рѣку, извивающуюся у ихъ подошвы подобно змѣѣ, покрытой серебристою чешуей.

Когда склоняется день, когда розовая мгла одѣваетъ дальнія части города и окрестные холмы, тогда только можно видѣть нашу древнюю столицу во всемъ ея блескѣ, ибо, подобно красавицѣ, показывающей только вечеромъ свои лучшіе уборы, она только въ этотъ торжественный часъ можетъ произвести на душу сильное, неизгладимое впечатлѣніе. Что сравнить съ этимъ Кремлемъ, который, окружась зубчатыми стѣнами, красуясь золотыми главами соборовъ, возлежитъ на высокой горѣ, какъ державный вѣнецъ на челѣ грознаго владыки?

Онъ—алтарь Россіи, на немъ должны совершаться и уже совершились многія жертвы, достойныя отечества... Давно ли, какъ баснословный фениксъ, онъ возродился изъ пылающаго своего праха?..

Что величественнѣе этихъ мрачныхъ храминъ, тѣсно составленныхъ въ одну кучу, этого таинственнаго дворца Годунова, коего холодные столбы и плиты столько лѣтъ уже не слышатъ звуковъ человѣческаго голоса, подобно могильному мавзолею, возвышающемуся среди пустыни въ память царей великихъ!..

Нѣтъ! Ни Кремля, ни его зубчатыхъ стѣнъ, ни его темныхъ переходовъ, ни пышныхъ дворцовъ его описать невозможно... Надо видѣть, видѣть... надо чуствовать все, что они говорятъ сердцу и воображенію!...

Юнкеръ Л.-Г. Гусарскаго полка Лермантовъ.

Замѣтки, сюжеты и наброски.

1830. Замѣчаніе. Когда я началъ марать стихи въ 1828 г. (въ пансіонѣ), я, какъ бы по инстинкту, переписывалъ и прибиралъ ихъ. Они еще теперь у меня. Нынѣ я прочелъ въ жизни Байрона, что онъ дѣлалъ то же—это сходство меня поразило!

Музыка моего сердца была совсѣмъ разстроена нынче. Ни одного звука не могъ я извлечь изъ скрипки, изъ фортепьяно, чтобъ они не возмутили моего слуха.

Записки. 1830 г., 8 іюля, ночь. Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду? – Мы были большимъ семействомъ на водахъ Кавказскихъ: бабушка, тетушки, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою была она или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни объ чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ! И такъ рано!.. Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины; желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или сты-

дился войти въ комнату; я не хотѣлъ (боялся) говорить объ ней и убѣгалъ, слыша ее названье (теперь я забылъ его), какъ бы страшась, чтобъ біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда, и понынѣ мнѣ неловко какъ то спросить объ этомъ: можетъ быть, спросятъ и меня, какъ я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой разсказъ, подумаютъ, что я брежу, не повѣрятъ ея существованью,—это было бы мнѣ больно!.. Бѣлокурые волосы, голубые глаза быстрые, непринужденность... нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда такъ не любилъ, какъ въ тотъ разъ.—Горы Кавказскія для меня священны... И такъ рано! въ 10 лѣтъ! О, эта загадка, этотъ потерянный рай до могилы будутъ терзать мой умъ! Иногда мнѣ странно, и я готовъ смѣяться надъ этой страстію, но чаще—плакать. Говорятъ (Байронъ), что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить изящныя искусства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки.

1830. Когда я былъ трехъ лѣтъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ: ее не могу теперь вспомнить, но увѣренъ, что если бъ услыхалъ ее, она бы произвела прежнее дѣйствіе. Ее пѣвала мнѣ покойная мать.

1830. Я помню одинъ сонъ; когда я былъ еще 8 лѣтъ, онъ сильно подѣйствовалъ на мою душу. Въ тѣ же лѣта я одинъ ѣхалъ въ грозу куда то; и помню облако, которое, небольшое, какъ бы оторванный клочокъ чернаго плаща, быстро неслось по небу: это такъ живо предо мною, какъ будто вижу.

Когда я еще малъ былъ, я любилъ смотрѣть на луну, на разновидныя облака, которыя, въ видѣ рыцарей со шлемами, тѣснились будто вокругъ нея; будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства.

Въ первомъ дѣйствіи моей трагедіи Фернандо, говоря съ любезной подъ балкономъ, говоритъ про луну и употребляетъ предыдущее про рыцарей сравненіе.

1830 (мнѣ теперь 15 лѣтъ). Я однажды (3 года назадъ) укралъ у одной дѣвушки, которой было 17 лѣтъ, и потому безнадежно любимой мною, бисерный синій снурокъ; онъ и теперь у меня хранится.—Кто хочетъ узнать имя дѣвушки, пускай спроситъ у двоюродной сестры моей. Какъ я былъ глупъ!...

(*1830*) Наша литература такъ бѣдна, что я изъ нея ничего не могу заимствовать; въ 15 же лѣтъ умъ не такъ быстро принимаетъ впечатлѣнія, какъ въ дѣтствѣ; но тогда я почти ничего не читалъ. Однако же, если захочу вдаться въ поэзію народную, то, вѣрно, нигдѣ больше не буду ее искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ.—Какъ жалко, что у меня была мамушкой нѣмка, а не русская,—я не слыхалъ сказокъ народныхъ: въ нихъ, вѣрно, больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности.

Эпитафія плодовитаго писаки. Здѣсь покоится человѣкъ, который никогда (не могъ видѣть) не видалъ передъ собою бѣлой бумаги.

(*1830*). Еще сходство въ жизни моей съ лордомъ Байрономъ. Его (Ему) матери въ Шотландіи предсказала старуха, что онъ будетъ великій человѣкъ и будетъ два раза женатъ. Про меня (Мнѣ) на Кавказѣ предсказала то же самое (повивальная) старуха моей Бабушкѣ. Дай Богъ, чтобъ и надо мной сбылось, хотя бъ я былъ такъ же несчастливъ, какъ Байронъ.

(*1831*). Я читаю „Новую Элоизу". Признаюсь, я ожидалъ больше генія, больше познанія природы и истины. Ума слишкомъ много, идеалы... что̀ въ нихъ? Они прекрасны, чудесны; но несчастные софизмы, одѣтые блестящими (краснорѣчивыми) выраженіями, не мѣшаютъ видѣть, что они все идеалы. Вертеръ лучше. Тамъ человѣкъ—болѣе человѣкъ. У Жанъ-Жака даже пороки не таковы, какіе они есть. У него герои насильно хотятъ увѣрить читателя въ своемъ великодушіи... Но краснорѣчіе удивительное. И послѣ всего, я скажу, что хорошо, что у Руссо, а не у другого родилась мысль написать „Новую Элоизу".

2-го (1?) декабря, св. Варвары. Вечеромъ, возвратясь. Вчера еще я дивился продолжительности моего счастья! Кто бы подумалъ, взглянувъ на нее, что она можетъ быть причиной страданья?

(1837). Я въ Тифлисѣ у Петр. Г.— ученый татар. Али и Ахметъ. Иду за груз. въ бани; она дѣлаетъ знакъ; но мы не входимъ, ибо суббота. Выходя, она опять дѣлаетъ знакъ; я рисовалъ углемъ на стѣнѣ для забавы татаръ, и дѣлаю ей черту на спинѣ; слѣдую за ней: она соглашается...., только чтобъ я поклялся сдѣлать, что она велитъ: надо вынести трупъ. Я выношу и бросаю въ Куру. Мнѣ дѣлается дурно. Меня нашли и отнесли на гауптвахту. Я забылъ ея домъ навѣрное. Мы рѣшаемся обыскать. Я снялъ съ мертваго кинжалъ для доказательства. Несемъ его къ Геургу. Онъ говоритъ, что дѣлалъ его русскому офицеру. Мы говоримъ Ахмету, чтобъ онъ узналъ, кого имѣлъ этотъ офицеръ. Узнаютъ отъ деньщика, что этотъ офицеръ долго ходилъ по сосѣдству къ одной старухѣ съ дочерью; но дочь вышла замужъ, а черезъ недѣлю онъ пропалъ. Наконецъ, узнаемъ, за кого эта дочь вышла замужъ; находимъ домъ, но ее не видать. Ахметъ бродитъ кругомъ и узнаетъ, что мужъ пріѣхалъ, и кто то ему сказалъ, что видѣли, какъ изъ окошка вылѣзъ человѣкъ намедни, и что мужъ допрашивалъ и вся семья. Разъ мы идемъ по караванъ-сараю (ночью)—видимъ: идетъ мужчина съ... женой; они остановились и посмотрѣли на насъ. Мы прошли и видимъ,— она показала на меня пальцемъ, а онъ кивнулъ головой. Послѣ ночью двое (обое) на меня напали на мосту. Схватили меня, и — какъ зовутъ. Я сказалъ. Онъ: „я мужъ такой-то“ и хотѣлъ меня сбросить, но я его предупредилъ и сбросилъ.

У Россіи нѣтъ прошедшаго: она вся въ настоящемъ и будущемъ. Сказывается и сказка: Ерусланъ Лазаревичъ сидѣлъ сиднемъ 20 лѣтъ и спалъ крѣпко, но на 21-мъ году проснулся отъ тяжкаго сна и всталъ и пошелъ... и встрѣтилъ онъ тридцать семь королей и семьдесятъ богатырей и побилъ ихъ и сѣлъ надъ ними царствовать... Такова Россія.

Сюжетъ. 1. Молодежь разговариваетъ о томъ, что татары пріѣдутъ толпой и все берутъ; никто не смѣетъ слова сказать. Зарево видно. Иные говорятъ, что лучше предаваться татарамъ, чѣмъ помирать и т. п. Мстиславъ вскакиваетъ и уходитъ. Онъ все сначала молчалъ; онъ кажется равнодушенъ къ бѣдствіямъ стечества, и его порицаютъ за это.

2. Паломникъ у Ольги; онъ разсказываетъ про Іерусалимъ, путешествія и разрушенный Кіевъ. Мстиславъ входитъ, и, слыша разсказы о прежней вольности, ему приходитъ въ голову мысль освободить родину отъ татаръ. Ольгѣ одинъ богатый татаринъ далъ подарки; ея мать позволила; онъ ей нравится.

3. Въ городѣ послы татарскіе. Пиръ у князя. Униженіе князя. Одинъ посолъ за то, что русскій не низко поклонился, велитъ его казнить. Мстиславъ убиваетъ посла и скрывается.

4. Татаринъ любитъ Ольгу. Мать не противъ. Онъ обольщаетъ ее. Это длинная сцена. Между тѣмъ, множество заговорщиковъ разговариваютъ о возмущеніи противъ татаръ; они ищутъ начальника, и выборъ падаетъ на Мстислава; они идутъ искать его.

5. Мстиславъ на курганѣ; три ночи онъ молился. Приходитъ паломникъ и узнаетъ его. Мстиславъ спрашиваетъ его о сестрѣ; паломникъ говоритъ, что про сестру его носятся дурные слухи, будто она въ связи съ мурзой татарскимъ; это еще болѣе воспламеняетъ его. Приходятъ заговорщики, избираютъ его начальникомъ. Онъ клянется имъ. Они хотятъ напасть на станъ татаръ, кои приближались опять, чтобы грабить, и надѣются, что Россія послѣдуетъ ихъ примѣру.

6. Мстиславъ возвращается домой печаленъ, озабоченъ, угрюмъ. Сцена, гдѣ видна его любовь къ сестрѣ. Онъ ее спрашиваетъ: любитъ ли его одного; она смущается; онъ приготавливаетъ ее къ тому, что самъ, можетъ быть, погибнетъ, и спрашиваетъ, готова ли она все пожертвовать для отечества, потомъ, какъ будто все зналъ, но, чтобы испытать, правда ли, вдругъ говоритъ: „Ты любишь татарина?“ Она ему признается, въ испугѣ. Онъ мраченъ, но выноситъ этотъ ударъ, говоритъ ей сильно, какая она преступница, и заставляетъ ее согласиться, что на будущую ночь она его пригласитъ, и тогда его убьютъ; это будетъ сигналомъ кровопролитія. Однако, послѣ этой вѣсти, узнавъ позоръ сестры своей, Мстиславъ предчувствуетъ ужасное, однако не теряетъ духа.

7. Ольга колеблется между отечествомъ и любовникомъ; однако, придумываетъ. Въ свиданіи умоляетъ, чтобъ онъ не приходилъ самъ къ ней, ибо его жизнь въ опасности. Мурза допытывается и догадывается, что есть заговоръ. Она бѣжитъ съ мурзой, боясь братнина гнѣва.

8. Мстиславъ проходитъ мимо деревни. Одна женщина поетъ, баюкая ребенка („Что за пыль... Злы татаровья"). Онъ радуется тому, что эта пѣснь вдохнетъ ребенку ненависть противъ татаръ, и что если онъ погибнетъ, то останется еще мститель за отечество. Онъ идетъ въ назначенное мѣсто, гдѣ всѣ собрались; однако жъ удивляется тому, что мурза не пришелъ.

9. Станъ татаръ; сонный; стражи пьютъ русское вино и засыпаютъ, разговаривая о красотѣ дѣвушки, которая досталась мурзѣ. Приходятъ русскіе и убиваютъ сонныхъ; Мстиславъ считаетъ удары. Онъ входитъ въ палатку мурзы и выноситъ оттуда дѣву, говоря, что какъ всѣхъ соглашено убить, то ее жалко; вдругъ узнаетъ, что это его сестра. Она спитъ и бредитъ, и просыпается, вскрикиваетъ, узнаетъ его, упадаетъ. Онъ думаетъ, что она умерла; склоняется надъ ней. Между тѣмъ, крикъ разбудилъ нѣсколькихъ татаръ, кои еще не могутъ опомниться. „Боже,— говоритъ Мстиславъ,— зачѣмъ одно чувство любви должно погубить мое отечество! Какъ я ее любилъ, какъ она прекрасна!" Выбѣгаетъ мурза; онъ его убиваетъ. Начинается битва; русскихъ перерѣзали.

10. День. Мстиславъ, раненый, подъ деревомъ. Старый воинъ приходитъ. Онъ спрашиваетъ, всѣ ли убиты, и узнаетъ, что всѣ; что татары взяли въ то же утро городъ и разграбили. Приходятъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ, которые хотятъ скрыться въ лѣсахъ, съ воемъ отчаянія указывая на зарево. Мстиславъ спрашиваетъ, не видалъ ли онъ женщины въ станѣ, можетъ быть, она не умерла. Тотъ его не понимаетъ. Мстиславъ умираетъ и проситъ, чтобъ надъ нимъ поставилъ крестъ и чтобъ разсказалъ его дѣла какому-нибудь пѣвцу, чтобы этой пѣснью возбудилъ жаръ любви къ родинѣ въ душѣ потомковъ.

Имя героя („Всеволодъ") Мстиславъ Черный—прозваніе отъ его задумчивости.— Его сестра Ольга.— Мстиславъ три ночи молился на курганѣ, чтобъ не погибло любезное имя Россіи.— Помѣстить пѣсню печальную о любви или: „Что за пыль пылитъ". Ольга молодая, невинная, ангелъ, поетъ ее.— Входитъ братъ ея, послѣ паломникъ.—Всѣ сначала укоряютъ Мстислава въ равнодушіи къ бѣдствіямъ родины, ибо онъ молчитъ. (Какимъ образомъ умираетъ Мстиславъ: онъ, израненный, лежитъ въ хижинѣ. Хозяйка-крестьянка баюкаетъ ребенка пѣсню: „Что за пыль пылитъ"... Входитъ мужъ ея, израненный).— Юный князь Василій утонулъ въ крови во время битвы.

Программа. Его исторія. (Что про него сказалъ одинъ). Его любовь къ отцу. Пріѣздъ Архіерея. Что про него сказалъ Архіерей. Исторія одного монаха. Весна. Любовь къ неизвѣстной. Зеркало. Колокольчикъ. Родители. Несправедливости. (Пьянство). Постриженіе. (Послѣдняя игра). Убійство: одинъ хотѣлъ быть игуменомъ и для того убилъ другова и посадилъ его такъ, будто онъ самъ себя убилъ. (Родители пріѣзжаютъ). Послѣдняя любовь. Разочарованіе. Болѣзнь.

Онъ угрожаетъ ей гибелью отца, и она обѣщается завтра прислать къ нему свою рабу. Она заражается чумой. Онъ приходитъ, проводитъ ночь и умираетъ въ ея объятьяхъ въ саду.

Поэма на Кавказѣ.—Герой-пророкъ.

Монахъ впослѣдствіи сидитъ у окна. Подходитъ старый нищій и дѣвушка. Онъ узнаетъ отца и сестру, хочетъ броситься, но останавливается и закрываетъ окно въ отчаяніи. Онъ укралъ денегъ и на другой день ищетъ ихъ, но нигдѣ не находитъ. Потомъ, не зная, что съ ними дѣлать, зоветъ товарища-слугу въ кабакъ и пропиваетъ ихъ; такъ узнали, что онъ укралъ, и онъ посаженъ въ тюрьму.

Сюжетъ трагедіи. Отецъ съ дочерью ожидаютъ сына, военнаго, который (недавно женился, съ женою) пріѣдетъ въ отпускъ. Отецъ разбойничаетъ въ своей деревнѣ, и дочь самая злая убійца. Сынъ хочетъ сюрпризъ сдѣлать отцу и (подъ другимъ именемъ) прежде, нежели писалъ, отправляется; пріѣхавъ, не-

далеко отъ деревни становится (у мужика его ночевать) въ трактирѣ. Онъ находитъ здѣсь любезную свою съ матерью. Онѣ просятъ, чтобъ онъ не спалъ, ибо боятся разбойниковъ. Онъ соглашается. Вдругъ разбойники ночью пріѣзжаютъ. Онъ защищается и отрубаетъ руку у одного. (Всѣхъ убиваютъ и жену утаскиваютъ. Онъ въ отчаяніи идетъ броситься къ отцу, чтобъ тотъ далъ ему помощь, ибо домъ не такъ далеко). Его запираютъ въ его комнатѣ. Когда все утихло, онъ вырывается. Уходитъ и приноситъ трупъ своей любезной, клянется отмстить ее. Для этого спѣшитъ къ отцу, чтобъ тамъ найти помощь. Ночь у отца. Дочь примѣриваетъ платья убитыхъ нѣсколько дней тому назадъ, люди прибираютъ мертвыя тѣла. Прибѣгаетъ вскорѣ сынъ. Сказываетъ о себѣ. Его впускаютъ. Онъ разсказываетъ сестрѣ свое несчастіе. Вдругъ отецъ—онъ безъ руки... Сынъ къ нему—и видитъ... въ отчаяніи убѣгаетъ. Смятеніе въ дому. Между тѣмъ полиція узнала не о семъ, но о другомъ недавнемъ злодѣяніи и приходитъ; сынъ самъ объявляетъ объ отцѣ; вбѣгаетъ съ ними. Полиція; отца схватываютъ и уводятъ. Сынъ застрѣливается. Тутъ вбѣгаетъ служитель старый сына, добрый, хочетъ его видѣть (но не замѣчаетъ и разсказываетъ сестрѣ, что онъ... сказать ему о смерти печальной супруги) и видитъ его мертваго.

Сюжетъ трагедіи. Въ Америкѣ. (Дикіе, угнетенные испанцами.—Изъ романа французскаго „Аттала").

Прежде отъ матерей и отцовъ продавали дочерей казакамъ на ярмаркахъ, какъ негровъ. Это въ трагедіи помѣстить.

Сюжетъ трагедіи. Молодой человѣкъ въ Россіи, который не дворянскаго происхожденія, отвергаемъ обществомъ, любовью, унижаемъ начальствомъ.—(Онъ былъ изъ поповичей или изъ мѣщанъ; учился въ университетѣ и вояжировалъ на казенный счетъ). Онъ застрѣливается.

Въ слѣдующей сатирѣ всѣхъ разругать и одну грустную строфу. Подъ конецъ сказать, что я напрасно писалъ, и что еслибъ это перо въ палку обратилось, и какое-нибудь божество новыхъ временъ пріударило въ нихъ—оно лучше.

„Демонъ". Сюжетъ. Во время плѣненія евреевъ въ Вавилонѣ (изъ Библіи). Еврейка. Отецъ слѣпой. Онъ въ первый разъ видитъ ее спящую. Потомъ она поетъ отцу про старину и про близость ангела — к а к ъ п р е ж д е. Еврей возвращается на родину. Ея могила остается на чужбинѣ.

(1831 г.). Написать записки молодого монаха 17 лѣтъ. Съ дѣтства онъ въ монастырѣ; кромѣ священныхъ книгъ не читалъ. Страстная душа томится. Идеалы.

Написать шутливую поэму: „Приключенія богатыря".

Memor. Перевесть въ прозѣ „The Dream" of Lord Byron pour miss Alexandrine.

Memor. Написать трагедію: М а р і й, изъ Плутарха. Д ѣ й с т в і я: 1) Его жизнь въ Римѣ во время его конс. и изгнаніе Суллою. 2) Когда Марій въ изгнаніи бродитъ, и взятъ, и Цибрскій невольникъ не смѣетъ убить его. 3) Сынъ Марія при дворѣ сатрапа освобождаемъ невольницею, и Марій въ Карѳагенѣ. 4) Цинна въ Римѣ. Пришествіе Марія, тиранства, убійства и проч. (между прочимъ: Антонія, оратора убили). 5) Марій предчувствуетъ гибель. Онъ умираетъ. Сластолюбивый сынъ его тиранствуетъ, но, угрожаемъ Суллою, бѣжитъ изъ Рима и въ Пренестѣ убиваетъ себя.— Сыну Марія передъ смертью, въ 5 дѣйствіи, является тѣнь его отца и повелѣваетъ умереть, ибо родъ ихъ долженъ ими кончиться.

При дворѣ князя Владиміра былъ одинъ молодой витязь, варягъ, прекрасный, умный, но честолюбивый и гордый; пылкость его была во всемъ. Онъ много наслаждался, и все начинало ему надоѣдать. Говорили, что онъ не христіанинъ, и что волшебная сила надъ нимъ владѣетъ. (Но это неправда, ибо хотя онъ рѣдко являлся въ церковь, но носилъ чугунный крестъ на груди своей). Однажды ночью онъ стоялъ на часахъ у дворца, при свѣтѣ лампады, вдругъ является тѣнь дѣвы и зоветъ его жалобно, умоляя спасти ее; онъ слѣдуетъ за ней, выходитъ изъ воротъ; она исчезла, взявъ отъ него клятву, что онъ спасетъ ее, и сказавъ, что она подъ властью чародѣя. На другой день витязь (уходитъ) уѣзжаетъ, ни съ

кѣмъ не простившись, ибо онъ былъ сирота. Ѣдетъ витязь степью, лѣсомъ и горами, и видитъ крестъ на холмѣ и нѣсколько пещеръ, и слышитъ звонъ; подъѣзжаетъ и видитъ: одинъ инокъ звонитъ, читаетъ молитву, а двое копаютъ могилу; тутъ на травѣ лежитъ мертвая женщина, прекрасная и блѣдная. Онъ взглянулъ, и сердце его забилось; онъ не заплакалъ, но чувство, полное муки и тайнаго удовольствія, прошлось по его сердцу;—онъ любитъ мертвую?—нѣтъ это одно разстройство воображенія. Витязь удаляется; подъѣзжаетъ къ рѣкѣ, и вечеромъ засыпаетъ при свѣтѣ молодого мѣсяца и при пѣснѣ лебедя. Видитъ страшный сонъ. Поутру его будитъ поцѣлуй: дѣва, которая манила его, стоитъ передъ нимъ и ведетъ въ свой хрустальный чертогъ; тамъ все полно нѣги, но витязь не любитъ ее; мысли его летятъ къ умершей, сердце ноетъ, и онъ долженъ подавлять его. Дѣва разсказываетъ ему свою повѣсть, какъ царь Стамфулъ превратилъ ее въ лебедя, и какъ она посредствомъ старухи избѣгнула его любви. Онъ уходитъ отъ нея, чтобъ достать цвѣтокъ жизни въ за́мкѣ Стамфула, который за рѣкой Великой. Онъ пускаетъ коня и садится въ лодку. Пловецъ этотъ ему разсказываетъ свою повѣсть (онъ убилъ паломника), и за что онъ осужденъ всегда ѣздить и не можетъ вылѣзть. Переѣхавъ рѣчку, витязь видитъ два ворона, которые все вокругъ него летаютъ. „Что?... неужели вы мнѣ предвѣщаете смерть?"—сказалъ онъ имъ. „Нѣтъ, витязь,—говоритъ одинъ воронъ,—я хочу тебѣ помочь, я тебя проведу, куда надо". Витязь идетъ за ворономъ и спрашиваетъ, отчего онъ говоритъ, какъ человѣкъ. Воронъ разсказываетъ ему, что ихъ два брата было, и за что Стамфулъ превратилъ ихъ въ вороновъ; онъ разсказываетъ, какъ достать цвѣтокъ жизни. Они подходятъ къ древнему замку: ворота отперты, все пусто. Воронъ просилъ витязя ничего, кромѣ цвѣтка, не трогать; витязь взялъ въ садахъ цвѣтокъ и, возвращаясь, видитъ (щитъ) мечъ золотой на воротахъ,—и едва прикоснулся, какъ раздался шумъ и звонъ. Онъ выходитъ изъ замка быстро. Стрѣла летитъ за нимъ и поражаетъ ворона. Витязь оборачивается: Стамфулъ на него несется. Послѣдній принимаетъ разные виды,—наконецъ, сраженъ. Витязь бросаетъ его тѣло въ море, ибо замокъ на берегу моря, и видитъ мертваго ворона, а надъ нимъ другой умеръ. Витязь примѣчаетъ, что его преслѣдуетъ что то свыше. Онъ помнитъ умершую дѣву и чувствуетъ, что любитъ ее. На дорогѣ онъ видитъ издали пыль и крики и звонъ мечей; подходитъ — и что же? Горсть воиновъ обороняется противъ толпы враговъ. Онъ бросается въ бой и освобождаетъ ихъ. Они ведутъ его къ своему царю. Царь угощаетъ витязя, но самъ печаленъ, и разсказываетъ, что у него была одна дочь, но что умерла на 17 году, и что когда ее похоронили, то разсказываютъ, что три чернеца съ крестами унесли ея тѣло, Богъ вѣсть куда. Царь показываетъ витязю портретъ дочери своей, говоря, что ей было предсказано паломникомъ, за то, что она его напоила и накормила, что она выйдетъ замужъ за такого то витязя. Нашъ витязь слышитъ свое имя и трепещетъ; но когда увидалъ портретъ, то упалъ безъ чувствъ, ибо узналъ умершую дѣву, которую любилъ. Онъ тотчасъ удаляется изъ дворца, взявъ лошадь только. Не беретъ проводниковъ, хотя гроза свирѣпствуетъ на дворѣ. Родъ бѣшенства или сумасшествія обладаетъ имъ. Наконецъ, онъ пріѣзжаетъ къ берегамъ рѣчки, гдѣ лебедь, и бросаетъ ему цвѣтокъ жизни; лебедь тотчасъ дѣлается дѣвицей. Она выходитъ изъ воды. Онъ отвергаетъ ея ласки, говоря, что не любитъ ее. Она проситъ одинъ поцѣлуй прощанья, и только что поцѣловала, какъ исчезаетъ съ хохотомъ и визгомъ. Прекрасное мѣстоположеніе перемѣнилось въ дикое; розовые кусты, рѣка исчезли,—оврагъ или пропасть. Скалы однѣ остались, и вихорь едва не увлекъ туда героя. Луна встала. Витязь сидитъ на берегу пропасти. Вдругъ на облакѣ является ему старецъ и говоритъ, что онъ его отецъ; что онъ былъ язычникъ и оттого долго мучился, но теперь Богъ ему простилъ, и что злой духъ преслѣдуетъ витязя, ибо онъ язычникъ. Витязь обѣщаетъ креститься, а отецъ его даетъ ему крестъ и говоритъ, что онъ чудотворный; онъ ѣдетъ къ извѣстной могилѣ; роетъ,—и вдругъ видитъ не гробъ, но широкое подземелье, и дѣва при блескѣ свѣчей спитъ на подушкѣ; она спитъ, ибо дышитъ; онъ вы-

носитъ ее оттуда въ изступленіи любви, кладетъ на лошадь и скачетъ въ Кіевъ. Пріѣзжаетъ туда вечеромъ и приноситъ ее въ церковь, гдѣ народъ слушал вечерню. Прикладываетъ крестъ къ ея груди, и она оживаетъ, и падаетъ въ е объятія. Ихъ вѣнчаютъ, но онъ позабылъ креститься. Когда кончился обрядъ, и онъ выходитъ изъ церкви, чей то голосъ ему напомнилъ вдругъ объ этомъ, говоря: „Ты не будешь счастливъ!“ На другой день свадьбы она умерла. Онъ скрылся.

Ecrire une tragedie „Neron“.

Написать длинную сатирическую поэму: Приключенія Демона.

Александръ. У него любовница, которую онъ взялъ изъ жалости; онъ былъ знакомъ въ Москвѣ въ одномъ знатномъ домѣ и любимъ дочерью; говорятъ, что у нея милліоны. Здѣсь его принимаютъ худо; она ничего прежняго не хочетъ помнить. А въ высшемъ кругу его не принимаютъ. Графъ за ней волочится и хочетъ жениться. Этотъ графъ всегда былъ на дорогѣ Александра. Александръ хочетъ заставить его отказаться; тотъ надъ нимъ смѣется. Потомъ Александръ клевещетъ на него ей, но графы пріѣзжаютъ и они надъ Александромъ трунятъ.— Александръ дома съ NN. Хочетъ денегъ, но у нея, кромѣ любви, ничего нѣтъ. Онъ ее не любитъ, и ту не любитъ, а хочетъ денегъ. Входитъ ростовщикъ, живущій за стѣной, и предлагаетъ ему денегъ, а тотъ даетъ ему вексель на все имѣніе; ростовщикъ открываетъ, что у нея ничего нѣтъ.— Посредствомъ денегъ Александръ пробирается въ комнату Софьи и говоритъ ей, что онъ знаетъ, что у нея ничего нѣтъ, и что она хочетъ выйти за графа, ибо онъ богатъ, и что если она хочетъ, чтобы онъ не отказался отъ нея, узнавъ, что у нея ничего нѣтъ, то она должна его любить. Она уже колеблется; вдругъ входитъ горничная, говоря, что графъ пріѣхалъ. Александра прячутъ за гардину. Графъ изъясняется въ любви, говоритъ, что, ибо ему позволяютъ входъ во всякое время, то это показываетъ, что родители не прочь. Она ему клянется, что любитъ его одного. Въ эту минуту Александръ выходитъ и говоритъ: это правда. Смущеніе... сцена. Вдругъ входитъ отецъ съ дядей и говоритъ, что его дочь обезчещена, что графъ долженъ жениться, что иначе они его лишатъ мѣста, убьютъ и проч. Графъ въ отчаяніи. Александра выгоняютъ, но онъ радъ. Дочь въ обморокѣ. Александръ съ ней прощается.— Александръ боленъ, онъ въ размолвкѣ съ нею. Разсказываетъ жизнь. Входитъ ростовщикъ; жалѣетъ и говоритъ, что вчера вечеромъ была свадьба графа.

Посылаютъ за графомъ. Графъ приходитъ, подноситъ свѣчу къ кровати и ужасается. Александръ ему говоритъ, что онъ отомстилъ ему, что написалъ къ своимъ пріятелямъ всю исторію. И потомъ говоритъ, что у нея ничего нѣтъ, и ставитъ въ свидѣтели ростовщика. Самъ упадаетъ безъ чувствъ. Любовница въ отчаяніи проклинаетъ графа. Александръ....... и говоритъ, что жалѣетъ, что не имѣетъ милліона оставить ей, и умираетъ.

IV. ПИСЬМА.

Письма М. Ю. Лермонтова.

1. Къ М. А. Шанъ-Гирей.

(1827 г.)

Милая Тетенька! Наконецъ, настало то время, которое вы столь ожидаете, но ежели я къ вамъ мало напишу, то это будетъ не отъ моей лѣности, но отъ того, что у меня не будетъ время. Я думаю, что вамъ пріятно будетъ узнать, что я въ русской грамматикѣ учу синтаксисъ, и что мнѣ даютъ сочинять; я къ вамъ это пишу не для похвальбы, но собственно оттого, что вамъ это будетъ пріятно. Въ географіи я учу математическую по небесному глобусу, градусы, планеты, ходъ ихъ и пр. Прежнее ученіе исторіи мнѣ очень помогло. Заставьте, пожалуйста, Екима рисовать контуры; мой учитель говоритъ, что я еще буду ихъ рисовать съ полгода; но я лучше сталъ рисовать, однако жъ, мнѣ запрещено рисовать свое. Катюшѣ, въ знакъ благодарности за подвязку, посылаю ей бисерный ящикъ моей работы. Я еще ни въ какихъ садахъ не бывалъ, но я былъ въ театрѣ, гдѣ я видѣлъ оперу „Невидимку", ту самую, что я видѣлъ въ Москвѣ 8 лѣтъ назадъ; мы сами дѣлаемъ театръ, который довольно хорошо выходитъ, и будутъ восковыя фигуры играть (сдѣлайте милость, пришлите мои воски); я нарочно замѣчаю, чтобы вы въ хлопотахъ не забыли, я думаю, что эта пунктуальность не мѣшаетъ; я бы приписалъ къ братцамъ здѣсь, но я имъ напишу особливо; Катюшу же цѣлую и благодарю за подвязку.—Прощайте, милая тетенька, цѣлую ваши ручки и остаюсь вашъ покорный племянникъ. М. Лермантовъ.

2. Къ ей же.

(Декабрь 1828 г.)

Милая Тетенька! Зная вашу любовь ко мнѣ, я не могу медлить, чтобы обрадовать васъ: экзаменъ кончился, и вакація началась до 8-го января; слѣдственно, она будетъ продолжаться 3 недѣли. Испытаніе наше продолжалось отъ 13-го до 20-го числа. Я вамъ посылаю баллы, гдѣ вы увидите, что г-нъ Дубенской поставилъ 4 рус. и 3 лат.; но онъ продолжалъ мнѣ ставить 3 и 2 до самаго экзамена, вдругъ какъ то сжалился и наканунѣ переправилъ, что произвело меня вторымъ ученикомъ.

Папенька сюда пріѣхалъ, и вотъ уже 2 картины извлечены изъ моего portefeuille, слава Богу, что такими любезными мнѣ руками!.. Скоро я начну рисовать съ (buste) бюстовъ... Какое удовольствіе!.. Къ тому жъ Александръ Степановичъ мнѣ показываетъ также, какъ должно рисовать пейзажи.—Я продолжалъ подавать сочиненія мои Дубенскому, а Геркулеса и Прометея взялъ инспекторъ, который хочетъ издавать журналъ „Калліопу" (подражая мнѣ?!), гдѣ будутъ помѣщаться сочиненія воспитанниковъ.—Каково вамъ покажется? Павловъ мнѣ подражаетъ, перенимаетъ у... меня!.. стало быть... стало быть... но выводите заключенія, какія вамъ угодно.

Бабушка была немного нездорова зубами, однако же теперь гораздо лучше, а я— o! je me porte comme à l'ordinaire... — bien! Прощайте, милая тетенька, желаю, чтобы вы были внутренно покойны, слѣд. здоровы, ибо: les douleurs du corps proviennent des maux de l'âme.—Остаюсь вашъ покорный племянникъ.

Я прилагаю вамъ, милая тетенька, стихи, кои прошу помѣстить къ себѣ въ альбомъ, а картинку я еще не нарисовалъ. На вакацію надѣюсь исполнить свое обѣщаніе. Вотъ стихи:

Поэтъ.

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой Дѣвы ликъ священный
Живою кистью окончалъ,
Своимъ искусствомъ восхищенный,
Онъ предъ картиною упалъ!
Но скоро сей порывъ чудесный
Слабѣлъ въ груди его младой,
И, утомленный и нѣмой,
Онъ забывалъ огонь небесный.
Таковъ поэтъ: чуть мысль блеснетъ,
Какъ онъ перомъ своимъ прольетъ
Всю душу, звукомъ громкой лиры
Чаруетъ свѣтъ, и въ тишинѣ
Поётъ, забывшись въ райскомъ снѣ,
Васъ, васъ, души его кумиры!
И вдругъ хладѣетъ жаръ ланитъ,
Его сердечныя волненья
Все тише, и призра̀къ бѣжитъ!
Но долго, долго умъ хранитъ
Первоначальны впечатлѣнья.

Не зная, что дяденька въ Апалихѣ, я не писалъ къ нему, но прошу извиненія и свидѣтельствую ему мое почтеніе.

3. Къ ей же.

(1829 г.)

Милая Тетенька! Извините меня, что я такъ долго не писалъ... Но теперь постараюсь почаще увѣдомлять васъ о себѣ, зная, что это вамъ будетъ пріятно. Вакаціи приближаются и... прости, достопочтенный пансіонъ! Но не думайте, чтобы я былъ радъ оставить его, потому что ученіе прекратится; нѣтъ! дома я заниматься буду еще болѣе, нежели тамъ. Вы спрашивали о баллахъ, милая тетенька, увы! -у насъ въ пятомъ классѣ съ самаго новаго года еще не всѣ учители поставили сіи вывѣски нашей премудрости! (выраженіе одного ученика). Помните ли, милая тетенька, вы говорили, что наши актеры (московскіе) хуже петербургскихъ. Какъ жалко, что вы не видали здѣсь „Игрока", трагедію „Разбойники". Вы бы иначе думали. Многіе изъ петербургскихъ господъ соглашаются, что эти пьесы лучше идутъ, нежели тамъ, и что Мочаловъ въ многихъ мѣстахъ превосходитъ Каратыгина. Бабушка, я и Екимъ, всѣ, слава Богу, здоровы, но M-r G. Gendroz былъ боленъ, однако теперь почти совсѣмъ поправился. Постараюсь слѣдовать совѣтамъ вашимъ, ибо я увѣренъ, что они служатъ къ моей пользѣ. Цѣлую ваши ручки. Покорный вашъ племянникъ М. Лермантовъ.

P. S. Прошу васъ дяденькѣ засвидѣтельствовать мое почтеніе и у тетеньки Анны Акимовны цѣлую ручки. Также прошу поцѣловать за меня Алешу, двухъ Катюшъ и Машу.—М. Л.

4. Къ Н. И. Поливанову.

Москва. 7 іюня 1831 г.

Любезный другъ, здравствуй! протяни руку и думай, что она встрѣчаетъ мою; я теперь сумасшедшій совсѣмъ. Насъ судьба разноситъ въ разныя стороны, какъ вѣтеръ листы осени. Завтра свадьба твоей кузины Лужиной, на которой меня не будетъ (?!); впрочемъ, мнѣ теперь не до подробностей. Чортъ возьми всѣ свадебные пиры! Нѣтъ, другъ мой! мы съ тобой не для свѣта созданы; я не могу тебѣ много писать: боленъ, разстроенъ, глаза каждую минуту мокры.— Source intarissable. Много со мной было. Прощай; напиши что-нибудь веселѣе. Что ты дѣлаешь? Прощай, другъ мой.—

М. Лермантовъ.

5. Къ М. А. Шанъ-Гирей.

(1831 г.)

Ma chère tante. Вступаюсь за честь Шекспира. Если онъ великъ, то это въ Гамлетѣ; если онъ истинно Шекспиръ, этотъ геній необъемлемый, проникающій въ сердце человѣка, въ законы судьбы, оригинальный, т.-е. неподражаемый Шекспиръ,—то это въ Гамлетѣ. Начну съ того, что имѣете вы переводъ не съ Шекспира, а переводъ перековерканной піесы Дюсиса, который, чтобы удовлетворить приторному вкусу французовъ, не умѣющихъ обнять высокое, и глупымъ ихъ правиламъ, перемѣнилъ ходъ трагедіи и выпустилъ множество характеристическихъ сценъ; эти переводы, къ сожалѣнію, играются у насъ на театрѣ. Вѣрно, въ вашемъ Гамлетѣ нѣтъ сцены могильщиковъ, и другихъ, коихъ я не запомню.— Гамлетъ по-англійски написанъ половина въ прозѣ, половина въ стихахъ. Вѣрно, нѣтъ той сцены, когда Гамлетъ говоритъ съ своей матерью, и она показываетъ на портретъ его умершаго отца; въ этотъ мигъ съ другой стороны, видимая одному Гамлету, является тѣнь короля, одѣтая, какъ на портретѣ; и принцъ, глядя уже на тѣнь, отвѣчаетъ матери. Какой живой контрастъ, какъ глубоко! Сочинитель зналъ, что, вѣрно, Гамлетъ не будетъ такъ пораженъ и встревоженъ, увидѣвъ портретъ, какъ при появленіи призрака.

Вѣрно, Офелія не является въ сумасшествіи! хотя сія послѣдняя одна изъ трогательнѣйшихъ сценъ! Есть ли у васъ сцена, когда король подсылаетъ двухъ придворныхъ, чтобъ узнать, точно ли помѣшанъ притворившійся принцъ, и сей обманываетъ ихъ; я помню нѣсколько мѣстъ этой сцены; они (придворные) надоѣли Гамлету, и этотъ прерываетъ одного изъ нихъ, спрашивая:

Гамлетъ. Не правда ли, это облако похоже на пилу?

1-й придворный. Да, мой принцъ.

Гамлетъ. А мнѣ кажется, что оно имѣетъ видъ верблюда, что похоже на животное!

2-й придворный. Принцъ, я самъ лишь хотѣлъ сказать это.

Гамлетъ. На что же вы похожи оба?—и проч.—Вотъ какъ кончается эта сцена: Гамлетъ беретъ флейту и говоритъ: „Сыграйте что-нибудь на этомъ инструментѣ“.

1-й придворный. Я никогда не учился, принцъ, я не могу.

Гамлетъ. Пожалуйста.

1-й придворный. Клянусь, принцъ, не могу (и проч., извиняется).

Гамлетъ. Ужели послѣ этого не чудаки вы оба? когда изъ такой малой вещи вы не можете исторгнуть согласныхъ звуковъ, какъ хотите изъ меня, существа, одареннаго сильною волею, исторгнуть тайныя мысли?...

И это не прекрасно?... — Теперь слѣдуютъ мои извиненія, что я къ вамъ, любезная тетенька, не писалъ; клянусь, некогда было; ваше письмо меня воспламенило: какъ обижать Шекспира! — Мнѣ здѣсь довольно весело: почти каждый вечеръ на балѣ.—Но великимъ постомъ я ужъ совсѣмъ засяду. Въ университетѣ все идетъ хорошо.

Прощайте, милая тетенька, желаю вамъ здоровья и всего, что вы желаете; если говорятъ: одна голова хорошо, а двѣ лучше, зачѣмъ не сказать: одно сердце хорошо, а два лучше.—Цѣлую ваши ручки, остаюсь покорный вашъ племянникъ.—М. Лермантовъ.

P. S. Поклонитесь отъ меня дяденькѣ и поцѣлуйте, пожалуйста, дѣточекъ.

6. Къ С. А. Бахметевой.

(Тверь. 1832 г.)

Ваше Атмосфераторство! Милостивѣйшая государыня, Софія, дочь Александрова!... Вашъ рабъ всепокорнѣйшій Михайло, сынъ Юрьевъ, бьетъ челомъ вамъ.

Дѣло въ томъ, что я обрѣтаюсь въ ужасной тоскѣ: извощикъ ѣдетъ тихо, дорога пряма, какъ палка, на квартирѣ вонь, и перо скверное!...

Кажется, довольно, чтобы истощить ангельское терпѣніе, подобное моему.

Что вы дѣлаете?

Пріѣхала ли Александра, Михайлова дочь, и какія ея рѣчи? Все пишите, а моего писанія никому не являйте.

Растрясло меня и потому къ благовѣрной кузинѣ не пишу, а вамъ мало: извините моей немощи!...

До Петербурга съ обѣими прощаюсь.

Рабъ вашъ M. Lerma.

Прошу засвидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе тетенькѣ и всѣмъ домочадцамъ.

7. Къ ней же.

(С.-Петербургъ. Августъ 1832 г.)

Любезная Софья Александровна!

До самаго нынѣшняго дня я былъ въ ужасныхъ хлопотахъ, ѣздилъ туда-сюда, къ Вѣрѣ Николаевнѣ на дачу, и проч.; разсматривалъ городъ по частямъ и на лодкѣ ѣздилъ въ море. Короче, я ищу впечатлѣній, какихъ-нибудь впечатлѣній...

Преглупое состояніе человѣка то, когда онъ принужденъ занимать себя, чтобъ жить, какъ занимали нѣкогда придворные старыхъ королей; быть своимъ шутомъ!... Какъ послѣ этого не презирать себя, не потерять довѣренность, которую имѣлъ къ душѣ своей?... Одну добрую вещь скажу вамъ: наконецъ, я догадался, что не гожусь для общества, и теперь больше, чѣмъ когда-нибудь. Вчера я былъ въ одномъ домѣ N. N., гдѣ, просидѣвъ четыре часа, я не сказалъ ни одного путнаго слова. У меня нѣтъ ключа отъ ихъ умовъ—быть можетъ, слава Богу!

Вашей комиссіи я еще не исполнилъ, ибо мы только вчера перебрались на квартиру. Прекрасный домъ, и со всѣмъ тѣмъ душа моя къ нему не лежитъ, мнѣ кажется, что отнынѣ я самъ буду пустъ, какъ былъ онъ, когда мы въѣхали.

Пишите мнѣ, что дѣлается въ странахъ вашего царства. Какъ свадьба? Все ли вы въ Середниковѣ или въ Москвѣ? Чай, Александра Михайловна да Елизавета Александровна покою не знаютъ, все хлопочутъ!

Странная вещь! Только мѣсяцъ тому назадъ написалъ:

Я жить хочу! хочу печали,
Любви и счастію на зло;
Они мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело.
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманъ;
Что́ безъ страданій жизнь поэта?
И что́ безъ бури океанъ?

И пришла буря, и прошла буря; и океанъ замерзъ, но замерзъ съ поднятыми волнами, храня театральный видъ движенія и безпокойства, но въ самомъ дѣлѣ мертвѣе, чѣмъ когда-нибудь...

Надоѣлъ я вамъ своими диссертаціями! Я короче сошелся съ Павломъ Евреиновымъ—у него есть душа въ душѣ!

Одна вещь меня безпокоитъ: я почти совсѣмъ лишился сна, Богъ знаетъ, надолго ли; не скажу, чтобъ отъ горести: были у меня и больше горести, а я спалъ крѣпко и хорошо. Нѣтъ, я не знаю: тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ.

Доро́гой я еще былъ туда-сюда; пріѣхавши, не гожусь ни на что. Право, мнѣ необходимо путешествовать: я—цыганъ.

Прощайте, пишите мнѣ, чѣмъ поминаете вы меня? Обѣщаю вамъ, что не всѣ мои письма будутъ такія; теперь я болтаю вздоръ, потому что натощакъ.—Прощайте... Членъ вашей bande joyeuse M. Lerma.

P. S. У тетушекъ моихъ цѣлую ручки и прошу васъ отъ меня отнести поклонъ всѣмъ моимъ друзьямъ... во второмъ разрядѣ коихъ Achille, арапъ; и если вы не въ Москвѣ, то мысленно. Прощайте.

8. Къ С. А. Бахметевой.

(С.-Петербургъ. Августъ 1832 г.).

Примите дивное посланье
Изъ края дальняго сего;
Оно не Павлово писанье,
Но Павелъ вамъ отдастъ его.
Увы! какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!..
Куда ни взглянешь, красный воротъ,
Какъ шишъ, торчитъ передъ тобой;
Нѣтъ милыхъ сплетенъ—все сурово,
Законъ сидитъ на лбу людей;
Все удивительно и ново,
А нѣтъ не пошлыхъ новостей!
Доволенъ каждый самъ собою,
Не безпокоясь о другихъ,
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ!..
И, наконецъ, я видѣлъ море,
Но кто поэта обманулъ?..
Я въ роковомъ его просторѣ
Великихъ думъ не почерпнулъ;
Нѣтъ! какъ оно, я не былъ воленъ;
Болѣзнью жизни—скукой боленъ
(На зло былымъ и новымъ днямъ).
Я не завидовалъ, какъ прежде,
Его серебряной одеждѣ,
Его бунтующимъ волнамъ.

Экспромтомъ написалъ я вамъ эти стихи, любезная Софья Александровна, и не имѣю духу продолжать такимъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не знаю отчего, поэзія души моей погасла.

По произволу дивной власти
Я выкинутъ изъ царства страсти,
Какъ послѣ бури на песокъ
Волной расшибленный челнокъ.

Пускай приливъ его ласкаетъ,—
Не слышитъ ласки инвалидъ:
Свое безсиліе онъ знаетъ
И притворяется, что спитъ.
Никто ему не ввѣритъ болѣ
Себя иль ноши дорогой:
Онъ не годится и на волѣ,—
Погибъ, и данъ ему покой.

Мнѣ кажется, что это недурно вышло. Пожалуйста, не рвите этого письма на нужныя вещи.—Впрочемъ, еслибъ я началъ писать къ вамъ за часъ прежде, то, быть можетъ, писалъ бы вовсе другое; каждый мигъ у меня новыя фантазіи...

Прощайте, дражайшая; я къ вамъ писалъ изъ Твери и отсюда, а до сихъ поръ не получилъ отвѣта—стыдно! однако, я прощаю—и прощаюсь. M. Lerma.

Тетенькѣ и всѣмъ нижайшее мое почтеніе. Пишите, что дѣлается, и слышится, и говорится.

У Демидовой былъ, дома не засталъ; она была у какой то директорши—Богъ знаетъ; я письма не отдалъ и на дняхъ поѣду опять. Не имѣю слишкомъ большого влеченія къ обществу: надоѣло!—Все люди, такая тоска; хоть бы черти для смѣха попадались.

9. Къ М. А. Лопухиной.

S.-Pétersb. 1832. Le 28 Août.

Dans le moment où je vous écris, je suis très-inquiet, car grand'maman est très malade et depuis deux jours au lit. Ayant reçu une seconde lettre de vous, c'est maintenant une consolation que je me donne. Vous nommer toutes les personnes que je fréquente?—m o i c'est la personne que je fréquente avec le plus de plaisir. En arrivant je suis sorti, il est vrai, assez souvent chez des parents, avec lesquels je devais faire connaissance; mais à la fin j'ai trouvé que mon meilleur parent c'était moi. J'ai vu des échantillons de la société d'ici, des dames fort aimables, des jeunes gens fort polis tous ensemble ils me font l'effet d'un jardin français, bien étroit et simple, mais où l'on peut se perdre pour la première fois, car entre un arbre et un autre le ciseau du maître a ôté toute différence!..

J'écris peu, je ne lis pas plus; mon roman devient une œuvre de désespoir; j'ai fouillé dans mon âme pour en retirer tout ce qui est capable de se changer en haine, et je l'ai versé pêle-mêle sur le papier: vous me plaindriez en le lisant!.. A propos de votre mariage, chère amie, vous avez déviné mon enchantement d'apprendre qu'il soit rompu (pas français); j'ai déjà écrit à ma cousine que ce nez en l'air n'était bon que pour flairer les alouettes—cette expression m'a beaucoup plu à moi même. Dieu soit loué, que ça soit fini comme cela et pas autrement! Au reste, n'en parlons plus; on n'en a que trop parlé.

J'ai une qualité que vous n'avez pas; quand on me dit qu'on m'aime, je ne doute plus ou (ce qui est pire) je ne fais pas semblant de douter. - Vous avez ce défaut, et je vous prie de vous en corriger, du moins dans vos chères lettres.

Hier il y a eu, à 10 heures du soir, une petite inondation et même on a tiré deux fois du canon à trois différentes reprises, à mesure que l'eau baissait et montait. Il y avait clair de lune, et j'étais à ma fenêtre qui donne sur le canal; voilà ce que j'ai écrit:

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Какъ бы шумно я катился
Подъ серебряной луной;
О, какъ страстно я лобзалъ бы
Золотистый мой песокъ,
Какъ надменно презиралъ бы

Недовѣрчивый челнокъ;
Все, чѣмъ такъ гордятся люди,
Мой набѣгъ бы разрушалъ,
И къ моей студёной груди
Я бъ страдальцевъ прижималъ;
Не страшился бъ муки ада,
Раемъ не былъ бы прельщенъ;
Безпокойство и прохлада
Были бъ вѣчный мой законъ;
Не искалъ бы я забвенья
Въ дальнемъ сѣверномъ краю,
Былъ бы воленъ отъ рожденья
Жить и кончить жизнь мою!

Voici une autre; ces deux pièces vous expliqueront mon état moral mieux que j'aurais pu le faire en prose:

Конецъ! какъ звучно это слово!
Какъ много-мало мыслей въ немъ!
Послѣдній стонъ—и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ... а потомъ?
Потомъ васъ чинно въ гробъ положатъ,
И черви вашъ скелетъ обгложутъ;
А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
Придавитъ монументомъ васъ;
Простивъ вамъ каждую обиду,
Отслужитъ въ церкви панихиду,
Которой—я боюсь сказать—
Не суждено вамъ услыхать;
И если вы скончались въ вѣрѣ,
Какъ христіанинъ, то гранитъ
На сорокъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ,
Названье ваше сохранитъ
Съ двумя плачевными стихами,
Которыхъ, къ счастію, вы сами
Не прочитаете вовѣкъ.—
Когда жъ чиновный человѣкъ
Захочетъ мѣста на кладбищѣ,
То ваше тѣсное жилище
Разроетъ заступъ похоронъ
И грубо выкинетъ васъ вонъ;
И, можетъ быть, изъ вашей кости,
Подливъ воды, подсыпавъ крупъ,
Кухмейстеръ изготовитъ супъ
(Все это дружески, безъ злости).
А тамъ голодный аппетитъ
Хвалить васъ будетъ съ восхищеньемъ,
А тамъ желудокъ васъ сваритъ,
А тамъ... Но, съ вашимъ позволеньемъ,
Я здѣсь окончу мой разсказъ,
И этого довольно съ васъ.

Adieu!.. je ne puis plus vous écrire, la tête me tourne à force de sottises; je crois que c'est aussi la cause qui fait tourner la terre depuis 7000 ans; ce Moïse n'a pas menti.— Mes compliments à tout le monde.— Votre ami le plus sincère. M. Lerma.

10. Къ М. А. Лопухиной.

Le 2 Septembre. (1832).

Dans ce moment même je commence à dessiner quelque chose pour vous, et je vous l'enverrai peut-être dans cette lettre. Savez vous, chère amie, comment je vous écrirai? Par moments! Une lettre durera quelquefois plusieurs jours; une pensée me viendra-t-elle, je l'insérerai; quelque chose de remarquable se gravera-t-il dans mon esprit, je vous en ferai part; êtes-vous contente de ceci?

Voilà plusieures semaines déjà que nous sommes separés, peut-être pour bien longtemps, car je ne vois rien de trop consolant dans l'avenir, et pourtant je suis toujours le même, malgré les malignes suppositions de quelques personnes que je ne nommerai pas. Enfin, pensez vous que j'ai été aux anges de voir Наталья Алексѣевна, parcequ' elle vient de nos contrées—car Moscou est et sera toujours ma patrie: j'y suis né, j'y ai beaucoup souffert, et j'y ai été trop heureux! — ces trois choses auraient bien mieux fait de ne pas arriver... mais que faire? Mademoiselle Annette m'a dit qu'on n'avait par effacé la célèbre tête sur la muraille... pauvre ambition! Cela m'a réjoui... et encore comment! Cette drôle de passion de laisser partout des traces de son passage!.. Une idée d'homme, quelque grande qu'elle soit, vaut-elle la peine d'être répétée dans un objet matériel, aves le seul mérite de se faire comprendre à l'âme de quelques-uns? il faut que les hommes ne soient pas nés pour penser, puisqu'une idée forte et libre est pour eux chose si rare.

Je me suis proposé pour but de vous enterrer sous mes lettres et mes vers: cela n'est pas bien amical, ni même philantropique, mais chacun doit suivre sa destination.

Voici encore des vers, que j'ai faits au bord de la mer:

Бѣлѣетъ парусъ одинокой
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что̀ ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что̀ кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы! онъ счастія не ищетъ
И не отъ счастія бѣжитъ!
Струя подъ нимъ свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой...
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

— Adieu donc, adieu... je ne me porte pas bien: un songe heureux, un songe divin m'a gâté la journée... Je ne puis ni parler, ni lire, ni écrire. — Chose étrange que les songes! une doublure de la vie, qui souvent est plus agréable que la réalité: car je ne partage pas du tout l'avis de ceux qui disent que la vie n'est qu'un songe; je sens bien fortement sa réalité, son vide engageant! - Je ne pourrai jamais m'en détacher assez pour la mépriser de bon cœur; car ma vie—c'est moi, moi, qui vous parle et qui dans un moment peut devenir rien, un nom, c'est à dire encore rien. Dieu sait, si après la vie le moi existera. C'est terrible quand on pense, qu'il peut arriver un jour où je ne pourrai pas dire: moi! A cette idée l'univers n'est qu'un morceau de boue.

Adieu; n'oubliez pas de me rappeler au souvenir de votre frère et de vos sœurs, car je ne suppose pas ma cousine de retour.

Dites moi, chère miss Mary, si monsieur mon cousin Evreïnoff vous a rendu mes lettres, et comment vous le trouvez, car dans ce cas je vous choisis pour mon thermomètre Adieu.

Votre dévoué Lerma.

P. S. J'aurais bien voulu vous faire une petite question; mais elle se refuse de sortir de ma plume. Si vous me dévinez -bien, je serai content; si --non... alors, cela veut dire que si même je vous avais dit la question, vous n'y auriez pas su répondre.

C'est le genre de question dont peut-être vous ne doutez pas!

11. Къ А. М. Верещагиной.

(Петербургъ. Ноябрь 1832 г.)

Femme injuste et crédule! (et remarquez que j'ai le plein droit de vous nommer ainsi, chère cousine). Vous avez cru aux paroles et à la lettre d'une jeune fille sans les analyser; Annette dit qu'elle n'a jamais écrit que j'avais une histoire, mais qu'on ne m'a pas compté les années que j'ai passées à Moscou comme à tant d'autres; car il y a une réforme dans toutes les universités, et je crains qu'Alexis n'en souffre aussi, puisqu'on ajoute une année aux trois insupportables.

Vous devez déjà savoir, notre dame, que j'entre à l'école des gardes, ce qui me privera malheureusement du plaisir de vous voir bientôt. Si vous pouviez deviner tout le chagrin que cela me fait, vous m'auriez plaint; ne grondez donc plus et consolez-moi, si vous avez un coeur.

Je ne puis concevoir ce que vous voulez dire par peser les paroles, je ne me rappelle pas vous avoir écrit quelque chose de semblable. Au surplus je vous remercie de m'avoir grondé, cela me servira pour l'avenir et si vous venez à Pétersbourg, j'éspère me venger entièrement,— et par-dessus le marché à coups de sabre, et point de quartier, entendez vous! Mais que cela ne vous effraye pas; venez toujours, et amenez avec vous une suite nombreuse, et mademoiselle Sophie à laquelle je n'écris pas, parce que je boude contre elle. Elle m'a promis de m'écrire en arrivant de Voronège une longue lettre, et je ne m'aperçois que de la longueur du temps—qui remplace la lettre.

Et vous, chère cousine, vous m'accusez de la même chose!—et pourtant je vous ai écrit deux lettres après monsieur Paul Evreïnoff. Mais comme elles étaient adressées dans la maison Stolypine à Moscou, je suis sûr que le Léthé les a englouties, ou que la femme d'un domestique entortilla des chandelles avec mes tendres épîtres.

Donc je vous attends cet hiver; point de réponses évasives—vous devez venir, un beau projet ne doit pas être ainsi abandonné, la fleur ne doit pas se faner sur sa tige et caetera.

Eu attendant je vous dis adieu, car je n'ai plus rien à vous communiquer d'intéressant; je me prépare pour l'examen, et dans une semaine, avec l'aide de Dieu, je serai militaire. Encore—vous attribuez trop à l'eau de la Néva; elle est un trés-bon purgatif, mais je ne lui connais point d'autre qualité. Apparemment que vous avez oublié mes galanteries passées et que vous n'êtes que pour le présent et le futur, qui ne manquera pas de se présenter à vous par la première occasion. Adieu donc, chère amie, et mettez tous vos soins à me trouver une future, il faut qu'elle ressemble à Dachinka, mais qu'elle n'aie pas comme elle un gros ventre, car il n'y aurait plus de symétrie avec moi comme vous savez, ou comme vous ne savez pas, car je suis devenu fin comme une allumette.

Je baise vos mains. M. Lerma.

P. S. Mes compliments aux tantes.

12. Къ М. А. Лопухиной.

(1832).

Je suis extrêmement fâché que la lettre pour ma cousine soit perdue, ainsi que la vôtre pour grand'maman. Ma cousine pense, peut-être, que j'ai fait le paresseux, ou que je mens en disant que j'ai écrit; mais ni l'un ni l'autre ne serait juste de sa part; pyisque je l'aime beaucoup trop pour m'esquiver par un mensonge et que, à ce que vous pouvez lui attester, je ne suis par paresseux à écrire; je me justrfierai peut-

être avec ce même courrier, et si non, je vous prie de le faire pour moi; après demain je tiens examen et suis enterré dans les mathématiques. Dites lui de m'écrire quelquefois; ses lettres sont si aimables.

Je ne puis pas m'imaginer encore, quel effet produira sur vous ma grande nouvelle: moi qui jusqu'à présent avais vécu pour la carrière littéraire, après avoir tant sacrifié pour mon ingrat idole, voilà que je me fais guerrier. Peut-être est-ce le vouloir particulier de la Providence; peut-être ce chemin est'il le plus court, et s'il ne me mène pas à mon premier but, peut-être me mènera-t-il au dernier de tout le monde: mourir. Une balle de plomb dans le cœur vaut bien une lente agonie de vieillard. Aussi, s'il y a la guerre, je vous jure par Dieu d'être le premier partout. —Dites, je vous en prie, à Alexis que je lui enverrai un cadeau dont il ne se doute pas. Il avait il y a longtemps desiré quelque chose de semblable, et je lui envoie la même chose, seulement dix fois mieux. Maintenant je ne lui écris pas, car je n'ai pas le temps: dans quelques jours l'examen. Une fois entré, je vous assomme de lettres, et je vous conjure tous et toutes de me riposter. Mademoiselle Sophie m'a promis de m'écrire aussitôt après son arrivée: le saint de Voronège lui aurait-il conseillé de m'oublier? Dites lui que je voudrais savoir de ses nouvelles. Que coûte une lettre? une demi-heure! et elle n'entre pas à l'école des gardes. Vraiment je n'ai que la nuit; vous—c'est autre chose. Il me paraît que, si je ne vous communique pas quelque chose d'important, arrivé à ma personne, je suis privé de la moitié de ma résolution. Croyez ou non, mais cela est tout-à-fait vrai: je ne sais pourquoi, mais lorsque je reçois une lettre de vous, je ne puis m'empêcher de répondre tout de suite, comme si je vous parlais.

Adieu donc, chère amie, je ne dis pas au revoir, puisque je ne puis espérer de vous voir ici, et entre moi et la chère Moscou il y a des barrières insurmontables, que le sort semble vouloir augmenter de jour en jour. Adieu, ne soyez pas plus paresseuse que vous n'avez été jusqu'ici, et je serai content de vous. Maintenant j'aurai desoin de vos lettres plus que jamais: enfermé comme serai, cela sera ma plus grande jouissance; cela seul pourra lier mon passé avec mon avenlr, qui déjà s'en vont chacun de son côté, en laissant entre eux une barrière de 2 tristes, pénibles années. Prenez sur vous cette tâche ennuyeuse, mais charitable, et vous empêcherez une vie de se démolir; à vous seule je puis dire tout ce que je pense; bien ou mal, ce que j'ai déjà prouvé par ma confession; et vous ne devez pas rester en arrière, vous ne devez pas, car ce n'est pas une complaisance que je vous demande, mais un bienfait. J'ai été inquiet il y a quelques jours, maintenant je ne le suis plus: tout est fini — j'ai vécu, j'ai mûri trop tôt; et les jours que vont suivre seront vides de sensations...

Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ
И вдохновенiй мирныхъ! Но безумный,
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной:
И мiръ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Такъ сочный плодъ, до времени созрѣлый,
Между цвѣтовъ виситъ осиротѣлый;
Ни вкуса онъ не радуетъ, ни глазъ,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
И жадный червь его грызетъ, грызетъ,
И между тѣмъ какъ нѣжныя подруги
Колеблются на вѣткахъ,—ранній плодъ
Лишь тяготитъ свою... до первой вьюги!
Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людьми ни рабъ, ни властелинъ,
И все, что чувствуетъ—онъ чувствуетъ одинъ!

Adieu, mes poclones à tous; adieu, ne m'oubliez pas.—M. Lermontoff.

P. S. Je n'ai jamais rien écrit par rapport à vous à Evreïnoff, et vous voyez que tout ce que j'ai dit de son caractère est vrai; seulement j'ai eu tort en disant qu'il était hypocrite—il n'a pas assez de moyens pour cela: il n'est que menteur.

13. Къ ней же.

Le 19 Juin, Pétersbourg. 1833.

J'ai reçu vos deux lettres hier, chère amie, er je les ai dévorées. Il y a si longtemps que je n'ai eu de vos nouvelles. Hier, c'est le dernier dimanche que j'ai passé en ville, car demain (mardi) nous allons au camp pour deux mois. Je vous écris assis sur un banc de l'école, au milieu du bruit, des préparatifs etc... Vous serez, à ce que je crois, contente d'apprendre que, n'ayant passé à l'école que deux mois, j'ai subi mon examen pour la 1-ère classe et suis un des premiers... Cela nourrit toujours l'espérance d'une prochaine liberté!

Il faut pourtant absolument que je vous raconte une chose assez étrange! samedi, avant de me réveiller, je vois en songe que je suis dans votre maison; vous étes assise sur le grand canapé du salon; je m'approche de vous pour vous demander, si vous voulez définitivement que je me brouille avec vous, mais vous, sans répondre, m'avez tendu la main;—le soir on nous laisse partir; j'arrive chez nous et je trouve vos lettres. Sela me frappe! Je voudrais savoir, que faisiez vous ce jour là?..

Maintenant il faut que je vous explique pourquoi j'adresse cette lettre à Moscou et non à la campagne; j'ai laissé votre lettre à la maison et l'adresse avec; et comme personne ne sait où je conserve vos lettres, je ne puis la faire venir ici.

Vous me demandez ce que signifie la phrase à propos du mariage du prince: удавится или женится!—ma parole d'honneur que je ne me rappelle pas avoir écrit quelque chose de semblable car j'ai trop bonne opinion du prince et je suis sûr qu'il n'est pas un de ceux qui choisissent les promises d'après un registre.

Dites, je vous prie, à ma cousine, que l'hiver prochain elle aura un cavalier aimable et beau: Jean Vatkofsky est officier des gardes; et tout cella parce que son colonel se marie avec sa sœur!—et dites après qu'il n'y a pas de hasard dans ce bas monde.

Dites moi à cœur ouvert: vous m'avez boudé pendant quelque temps. Eh bien, puis que c'est fini, n'en parlons plus. — Adieu, on me demande car le général est arrivé. Adieu. M. Lerma.

Mes compliments à tout le monde.

Il fait tard. J'ai trouvé un moment de loisir pour continuer cette lettre. Il y a tant de choses qui se sont passées en moi depuis que je ne vous ai écrit, tant de choses étranges, que je ne sais moi-même, quelle route je vais prendre, celle du vice ou de la sottise. Il est vrai que toutes les deux mènent souvent au même but. Je sais que vous m'exhorterez, que vous essayerez de me consoler—ce serait de trop! Je suis plus heureux que jamais, plus gai que le premier ivrogne chantant dans la rue! Les termes vous déplaisent, mais hélas: dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es! Je vous crois que mademoiselle S. est fausse, car je sais que vous ne direz jamais de fausseté, d'autant plus si c'est du mal! Que Dieu la bénisse!

Quant aux autres choses que j'aurais pu vous écrire, je garde le silence, pensant que beaucoup de paroles ne valent pas une action, et, comme je suis peresseux de nature, ainsi que vous le savez, chère amie, je m'endors sur mes lauriers, mettant une fin tragique à mes actions et paroles à la fois. Adieu!

14. Къ ней же.

S.-Pétersbourg, le 4-me Août (1833).

Je ne vous ai pas donné de mes nouvelles depuis que nous sommes allés au camp; et vraiment je n'aurais pu y réussir avec toute la bonne volonté possible.

Imaginez vous une tente, qui a 3 archines en long et en large et $2^1/_2$ de hauteur, occupée par trois personnes et tout leur bagage, toute leur armure, comme: sabres, carabines, chakos etc. etc. Le temps a été horrible; une pluie, qui ne finissait pas, faisait que souvent nous passions 2 jours de suite sans pouvoir sécher nos habits. Et pourtant cette vie ne m'a pas tout-à-fait déplu. Vous savez, chère amie, que j'eus toujours un penchant très prononcé pour la pluie et la boue, et maintenant, grâce à Dieu, j'en ai joui complètement.

Nous sommes rentrés en ville, et bientôt recommençons nos occupations. La seule chose qui me soutient, c'est l'idée que dans un an je suis officier! Et alors, alors... bon Dieu! Si vous saviez la vie que je me propose de mener!... Oh, cela sera charmant! D'abord, des bizarreries, des folies de toute espèce et de la poésie noyée dans du champagne. Je sais, vous allez vous récrier; mais hélas! le temps de mes rêves est passé; le temps de croire n'est plus; il me faut des plaisirs matériels, un bonheur palpable, un bonheur qui s'achète avec de l'or, que l'on porte dans sa poche comme une tabatière, un bonheur, qui ne fasse que tromper mes sens en laissant mon âme tranquille et inactive!... Voilà ce qui m'est nécessaire maintenant, et vous vous apercevez, chère amie, que je suis quelque peu changé depuis que nous sommes séparés. Quand j'ai vu mes beaux rêves s'enfuir, je me suis dit que ça ne valait pas la peine d'en fabriquer d'autres; il vaut mieux, pensai-je, apprendre à s'en passer; j'essayai, j'avais l'air d'un ivrogne qui peu à peu tâche de se déshabituer du vin; mes efforts ne furent pas inutiles, et bientôt je ne vis dans le passé qu'un programme d'aventures insignifiantes et fort communes. Mais parlons d'autres choses. Vous me dites que le prince T. et votre soeur son épouse se trouvent fort contents l'un de l'autre; je n'y ajoute pas une foi entière, car je crois connaître le caractère de tous les deux, et votre soeur ne paraît pas très disposée à la soumission, et il paraît que monsieur n'est pas non plus un agneau. Je souhaite que ce calme factice dure le plus longtemps possible, mais je ne saurai prédire rien de bon. Ce n'est pas que je vous trouve un manque de pénétration; mais je crois plutôt, que vous n'avez pas voulu me dire tout ce que vous pensiez, et c'est très naturel; car maintenant si mes suppositions sont vraies, vous n'avez pas même besoin de dire: oui. Que faites-vous à la campagne? vos voisins sont-ils amusants, aimables, nombreux? Voici des questions qui vous auront l'air d'être faites sans aucune intention sérieuse!

Dans un an, peut-être, je viendrai vous voir; et quels changements ne trouverai-je pas? me reconnaîtrez-vous, et voudrez-vous le faire? Et moi, quel rôle jouerai-je? sera ce un moment de plaisir pour vous, ou d'embarras pour nous deux? car je vous avertis, que je ne suis plus le même, que je ne sens plus, que je ne parle plus de la même manière, et Dieu sait ce que je deviendrai encore dans un an.—Ma vie jusqu'ici n'a été qu'une suite de désappointements, qui me font rire maintenant, rire de moi et des autres; je n'ai fait qu'effleurer tous les plaisirs, et sans en avoir joui j'en suis dégoûté.

Mais ceci est un sujet bien triste que je tâcherai de ne pas ramener une autre fois. Lorsque vous serez à Moscou, annoncez le moi, chère amie... je compte sur votre constance. Adieu. M. Ler...

P. S. Mes compliments à ma cousine, si vous lui écrivez, car je suis trop paresseux pour le faire moi-même.

15. Къ ней же.

S.-Pétersbourg, le 23 Décembre (1834).

Chère amie!—Quoi qu'il arrive, je ne vous nommerai jamais autrement, car ce serait briser le dernier lien, qui m'attache encore au passé — et je ne le voudrais pour rien au monde, car mon avenir, quoique brillant à l'oeil, est vide et plat. Je pois vous avouer, que chaque jour je m'aperçois de plus en plus, que je ne serai jamais bon à rien, avec tous mes beaux rêves et mes mauvais essais dans le chemin

de la vie... car ou l'occasion me manque, ou l'audace!... On me dit: l'occasion arrivera un jour; l'expérience et le temps vous donneront de l'audace!... Et qui sait, quand tout cela viendra, s'il me restera alors quelque chose de cette âme brûlante et jeune, que Dieu m'a donnée fort mal à propos, si ma volonté ne sera pas épuisée à force de patienter?... si enfin je ne serai pas tout-à-fait désabusé de tout ce qui nous force d'avancer dans l'existence.

Je commence ainsi ma lettre par une confession, vraiment sans y penser! Eh bien, qu'elle me serve d'excuse: vous verrez là du moins que si mon caractère est un peu changé, mon coeur ne l'est pas. La vue seule de vorte dernière lettre a déjà été pour moi un reproche, bien mérité certainement. Mais que pouvais-je vous écrire? vous parler de moi? Vraiment je suis tellement blasé sur ma personne, que lorsque je me surprends à admirer ma propre pensée, je cherche à me rappeler où je l'ai lue—et par suite de cela j'en suis venu à ne pas lire, pour ne pas penser!.. Je vais dans le monde maintenant... pour me faire connaître, pour prouver, que je suis capable de trouver du plaisir dans la bonne société... Ah! je fais la cour, et à la suite d'une déclaration je dis des impertinences: ça m'amuse encore un peu; et quoique cela ne soit pas tout-à-fait nouveau, du moins cela se voit rarement!... Vous supposerez, qu'on me renvoie après cela tout de bon?... Eh bien non, tout au contraire! les femmes sont ainsi faites. Je commence à avoir de l'aplomb avec elles, rien ne me trouble, ni colère, ni tendresse; je suis toujours empressé et bouillant, avec un coeur assez froid, qui ne bat que dans les grandes occasions. N'est-ce pas, j'ai fait du chemin!... Et ne croyez pas, que ce soit une fanfaronnade: je suis maintenant l'homme le plus modeste et puis je sais bien que ça ne me donnera pas une couleur favorable à vos yeux; mais je le dis, parce que ce n'est qu'avec vous, que j'ose être sincère, ce n'est que vous qui saurez me plaindre sans m'humilier, puisque je m'humilie déjà moi-même; si je ne connaissais pas votre générosité et votre bon sens, je n'aurais pas dit ce que j'ai dit; et peut-être, puisque autrefois vous avez calmé un chagrin bien vif, peut-être, voudrez-vous maintenant chasser par de douces paroles cette froide ironie, qui se glisse dans mon âme irrésistiblement, comme l'eau qui entre dans un bateau brisé! Oh! combien j'aurais voulu vous revoir, vous parler: car c'est l'accent de vos paroles, qui me faisait du bien; vraiment on devrait en écrivant mettre des notes audessus des mots; car maintenant lire une lettre c'est comme regarder un portrait: point de vie, point de mouvement; l'expression d une pensée immuable, quelque chose qui sent la mort!...,

J'étais à Царское Село, lorsque Alexis est arrivé. Quand j'en ai reçu la nouvelle, je suis devenu presque fou de joie; je me suis surpris discourant avec moi-même, riant, me serrant les mains l'une l'autre; je suis retourné en un moment à mes joies passées, j'ai sauté deux années terribles, enfin...

Je l'ai trouvé bien changé votre frège, il est gros comme j'étais alors; il est rose, mais toujours sériux, posé; pourtant nous avons ri comme des fous la soirée de notre entrevue—et Dieu sait de quoi.

Dites moi, j'ai cru remarquer qu'il a du tendre pour m-lle Cathérine Souchkoff... est-ce que vous le savez? Les oncles de mamselle, auraient bien voulu les marier!... Dieu préserve!... Cette femme est une chauve-souris, dont les ailes s'accrochent à tout ce qu'ils rencontrent! — Il y eut un temps où elle me plaisait, maintenant elle me force presque de lui faire la cour... mais, je ne sais, il y a quelque chose, dans ses manières, dans sa voix, quelque chose de dur, de saccadé, de brisé, qui repousse; tout en cherchant à lui plaire on trouve du plaisir à la compromettre, de la voir s'embarrasser dans ses propres filets.

Ecrivez-moi de grâce, chère amie, maintenant que tous nos différends sont réglés, que vous n'avez plus à vous plaindre de moi, car je pense avoir été assez sincère, assez soumis dans cette lettre pour vous faire oublier mon crime de lèse-amitié!...

Je voudrais bien vous revoir encore; au fond de ce dessein, pardonnez, il gît une pensée égoïste: c'est que près de vous je me retrouverai moi-même, tel que j'étais autrefois, confiant, riche d'amour et de dévouement; riche enfin de tous les

biens, que les hommes ne peuvent nous ôter, et que Dieu m'a ôté, lui!—Adieu, adieu, je voudrais continuer, mais je ne puis. M. Lerma.

P. S. Mes compliments à tous ceux auxquels vous jugerez convenable de les faire pour moi... Adieu enkore.

16. Къ А. М. Верещагиной.

(Петербургъ. 1835—6 гг.)

Ma chère cousine!

Je me suis décidé de vous payer une dette que vous n'avez pas eu la bonté de réclamer, et j'espère que cette générosité de ma part touchera votre coeur devenu si dur pour moi depuis quelque temps; je ne demande en récompense que quelques gouttes d'encre et deux ou trois traits de plume pour m'annoncer que je ne suis pas encore tout à fait banni de votre souvenir;—autrement je serai forcé de chercher des consolations ailleurs (car ici aussi j'ai des cousines),—et la femme la moins aimante (c'est connu) n'aime pas beaucoup qu'on cherche des consolations loin d'elle,— et puis si vous perséverez encore dans votre silence, je puis bientôt arriver à Moscou, et alors ma vengeance n'aura plus de bornes; en fait de guerre (vous savez) on ménage la garnison qui a capitulé, mais la ville prise d'assaut est sans pitié abandonnée à la fureur des vainqueurs.

Après cette bravade à la hussarde, je me jette à vos pieds pour implorer ma grâce en attendant que vous le fassiez à mon égard.

Les préliminaires fines, je commence à vous raconter ce qui m'est arrivé pendant ce temps, comme on fait en se revoyant après une longue séparation.

Alexis a pu vous dire quelque chose sur ma manière de vivre, mais rien d'intéressant, si ce n'est le commencement de mes amourettes avec M-elle Souchkoff, dont la fin est bien plus intéressante et plus drôle. Si j'ai commencé par lui faire la cour, ce n'était pas un reflet du passé — avant c'était une occasion de m'occuper, et puis lorsque nous fûmes de bonne intelligence, ça devint un calcul, voilà comment. J'ai vu en entrant dans le monde que chacun avait son piédestal: une fortune, un nom, un titre, une faveur... j'ai vu que si j'arrivais à occuper de moi une personne, les autres s'occuperont de moi insensiblement, par curiosité avant, par rivalité après.

La demoiselle S., voulant m'a t t r a p e r (mot technique) j'ai compris qu'elle se compromettrait pour moi facilement; aussi je l'ai compromise autant qu'il était possible sans me compromettre avec, la traitant publiquement comme à moi, lui faisant sentir qu'il n'y a que ce moyen pour me soumettre... Lorsque j'ai vu que ça m'a réussi, mais qu'un pas de plus me perdait, je tente un coup de main. Avant je devins pllus froid aux yeux du monde et plus tendre avec elle, pour faire voir que je ne l'aimais plus et qu'elle m'adore (ce qui est faux au fond); et lorsqu'elle commença à s'en apercevoir et voulut secouer le joug, je l'abandonnai le premier publiquement, je devins dur et impertinent, je fis la cour à d'autres et leur racontais (en secret) la partie favorable à moi de cette histoire.— E l l e fut si confondue de cette conduite inattendue, que d'abord elle ne sut que faire et se résigna ce qui fit parler et me donna l'air d'avoir fait une conquête entière; puis elle se réveilla et commença à me gronder partout, mais je l'avais prévenue, et sa haine parut à ses amies (ou ennemies) de l'amour piqué; puis elle tenta de me ramener par une feinte tristesse et en disant à toutes mes connaissances intimes qu'elle m'aimait—je ne revins pas et profitais de tout habilement.

Je ne puis vous dire combien tout ça m'a servi — ça serait trop long, et ça regarde des personnes que vous ne connaissez pas. Mais voici la partie plaisante de l'histoire: quand je vis qu'il fallait rompre avec elle aux yeux du monde et pourtant lui paraître fidèle en tête-à-tête, je trouvai vite un moyen charmant; j'écrivis une lettre anonyme: „M-elle, je suis un homme qui vous connait et que vous ne connaissez pas, etc... je vous avertis de prendre garde à ce jeune homme M. L.: il vous séduira...

etc. — voilà les preuves (des bêtises) etc..." une lettre sur 4 pages!... je fis tomber adroitement la lettre dans les mains de la tante; orage et tonnerre dans la maison.— Le lendemain j'y vais de grand matin pour que en tout cas je ne sois pas reçu.— Le soir à un bal je m'en étonne en le racontant à mademoiselle; mad. me dit la nouvelle terrible et incompréhensible, et nous faisons des conjectures, je mets tout sur le compte d'ennemis secrets qui n'existent pas; enfin elle me dit que ses parents lui défendent de parler et danser avec moi,—j'en suis au désespoir, mais je me garde bien d'enfreindre la défense de la tante et des oncles. Ainsi fut menée cette aventure touchante qui certes va vous donner une fort bonne opinion de moi. Au surplus les femmes pardonnent toujours le mal qu'on fait à une femme (maxime de La Rochefoucauld). Maintenant je n'écris pas de romans—j'en fais.

Enfin vous voyez que je me suis bien vengé des larmes que les coquetteries de M-elle S. m'ont fait verser il y à 5 ans. Oh! mais c'est que nos comptes ne sont pas encore réglés! Elle a fait souffrir le coeur d'un enfant, et moi je n'ai fait que torturer l'amour propre d'une vielle coquette, qui peut-être est encore plus... mais néanmoins, ce que je gagne c'est qu'elle m'a servi à quelque chose! Oh, c'est que je suis bien changé. C'est que je ne sais pas comment ça se fait, mais chaque jour donne une nouvelle teinte à mon caractère et à ma manière de voir,— ça devait arriver, je le savais toujours... mais je ne croyais pas que cala arrivât si vite. Oh, chère cousine, il faut vous l'avouer, la cause de ce que je ne vous écrivais pas, à vous et à M-lle Marie, c'est la crainte que vous ne remarquiez par mes lettres, que je ne suis presque plus digne de vorte amitié... car à vous deux je ne puis pas cacher la verité; à vous qui avez été les confidentes de mes rêves de jeunesse si beaux — surtout dans le souvenir. Et pour tant à me voir maintenant, on dirait que je suis rajeuni de 3 ans, tellement j'ai l'air heureux et insouciant, content de moi-même et de l'univers entier; ce contraste entre l'âme et l'extérieur ne vous paraît-il pas étrange?

Je ne saurais vous dire combien le départ de grand'maman m'afflige. La perspective de me voir tout-à-fait seul la première fois de ma vie m'éffraie; dans toute cette grande ville il ne restera pas un être qui s'intéresse véritablement à moi...

Mais assez parler de ma triste personne, causons de vous et de Moscou. On m'a dit, que vous avez beaucoup embelli, et c'est M-me Ouglitzki qui l'a dit; en ce cas seulement je suis sûr qu'elle n'a pas menti, car elle est trop femme pour cela. Elle dit encore que la femme de son frère est charmante... en ceci je ne la crois pas tout-à-fait, car elle a intérêt de mentir... Ce qui est drôle, c'est qu'elle veut se faire malheureuse à tout prix, pour attirer les condoléances de tout le monde,—tandis que je suis sûr qu'il n'y a pas au monde une femme qui soit moins à plaindre... à 32 ans avoir ce caractère d'enfant, et s'imaginer encore faire des passions! et après cela se plaindre?

Elle m'a annoncé encore que mademoiselle Barbe allait se marier avec M. Bachmétieff. Je ne sais pas si je dois trop lui croire, mais en tout cas, je souhaite à M-elle Barbe de vivre en paix conjugale jusqu'au célèbrement de sa noce d'argent, et même plus, si jusque-là elle n'en est pas encore dègoûtée...

Maintenant voici mes nouvelles: Наталья Алексѣевна съ чады и домочадцы s'en va aux pays étrangers!!! pouah!.. elle va donner là—bas une fameuse idée de nos dames russes!..

Dites à Alexis que sa passion, M-elle Ladigensky, devient de jour en jour plus formidable!... je lui conceille aussi d'engraisser encore, pour que le contraste ne soit pas si frappant. Je ne sais pas si la manière de vous ennuyer est la meilleure pour obtenir ma grâce; ma huitième page va finir et je craindrais d'en commencer une neuvième... ainsi donc, chère et cruelle cousine, adieu, et si vraiment vous m'avez remis dans votre faveur, faites le moi savoir, par une lettre de votre domestique,— car je n'ose pas compter sur un billet de votre main.

Adieu donc, j'ai l'honneur d'être ce qu'on met au bas d'une lettre votre très humble M. Lermantoff.

P. S. Mes respects, je vous prie, à mes tantes, cousines, et cousins, et connaissances...

17. Къ С. А. Раевскому.

Тарханы, 16 января (1836 г.).

Любезный Святославъ! Мнѣ очень жаль, что ты до сихъ поръ лѣнишься меня увѣдомить о томъ, что ты дѣлаешь, и что дѣлается въ Петербургѣ. Я теперь живу въ Тарханахъ, въ Чембарскомъ уѣздѣ (вотъ тебѣ адресъ на случай, что ты его не знаешь), у бабушки; слушаю, какъ подъ окномъ воетъ мятель (здѣсь все время ужасное, снѣгъ въ сажень глубины, лошади вязнутъ и... и сосѣди оставляютъ другъ друга въ покоѣ, что̀, въ скобкахъ, весьма пріятно), ѣмъ за десятерыхъ,... не могу, потому что........, пишу четвѐртый актъ новой драмы, взятой изъ происшествія, случившагося со мною въ Москвѣ.—О, Москва, Москва, столица нашихъ предковъ, златоглавая царица Россіи великой, малой, бѣлой, черной, красной, всѣхъ цвѣтовъ, Москва, ..., преподло со мной поступила! Надо тебѣ объяснить сначала, что я влюбленъ. И что жъ я этимъ выигралъ?— Однѣ... Правда, сердце мое осталось покорно разсудку, но въ другомъ не менѣе важномъ... происходитъ гибельное возстаніе. Теперь ты ясно видишь мое несчастное положеніе и, какъ другъ, вѣрно, пожалѣешь, а, можетъ быть, и позавидуешь, ибо все то хорошо, чего у насъ нѣтъ, отъ этого, вѣрно, и......... намъ нравится. Вотъ самая деревенская философія!

Я опасаюсь, что моего „Арбенина“ снова не пропустили, и этой мысли подало поводъ твое молчаніе. Но объ этомъ будетъ!

Также я боюсь, что лошадей моихъ не продали, и что онѣ тебя затрудняютъ. Если бы ты объ этомъ раньше написалъ, то я бы прислалъ денегъ для прокормленія ихъ и людей, и потомъ если онѣ не продадутся, то я отсюда не возьму столько лошадей, сколько намѣреваюсь. Пожалуйста, отвѣчай, какъ получишь.

Объявляю тебѣ еще новость: лѣтомъ бабушка переѣзжаетъ жить въ Петербургъ, т.-е. въ іюнѣ мѣсяцѣ. Я ее уговорилъ, потому что она совсѣмъ истерзалась, а денегъ же теперь много, но я тебѣ объявляю, что мы все-таки не разстанемся.

Я тебѣ не описываю своего похожденія въ Москвѣ въ наказаніе за твою излишнюю скромность,—и хорошо, что вспомнилъ объ наказаніи—сейчасъ кончу письмо (ты видишь изъ этого, какъ я еще добръ и великодушенъ). М. Лермонтовъ.

18. Къ Е. А. Арсеньевой.

(Весною 1836 г.).

Милая бабушка, на дняхъ Марья Акимовна уѣхала. Я узналъ объ ея отъѣздѣ въ Царскомъ, пріѣхалъ въ городъ на одинъ вечеръ, былъ у нея, но не засталъ и потому не писалъ съ нею. Вы, вѣрно, получите мое письмо прежде ея пріѣзда, то и не будете безпокоиться, что я съ нею не пишу къ вамъ.

Я на дняхъ купилъ лошадь у генерала. Прошу васъ, если есть деньги, прислать мнѣ 1580 рублей; лошадь славная и стоитъ больше, а цѣна эта не велика.

Насчетъ квартиры я еще не рѣшился, но есть нѣсколько на примѣтѣ; въ началѣ мая онѣ будутъ дешевле по причинѣ отъѣзда многихъ на дачу.—Я вамъ, кажется, писалъ, что Лизавета Аркадьевна ѣдетъ нынче весной съ Натальей Алексѣевной въ чужіе краи на годъ; теперь это мода, какъ было нѣкогда въ Англіи; въ Москвѣ около двадцати семействъ собираются на будущій годъ въ чужіе краи. Пожалуйста, бабушка, не мѣшкайте отъѣздомъ; вы, я думаю, получили письмо мое, съ которымъ я послалъ письмо Григорія Васильевича,—пожалуйста, объясните мнѣ, что̀ мнѣ лучше ему писать.

Прощайте, милая бабушка, прошу вашего благословенія, цѣлую ваши ручки и остаюсь покорный внукъ М. Лермонтовъ.

19. Къ С. А. Раевскому.

(С.-Петербургъ. Мартъ 1837 г.).

Милый мой другъ Раевскій! Меня нынче отпустили домой проститься. Ты не можешь вообразить моего отчаянія, когда я узналъ, что я виной твоего несчастія, что ты, желая мнѣ же добра, за эту записку пострадаешь. Дубельтъ говоритъ, что Клейнмихель тоже виноватъ. Я сначала не говорилъ про тебя, но потомъ меня допрашивали отъ Государя: сказали, что тебѣ ничего не будетъ, и что если я запрусь, то меня въ солдаты... Я вспомнилъ бабушку... и не смогъ. Я тебя принесъ ей въ жертву... Что во мнѣ происходило въ эту минуту, не могу сказать,—но я увѣренъ, что ты меня понимаешь и прощаешь и находишь еще достойнымъ своей дружбы... Кто бъ могъ ожидать!.. Я къ тебѣ заѣду непремѣнно. Сожги эту записку. Твой M. L.

20. Къ нему же.

(С.-Петербургъ. Мартъ 1837 г.).

Любезный другъ! Я видѣлъ нынче Краевскаго; онъ былъ у меня и разсказывалъ мнѣ, что знаетъ про твое дѣло. Будь увѣренъ, что все, что бабушка можетъ, она сдѣлаетъ... Я теперь почти здоровъ — нравственно... Была тяжелая минута, но прошла. Я боюсь, что будетъ съ твоей хандрой? Еслибъ я могъ только съ тобой видѣться! Какъ только позволятъ мнѣ выѣзжать, то вторично приступлю къ коменданту. Авось, позволитъ проститься. Прощай, твой навѣки M. L.

21. Къ нему же.

(С.-Петербургъ. Мартъ 1837 г.).

Любезный другъ Святославъ! Ты не можешь вообразить, какъ ты меня обрадовалъ своимъ письмомъ. У меня было на совѣсти твое несчастье; меня мучила мысль, что ты за меня страдаешь. Дай Богъ, чтобъ твои надежды сбылись. Бабушка хлопочетъ у Дубельта, и Аѳанасій Алексѣевичъ также. Что до меня касается, то я заказалъ обмундировку и скоро ѣду. Мнѣ комендантъ, я думаю, позволитъ съ тобой видѣться — иначе я и такъ пріѣду. Сегодня мнѣ прислали сказать, чтобъ я не выѣзжалъ, пока не явлюсь къ Клейнмихелю, ибо онъ теперь и мой начальникъ......... Я сегодня былъ у Аѳанасія Алексѣевича, и онъ меня просилъ не рисковать безъ позволенія коменданта и самъ хочетъ просить объ этомъ. Если не позволятъ, то я все пріѣду. Что̀ Краевскій, на меня пеняетъ за то, что и ты пострадалъ за меня? — Мнѣ иногда кажется, что весь міръ на меня ополчился, и если бы это не было очень лестно, то, право, меня бы огорчило... Прощай, мой другъ. Я буду къ тебѣ писать про страну чудесъ—востокъ. Меня утѣшаютъ словами Наполеона: les grands noms se font à l'Orient. Видишь: все глупости. Прощай, твой навсегда M. Lermontoff.

22. Къ М. А. Лопухиной.

31 мая (1837 г.).

Je tiens exactement ma promesse, chère et bonne amie, et je vous envoie, ainsi qu'a madame votre soeur les souliers circassiens, que je vous avais promis; il y en a six paires, et vous pouvez facilement partager sans vous quereller; je les ai achetés dès que j'ai pu en trouver. Je suis maintenant aux eaux, je bois et je me baigne, enfin je mène une vie de canard tout-à-fait.

Dieu veuille, que ma lettre vous trouve encore à Moscou, car si elle va voyager en Europe, a vos trousses, elle vous attrapera peut-être à Londres, à Paris, à

Naples, que sais je, et toujours dans des endroits où elle sera pour vous la chose la moins intéressante, de quoi Dieu la garde et moi aussi! J'ai ici un logement fort agréable; chaque matin je vois de ma fenêtre toute la chaîne des montagnes de neige et l'Elbrous; et maintenant encore, au moment où j'écris cette lettre, je m'arrète quelques fois pour jeter un coup d'oeil sur ces géants; ils sont beaux et majestueux. J'espère m'ennuyer joliment tout le temps que je passerai aux eaux, et quoiqu'il est très facile de faire des connaissances, je tâche de n'en pas faire du tout; je rôde chaque jour sur la montagne, ce qui seul a rendu la force à mes pieds; aussi je ne fais que marcher: ni la chaleur, ni la pluie ne m'arrêtent... Voici à peu prés mon genre de vie, chère amie; ce n'est pas fort beau, mais... dès que je serai guéri, j'irai faire l'expédition d'automne contre les circassiens, quand l'empereur sera ici.—Adieu, chére, je vous souhaite beaucoup de plaisir à Paris et à Berlin. Alexis a-t-il reçu sa permission? embrassez le de ma part. Adieu. Tout à vous M. Lermontoff.—P. S. De grâce, écrivez-moi et dites, si les souliers vous ont plu.

23. Къ Е. А. Арсеньевой.

18 іюля (1837 г.).

Милая бабушка, пишу къ вамъ по тяжелой почтѣ, потому что третьяго дня по экстра-почтѣ не успѣлъ, ибо ѣздилъ на желѣзныя воды и, виноватъ, совсѣмъ забылъ, что тамъ письма не принимаютъ; боюсь, чтобы вы не стали безпокоиться, что одну почту нѣтъ письма. Эскадронъ нашего полка, къ которому баронъ Розенъ велѣлъ меня причислить, будетъ находиться въ Анапѣ, на берегу Чернаго моря при встрѣчѣ государя, тутъ же, гдѣ отрядъ Вельяминова, и, слѣдовательно, я съ водъ не поѣду въ Грузію. Итакъ, прошу васъ, милая бабушка, продолжайте адресовать письма на имя Павла Ивановича Петрова и напишите къ нему: онъ обѣщался мнѣ доставлять ихъ туда; иначе нельзя, ибо оттуда сообщеніе сюда очень трудно, и почта не ходитъ, а депеши съ нарочными отправляютъ. Отъ Алексѣя Аркадьевича я получилъ извѣстія; онъ здоровъ, и нѣкоторые офицеры, которые оттуда сюда пріѣхали, мнѣ говорили, что его можно считать лучшимъ офицеромъ изъ гвардейскихъ, присланныхъ на Кавказъ. То, что вы мнѣ пишете объ Гвоздевѣ, меня не очень удивило; я, уѣзжая, ему предсказывалъ, что онъ будетъ юнкеромъ у меня во взводѣ; а, впрочемъ, жаль его.—Здѣсь погода ужасная: дожди, вѣтры, туманы; іюль хуже петербургскаго сентября, такъ что я остановился брать ванны и пить воды до хорошихъ дней. Впрочемъ, я думаю, что не возобновлю, потому что здоровъ, какъ нельзя лучше.—Для отправленія въ отрядъ мнѣ надо будетъ сдѣлать много покупокъ, а свои вещи я думаю оставить у Павла Ивановича. Пожалуйста, пришлите мнѣ денегъ, милая бабушка; на прожитье здѣсь мнѣ достанетъ, а если вы пришлете поздно, то въ Анапу трудно доставить.—Прощайте, милая бабушка, цѣлую ваши ручки, прошу вашего благословенія и остаюсь вашъ вѣчно привязанный къ вамъ и покорный внукъ

Михаилъ.

Пуще всего не безпокойтесь обо мнѣ: Богъ дастъ, мы скоро увидимся.

24. Къ С. А. Раевскому.

(1837 г., въ концѣ).

Любезный другъ Святославъ! Я полагаю, что либо мои два письма пропали на почтѣ, либо твои ко мнѣ не дошли, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я о тебѣ знаю только изъ писемъ бабушки.—Наконецъ, меня перевели обратно въ гвардію, но только въ Гродненской полкъ, и если бы не бабушка, то, по совѣсти сказать, я бы охотно остался здѣсь, потому что врядъ ли Поселеніе веселѣе Грузіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ Россіи, повѣришь ли, я находился до сихъ поръ въ безпрерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздилъ Линію всю вдоль, отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ

Шушѣ, въ Кубѣ, въ Шемахѣ, въ Кахетіи, одѣтый по-черкесски, съ ружьемъ за плечами; ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское даже...—Простудившись дорогой, я пріѣхалъ на воды весь въ ревматизмахъ; меня на рукахъ вынесли люди изъ повозки, я не могъ ходить,—въ мѣсяцъ меня воды совсѣмъ поправили; я никогда не былъ такъ здоровъ, зато веду жизнь примѣрную; пью вино только, когда гдѣ-нибудь въ горахъ ночью прозябну, то, пріѣхавъ на мѣсто, грѣюсь... Здѣсь, кромѣ войны, службы нѣту; я пріѣхалъ въ отрядъ слишкомъ поздно, ибо государь нынче не велѣлъ дѣлать вторую экспедицію, и я слышалъ только два, три выстрѣла; зато два раза въ моихъ путешествіяхъ отстрѣливался: разъ ночью мы ѣхали втроемъ изъ Кубы, я, одинъ офицеръ нашего полка и черкесъ (мирной, разумѣется),—и чуть не попались шайкѣ лезгинъ. — Хорошихъ ребятъ здѣсь много, особенно въ Тифлисѣ есть люди очень порядочные; а что здѣсь истинное наслажденіе, такъ это татарскія бани! — Я снялъ на скорую руку виды всѣхъ примѣчательныхъ мѣстъ, которыя посѣщалъ, и везу съ собою порядочную коллекцію; однимъ словомъ, я вояжировалъ. Какъ перевалился черезъ хребетъ въ Грузію, такъ бросилъ телѣжку и сталъ ѣздить верхомъ; лазилъ на снѣговую гору (Крестовая) на самый верхъ, что не совсѣмъ легко; оттуда видна половина Грузіи, какъ на блюдечкѣ, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительнаго чувства: для меня горный воздухъ — бальзамъ; хандра къ чорту, сердце бьется, грудь высоко дышитъ,— ничего не надо въ эту минуту; такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь.—Началъ учиться по-татарски—языкъ, который здѣсь, и вообще въ Азіи, необходимъ, какъ французскій въ Европѣ, — да жаль, теперь не доучусь, а впослѣдствіи могло бы пригодиться. Я уже составлялъ планы ѣхать въ Мекку, въ Персію и проч., теперь остается только проситься въ экспедицію въ Хиву съ Перовскимъ.—Ты видишь изъ этого, что я сдѣлался ужаснымъ бродягой; а, право, я расположенъ къ этому образу жизни. Если тебѣ вздумается отвѣчать мнѣ, то пиши въ Петербургъ; увы, не въ Царское Село; скучно ѣхать въ новый полкъ, я совсѣмъ отвыкъ отъ фронта и серьезно думаю выйти въ отставку. — Прощай, любезный другъ, не позабудь меня и вѣрь все-таки, что самой моей большой печалью было то, что ты черезъ меня пострадалъ. — Вѣчно тебѣ преданный М. Лермонтовъ.

25. Къ М. А. Лопухиной.

Le 15 Février (1838).

Je vous écris, chère amie, la veille de m'en aller à Novgorod. J'attendais jusqu'à présent, qu'il m'arrivât quelque chose d'agréable pour vous l'annoncer, mais rien n'est venu, et je me décide à vous écrire, que je m'ennuie à la mort. Les premiers jours de mon arrivée je n'ai fait que courir: présentations, des visites de cérémonie — vous savez; puis je suis allé chaque jour au spectacle; il est fort bien, c'est vrai, mais j'en suis déjà dégoûté. Et puis on me persécute, tous les chers parents! on ne veut pas que je quitte le service, quoique je l'aurais pu déjà, vu que ces messieurs, qui sont passés à la garde avec moi, l'ont déjà quitté. Enfin je suis passablement découragé et je désire même quitter Pétersbourg au plus vite pour aller n'importe où, que ce soit au régiment, ou au diable; j'aurai au moins alors prétexte pour me lamenter, ce qui est une consolation comme une autre.

Ce n'est pas très joli de votre part, que vous attendez toujours ma lettre pour m'écrire: on dirait, que vous faites la fière; pour Alexis cela ne m'étonne pas, car il va se marier un de ces jours-ci avec je ne sais plus quelle riche marchande, comme on le dit ici, et je conçois que je ne puis pas espérer d'avoir dans son coeur une place pareille à celle d'une grosse marchande en gros. Il m'avait promis de m'écrire deux jours après mon départ de Moscou; mais peut-être a-t-il oublié mon adresse, aussi je lui en envoie deux.

1. Въ С.-Петерб. у Пантелеймоновскаго моста, на Фонтанкѣ, противъ Лѣтняго сада, въ домѣ Венецкой.

2. Въ Новгородскую губернію, въ первый округъ военныхъ поселеній, въ штабъ Лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка.

Si après cela il ne m'écrit pas, je le maudis lui et sa grosse marchande en gros: je m'applique déjà à composer la formule de ma malédiction. Dieu! que c'est embarrassant d'avoir des amis qui sont en train de se marier.

En arrivant ici j'ai trouvé un chaos de commérages dans la maison; l'y ai mis de l'ordre autant que possible, quand on a à faire à trois ou quatre femmes qui ne veulent pas entendre raison: pardonnez-moi, si je parle ainsi de votre sesque ou sexe charmant, mais hélas! si je vous le dis, c'est aussi une preuve que je vous crois une exception. Enfin quand je reviens à la maison, je n'entends que des histoires, des histoires, des plaintes, des reproches, des suppositions, des conclusions; c'est quelque chose d'odieux pour moi surtout, qui en ai perdu l'habitude au Caucase, où la société des dames est très rare ou très peu causante (celle des géorgiennes par exemple, car elles ne parlent pas russe, ni moi géorgien).

Je vous prie, chère Marie, écrivez-vous-moi un peu, sacrifiez-vous—écrivez-moi toujours et ne faites pas de ces petites cérémonies: vous devez être au-dessus de cela! Car enfin, si quelquefois je tarde à répondre, c'est que vraiment ou je n'ai rien à dire, ou j'ai trop à faire—deux excuses valables.

J'ai été chez Joukofsky et lui ai porté Тамбовскую Казначейшу, qu'il m'avait demandé et qu'il porta à Wiasemsky pour lire ensemble; cela leur a beaucoup plu et cela sera inséré au prochain numero du Современникъ.

Grand'maman espère, que je serai bientôt passé au hussards de Царское Село, mais c'est parce qu'on le lui a fait espérer, Dieu sait avec quel motif, et c'est pour cela qu'elle ne consent pas à ce que je prenne mon congé; quant à moi je n'espère rien du tout.

Pour la conclusion de ma lettre je vous envoie une pièce de vers, que j'ai trouvée par hasard dans mes paperasses de voyage et qui m'a plu assez, vu que je l'ai oublié, mais cela ne prouve rien du tout.—

Молитва странника.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ Твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью иль покаяніемъ;
  Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго,—
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.
  Окружи счастіемъ счастья достойную,
Дай ты ей спутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.
  Срокъ ли приблизится часу прощальному
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела—душу прекрасную.

Adieu, chère amie; embrassez Alexis et dites lui que c'est une honte et dites le aussi à mademoiselle Marie Lapouchin. Lerma.

26. Къ С. А. Раевскому.

Іюня 8 дня (1838 г.).

Любезный другъ Святославъ!

Твое послѣднее письмо огорчило меня: ты самъ знаешь почему; но я тебя отъ души прощаю, зная твои разстроенные нервы. Какъ могъ ты думать, чтобъ я шутилъ твоимъ спокойствіемъ или говорилъ такія вещи, чтобы отвязаться! Главное то, что я совсѣмъ этого не говорилъ, или пусть говорилъ, да не про то.

Я сказалъ, что отзывъ *непокоренъ къ начальству* повредитъ тебѣ тогда, когда ты еще здѣсь сидѣлъ подъ арестомъ и что безъ этого ты, можетъ быть, остался бы здѣсь.

Я слышалъ здѣсь, что ты просился къ водамъ, и что просьба препровождена къ военному министру; но резолюціи не знаю; если ты поѣдешь, то, пожалуйста, напиши, куда и когда. Я здѣсь по-прежнему скучаю; какъ быть? покойная жизнь для меня хуже. Я говорю *покойная*, потому что ученье и маневры производятъ только усталость. Писать не пишу, печатать хлопотно, да и пробовалъ, но неудачно.

Романъ, который мы съ тобою начали, затянулся и врядъ ли кончится, ибо обстоятельства, которыя составляли его основу, перемѣнились, а я, знаешь, не могу въ этомъ случаѣ отступить отъ истины.

Если ты поѣдешь на Кавказъ, то это, я увѣренъ, принесетъ тебѣ много пользы физически и нравственно, ты вернешься поэтомъ, а не экономно-политическимъ мечтателемъ, что для души и для тѣла здоровѣе. Не знаю, какъ у васъ, а здѣсь мнѣ послѣ Кавказа все холодно, когда другимъ жарко, а ужъ и здоровѣе того, какъ я теперь, кажется, быть невозможно. О Юрьевѣ скажу тебѣ: вообрази, влюбился въ актрису, вышелъ въ отставку, живетъ у Балабина, табакъ и чай ужъ въ долгъ не даютъ, и 30.000 долгу, и вонъ изъ города не выпускаютъ,—видишь: у всякаго свои несчастія.

Прощай, любезный другъ, и прошу тебя, будь увѣренъ во мнѣ и думай, что я никогда не скажу и не сдѣлаю ничего тебѣ огорчительнаго. Прощай, милый другъ; бабушка также къ тебѣ пишетъ.—

М. Лермонтовъ.

27. Къ М. А. Лопухиной.

(1838—9 гг.).

Il y a longtemps, chére et bonne amie, que je ne vous ai écrit, et que vous ne m'avez donné de nouvelles de votre chére personne et de tous les vôtres; aussi j'ai l'espérance que votre réponse à cette lettre ne se fera pas longtemps attendre; il y a de la fatuité dans cette phrase, direz-vous, mais vous vous tromperez. Je sais que vous êtes persuadée, que vos lettres me font un grand plaisir, puisque vous employez le silence comme punition, mais je ne mérite pas cette punition, car j'ai constamment pensé à vous; preuve: j'ai demandé un semestre d'un an—refusé, de 28 jours—refusé, de 14 jours—le grand duc a refusé de même. Tout ce temps j'ai été dans l'espérance de vous voir. Je ferai encore une tentative—Dieu veuille, qu'elle réussisse. Il faut vous dire, que je suis le plus malheureux des hommes, et vous me croirez, quand vous saurez, que je vais chaque jour au bal: je suis lancé dans le grand monde... Pendant un mois j'ai été à la mode, on se m'srrachait. C'eat franc au moins. Tout ce monde que j'ai injurié dans mes vers se plait à m'entourer de flatteries, les plus jolies femmes me demandent des vers et s'en vantent, comme d'un triomphe. Néanmoins je m'ennuie. J'ai demandé d'aller au Caucase—refusé; on ne veut pas même me laisser tuer!—Peut-être, chére amie, ces plaintes ne vous paraîtront-elles pas de bonne foi; peut-être vous paraîtra-t-il étrange, qu'on cherche les plaisirs pour s'ennuyer, qu'on court les salons, quand on n'y trouve rien d'intéressant? Eh bien, je vous dirai mon motif. Vous savez que mon plus grand défaut c'est la vanité et l'amour propre. Il fut un temps où j'ai cherché à être admis dans cette société, comme novice; je n'y suis pas parvenu, les portes aristocratiques se sont fermées pour moi; et maintenant j'entre dans cette même société non plus en solliciteur, mais en homme, qui a conquis ses droits; j'excite la curiosité, on me recherche, on m'engage partout, sans que je fasse mine de le désirer même; les femmes, qui tiennent à avoir un salon remarquable, veulent m'avoir, car je suis aussi un lion—oui, moi, votre Michel, bon garçon, auquel vous n'avez jamais cru une criniére. Convenez que tout cela peut énivrer; heureusement, ma paresse naturelle prend le dessus; et peu à peu je commence à trouver cela par trop insupportable. Mais cette nouvelle expérience m'a fait du bien

en ce qu'elle m'a donné des armes contre cette société, et si jamais elle me poursuit de ses calomnies (ce qui arrivera), j'aurai du moins les moyens de me venger; car certainement nulle part il n'y a tant de bassesses et de ridicule. Je suis persuadé que vous ne direz à personne mes vanteries, car on me trouverait encore plus ridicule que qui que cela soit, et puis avec vous je parle, comme avec ma conscience, et puis c'est si doux de rire sous-cape des choses briguées et enviées par les sots, avec quelqu'un, qui, on le cait, est toujours prêt à partager vos sentiments. C'est de vous, que je parle, chére amie, je vous le répète, car ce passage est tant soit peu obscur.

Mais vous m'écrirez, n'est ce pas? Je suis sûr, que vous ne m'avez pas écrit pour quelque raison grave. Etes-vous malade? y a-t-il quelqu'un de malade dans la famille? Je le crains. On m'a dit quelque chose de semblable. Dans la semaine prochaine j'attend vorte réponse qui, j'espére, sera non moins longue que ma lettre et certainement mieux écrite, car je crains bien que vous ne sachiez déchiffer ce barbouillage.

Adieu, chére amie, peut-être, si Dieu veut me recompenser, je parviendrai à avoir un semestre, et alors je serai toujours sûr d'une réponse telle-quelle.

Saluez de ma part tous ceux qui ne m'ont pas oublie! Tout à vous M. Lermontoff.

28. Къ Алексѣю Александровичу Лопухину.

(С.-Петербургъ, февраль или мартъ 1839 г.).

Милый Алексисъ.

Я былъ боленъ и оттого долго тебѣ не отвѣчалъ и не поздравлялъ тебя, но вѣрь мнѣ, что я искренно радуюсь твоему счастію и поздравляю тебя и милую твою жену. Ты нашелъ, кажется, именно ту узкую дорожку, черезъ которую я перепрыгнулъ и отправился цѣликомъ. Ты дошелъ до цѣли, а я никогда не дойду: засяду гдѣ-нибудь въ ямѣ, и поминай, какъ звали, да еще будутъ ли поминать? Я похожъ на человѣка, который хотѣлъ отвѣдать отъ всѣхъ блюдъ разомъ, сытымъ не наѣлся, а получилъ индижестію, которая, вдобавокъ, къ несчастію, разрѣшается стихами. Кстати о стихахъ; я исполнилъ обѣщаніе и написалъ ихъ твоему наслѣднику, они самые нравоучительные (à l'usage des enfants).

Ребенка милаго рожденье
    Привѣтствуетъ мой запоздалый стихъ.
Да будетъ съ нимъ благословенье
    Всѣхъ ангеловъ небесныхъ и земныхъ!
Да будетъ онъ отца достоинъ;
    Какъ мать его, прекрасенъ и любимъ;
Да будетъ духъ его спокоенъ,
    И въ правдѣ твердъ, какъ Божій херувимъ.
Пускай не знаетъ онъ до срока
    Ни мукъ любви, ни славы жадныхъ думъ;
Пускай глядитъ онъ безъ упрека
    На ложный блескъ и ложный міра шумъ;
Пускай не ищетъ онъ причины
    Чужимъ страстямъ и радостямъ своимъ,
И выйдетъ онъ изъ свѣтской тины
    Душою бѣлъ и сердцемъ невредимъ!

Je désire, que le sujet de ces vers ne soit pas un mauvais sujet...—Увы! каламбуръ лучше стиховъ! Ну, да все равно! Если онъ вышелъ изъ пустой головы, то, по крайней мѣрѣ, стихи изъ полнаго сердца. Тотъ, кто играетъ словами, не всегда играетъ чувствами, и ты можешь быть увѣренъ, дорогой Алексисъ, что я такъ радъ за тебя, что завтра же начну сочинять новую ар(ію) для твоего маленькаго крикуна.

Напиши, пожалуйста, милый другъ, еще тотчасъ, что у васъ дѣлается: я три раза зимой просился въ отпускъ въ Москву къ вамъ, хоть на 14 дней— не пустили! Что, братъ, дѣлать! Вышелъ бы въ отставку, да бабушка не хочетъ—

надо же ей чѣмъ-нибудь пожертвовать. Признаюсь тебѣ, я съ нѣкотораго времени ужасно упалъ духомъ. . . . .
. . . .

29. Къ генералъ-майору Н. Ѳ. Плаутину.

(Въ концѣ февраля 1840 г.).

Ваше превосходительство, милостивый государь! Получивъ отъ вашего превосходительства приказаніе объяснить вамъ обстоятельства поединка моего съ господиномъ Барантомъ, честь имѣю донести вашему превосходительству, что 16-го февраля, на балѣ у графини Лаваль, господинъ Барантъ сталъ требовать у меня объясненія насчетъ будто мною сказаннаго. Я отвѣчалъ, что все ему переданное несправедливо; но такъ какъ онъ былъ этимъ недоволенъ, то я прибавилъ, что дальнѣйшаго объясненія давать ему не намѣренъ. На колкій его отвѣтъ я возразилъ такою же колкостью, на что онъ сказалъ, что еслибъ находился въ своемъ отечествѣ, то зналъ бы, какъ кончить это дѣло. Тогда я отвѣчалъ, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго, какъ и вездѣ, и что мы меньше другихъ позволяемъ себя оскорблять безнаказанно. Онъ меня вызвалъ, условились и разстались. 18-го числа, въ воскресенье, въ 12 часовъ утра, съѣхались мы за Черною рѣчкою на Парголовской дорогѣ. Его секундантомъ былъ французъ, котораго имени я не помню и котораго никогда до сего не видѣлъ. Такъ какъ господинъ Барантъ почиталъ себя обиженнымъ, то я предоставилъ ему выборъ оружія, онъ избралъ шпаги, но съ нами были также и пистолеты. Едва успѣли мы скрестить шпаги, какъ у моей конецъ переломился, а онъ слегка оцарапалъ (мнѣ) грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрѣлять вмѣстѣ, но я немного опоздалъ. Онъ далъ промахъ, а я выстрѣлилъ уже въ сторону. Послѣ сего онъ подалъ мнѣ руку, и мы разошлись. Вотъ, ваше превосходительство, подробный отчетъ всего случившагося между нами. Съ истинной преданностью честь имѣю пребыть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Михайла Лермонтовъ.

30. Къ К. Ѳ. Опочинину.

(1840 г., апрѣля 3).

O! cher et aimable M-r Opotchinine! Et hier soir en revenant de chez vous, on m'a annoncé une nouvelle fatale avec tous les ménagements possibles, et à l'heure, au moment où vous lirez ce billet, je ne serai plus... (tournez) à Pétersbourg. Car je monte la garde. Et or (style biblique et naïf) croyez à mes regrets sincères de ne pouvoir venir vous voir.

Et tout à vous Lermontoff.

31. Къ великому князю Михаилу Павловичу.

(Апрѣль 1840 г.).

Ваше Императорское Высочество! Признавая въ полной мѣрѣ вину мою и съ благоговѣніемъ покоряясь наказанію, возложенному на меня Его Императорскимъ Величествомъ, я былъ ободренъ до сихъ поръ надеждой имѣть возможность усердною службой загладить мой проступокъ, но, получивъ приказаніе явиться къ господину генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу, я изъ словъ его сіятельства увидѣлъ, что на мнѣ лежитъ еще обвиненіе въ ложномъ показаніи, самое тяжкое, какому можетъ подвергнуться человѣкъ, дорожащій своей честью.

Графъ Бенкендорфъ предлагалъ мнѣ написать письмо къ Баранту, въ которомъ бы я просилъ извиненья въ томъ, что несправедливо показалъ въ судѣ, что выстрѣлилъ на воздухъ. Я не могъ на то согласиться, ибо это было бы



Императоръ Николай I.

противъ моей совѣсти; но теперь мысль, что Его Императорское Величество и Ваше Императорское Высочество, можетъ быть, раздѣляете сомнѣніе въ истинѣ словъ моихъ, мысль эта столь невыносима, что я рѣшился обратиться къ Вашему Императорскому Высочеству, зная великодушіе и справедливость Вашу и будучи уже не разъ облагодѣтельствованъ Вами, и просить Васъ защитить и оправдать меня во мнѣніи Его Императорскаго Величества, ибо въ противномъ случаѣ теряю невинно и невозвратно имя благороднаго человѣка.

Ваше Императорское Высочество позволите сказать мнѣ со всею откровенностью: я искренно сожалѣю, что показаніе мое оскорбило Баранта; я не предполагалъ этого, не имѣлъ этого намѣренія, но теперь не могу исправить ошибку посредствомъ лжи, до которой никогда не унижался. Ибо, сказавъ, что выстрѣлилъ на воздухъ, я сказалъ истину, готовъ подтвердить оную честнымъ словомъ, и доказательствомъ можетъ служить то, что на мѣстѣ дуэли, когда мой секундантъ, отставной поручикъ Столыпинъ, подалъ мнѣ пистолетъ, я сказалъ ему именно, что выстрѣлю на воздухъ, что и подтвердитъ онъ самъ.

Чувствуя въ полной мѣрѣ дерзновеніе мое, я, однако, осмѣливаюсь надѣ-



Великій князь Михаилъ Павловичъ.

яться, что Ваше Императорское Высочество соблаговолите обратить вниманіе на горестное мое положеніе и заступленіемъ Вашимъ возстановить мое доброе имя во мнѣніи Его Императорскаго Величества и Вашемъ.

Съ благоговѣйною преданностью имѣю счастіе пребыть Вашего Императорскаго Высочества всепреданнѣйшій Михаилъ Лермонтовъ, Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ.

32. Къ А. А. Лопухину.

(Ставрополь. 17 іюня 1840 г.).

О, милый Алексисъ!

Завтра я ѣду въ дѣйствующій отрядъ, на лѣвый флангъ, въ Чечню брать пророка Шамиля, котораго, надѣюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать къ тебѣ по пересылкѣ. Такая каналья этотъ пророкъ! Пожалуйста, спусти его съ Аспелинда; они тамъ въ Чечнѣ не знаютъ индѣйсихъ пѣтуховъ, такъ, авось, это его испугаетъ. Я здѣсь, въ Ставрополѣ, уже съ недѣлю и живу

вмѣстѣ съ графомъ Ламбертомъ, который также ѣдетъ въ экспедицію и который вздыхаетъ по графинѣ Зубовой, о чемъ прошу ей всеподданнѣйше донести. И мы оба такъ вздыхаемъ, что кишочки наши черезчуръ наполнились воздухомъ, отчего происходятъ разные пріятные звуки... Я здѣсь отъ жару такъ слабъ, что едва держу перо. Дорóгой я заѣзжалъ въ Черкаскъ къ генералу Хомутову и прожилъ у него три дня, и каждый день былъ въ театрѣ. Что за *ѳеатръ!* Объ этомъ стоитъ разсказать: смотришь на сцену—и ничего не видишь, ибо передъ носомъ стоятъ сальныя свѣчи, отъ которыхъ глаза лопаются; смотришь назадъ—ничего не видишь, потому что темно; смотришь направо—ничего не видишь, потому что ничего нѣтъ; смотришь налѣво — и видишь въ ложѣ полицмейстера; оркестръ составленъ изъ четырехъ кларнетовъ, двухъ контрабасовъ и одной скрипки, на которой пилитъ самъ капельмейстеръ, и этотъ капельмейстеръ примѣчателенъ тѣмъ, что глухъ, и когда надо начать или кончать, то первый кларнетъ дергаетъ его за фалды, а контрабасъ бьетъ тактъ смычкомъ по его плечу. Разъ, по личной ненависти, онъ его такъ хватилъ смычкомъ, что тотъ обернулся и хотѣлъ пустить въ него скрипкой, но въ эту минуту кларнетъ дернулъ его за фалды, и капельмейстеръ упалъ навзничь головой прямо въ барабанъ и проломилъ кожу; но въ азартѣ вскочилъ и хотѣлъ продолжать бой, и что же! о, ужасъ! на головѣ его вмѣсто кивера торчитъ барабанъ. Публика была въ восторгѣ, занавѣсъ опустили, а оркестръ отправили на съѣзжую. Въ продолженіе этой потѣхи я все ждалъ, что будетъ?—Такъ то, мой милый Алеша! Но здѣсь, въ Ставрополѣ, такихъ удовольствій нѣтъ; зато ужасно жарко. Вѣроятно, письмо мое тебя найдетъ въ Сокольникахъ. Между прочимъ, прощай: ужасно я усталъ и слабъ. Поцѣлуй за меня ручку у Варвары Александровны и будь благонадеженъ. Ужасно усталъ... Жарко... Уфъ!—Лермонтовъ.

33. Къ Е. А. Арсеньевой.

Пятигорскъ, іюля 18 (1840 года).

Милая бабушка. Пишу вамъ изъ Пятигорска, куда я опять поѣхалъ и гдѣ пробуду нѣсколько времени для отдыха. Я получилъ вашихъ три письма вдругъ и притомъ бумагу отъ Степана насчетъ продажи людей, которую надо засвидѣтельствовать и подписать здѣсь. Я это все здѣсь обдѣлаю и пошлю. Напрасно вы мнѣ не послали книгу графини Ростопчиной; пожалуйста, тотчасъ по полученіи моего письма, пошлите мнѣ ее сюда, въ Пятигорскъ. Прошу васъ также, милая бабушка, купите мнѣ полное собраніе сочиненій Жуковскаго послѣдняго изданія и пришлите сюда тотчасъ. Я бы просилъ также полнаго Шекспира по-англійски, да не знаю, можно ли найти въ Петербургѣ; препоручите Екиму, только, пожалуйста, поскорѣе. Если это будетъ скоро, то здѣсь меня еще застанетъ.

То, что вы мнѣ пишете о словахъ г. Клейнмихеля, я полагаю, еще не значитъ, что мнѣ откажутъ отставку, если я подамъ: онъ только просто не совѣтуетъ, а чего мнѣ здѣсь еще ждать? Вы бы хорошенько спросили только, выпустятъ ли, если я подамъ?

Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и покойны; цѣлую ваши ручки, прошу вашего благословенія и остаюсь покорный внукъ М. Лермонтовъ.

34. Къ А. А. Лопухину.

Пятигорскъ, (12) сентября 1840 года.

Мой милый Алеша.

Я увѣренъ, что ты получилъ письма мои, которыя я тебѣ писалъ изъ дѣйствующаго отряда въ Чечнѣ, но увѣренъ также, что ты мнѣ не отвѣчалъ, ибо

я ничего о тебѣ не слышу письменно. Пожалуйста, не лѣнись: ты не можешь вообразить, какъ тяжела мысль, что друзья насъ забываютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я на Кавказѣ, я не получилъ ни отъ кого писемъ, даже изъ дому не имѣю извѣстій. Можетъ быть, они пропадаютъ, потому что я не былъ нигдѣ на мѣстѣ, а шатался все время по горамъ съ отрядомъ. У насъ были каждый день дѣла, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часовъ сряду. Насъ было всего 2000 пѣхоты, а ихъ до шести тысячъ; и все время дрались штыками. У насъ убыло 30 офицеровъ и до 300 рядовыхъ, а ихъ 600 тѣлъ осталось на мѣстѣ,—кажется, хорошо! вообрази себѣ, что въ оврагѣ, гдѣ была пѣхота, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебѣ разскажу подробности очень интересныя,—только Богъ знаетъ, когда мы увидимся. Я теперь вылѣчился почти совсѣмъ и ѣду съ водъ опять въ отрядъ въ Чечню. Если ты будешь мнѣ писать, то вотъ адресъ: *на Кавказскую линію, въ дѣйствующій отрядъ генералъ-лейтенанта Голофѣева, на лѣвый флангъ.* Я здѣсь проведу до конца ноября, а потомъ, не знаю, куда отправлюсь — въ Ставрополь, на Черное море или въ Тифлисъ. Я вошелъ во вкусъ войны и увѣренъ, что для человѣка, который привыкъ къ сильнымъ ощущеніямъ этого банка, мало найдется удовольствій, которыя бы не показались приторными. Только скучно то, что либо такъ жарко, что насилу ходишь, либо такъ холодно, что дрожь пробираетъ, либо ѣсть нечего, либо денегъ нѣтъ,—именно что со мною теперь. Я прожилъ все, а изъ дому не присылаютъ. Не знаю, почему отъ бабушки ни одного письма. Не знаю, гдѣ она, въ деревнѣ или въ Петербургѣ. Напиши, пожалуйста, видѣлъ ли ты ее въ Москвѣ. Поцѣлуй за меня ручку у Варвары Александровны и прощай. Будь здоровъ и счастливъ. Твой Лермонтовъ.

35. Къ нему же.

(Крѣпость Грозная, ноябрь 1840 г.).

Милый Алеша.

Пишу тебѣ изъ крѣпости Грозной, въ которую мы, т. е. отрядъ, возвратился послѣ 20-дневной экспедиціи въ Чечнѣ. Не знаю, что будетъ дальше, а пока судьба меня не очень обижаетъ: я получилъ въ наслѣдство отъ Дорохова, котораго ранили, отборную команду охотниковъ, состоящую изо ста казаковъ — разный сбродъ, волонтеры, татары и проч., это нѣчто въ родѣ партизанскаго отряда, и если мнѣ случится съ нимъ удачно дѣйствовать, то, авось, что-нибудь дадутъ; я ими только четыре дня въ дѣлѣ командовалъ и не знаю еще хорошенько, до какой степени они надежны; но такъ какъ, вѣроятно, мы будемъ еще воевать цѣлую зиму, то я успѣю ихъ раскусить. Вотъ тебѣ обо мнѣ самое интересное.

Писемъ я ни отъ тебя, ни отъ кого другого ужъ мѣсяца три не получалъ. Богъ знаетъ, что съ вами сдѣлалось; забыли, что ли или (письма) пропадаютъ? Я махнулъ рукой. Мнѣ тебѣ нечего много писать: жизнь наша здѣсь внѣ войны однообразна; а описывать экспедиціи не велятъ. Ты видишь, какъ я покоренъ законамъ. Можетъ быть, когда-нибудь я засяду у твоего камина и разскажу тебѣ долгіе труды, ночныя схватки, утомительныя перестрѣлки, всѣ картины военной жизни, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Варвара Александровна будетъ зѣвать за пяльцами и, наконецъ, уснетъ отъ моего разсказа, а тебя вызоветъ въ другую комнату управитель, и я останусь одинъ и буду доканчивать свою исторію твоему сыну, который сдѣлаетъ мнѣ кака на колѣна... Сдѣлай одолженіе, пиши ко мнѣ какъ можно больше. Прощай, будь здоровъ съ чадами и *домочадцами* и поцѣлуй за меня ручку у своей *сожительницы*. Твой Лермонтовъ.

36. Къ Д. С. Бибикову.

(С.-Петербургъ, въ концѣ февраля 1841 г.).

Милый Биби.

Насилу собрался писать къ тебѣ; начну съ того, что объясню тайну моего отпуска: бабушка моя просила о прощеніи моемъ, а мнѣ дали отпускъ; но я скоро ѣду опять къ вамъ, и здѣсь остаться у меня нѣтъ никакой надежды, ибо я сдѣлалъ вотъ какія бѣды: пріѣхавъ сюда въ Петербургъ на половинѣ масленицы, я на другой же день отправился на балъ къ г-жѣ Воронцовой, и это нашли неприличнымъ и дерзкимъ. Что дѣлать? Кабы зналъ, гдѣ упасть, соломки бы подостлалъ; обществомъ зато я былъ принятъ очень хорошо, и у меня началась новая драма, которой завязка очень замѣчательная, зато развязки, вѣроятно, не будетъ, ибо 9 марта отсюда уѣзжаю заслуживать себѣ на Кавказѣ отставку; изъ Валерикскаго представленія меня здѣсь вычеркнули, такъ что даже я не буду имѣть утѣшенія носить красной ленточки, когда надѣну штатскій сюртукъ.

Я былъ намедни у твоихъ, и они всѣ жалуются, что ты не пишешь; и, взявъ это въ разсмотрѣніе, я уже не смѣю тебя упрекать. Мещериновъ, вѣроятно, прежде меня пріѣдетъ въ Ставрополь, ибо я не намѣренъ очень торопиться; итакъ, не продавай удивительнаго лова, ни кровати, ни сѣделъ; вѣрно, отрядъ не выступитъ прежде 2 апрѣля, а я къ тому времени непремѣнно буду. Покупаю для общаго нашего обихода Лафатера и Галя и множество другихъ книгъ.

Прощай, мой милый, будь здоровъ. Твой Лермонтовъ.

37. Къ А. А. Краевскому.

(Апрѣль 1841 г.).

Любезный Андрей Александровичъ. Очень жалѣю, что не засталъ уже тебя у Одоевскаго и не могъ, такимъ образомъ, съ тобою проститься. Сдѣлай одолженіе: отдай подателю сего письма для меня два билета на „О. Записки“.—Это для...— Будь здоровъ и счастливъ. Твой Лермонтовъ.

38. Къ Е. А. Арсеньевой.

(Москва, апрѣль 1841 г.).

Милая бабушка. Жду съ нетерпѣніемъ письма отъ васъ съ какимъ-нибудь извѣстіемъ. Я въ Москвѣ пробуду нѣсколько дней, остановлюсь у Розена. Алексѣй Аркадьевичъ здѣсь еще и ѣдетъ послѣзавтра. Я здѣсь принятъ былъ обществомъ, по обыкновенію, очень хорошо, и мнѣ довольно весело. Былъ вчера у Николая Николаевича Анненкова и завтра у него обѣдаю; онъ былъ со мною очень любезенъ Вотъ все, что я могу вамъ сказать про мою здѣшнюю жизнь. Еще прибавлю, что я отъ здѣшняго воздуха потолстѣлъ въ два дня; рѣшительно, Петербургъ мнѣ вреденъ; можетъ быть, также я поздоровѣлъ отъ того, что всю дорогу пилъ горькую воду, которая мнѣ всегда очень полезна. Скажите, пожалуйста, отъ меня Екиму Шанъ-Гирею, что я ему напишу передъ отъѣздомъ отсюда и кое-что пришлю... Вѣроятно, Сашенькина свадьба уже была, и потому прошу васъ ее поздравить отъ меня, а Леокадіи скажите отъ меня, что я ее цѣлую и желаю исправиться и быть какъ можно осторожнѣе вообще. Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и увѣрены, что Богъ васъ вознаградитъ за всѣ печали. Цѣлую ваши ручки, прошу вашего благословенія и остаюсь покорный внукъ М. Лермонтовъ.

39. Къ Ал. Ал. Вадковской, урожд. кн. Меншиковой.

Je vous remercie bien pour l'adresse de cette maison qui me sera éternellement chère et je me reccommande au souvenir de mon aimable cousine en la suppliant de me donner la mazourka.

Votre bien dèvoue
Lermontoff.

40. Къ Е. А. Арсеньевой.

(Ставрополь, май 1841 г.).

Милая бабушка. Я сейчасъ пріѣхалъ только въ Ставрополь и пишу къ вамъ; ѣхалъ я съ Алексѣемъ Аркадьевичемъ и ужасно долго ѣхалъ: дорога была прескверная. Теперь не знаю самъ еще, куда поѣду; кажется, прежде отправлюсь въ крѣпость Шуру, гдѣ полкъ, а оттуда постараюсь на воды. Я, слава Богу, здоровъ и спокоенъ, лишь бы вы были такъ спокойны, какъ я; одного только и желаю: пожалуйста, оставайтесь въ Петербургѣ, и для васъ и для меня будетъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Скажите Екиму Шанъ-Гирею, что я ему не совѣтую ѣхать въ Америку, какъ онъ располагалъ, а ужъ лучше сюда на Кавказъ: оно и ближе и гораздо веселѣе. Я все надѣюсь, милая бабушка, что мнѣ все-таки выйдетъ прощенье, и я могу выйти въ отставку. Прощайте, милая бабушка; цѣлую ваши ручки и молю Бога, чтобъ вы были здоровы и спокойны, и прошу вашего благословенія.—Остаюсь покорный внукъ Лермонтовъ.

41. Показанія Лермонтова по дѣлу о стихахъ на смерть Пушкина.

Я былъ еще боленъ, когда разнеслась по городу вѣсть о несчастномъ поединкѣ Пушкина. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ привезли ее и ко мнѣ, обезображенную разными прибавленіями. Одни—приверженцы нашего лучшаго поэта—разсказывали съ живѣйшей печалью, какими мелкими мученіями, насмѣшками онъ долго былъ преслѣдуемъ и, наконецъ, принужденъ сдѣлать шагъ, противный законамъ земнымъ и небеснымъ, защищая честь своей жены въ глазахъ строгаго свѣта. Другіе, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднѣйшимъ человѣкомъ, говорили, что Пушкинъ не имѣлъ права требовать любви отъ жены своей, потому что былъ ревнивъ, дуренъ собою,—они говорили также, что Пушкинъ негодный человѣкъ, и прочее. Не имѣя, можетъ быть, возможности защищать нравственную сторону его характера, никто не отвѣчалъ на эти послѣднія обвиненія.

Невольное, но сильное негодованіе вспыхнуло во мнѣ противъ этихъ людей, которые нападали на человѣка, уже сраженнаго рукою Божіей, не сдѣлавшаго имъ никакого зла и нѣкогда ими восхваляемаго;—и врожденное чувство въ душѣ неопытной—защищать всякаго невинно-осуждаемаго—зашевелилось во мнѣ еще сильнѣе, по причинѣ болѣзнью раздраженныхъ нервовъ. Когда я сталъ спрашивать: на какихъ основаніяхъ такъ громко они возстаютъ противъ убитаго?—мнѣ отвѣчали, вѣроятно, чтобы придать себѣ болѣе вѣсу, что весь высшій кругъ общества такого же мнѣнія.—Я удивился; надо мною смѣялись.—Наконецъ, послѣ двухъ дней безпокойнаго ожиданія, пришло печальное извѣстіе, что Пушкинъ умеръ,—и вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ пришло другое—утѣшительное для сердца русскаго: Государь Императоръ, несмотря на его прежнія заблужденія, подалъ великодушно руку помощи несчастной женѣ и малымъ сиротамъ его. Чудная противоположность его поступка съ мнѣніемъ (какъ меня увѣряли) высшаго круга общества увеличила въ моемъ воображеніи, очернила еще болѣе несправедливость послѣдняго. Я былъ твердо увѣренъ, что сановники государственные раздѣляли благородныя и милостивыя чувства Императора, Богомъ даннаго защитника всѣмъ угнетеннымъ;—но, тѣмъ не менѣе, я слышалъ, что нѣкоторые люди, единственно по родственнымъ связямъ или вслѣдствіе искательства, принадлежащіе къ

высшему кругу и пользующіеся заслугами своихъ достойныхъ родственниковъ,— нѣкоторые не переставали омрачать память убитаго и разсѣивать разные невыгодные для него слухи.—Тогда и вслѣдствіе необдуманнаго порыва, я излилъ горечь сердечную на бумагу, преувеличенными, неправильными словами выразилъ нестройное столкновеніе мыслей, не полагая, что написалъ нѣчто предосудительное, что многіе ошибочно могутъ принять на свой счетъ выраженія, вовсе не для нихъ назначенныя. Этотъ опытъ былъ первый и послѣдній въ этомъ родѣ, вредномъ (какъ я прежде мыслилъ и нынѣ мыслю) для другихъ еще болѣе, чѣмъ для меня. Но если мнѣ нѣтъ оправданія, то молодость и пылкость послужатъ хотя объясненіемъ,—ибо въ эту минуту страсть была сильнѣе холоднаго разсудка. Прежде я писалъ разныя мелочи, быть можетъ, еще хранящіяся у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ. Одна восточная повѣсть, подъ названіемъ „Хаджи-Абрекъ“ была мною помѣщена въ „Библіотекѣ для чтенія“; а драма „Маскарадъ“, въ стихахъ, отданная мною въ театръ, не могла быть представлена по причинѣ (какъ мнѣ сказали) слишкомъ рѣзкихъ страстей и характеровъ и также потому, что въ ней добродѣтель недостаточно награждена.

Когда я написалъ стихи мои на смерть Пушкина (что, къ несчастью, я сдѣлалъ слишкомъ скоро), то одинъ мой хорошій пріятель, Раевскій, слышавшій, какъ и я, многія неправильныя обвиненія и по необдуманности не видя въ стихахъ моихъ противнаго законамъ, просилъ у меня ихъ списать; вѣроятно, онъ показалъ ихъ, какъ новость, другому—и такимъ образомъ они разошлись. Я еще не выѣзжалъ, и потому не могъ вскорѣ узнать впечатлѣнія, произведеннаго ими, не могъ во-время ихъ возвратить назадъ и сжечь. Самъ я ихъ никому больше не давалъ,—но отрекаться отъ нихъ—хотя постигъ свою необдуманность,—я не могъ: правда всегда была моей святыней—и теперь, принося на судъ свою повинную голову, я съ твердостью прибѣгаю къ ней, какъ къ защитницѣ благороднаго человѣка передъ лицомъ Царя и лицомъ Божіимъ.

Корнетъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка

Михаилъ Лермонтовъ [1]).

42. Отрывокъ ученическаго сочиненія [2]).

(Разсматривать какъ) то первое положеніе можетъ показаться справедливымъ; крестьянинъ, имѣющій опредѣленный кругъ дѣйствій, не выходившій ни разу изъ границъ своей сферы, подобенъ дереву, которое растетъ, цвѣтетъ и засыхаетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ оно посажено; сельской житель, безпечно отдыхая отъ трудовъ своихъ, не имѣетъ никакой заботы о будущемъ; его *завтра* всегда (одно) похоже на вчера:—трудъ, молитва и отдыхъ;—онъ слушаетъ разсказы про городскія шумныя удовольствія, (съ тою же... такъ не чувствуя въ се...), какъ внимаетъ дальнему грому, какъ смотритъ на тучу, проходящую далеко мимо его усѣяннаго поля...

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1887, I, стр. 340—342.
[2]) Акад. изд., т. V, стр. 35.

V. ПРИМѢЧАНІЯ
КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

361. Дума.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1839, I, 148—149. Вошло въ изд. стих. 1840 г.

Варіанты:

11. Предъ подвигомъ добра постыдно малодушны.
12. Предъ властію ничтожные рабы.
11. Одной лишь гордости безсмысленно послушны
И власти тягостной бездушные рабы.

Въ тонѣ и отдѣльныхъ образахъ этого стихотворенія замѣтно нѣкоторое вліяніе „Ямбовъ“ Барбье. Приговоръ Л—ва надъ своимъ поколѣніемъ нѣкоторые критики называли „суровымъ и недальновиднымъ“, забывая о томъ, что оно вышло на свою дорогу только въ 40-ыхъ годахъ, уже послѣ смерти М. Ю., въ тридцатыхъ же годахъ испытывало тотъ же мучительный внутренній разладъ и часто выносило себѣ такой же рѣзкій приговоръ, которые съ такою силою выражены Л—вымъ въ его „Думѣ“. Почти къ каждой ея строчкѣ можно было бы подобрать любопытныя параллели изъ переписки и сочиненій „идеалистовъ 30-хъ годовъ“.

362. Къ М. И. Цейдлеру.

Впервые напеч. въ „Атенеѣ“ 1858, № 48, стр. 302—303. Мих. Ив. Цейдлеръ (1816—1892)—товарищъ Л—ва по юнкерской школѣ и лейбъ-гвардіи Гродненскому гусарскому полку. Впослѣдствіи былъ нижегородскимъ полицеймейстеромъ. Цейдлеръ былъ влюбленъ тогда въ дѣвушку *Сталь* (въ 7 стихѣ на этомъ основана игра словъ).

363. Поэтъ.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1839, II, 163—164. Автографъ принадлежитъ Чертковской библіотекѣ.

Черновые варіанты:

6—8. Служилъ безъ платы за услугу,
Какъ брату старшему и другу,
Орудьемъ гибельнаго мщенья,
И слышалъ онъ одинъ его полночный бредъ
И сердца гордаго біенье.
29. Когда то мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ.
39. Какъ ветхая краса, какъ вѣтреный старикъ.
44. Какъ упраздненный мечъ неправду и порокъ.

364. На рожденіе сына у А. А. Лопухина.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1843, XXXI, № 12, стр. 342. См. въ отдѣлѣ писемъ, письмо А. А. Лопухину 1839 г. (февраль—мартъ).

365. Не вѣрь себѣ.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1839, III, 277—278. Вошло въ изд. стих. 1840 г. По словамъ А. Л. Потапова, это стихотвореніе было посвящено ему Л—вымъ, подъ названіемъ „Мечтателю".

366. Молитва.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1839, VI, 272. Вошла въ изд. стих. 1840 г.

367. Три пальмы.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1839, V, 168—170. Вошло въ изд. стих. 1840 г. Въ стихотвореніи этомъ видно вліяніе стих. Пушкина „И путникъ усталый"... Оно очень характерно для взглядовъ Л—ва на отношенія человѣка и природы.

368. Дары Терека.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1839, VII, 1—3. Вошло въ изд. стих. 1840 г.

369. Памяти А. И. Одоевскаго.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1839, VII, 209—210. Вошло въ изд. стих. 1840 г. Автографъ принадлежитъ Чертковской библіотекѣ.

Черновые варіанты:

16. И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
23. Какъ призракъ, онъ промчался средь людей.

Кн. А. И. Одоевскій († 15 авг. 1839)—декабристъ, поэтъ, служившій послѣ Сибири рядовымъ на Кавказѣ. Пользовался большими симпатіями въ тогдашнихъ литературныхъ кругахъ и среди декабристовъ, благодаря женственной мягкости и чистотѣ своей души. Л—въ познакомился и сблизился съ нимъ только на Кавказѣ.

370. Казотъ.

Впервые напеч. въ „Современникѣ" 1854, № 1. Автографъ Чертковской библ.

Казоттъ (1720—1792)—французскій писатель. По свидѣтельству Лагарпа, онъ еще въ 1788 г. предсказалъ Кондорсе, Шамфору и др. ихъ трагическую судьбу во время французской революціи. Былъ казненъ 25 сент. 1792 г. „Пророчество Казотта" носитъ апокрифическій характеръ: по всѣмъ даннымъ оно было составлено уже послѣ его смерти.

371. Гр. Э. К. Мусиной - Пушкиной.

Впервые напеч. въ „Рус. Вѣстн." 1860, т. XXVI, № 8, стр. 387. Автографъ Чертковской библ.

Э. К. Мусина-Пушкина, урожд. Шернваль, была въ свое время знаменитой красавицей. Одно время Л—въ былъ сильно увлеченъ ею.

372. Бѣглецъ.

Впервые напеч. въ альманахѣ „Вчера и Сегодня" 1846, II, 154—158. Автографъ Чертковской библ.

373. Сказка для дѣтей.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1842, XX, 116—123. Автографъ Лерм. музея (XVI).

Черновые варіанты:

4. Хотя у многихъ нынче стихъ не гладокъ.
5. Но публика все проситъ новыхъ темъ.
6. Кто жъ виноватъ? сложить бы на покойныхъ,
Да совѣстно,—межъ ними есть достойныхъ
Не мало...

Послѣ 11. Мы женщинъ презираемъ потому,
Что некогда намъ волноваться страстью
(Что людямъ какъ то стыдно волноваться страстью);
Науки были бъ нашему уму
Доступны... но онѣ вредили бъ счастью;
Служить, конечно, должно бъ—да къ чему?
Безъ насъ найдутся ревностные слуги
(Чины все идутъ тише—служба строже),
Къ тому же рано тайные недуги
(Къ тому же въ насъ извѣстные недуги)
Тревожатъ насъ, и мы таки должны
(Тревожатъ насъ порой, нашъ покой, и, право, мы должны)
Себя беречь для будущей жены,
Которая воспитана хоть просто,
Приданаго получитъ тысячъ до ста.
А ужъ сводить приходы и расходы...
Нѣтъ, это слишкомъ!.. Что мы за уроды?...
Притомъ и лѣнь. Вотъ каковы... Что дѣлать тутъ?
Я радъ бы ихъ исправить,
Лишь только бы стихи читать заставить!
Оброкъ не худо также намъ собрать бы,
Чтобъ на воды уѣхать послѣ свадьбы...
(И потому рѣшился написать
Я легкую поэму въ сорокъ пѣсенъ,
Хоть для всего, что надо мнѣ сказать,
Размѣръ ея немножко будетъ тѣсенъ,
Но такъ и быть)...
Межъ тѣмъ (за то) о благѣ міра, чуждыхъ странъ
Заботимся, хлопочемъ мы не въ мѣру:
Съ Египтомъ новый сладилъ ли султанъ?
Что Тьеръ сказалъ и что сказали Тьеру?
На всѣхъ набрелъ политики туманъ,
Въ журналахъ тонемъ хуже англичанъ...
Довольны всѣ (и счастливы)—а можно бъ насъ исправить,
Лишь только бы стихи читать заставить...
И потому рѣшился я писать
(Хоть для всего, что надо мнѣ сказать,
Размѣръ немножко будетъ тѣсенъ)
Короткую поэму въ сорокъ пѣсенъ.

16. И сладкихъ риѳмъ, какъ, напримѣръ, на ю,
17. И вотъ зачѣмъ пишу я эту сказку.

Послѣ 22. (зачеркнуто):
Но (демонъ мой) этотъ чортъ совсѣмъ инова сорта,
Аристократъ—и не похожъ на чорта.

24. Но нынче устарѣло все, что ново
25. Тому назадъ еще немного лѣтъ.
34. Перенестись теперь прошу я васъ.
38. Спитъ Петербургъ; на башнѣ било часъ.
30. Дыханіемъ невиннымъ напоенный.

47. Которыхъ дружба намъ всегда нужна
48. Во всѣхъ дѣлахъ семейныхъ и любовныхъ.
53. Жизнь, чувство, зрѣнье, слухъ—
54. И мысль безъ вида или въ видахъ разныхъ
55. (Чертей вобще рисуютъ безобразныхъ).
58. Мой грустный умъ бывало посѣщалъ.
60. Какъ царь нѣмой и мрачный, грозный, онъ вставалъ
61. Такой волшебно странной красотою.
64. Мое воображенье много лѣтъ преслѣдовалъ.
74. Оно не очень странно—въ немъ не кровь кипѣла.
83. Ласкаетъ все привычныя желанья;
84. И еслибъ я сказалъ мое названье,
85. Ты нѣжность бы отвергнула мою,
86. Любовь нездѣшнюю... нѣжность—но люблю.
90. И сильно, нѣжно бьется дѣвственною кровью.
Послѣ 93. И пью твое дыханье.
94. И часто я, наставникъ твой случайный,
95. Тебѣ небесъ разсказываю тайны.
101. Я пролеталъ надъ вашею столицей.
103. Померкшій западъ съ новою денницей.
106. Все было тихо, иногда лишь звуки.
108. Невнятно раздавались. И Нева.
(По улицамъ носились, бродили).
111. И сумрачно столбы дворцовъ нѣмыхъ.
115. И прежнихъ лѣтъ событій роковыхъ
116. Волна смывала знаки роковые.
118. Глядя съ небесъ на гордый прахъ земли.
125. Безумный трудъ предъ тощею лампадой
126. И страшныхъ тайнъ кругомъ печальный рядъ.
128. То буйный смѣхъ, то крикъ послѣдней муки:
129. Торжествовалъ иль мучился порокъ.
131. Въ бреду любви—коварное желанье.
Послѣ 140. Висѣли между нихъ, и длинный темный строй
Высокихъ оконъ...
141. Межъ нихъ гордились чудною рѣзьбой.
143. Манилъ невольно взоръ очей нескромныхъ.
145. Толпилась знать на зеркальномъ паркетѣ
(Въ высокіе покои)...
154. Судили важно о тогдашнихъ франтахъ.
156. Хоромы опустѣли. Родъ могучій, старинный.
158. Семейные портреты гнили въ залѣ длинной
(Портреты дѣдовъ, гордыхъ прадѣдовъ...).
162. Спокойно завладѣли... Мрачный домъ
163. Казался пустъ, но жилъ однако въ немъ.
166. Вольтера онъ любилъ,
Гордился онъ заслугами отцовъ.
171. Прочитывалъ иль съ Карлою горбатымъ
Шутилъ и спорилъ...
177. Всегда одна, безъ ласкъ и безъ подругъ,
178. Запугана взыскательностью мелкой.
184. Разставшись съ прежней куклою она.
186. Теряяся мечтой въ туманной дали.
188. Тогда она сходила въ темный залъ,
189. Но бѣгать въ немъ сперва ей страшно было.
Послѣ 192. Порой вились невѣдомыя рѣки.

200. По своему развалинъ говоръ темный.
После 200. И сумракъ ихъ нѣмой свою печать
Оставилъ на душѣ ея туманной,
201. И стала мысль холодная летать
202. Надъ блѣдною головкой, тѣнью новой
203. Летучій рой видѣній навѣвать.
Послѣ 203. Познаній жажда, червь души незрѣлой,
Закралась въ грудь ея, и закипѣло
Мучительно желаніе въ играющей крови;
Съ дрожащихъ (горящихъ) устъ порой (лились) (рвались) слова любви
Лились и замирали.
Въ глазахъ сіялъ какой то пламень темной (томной?);
А ночью сонъ будилъ ее нескромный.
(Я видѣлъ все, и ждалъ, нѣмой и скромный...)
А я, свидѣтель скромный,
Я ждалъ—но всюду слѣдовалъ за ней!
Влюбился я въ ея воображенье,
И въ эту душу, полную страстей,
Хоть дремлющихъ, но грозныхъ,
Готовыхъ пробудиться. Сожалѣнье
Меня впервые тронуло. Людей
И вѣчность (міръ) позабылъ (забылъ) я.
Я сталъ слѣдить за нею,
Меня плѣнило это,
Я сталъ слѣдить, я былъ глубоко тронутъ...
204. Я сталъ съ ней неразлученъ... Дѣтскій лепетъ
205. Подслушивалъ, невинной груди трепетъ
206. Слѣдилъ дыханьемъ свѣжимъ и живымъ,
207. Мучительной и хладною тоской
208. Какъ жизнью упивался... Это было...
214. Не начертали, страстію дыша.
222. Изъ тѣхъ, которымъ вреденъ воздухъ свѣта.
224. Въ нихъ пища есть всему—но невозвратно.
229. Ихъ чувствамъ повторяться не должно
(Не повторяются въ нихъ страсти; свѣтъ).
230. Отыскивать по міру на свободѣ.
232. Ты помнишь это время.
240. И въ бурный вальсъ съ собою уносилъ.
Послѣ 242. И начинался острый разговоръ.
245. Заманчивый, но темный разговоръ,
248. И даже слишкомъ иногда небреженъ.
252. И сердце билось много, шибко, шибко.
255. То волосы пригладитъ, то завялый.
257. Головкѣ наклоненной видъ усталый.
269. И собрались родные на совѣтъ.
290-296. Друзей старинныхъ много бъ я узналъ
Среди толпы избранниковъ, улыбки
И лица лгали дерзко; голосъ скрытной...
Всѣ суетились, говорили
Вдругъ отрывки фразъ...
И въ воздухѣ носилися кругомъ (вокругъ)
Слова—отрывки мыслей, чувствъ и мнѣній...

Упоминаніе о Египтѣ и Тьерѣ пріурочиваетъ „Сказку“ къ лѣту 1839 г. („Новый султанъ“—Абдулъ Меджидъ, который долженъ былъ подавлять возстаніе Мегемета Али).

374. Первое января.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1840, VIII, кн. 1, стр. 140. Вошло въ изд. стих. 1840 г.

375. Казачья колыбельная пѣсня.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1840, VIII, 2, стр. 245—246. Вошла въ изд. стих. 1840 г. Г. Семеновъ („Лермонтовъ и Толстой“) указалъ интересный фактъ: совпаденіе содержанія этого стихотворенія съ основнымъ содержаніемъ одной *гребенской* колыбельной пѣсни.

376. Журналистъ, писатель и читатель.

Впервые напеч. въ изд. стих. 1840 г. Автографы—П. Я. Дашкова и Лермонт. музея (XV). Черновые варіанты:

9. Обдумать рѣзкое творенье.
158-160. Чтобъ ядъ пылающей страницы
Нарушилъ сонъ отроковицы
И сердце юноши увлекъ.

Стихотвореніе это написано на гауптвахтѣ [1]) (за дуэль съ Барантомъ). Въ „журналистѣ“, вѣроятно, изображенъ Краевскій.

377. Воздушный корабль.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1840, X, кн. 5, стр. 1—3. Вошло въ изд. стих. 1840 г.

Свободное подражаніе балладамъ Цедлица „Die nächtliche Heerschau“ и „Das Geisterschiff“.

378. И скучно, и грустно.

Впервые напеч. въ „Литер. газетѣ“ 1840, № 6, 133. Вошло въ изд. стих. 1840 г.

379. Ребенку.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1840, XII, кн. 9, стр. 1—2. Вошло въ изд. стих. 1840 г.

Вѣроятно, относится къ дочери В. А. Лопухиной-Бахметевой

380. Отчего.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1840, т. X, кн. 6, стр. 280. Вошло въ изд. стих. 1840 г.

381. Благодарность.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1840, X, кн. 6, стр. 290. Автографъ Лерм. музея (XV, 16). Вошло въ изд. стих. 1840 г.

382. Изъ Гёте.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1840, т. XI, кн. 7, стр. 1. Вошло въ изд. стих. 1840 г. Вольный переводъ „Wanderers Nachtlied“ Гёте. Струговщиковъ („Рус. Старина“ 1874, X, 702) разсказываетъ: „я встрѣтился у него (у гр. В. А. Сологуба) съ Л—вымъ, и на вопросъ его, не перевелъ ли я и „Молитву странника“

[1]) Подъ замѣтнымъ вліяніемъ „Разговора книгопродавца съ поэтомъ“ Пушкина.

Гёте, я отвѣчалъ, что съ первой половиной я сладилъ, а во второй недостаетъ мнѣ ея пѣвучести и неуловимаго ритма.—А я, напротивъ, могъ только вторую половину перевести, сказалъ Лермонтовъ,—и тутъ же, по просьбѣ моей, набросалъ мнѣ на клочкѣ бумаги свои „Горныя вершины".

383. Сосна.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1842, XX, кн. 1, стр. 124, Автографы Лерм. музея (XXI и XV, 12—безъ заглавія и подзаголовка „изъ Гейне") и Публ. библ. Передѣлка стих. Гейне.

Черновые наброски (Автографы Публ. библ.):

1.

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh.
Heine.

На хладной и голой вершинѣ
Стоитъ одиноко сосна
И дремлетъ... подъ снѣгомъ сыпучимъ
(Качаяся, дремлетъ она).
(И снѣжнымъ покровомъ
Печально одѣта она).
Ей снится (красавица) прекрасная пальма
Въ далекой восточной землѣ (скалѣ),
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скалѣ.

2.

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ качаясь—и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
(Ей) И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна, на дикой и знойной стѣнѣ
(На утесѣ горючемъ)
Прекрасная пальма растетъ.

384. Тучи.

Впервые напеч. въ стих. 1840 г. Написано въ домѣ Карамзиныхъ, передъ отъѣздомъ на Кавказъ. По словамъ Висковатова (VI, 338): „друзья и пріятели собрались въ квартирѣ Карамзиныхъ проститься съ юнымъ другомъ своимъ и тутъ, растроганный вниманіемъ къ себѣ и непритворною любовью избраннаго кружка, поэтъ, стоя въ окнѣ и глядя на тучи, которыя ползли надъ Лѣтнимъ садомъ и Невою, написалъ стихотвореніе:

Тучки небесныя, вѣчные странники!..

Софья Карамзина и нѣсколько человѣкъ гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотвореніе. Онъ оглянулъ всѣхъ грустнымъ взглядомъ выразительныхъ глазъ своихъ и прочелъ его. Когда онъ кончилъ, глаза были влажные отъ слезъ". Гр. В. А. Сологубъ разсказывалъ Висковатову: „я хорошо помню М. Ю., стоявшаго въ амбразурѣ окна и глядѣвшаго вдаль. Лицо его было блѣдно и выражало необычайную грусть".

385. Любовь мертвеца.

Впервые напеч. въ альманахѣ „Утренняя Заря" на 1842, стр. 44. Автографы Лерм. музея (III) и Публ. библ. Черновые варіанты заглавія: „Влюбленный мертвецъ", „Новый мертвецъ", „Живой мертвецъ". Висковатовъ относитъ (безъ особыхъ основаній) это стихотвореніе къ В. А. Лопухиной, но оно имѣетъ болѣе широкое значеніе, такъ какъ ярко отражаетъ тогдашнее настроеніе Л—ва, которое только отчасти создавалось перипетіями любви къ Лопухиной (См. другія стихотворенія, въ особенности письма того времени).

386. М. П. Соломирской.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1842, XXIV, кн. 10, стр. 320. Марія Павловна Соломирская—жена одного изъ начальниковъ Лермонтова по лейбъ-гвардіи гусарскому полку.

387. Плѣнный рыцарь.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1841, т. XVII, кн. 8, стр. 268. Написано на гауптвахтѣ, въ ордонансъ-гаузѣ, куда Л—въ былъ посаженъ за дуэль съ Барантомъ.

388. Сосѣдка.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1842, т. XX, кн. 2, стр. 127—128. Автографъ Лерм. музея (XV, 21). Черновые варіанты:

1. Я въ тюрьмѣ и мечтаю о волѣ
   (Кабы крылья имѣлъ я, какъ птица).
2. Сердце бьется и просится въ поле.
3. Но окно высоко надъ землей.
13. У окна плоскаго поутру я сяду.
19. Я своей не позволилъ бы дочкѣ
20. У окна такъ садиться въ сорочкѣ.
23. На далекое небо глядя
    (Видно, горькую думу тая).
24. И все, видно, по волѣ, какъ я.
29. У отца ты украдь мнѣ ключи.
30. Часовыхъ разойтись научи.
31. А для тѣхъ, что у двери стоятъ,
32. Я сберегъ наточенный булатъ.

Объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ появленіе этого стихотворенія, Висковатовъ говоритъ (т. II, стр. 329—330): „Въ этой сосѣдкѣ изображена дочь одного изъ сторожей; дѣвушка поражала блѣдностью и задумчивостью красиваго симпатичнаго лица, выражавшаго безпредѣльную тоску подавленной жизни... Гр. Сологубъ разсказывалъ мнѣ, что Л—въ въ ордонансъ-паузѣ читалъ ему это стихотвореніе, позднѣе передѣланное. Дѣвушка была дочь сторожа. Шанъ-Гирей говоритъ, что видѣлъ ее въ окно, и что она была дочь мелкаго чиновника, а не тюремщика. Рѣшетокъ у окна не было, это уже поэтическая вольность! Сологубъ видѣлъ даже изображеніе этой дѣвушки, нарисованное Л—вымъ, съ подписью: „la jolie fille d'un sous-officier". Поэтъ съ нею дѣйствительно переговаривался черезъ окно".

389. А. О. Смирновой.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1840, т. XII, кн. 10, стр. 229. Болѣе полная редакція (по автографу М. П. Полуденскаго) была напеч. въ „Библіогр. Зап." 1858, VI, 182:

Въ протосердечіи невѣжды
Короче знать я васъ желалъ,
И эти сладкія надежды
Теперь я вовсе потерялъ.
Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ—я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго—
И я въ смущеніи молчу.
Стѣсняемъ робостію дѣтской,—
Нѣтъ, не впишу я ничего
Въ альбомѣ жизни вашей свѣтской,
Ни даже имя своего.
Мое вранье такъ неискусно,
Что имъ тревожить васъ грѣшно...
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!..

Въ альбомѣ Смирновой, принадлежащемъ теперь А. Ѳ. Онѣгину („Пушкинъ и его современники", XII, 24—25), нѣтъ 3-ьей строфы, 4-я—начинается:

Что дѣлать? рѣчью безыскусной
Вашъ умъ занять мнѣ не дано...

Варіанты списка М. И. Семевскаго:

2. Короче знать желалъ я васъ.
3. И лучъ заманчивой надежды.
9. Словами важными порою
10. Вашъ смѣхъ боюсь я возмутить.
13. Что дѣлать! рѣчью неискусной
14. Занять васъ...

Александра Осиповна Смирнова, урожд. Россетъ (1809 — 1882), другъ Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Плетнева, любимая фрейлина Николая I. Въ ея домѣ, наряду съ придворными и петербургской аристократіей, собирались и литераторы.

390. Къ портрету.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1840, т. XIII, кн. 12, стр. 290. Черновой набросокъ („Портретъ свѣтской женщины")—въ Татевскомъ архивѣ. Его варіанты:

3—4. (Все дышитъ въ ней жизнью и свѣтомъ)
Глаза говорятъ, какъ слова,
(И блещутъ язвительнымъ, обманчивымъ свѣтомъ)
Слова жъ ея дышатъ привѣтомъ.
5. Любить ее долго нельзя.
10—12. Лицо ея (будто стекло) отраз... какъ стекло.
Въ душѣ ея темно, какъ въ морѣ,
Въ умѣ (глазахъ) ея, какъ въ небѣ, (вѣчно) свѣтло.
13—16. То все въ ней притворно и ложно,
То дышитъ въ ней истиной все;
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

Стих. это посвящено портрету гр. Александры Кирилловны Воронцовой-Дашковой (1819—1856), изображенной Некрасовымъ въ стих. „Княгиня". Воронцова славилась не столько красотой, сколько „соединеніемъ самаго тонкаго вкуса, изя-

щества, граціи съ неподдѣльной веселостью, живостью, почти мальчишеской проказливостью: живымъ ключомъ била въ ней жизнь и оживляла, скрашивала все ее окружающее“ (гр. В. А. Сологубъ).

391. Кн. М. А. Щербатовой.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1842, XX, кн. 1, стр. 126. Автографъ Лерм. музея (XV, 14). Щербатова была причиной дуэли Л—ва съ Барантомъ. По рукамъ тогда ходила эпиграмма, приписываемая Л—ву и задѣвавшая, будто бы, и Щербатову, и Баранта. Меринскій и Горожанскій (см. Висковатовъ, VI, стр. 318—319) относятъ появленіе этой эпиграммы къ болѣе раннему времени. Повидимому, она была кѣмъ-то опять пущена въ ходъ — примѣнительно къ новымъ лицамъ, безъ вѣдома Л—ва. Современники даютъ разные ея тексты:

Прекрасная Невы богиня!
За ней волочится французъ!
Лицо-то у нея—какъ дыня,
За то и...—какъ арбузъ.

О, какъ мила твоя богиня!
За ней волочится французъ!
У нея лицо—какъ дыня,
Зато...—какъ арбузъ.

Ахъ, какъ мила моя княгиня!
За ней волочится французъ;
У нея лицо—какъ дыня,
Зато...—какъ арбузъ.

392. Въ альбомъ автору „Курдюковой“.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1842, т. XXIV, кн. 9, стр. 174. Иванъ Петровичъ Мятлевъ—авторъ юмористическихъ-макароническихъ стиховъ („смѣсь французскаго съ нижегородскимъ“), въ томъ числѣ знаменитыхъ „сенсацій и замѣчаній г-жи Курдюковой за границей“. Мятлевъ написалъ Л—ву отвѣтъ: „Мадамъ Курдюкова Лермонтову“. (См. „Русская Старина“, 1893, кн. IX).

393. Изъ альбома.

Впервые напеч. въ „Русской Бесѣдѣ“ 1841, II, стр. 1. Стих. было написано въ альбомѣ С. Н. Карамзиной (1802 1856), дочери исторіографа, къ которой былъ очень привязанъ Л—въ. Домъ Карамзиныхъ былъ въ 30—40-хъ гг. однимъ изъ лучшихъ литературныхъ салоновъ въ Петербургѣ. Объ „Ишкѣ Метлевѣ“ см. выше, примѣчаніе къ стих. № 392. Смирнова—Александра Осиповна (см. стих. № 389). Саша—Александра Николаевна Карамзина.

394. Гр. Ростопчиной.

Впервые напеч. въ „Русской Бесѣдѣ“. 1841, II, стр. 1. Относится къ гр. Е. П. Ростопчиной, извѣстной поэтессѣ. См. ея воспоминанія о Л—вѣ въ VI томѣ нашего изданія.

395. Завѣщаніе.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“, 1841, т. XIV, кн. 2, стр. 157—158.

396. Есть рѣчи—значенье.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1841, т. XIV, кн. 1, стр. 2. Автографъ Лерм. музея (XV, 22). Въ альманахѣ „Вчера и Сегодня" (II, 168) оно напеч. въ другой редакціи, подъ названіемъ „Волшебные звуки":

Есть рѣчи—значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.
Какъ полны ихъ звуки
Тоскою желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья...
Ихъ краткимъ привѣтомъ,
Едва онъ домчится,
Какъ Божіимъ свѣтомъ,
Душа озарится.
Средь шума мірскова
И гдѣ я ни буду,
Я сердцемъ то слово
Узнаю повсюду;
Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу,
И брошусь изъ битвы
Ему я навстрѣчу.
Надежды въ нихъ дышатъ,
И жизнь въ нихъ играетъ,—
Ихъ многіе слышатъ,
Одинъ понимаетъ.
Лишь сердца роднова
Коснутся въ дни муки
Волшебнаго слова
Цѣлебные звуки;
Душа ихъ съ моленьемъ,
Какъ ангела, встрѣтитъ,
И долгимъ біеньемъ
Имъ сердце отвѣтитъ.

397. A madame Hommaire de Hell (стр. 298).

Впервые напеч. въ „Русск. Арх." 1887 г., № 9, стр. 135—36. Гоммеръ де-Гелль—жена французскаго консула въ Одессѣ, поэтесса, авторъ соч. „Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale" [1]).

Русскій переводъ П. Мартьянова — въ „Истор. Вѣстн." 1883 г., кн. XII, 847.

У склона дороги, къ березкѣ опалой,
Согбенной въ порѣ увяданья,
Съ надеждой на встрѣчу, сажусь я, усталый,
Подъ жгучія вѣтра лобзанья,
И внемлю, любуясь зарей блѣдноалой,
Могучимъ глаголамъ молчанья.
Смотрю, въ отдаленьи какъ будто мелькнула
Тѣнь женщины милой нежданно,
Подходитъ, склонилась, о счастьи шепнула,
О страсти и нѣгѣ желанной,—
Тепломъ, ароматомъ на душу пахнула
И скрылася въ дымкѣ туманной.
Степь дремлетъ, лишь вѣтеръ, съ утесистой кручи
Срываясь, въ долинѣ рѣзвится,
Взвивается пыль надъ дорогою тучей,
И клубомъ листъ палый кружится,
Да въ рытвинѣ змѣйка подъ травкой пахучей
Безшумно скользитъ и таится.
Печальный и грустный, объятый тоскою,
Заснулъ я въ травѣ сиротливо,
Вдругъ слышу какъ-будто шаги за собою,—
Я вздрогнулъ, проснулся,—о диво!
Склоняется робко она надо мною,
Чуть ножкой касаясь стыдливо.

[1]) Воспоминанія о ней и ея знакомствѣ съ Л—вымъ см. въ VI томѣ нашего изданія.

398. Валерикъ.

Впервые напеч. въ „Утренней Зарѣ“ 1843, стр. 66—77. Автографъ Лерм. музея. Черновые варіанты:

1. Я къ вамъ пишу, не странно ль, право!
3. И (А) кто мнѣ далъ на это право.
7. Притомъ вамъ это все равно.
8. Конечно, знать вамъ нѣту нужды.
10. Душою (ужъ) мы другъ другу чужды.
12. И ихъ, какъ критикъ, разбирая.
17. Такъ долго предъ самимъ собой.
21. Гдѣ нынче ждать любви заочной.
24. Но (Ну) какъ же бъ васъ забыть я могъ!
30. Влачилъ напрасно много лѣтъ,
31. И въ размышленіи холодномъ
32. Топилъ напрасно жизни цвѣтъ
(Убилъ я лучшій въ жизни цвѣтъ).
39. Одно, другое ль наказанье?
40. Не все ль равно?.. Я жизнь постигъ.
42. За все я молча благодаренъ,
43. У неба счастья не прошу.
53. Воображенью нѣтъ простора.
56. И дремлешь подъ густою тѣнью.
61. Подъ тѣнью пушекъ спитъ прислуга.
69. Какъ мы дрались, какъ мы ихъ били.
73. Мирной татаринъ нашъ сидитъ.
81. Порою выстрѣлъ раздается.
89. А гдѣ (Гдѣ же) такой-то капитанъ?
93-94. Встаютъ сверкая батальоны,
Цѣпь потянулась (цѣпь натянули); казаки...
95. Гремятъ орудья.
99. Вотъ показалися значки.
101. А тамъ въ чалмѣ одинъ мюридъ.
106. И (А) вотъ сейчасъ... Вотъ въ шапкѣ черной.
109. Вотъ близко... Виденъ легкій дымъ.
112. Впередъ—намъ... (и передъ нами перестрѣлка).
117. Какъ на балетъ столичной сцены.
123. Лазурно темный сводъ небесъ.

Послѣ 123 зачеркнуто:
И шли мы въ тишинѣ глубокой.
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокой,—
Чечня возстала вся кругомъ.
У насъ двухъ тысячъ подъ ружьемъ
Не набралось бы. Слава Богу,
Выходитъ изъ кустовъ обозъ.
Въ цѣпи стрѣльба, но началось
И въ арьергардѣ понемногу.
Вотъ жарче, жарче... Крикъ!.. Глядимъ:
Ужъ тащатъ одного,—за нимъ
Другихъ... и много... ружья носятъ
И кличутъ громко лѣкарей!
Ужь имъ невмочь—подмоги просятъ;
А нашихъ тамъ порядкомъ косятъ...
„Сюда, орудія, скорѣй!

Картечи!“ Тихо развернулся
Межъ тѣмъ въ полянѣ весь отрядъ.
Кругомъ зеленый лѣсъ замкнулся,
Дымится весь... Свистятъ, жужжатъ
Надъ нами пули. Передъ нами
Оврагъ, рѣка, по берегамъ
Валежникъ, бревна здѣсь и тамъ,—
Но ни души... Кусты вѣтвями
Сплелись... Мы ближе подошли,
Орудій восемь навели
На деревá, въ оврагъ, безъ цѣли...
Гранаты глухо загудѣли
И лопнули... Отвѣта нѣтъ...
Мы ближе... Что за притча, право?
Вотъ отъ ружья какъ будто свѣтъ,
Вотъ кто-то выбѣжалъ направо,
Мелькнулъ и скрылся врагъ лукавой...
Мы снова (тихо) тронулись впередъ,
Пославши выстрѣлъ имъ прощальный.
И ружей вдругъ изъ семисотъ (пятисотъ)
Осыпалъ насъ огонь батальный,
И затрещало... По бокамъ,
И впереди, и позади, и здѣсь, и тамъ,
Валятся (наши вверхъ ногами) цѣлыми рядами
Второй и третій (Въ штыки направо) батальонъ.
(Въ штыки налѣво)...
Какъ птицъ, насъ бьютъ со всѣхъ сторонъ.
„Въ штыки налѣво! съ двухъ сторонъ
Въ штыки, дружнѣе...
Не мѣшкать, братцы! молодцами!“
Кровь загорѣлася въ груди...
127. Въ чечню сходились удальцы.
(Въ чечню стекалась молодежь).
129. Дымились маяки кругомъ.
Послѣ 136. зачеркнуто:
Цѣпь въ арьергардѣ изрубили.
137. Чу! въ арьергардѣ пушку просятъ;
138. И многихъ тащатъ, ружья носятъ.
(Вотъ ружья изъ кустовъ носятъ).
145. Все тихо... Вотъ между кустовъ.
153. Насъ всѣхъ сковало ожиданье.
Послѣ 153 зачеркнуто:
Какъ передъ бурей тишина.
Вдругъ залпъ... И цѣлыми рядами
У насъ попадали... Полки—
Народъ испытанный... „Въ штыки,
Впередъ, дружнѣе“!..
155. Въ рукоп.: „Но этомъ странномъ ожиданьѣ“.
163. Верхомъ несется на завалы.
170. И рѣчку трупы запрудили.
Послѣ 174 зачеркнуто:
Тогда на самомъ мѣстѣ сѣчи,
У батареи я прилегъ,
Безъ силъ и чувствъ; я изнемогъ.
(Тогда, довольно равнодушно

На батареѣ я прилегъ.
Признаться вамъ, я изнемогъ,
Хотѣлось спать и было душно).
Но слышалъ, какъ просилъ картечи
Артиллеристъ. Онъ приберегъ
Одинъ зарядъ на крайній случай.
Ужъ раза три чеченцы тучей
Кидались шашки на-голо.
Прикрытье все почти легло.
Я слушалъ очень равнодушно...
(Лежа равнодушно)...
Хотѣлось спать и было душно.
Межъ тѣмъ товарищей, друзей
Со вздохомъ возлѣ называли;
Но не нашелъ въ душѣ моей
Я сожалѣнья, ни печали.
(Межъ тѣмъ) Уже затихло все; тѣла
(Солдатъ) Изрубленныхъ
(Нагія грудами лежали) Стащили въ кучу.
(Огромной кучей) Кровь текла
Струею дымной по каменьямъ.
После 220 зачеркнуто:
Какъ звѣрь, онъ жаденъ, дикъ и злобенъ,
Къ любви и счастью неспособенъ!
Пускай же гибнетъ, по дѣломъ!
И стало мнѣ смѣшно потомъ...
Я подозвалъ къ себѣ чеченца.
233. А сколько было ихъ примѣрно?
234. Да было тысячъ до семи.
241. Но я наскучилъ вамъ... Довольно
Спокойна совѣсть у меня.
242. Въ тревогахъ свѣта вамъ смѣшны
243. Тревоги дальныя войны.
245. Печальной думой о концѣ.
247-252. Не разберешь слѣдовъ печали
Или страстей, и вы едва ли
Хоть разъ когда-нибудь видали,
Какъ умираютъ. Дай вамъ Богъ
И не видать. Въ самозабвеньи...
256. Прощайте! если только васъ...
259 Я буду счастливъ; ежель нѣтъ...

Сраженіе съ горцами при Валерикѣ происходило 11 іюля 1840 г. А. А. Лопухину Л—въ писалъ: „у насъ были каждый день дѣла, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часовъ сряду. Насъ было всего двѣ тысячи пѣхоты, а ихъ до 6-ти тысячъ; и все время дрались штыками. У насъ убыло 30 офицеровъ, 300 рядовыхъ, а ихъ 600 тѣлъ осталось на мѣстѣ—кажется, хорошо! Вообрази себѣ, что въ оврагѣ, гдѣ была потѣха, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью“.

399. Послѣднее новоселье.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1841, т. XVI, кн. 5, стр. 1—2. Автографы Лерм. музея (IX, 18) и Публ. Библ. Написано по поводу перенесенія праха Наполеона съ острова Св. Елены въ Парижъ. Черновые варіанты:

2. И криковъ праздничныхъ встрѣчаетъ хладный прахъ.
4. Въ странѣ чужой, неволѣ и цѣпяхъ.
10. Узнавъ тщеславіе сихъ праздничныхъ заботъ.
15. Съ насмѣшкой глупою, среди пустыхъ волненій.
17. Изъ славы сдѣлалъ ты продажную игрушку.
21. Ты погибалъ—и Онъ явился, посланъ богомъ,
22. И безсознательно былъ признанъ Онъ вождемъ.
24. И много славныхъ лѣтъ, подъ гордою державой.
34. Когда въ степяхъ чужихъ Онъ гордо погибалъ.
37. Среди послѣднихъ битвъ мучительныхъ усилій.
44. Вы сына продали врагамъ.
60. Останки грозные кладутъ.
62. И у подножія побѣднаго столпа.
64. Предъ Нимъ блѣднѣвшая толпа.
70. Съ гробницей темною, гдѣ прахъ Его лежитъ.
73. Какъ будетъ Онъ жалѣть по островѣ далекомъ.
74. Подъ знойнымъ солнцемъ южныхъ странъ,
75. Гдѣ сторожилъ его (своимъ зеленымъ окомъ), какъ онъ неутомимый.

400. Мцыри.

Впервые напеч. въ стихотв. 1840 г. Автографъ Лерм. музея (XIII). Въ рукописи помѣта „5 августа 1839 г.“, заглавіе „Бэри“ (съ примѣчаніемъ: „Бэри по-грузински: монахъ“) и зачеркнутый эпиграфъ: „On n'a qu'une seule patrie“. Черновые варіанты:

Послѣ 12. Кто умеръ, кто къ земнымъ страстямъ
Вернулся вновь. И нынѣ тамъ...
13. Одинъ старикъ изъ братьи той.
31. Болѣзнь; безъ жалобы и слезъ,
Онъ только пищу отвергалъ
32. (Онъ былъ не старѣ лѣтъ шести).
33. И молча, гордо умиралъ.
36. Его отцовъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ.
45. Усердьемъ иноковъ спасенъ.
47. Сначала онъ дичился всѣхъ.
71-75. Тогда одинъ святой чернецъ
Уговорилъ его сорвать
(Его признанья услыхалъ.
Услышалъ исповѣдь его)
Молчанья гордую печать.
(Желанья сердца своего,
Мечты, погибшія съ тоской,
Какъ онъ томился и страдалъ);
И сердце, сжатое (полное) тоской,
Предъ смертью высказалъ больной
(Все разсказалъ ему больной).
Старикъ, качая головой,
Ему внималъ: понять не могъ
Онъ этихъ жалобъ и тревогъ,
И рѣчью хладною не разъ
Онъ прерывалъ его разсказъ.
78-81. Не понимаю, что была
У васъ за мысль? Мои дѣла.
Послѣ 83. И еслибъ могъ я эту грудь
Передъ тобою распахнуть,

Ты, вѣрно, не нашелъ бы въ ней
Слѣдовъ порока и страстей.
(Ты не нашелъ бы въ ней слѣдовъ
Пороковъ низкихъ и грѣховъ).
Одна лишь страсть владѣла мной,
Ее предъ небомъ и землей
Я признаю...
Какъ быть? я мало зналъ людей.
39. Я въ жизни зналъ лишь страсть одну,
И съ ней въ могилѣ я засну,—
Не разлучили люди насъ
Не разлучитъ и смертный часъ.
(Я зналъ одну лишь только страсть,
Ея мучительная власть
Мой умъ тревожила и жгла).
91. И душу грызла мнѣ и жгла.
93. Отъ мрака келій и молитвъ
94. Въ тотъ чудный міръ страстей (тревогъ) и битвъ,
95. Подъ тѣнь заоблачной скалы.
97. И эту страсть въ груди моей
98. Вскормилъ я въ тишинѣ ночей.
99-101. Она терзала грудь мою,
Но я безумный все люблю
Подругу дикую мою.
Послѣ 101. Когда бъ я былъ хоть вольный звѣрь,
Я не томился бъ, какъ теперь,
Души болѣзнію нѣмой,
Я бъ отыскалъ врага и бой,
Я бъ разомъ умеръ не грустя,
Судьбѣ покорный, какъ дитя.
102—106. Не знаю, гдѣ я былъ рожденъ,
Порой лишь помню я, какъ сонъ,
Громады горъ крутыхъ, сѣдыхъ,
И тучи, спящія на нихъ.
Я слышалъ: люди говорятъ,
Что я тобой ребенкомъ взятъ
И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ.
Послѣ 107. Безъ игръ и ласки, одинокъ,
Грозой оторванный листокъ.
108. Никто мнѣ здѣсь не могъ сказать.
118. О, сколько горькихъ, горькихъ слезъ
119. Я пролилъ. Сколько произнесъ
120. Ужасныхъ клятвъ когда-нибудь...
124. Увы, старикъ, мечтанья тѣ.
Послѣ 224. Бѣжать, и ждалъ, въ груди тая
Свою надежду. Въ страшный часъ.
367. Что мысли пылкія мои.
446. Ты знаешь, въ дѣтскіе года.
474. Что могъ бы слыть въ краю родномъ
475. Я не послѣднимъ удальцомъ.
476—480. Я ждалъ недолго. Онъ душой
Узналъ врага во тьмѣ ночной,
Онъ лапой началъ рыть песокъ.
505. Казалось, самъ я былъ рожденъ.
513. Но сталъ ужъ барсъ изнемогать.

528. Но я тогда о нихъ забылъ.
После 542 Тотъ край казался мнѣ знакомъ...
И страшно, страшно стало мнѣ!...
Вотъ снова мѣрный въ тишинѣ
Раздался звукъ... И въ этотъ разъ
Я понялъ смыслъ его тотчасъ:
То былъ предвѣстникъ похоронъ,
Большова колокола звонъ.
И слушалъ я безъ думъ, безъ силъ:
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца, будто кто-нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
[О, Боже! думалъ я,—зачѣмъ
Ты далъ мнѣ то, что далъ ты всѣмъ—
И крѣпость силъ и мысли власть,
Желанья (надежды), молодость и страсть?
Зачѣмъ ты умъ наполнилъ мой
(Зачѣмъ вложилъ ты въ душу мнѣ)
(Любовь) Неутолимою тоской
По дикой волѣ? Почему
Ты на землѣ мнѣ одному
Далъ вмѣсто родины тюрьму?
Ты не хотѣлъ меня спасти!
Ты мнѣ желаннаго пути
Не указалъ во тьмѣ ночной...
И нынѣ я—какъ волкъ ручной...
Такъ я роптал. То былъ, старикъ,
Отчаянья безумный крикъ,
Страданьемъ вынужденный стонъ...
Скажи, вѣдь буду я прощенъ?
Я былъ обманутъ въ первый разъ!
До сей минуты каждый часъ
Надежду темную дарилъ:
Молился я, и ждалъ, и жилъ.
И вдругъ унылой чередой
Дни дѣтства встали предо мной.
И вспомнилъ я вашъ темный храмъ,
И вдоль по треснувшимъ стѣнамъ
Изображенія святыхъ
Твоей земли. Какъ взоры ихъ
Слѣдили медленно за мной
Съ угрозой мрачной и нѣмой!
И на рѣшотчатомъ окнѣ
Играло солнце въ вышинѣ...
О, какъ туда хотѣлось мнѣ,
Отъ мрака кельи и молитвъ,
Въ тотъ чудный міръ страстей и битвъ...
Я слезы горькія глоталъ
И дѣтскій голосъ мой дрожалъ,
Когда я пѣлъ хвалу тому,
Кто на землѣ мнѣ одному
Далъ вмѣсто родины—тюрьму...
549. Такъ много думалъ и страдалъ.
560. Вдругъ отдаленный, мѣрный звонъ.
564—567. Въ туманный ранній (сладкій) утра часъ

Меня будилъ онъ столько разъ
(Тревожилъ онъ не разъ)
И уносилъ живые сны
Про горе милой стороны,
Про ласки ближнихъ и родныхъ,
Про вольность дикую степей.
575. О! я узналъ тотъ вѣщій звонъ:
Къ нему былъ съ дѣтства пріученъ
Мой слухъ. И понялъ я тогда.
Послѣ 577. И быстро духомъ я упалъ.
Мнѣ стало холодно.—Кинжалъ,
Вонзаясь въ сердце, говорятъ,
Такъ въ жилахъ разливаетъ хладъ!..
Я презиралъ себя. Я былъ
Для слезъ и бѣшенства безъ силъ;
Я съ темнымъ ужасомъ въ тотъ мигъ
(И свѣтлой мыслью въ этотъ мигъ)
Свое ничтожество постигъ,
И задушилъ въ груди моей
Слѣды (желаній) надежды и страстей,
Какъ душитъ оскорбленный змѣй
Своихъ трепещущихъ дѣтей...
—Скажи: я слабою душой
Не заслужилъ ли жребій свой?...
(И мысленно простился я
Съ тобой, далекая (завѣтная) земля,
Земной Эдемъ души моей)!...
579. Могучій конь среди степей.
581. Къ себѣ домой изъ далека.
585. То жаръ безсильный (безумный) и пустой.
591. И долго онъ листовъ младыхъ.
633. Обитель наша на одной
634. Сверкала бѣлою стѣной.
Послѣ 659. Я въ чудный міръ былъ унесенъ.
О! еслибъ смерть—такой же сонъ!...
687. О, милый другъ! не утаю.
Послѣ 690. Но скоро вихорь новыхъ грезъ
Далече мысль мою унесъ;
И предъ собой увидѣлъ я
Большую степь. Ея края
Тонули въ пасмурной дали,
И облака по небу шли
Косматой, бурною толпой
Съ невыразимой быстротой:
Въ пустынѣ мчится не быстрѣй
Табунъ испуганныхъ коней.
И вотъ я слышу: степь гудитъ,
Какъ будто тысячу копытъ
О землю ударялись вдругъ.
Гляжу съ боязнію вокругъ,
И вижу: кто то на конѣ,
Взвивая прахъ, летитъ ко мнѣ;
За нимъ другой, и цѣлый рядъ...
Ихъ бранный чуденъ былъ нарядъ:
На каждомъ былъ стальной шеломъ

Обернутъ бѣлымъ башлыкомъ,
И подъ кольчугою надѣтъ
На каждомъ красный былъ бешметъ,
Сверкали гордо ихъ глаза;
И съ дикимъ свистомъ, какъ гроза,
Они промчались близъ меня.
И каждый, наклонясь съ коня,
Кидалъ презрѣнья полный взглядъ
На мой монашескій нарядъ
И съ громкимъ смѣхомъ исчезалъ...
Томимъ стыдомъ, я чуть дышалъ,
На сердцѣ былъ тоски свинецъ...
Послѣдній ѣхалъ мой отецъ.
И вотъ кипучаго коня
Онъ осадилъ противъ меня
И, тихо приподнявъ башлыкъ,
Открылъ знакомый, блѣдный ликъ:
Осенней ночи былъ грустнѣй
Недвижный взоръ его очей;
Онъ улыбался—но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ!
И сталъ онъ звать меня съ собой,
Маня могучею рукой;
Но я какъ будто бы приросъ
Къ сырой землѣ; безъ думъ (словъ), безъ слезъ,
Безъ чувствъ (думъ), безъ воли я стоялъ
И ничего не отвѣчалъ.
698. Тутъ я безъ чувства былъ найденъ.
702. Но, признаюсь, меня одно печалитъ.
735. Сіяньемъ золотова дня.

Срв. „Исповѣдь“ и „Бояринъ Орша“, изъ которыхъ въ эту поэму перенесенъ рядъ стиховъ.

401. Отчизна.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1841, т. XV, кн. 4, стр. 283 (заглавіе—„Родина“). Варіанты:

8. Ея степей холодное молчанье.
9. Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье.
12. И взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь.
16. Въ степи кочующій обозъ.

Въ этомъ стихотвореніи видно нѣкоторое вліяніе „Евгенія Онѣгина“ („Иныя нужны мнѣ картины“... и пр.).

402. Оправданіе.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1841, т. XV, кн. 3, стр. 44.

403. Договоръ.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1842, т. XXI, кн. 3, стр. 1 -2. Автографъ Лерм. музея (XV, 23).

404. Ты помнишь ли.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1842, т. XXI, кн. 3, стр. 201.

405. Не плачь.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1843, т. XXVIII, кн. 6, стр. 195.

406. Это случилось.

Впервые напеч. въ альманахѣ „Вчера и Сегодня", I, стр. 92—93 (срв. „Библ. Зап." 1859, II, № 1, стр. 20).

407. Видъ горъ изъ степей Козлова.

Впервые напеч. въ альманахѣ „Вчера и Сегодня", II, стр. 153—4 (срв. „Библiогр. Зап." 1859, II, № 1, стр. 21). Варiантъ:

9. Вотъ мѣсяцъ небо озарилъ.

Переводъ изъ „Крымскихъ сонетовъ" Мицкевича, котораго вообще усиленно переводили у насъ въ 20—30-ыхъ годахъ. Козловъ—теперь Евпаторiя.

408. А. Г. Хомутовой.

Впервые напеч. въ „Молодикѣ" 1844, стр. 10 (срв. „Русскiй Архивъ" 1867, VII, стр. 1051). Анна Григорьевна Хомутова (1784—1856)—двоюродная сестра И. И. Козлова, „поэта-слѣпца". По словамъ Розе („Русскiй Архивъ" 1867, VII, 1049), это стихотворенiе „написано Л—вымъ, когда онъ узналъ, въ 30-ыхъ годахъ, случайно изъ оживленнаго разсказа самого Козлова о встрѣчѣ послѣдняго, послѣ двадцатилѣтней разлуки, съ другомъ молодости, А. Г. Хомутовой".

409. Эпиграмма.

Впервые напеч. въ „Библ. Зап." 1861, т. III, № 18, стр, 556. Направлена противъ О. И. Сенковскаго, „барона Брамбеуса", литературнаго врага Краевскаго, съ которымъ Л—въ былъ тогда друженъ.

410. Прощай, немытая Россiя.

Впервые напеч. въ „Русской Старинѣ" 1887, XII, 738—739. Въ „Русскомъ Архивѣ" 1890, XI, 375 варiанты:

4. И ты, имъ преданный народъ.
5. Быть можетъ, за стѣной Кавказа
6. Укроюсь отъ твоихъ вождей.

Варiантъ въ копiи Лерм. музея:

6. Твоихъ царей.

Это стихотворенiе написано передъ ссылкой на Кавказъ и направлено противъ шефа жандармовъ гр. Бенкендорфа, который сначала защищалъ Л—ва, а затѣмъ, увидѣвъ неблагосклонное отношенiе къ нему высшихъ сферъ, началъ всячески преслѣдовать поэта. По довольно достовѣрнымъ преданiямъ ненависть Николая I къ Л—ву была вызвана допущенною имъ, во время одного изъ маскарадовъ, нѣкоторою вольностью по отношенiю къ одной изъ великихъ княженъ и его демонстративнымъ появленiемъ на балѣ сейчасъ же по возвращенiи изъ ссылки. Послѣ смерти М. Ю. императоръ, будто бы, сказалъ: „собакѣ—собачья смерть"...

411. Je l'attends.

Впервые напеч. въ „Рус. Старинѣ“ 1887, V, 405 406; XII, 735 736 (срв. „Русскій Архивъ“ 1887, IX, 135—136). Автографъ Публ. Библ. Передѣлка стих. „A madame Hommaire de Hell“.

412. Споръ.

Впервые напеч. въ „Москвитянинѣ“ 1841, III, № 6, стр. 291—294. Автографъ Публич. Библ. Черновые варіанты:

4. Шелъ великій споръ.
9. Онъ настроитъ тѣсныхъ келій.
11. Въ дымной мглѣ твоихъ ущелій.
21—22. Берегися, первый труденъ
Только былъ скачокъ.
Первый шагъ побѣды труденъ,
И хоть ты высокъ.
Знай, что первый шагъ одинъ лишь труденъ,
И хоть ты высокъ...
28. Ужъ десятый вѣкъ.
37. Тамъ вокругъ Ерусалима.
41. Тамъ напрасно, жадный тѣни,
42. Моетъ вѣчный Нилъ.
51. Нѣтъ! не старому востоку.
70. Какъ въ степи ковыль.
71. Скачутъ легкіе уланы.
Скачутъ съ пиками уланы.
77. Батареи грознымъ строемъ
78. Между нихъ (позади) гремятъ.
79. Чуть дымясь, какъ передъ боемъ.
Наготовѣ передъ боемъ.
81. И, испытанный волненьемъ.
83. Движетъ ихъ, грозя очами.
89. И тяжелой полонъ думой.
И надменной полонъ думой.
90. Полонъ гордыхъ сновъ.
93. На прощанье онъ окинулъ.
Мрачнымъ взглядомъ онъ окинулъ.

413. Сонъ.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1843 г., т. XXVII, кн. 4, стр. 183. Автографъ Публич. Библ. Черновые варіанты:

1. Мнѣ снилась разъ долина Дагестана:
2. Въ долинѣ той лежалъ недвижимъ я,
3. Въ моей груди была живая рана,
4. Текла, дымясь, по каплѣ кровь моя.
6. Громады скалъ тѣснилися кругомъ.
9. Но я смотрѣлъ духовными очами
10. На свѣтлый пиръ въ далекой сторонѣ
(Роскошный пиръ въ родимой сторонѣ).
11. Межъ юныхъ женъ, украшенныхъ цвѣтами.
15. И въ черный сонъ душа ея млодая
16. Таинственно была погружена.

17. И снилась ей песчаная поляна;
18. И блѣдный трупъ, недвижный и нѣмой
(И блѣдный трупъ лежалъ въ полянѣ той).
20. И кровь текла хладѣющей струей.

По мало вѣроятному свидѣтельству генерала Шульца („Истор. Вѣстн". 1902, XI, 475—478; Градовскій, Итоги, 366—370; „Новое Время" 1908, № 11595), стихотвореніе это будто бы навѣяно его разсказомъ Л—ву о пережитыхъ имъ ужасахъ въ битвѣ подъ Ахульго, когда онъ лежалъ среди убитыхъ и раненыхъ. Шульцъ даже приводитъ первую редакцію „Сна", болѣе чѣмъ сомнительную по своему содержанію и структурѣ стиха. Столь же фантастиченъ разсказъ Сушковой-Хвостовой („Записки", стр. 153—156) о томъ, что ее „на балѣ, въ кругу блеска, золота, веселья" преслѣдовалъ „окровавленный, обезображенный" образъ поэта. Скорѣе всего оно находится въ тѣсной связи съ настойчивыми думами Л—ва о смерти и дѣйствительнымъ его сновидѣніемъ, очень характернымъ для его душевныхъ переживаній, въ которыхъ было столь много ненормальнаго.

414. Утесъ.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1843, т. XXVII, кн. 4, стр. 331. Автографъ Публ. Библ. Черновые варіанты:

1. Какъ однажды тучка золотая
2. На сѣдомъ утесѣ ночевала.

415. Они любили.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1843, т. XXXI, кн. 12, стр. 317. Автографъ Публ. Библ. Черновой набросокъ:

Они любили другъ друга такъ нѣжно,
Съ тоскою глубокой и страстью мятежной!
Но, какъ враги, опасалися (боялися) встрѣчи
(Но, какъ враги, все боялись желанной встрѣчи),
И были пусты и хладны ихъ рѣчи.
Они разстались въ безмолвномъ страданьѣ,
И милый образъ во снѣ лишь видали
(И только (лишь) во снѣ другъ друга видали).
Но смерть пришла; имъ настало свиданье
(И смерть пришла и за гробомъ свиданье)...
И что жъ? другъ друга они не узнали
(Но тамъ другъ друга они не узнали).

Передѣлка стихотворенія Гейне (въ „Книгѣ пѣсенъ").

416. Тамара.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1843, т. XXVII, кн. 4, стр. 229—230. Автографъ Публ. Библ. Черновые варіанты:

3. Высокая башня стояла.
5. Въ той башнѣ старинной (угрюмой, зубчатой) и тѣсной.
10. Сверкалъ (горѣлъ) огонекъ золотой.
12. И звалъ онъ на отдыхъ ночной.
30. Сто юношей буйныхъ и женъ.
32. Иль праздникъ большихъ похоронъ.
34. Кидало свой лучъ по скаламъ.
35. Глубокое смерти молчанье.

38. Кипя и сверкая бѣжалъ.
41. И съ воплемъ безгласное тѣло.
45. Такъ нѣжно казалось прощанье.

Царица Тамара—любимая героиня кавказскихъ народныхъ преданій, которыя изображаютъ ее красавицей-воительницей или „облеченной въ свѣтоносныя ризы, сіяющей, какъ Божія Матерь". Л—въ придалъ ей черты легендарной княжны Дарьи, замокъ которой находился въ Дарьяльскомъ ущельѣ: она завлекала путниковъ своей любовью и затѣмъ топила ихъ въ Терекѣ. Срв. „Египетскія ночи" Пушкина.

417. Свиданіе.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1844, т. XXXII, кн. 1, стр. 198—200. Автографъ Публ. Библ. Черновые варіанты:

9. И бродятъ сны-мучители.
28. Надъ кровлями торчатъ.
81. Пусть (какъ) грудь моя колышется!

418. Дубовый листокъ.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1843, т. XXVIII, кн. 6, стр. 193. Автографъ Публ. Библ. Черновые варіанты:

1. Зеленый листокъ (листокъ молодой) оторвался отъ вѣтки родимой
2. И въ даль укатился, холодною бурей гонимый.
10. Прижался—и проситъ, и молитъ съ тоскою глубокой.
16. Тебѣ разскажу я, что видѣлъ въ пустыняхъ далекихъ.

419. Морская царевна.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1843, т. XXVIII, кн. 5, стр. 23—25. Автографъ Публ. Библ. Черновые варіанты:

27. Хвостъ, какъ змѣя, весь покрытъ чешуей,
28. Бьетъ, замирая, песокъ золотой.

420. Пророкъ.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1844, т. XXXII, кн. 1, стр. 197. Автографъ Публ. Библ. Черновые варіанты:

3. Въ глазахъ людей читаю я.
7. Въ меня всѣ близкіе мои.
13. Завѣтъ Всевышняго храня.
18. Я пробираюсь потаенно.
19. То, слышу, дѣтямъ говорятъ
20. Отцы съ улыбкою надменной.

421. Выхожу одинъ я на дорогу.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1843, т. XXVII, кн. 4, стр. 332. Автографъ Публ. Библ. Черновые варіанты:

11. Я прошу свободы и покоя.
13. Но не мертвымъ, страшнымъ сномъ могилы.
14. Безпробудно я бъ хотѣлъ заснуть.
17. День и ночь чтобъ голосъ мой отрадный

18. Про любовь разсказывалъ и пѣлъ,
19. И чтобъ дубъ зеленый и прохладный
20. Надо мной склонялся и шумѣлъ.

По темѣ близко къ стих. Гейне „Der Tod, das ist die kühle Nacht“.

422. Нѣтъ, не тебя.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1843, т. XXVIII, кн. 6, стр. 194. Автографъ Публ. Библ. Черновые варіанты:

2. Не для меня красы твоей сіянье.
4. И молодость безумную мою.
7. Я увлеченъ отраднымъ разговоромъ.

По всей вѣроятности, относится къ гр. С. М. Сологубъ, урожд. гр. Віельгорской. Нѣкоторое вліяніе „Intermezzo“ Гейне.

423. Н. П. Верзилиной.

Впервые напеч. въ „Нивѣ“ 1885, № 7, стр. 167 (срв. „Рус. Обозр.“ 1891, IV, 708 и „Русская Мысль, 1890, XII, 80). Варіанты:

4—5. И букли назадъ?
На шейкѣ лежитъ
Платочекъ неровно.
4—7. И букли назадъ?
Платочекъ небрежно
Подъ шейкою нѣжной
Завязанъ узломъ.
Пропалъ мой Монго (Столыпинъ) потомъ!

Над. Петр. Верзилина—дочь генерала Верзилина, въ домѣ котораго произошло роковое столкновеніе Л—ва съ Мартыновымъ. Текстъ стих., сохранившійся въ разныхъ варіантахъ, былъ, вѣроятно, возстановленъ современниками поэта по памяти. Ссылка Э. А. Шанъ-Гирей на автографъ въ альбомѣ Н. П. пока не подтверждена („Русское Обозрѣніе“, 1891, апр., стр. 708).

424. Демонъ.

(Академическій и Висковатовскій тексты.)

Въ теченіе всей почти своей жизни Л—въ работалъ надъ „Демономъ“, но все же не успѣлъ придать своей любимой поэмѣ окончательной обработки. До насъ дошло нѣсколько первоначальныхъ набросковъ (съ пріуроченіемъ къ Испаніи, мнимой родинѣ предковъ Л—ва, и затѣмъ къ Кавказу), позднѣйшихъ редакцій, рядъ копій съ поправками Л—ва или списанныхъ съ его рукописи. Всѣ они значительно расходятся не только въ отдѣльныхъ стихахъ, но и въ существенныхъ подробностяхъ. Взаимныя отношенія отдѣльныхъ редакцій, ихъ хронологія до сихъ поръ еще возбуждаютъ много сомнѣній. Точно установленнаго текста „Демона“ мы не имѣемъ и, вѣроятно, не скоро получимъ его.

Мы даемъ два основныхъ текста—Академическій и Висковатовскій (первый—съ поправками). И тотъ и другой нуждаются въ оговоркахъ.

Академическое изданіе соч. Л—ва воспроизводитъ текстъ корректуры Краевскаго (для „Отечественныхъ Записокъ“ 1842 г.): Краевскій хотѣлъ напечатать поэму въ своемъ журналѣ, но цензура запретила ее. Редакторъ Академическаго изданія исходилъ изъ того соображенія, что еслибы не простая случайность въ видѣ цензурнаго запрещенія, то краеугольнымъ камнемъ всѣхъ дальнѣйшихъ из-

данiй „Демона“ послужили бы „Отеч. Записки“ за январь 1842 г. съ ихъ первопечатнымъ текстомъ.

Соображенiе это мало убѣдительно. Оно имѣло бы значенiе только въ томъ случаѣ, если бы рукописи „Демона“ совсѣмъ не сохранились и намъ пришлось бы считаться съ однимъ только „первопечатнымъ“ текстомъ. Разъ до насъ дошло нѣсколько автографовъ и копiй автографовъ, вопросъ не можетъ быть рѣшенъ такъ просто. Мы не знаемъ, насколько авторитетна рукопись, которою воспользовался Краевскiй, чѣмъ руководился онъ въ своихъ поправкахъ (съ ихъ характеромъ можно познакомиться по приложенному къ нашему изданiю факсимиле), насколько вообще повиненъ Л—въ въ томъ текстѣ, который собирался печатать редакторъ „Отеч. Зап.“ Д. И. Абрамовичъ внесъ кое-какiя поправки въ текстъ Краевскаго; Е. В. Аничковъ (Акад. извѣстiя, 1913, III) очень убѣдительно доказалъ, что этотъ текстъ далеко не совершенный, что въ немъ есть очевидныя опечатки и недоразумѣнiя. Опираясь на его прекрасное изслѣдованiе, мы внесли нѣсколько поправокъ въ Академическiй текстъ, наиболѣе существенныхъ. Отъ такихъ нелѣпостей, какъ „руины“ вмѣсто „раины“, „укротилъ“ вмѣсто „укратилъ“ и проч., давно уже пора освободиться изданiямъ сочиненiй Л—ва.

Висковатовскiй текстъ (будто бы послѣдняя редакцiя „Демона“) когда-то вызвалъ цѣлую полемическую бурю. На него яростно нападалъ Мартьяновъ, надъ нимъ болѣе сдержанно, но очень ядовито по существу издѣвался П. А. Ефремовъ. Намекали или открыто давали понять, что онъ—поддѣлка самого Висковатова или результатъ грубой мистификацiи. Собранное при Академiи Наукъ совѣщанiе высказалось неопредѣленно. Не думаемъ, чтобы Висковатовъ былъ способенъ на подлогъ; для толковъ о мистификацiи нѣтъ собственно никакихъ данныхъ. Отдѣльные стихи этого текста и намъ кажутся сомнительными, но пока нельзя считать вопросъ окончательно рѣшеннымъ. Въ виду этого мы рѣшились дать Висковатовскiй текстъ, но съ оговоркой, что подлинность его до сихъ поръ находится подъ сомнѣнiемъ.

Кромѣ двухъ основныхъ текстовъ и первоначальныхъ набросковъ (вмѣстѣ съ посвященiемъ), мы даемъ всѣ наиболѣе интересные варiанты разныхъ редакцiй. (варiанты—къ Академическому тексту):

2. Леталъ надъ хладною землей.
4. Предъ нимъ носилися толпой.
17. Не зналъ ни страха, ни сомнѣнья.
19. И не грозилъ душѣ его.
23. Въ пустынѣ мiра онъ блуждалъ.
Съ тѣхъ поръ отверженный блуждалъ.
Въ пространствѣ мiра онъ блуждалъ.
24. Давно безъ цѣли и прiюта.
Давно безъ цѣли, безъ прiюта.
33. И надъ вершиною Кавказа.
35. Предъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза.
40-41. И разъяренною тигрицей
Косматый Терекъ въ глубинѣ.
41. Съ косматой гривой на хребтѣ.
42. Ревѣлъ; и хищный звѣрь и птица,
43. Кружась въ лазурной высотѣ,
44. Глаголу волнъ его внимали.
50. Надъ нимъ склонилися главой.
Надъ нимъ склонились головой.
Надъ нимъ клонились головой.
57. Весь Божiй мiръ, но гордый духъ.
67. Столпообразныя руины (раины).
71. Поютъ красавицъ безотрадныхъ.

75. Ущелья, гдѣ палящимъ днемъ.
84. Грузинки пылкой, молодой.
Грузинки жаркой, молодой.
90. Онъ презиралъ иль ненавидѣлъ.
106. Звучитъ зурна, и пьются вина.
108. На брачный пиръ созвалъ онъ всю семью.
Вмѣсто 113-132. И вотъ Тамара молодая
Беретъ свой бубенъ расписной;
Въ ладони мѣрно ударяя,
Запѣли всѣ;—одной рукой
Кружа его надъ головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла міръ земной...
Ея узорною (летучею) повязкой
Играетъ вѣтеръ; какъ волна,
Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко,
Уста блѣднѣютъ и дрожатъ,
И жадной страсти полонъ взглядъ,
Какъ страсть, палящій и глубокій.
121. И влажный взоръ ея горитъ
122. Изъ-подъ развѣсистой рѣсницы.
129. И лучъ луны по влагѣ зыбкой.
138. Гарема пѣнистый фонтанъ.
140. Своей алмазною росой
141. Не омывалъ подобный станъ.
145. Съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишенъ былъ рая.
147. Подъ небомъ юга не цвѣла.
Вмѣсто 148-156. Увлечена летучей пляской,
Она забыла міръ земной.
Ея узорчатой повязкой
Играетъ вѣтеръ. Лишь порой
Темнили смутныя сомнѣнья
Ея небесныя черты.
Вмѣсто 148-156. На ней былъ свѣтлый отпечатокъ
Небесной родины людей,
Величья прежняго остатокъ,
Отливъ померкнувшихъ лучей.
Въ ней было то *полуземное*,
Что ищетъ сердце молодое
Въ пылу затѣйливой мечты.
149. Увы! на утро ожидала.
153. Отчизна чуждая понынѣ.
155. И часто тайное сомнѣнье.
И часто грустное сомнѣнье.
И часто грустныя сомнѣнья.
И часто мрачныя сомнѣнья.
156. Темнило свѣтлыя черты.
157. И были всѣ ея движенья.
159. Такъ полны чудной простоты.
Такъ полны милой красоты.
160. Что еслибъ врагъ небесъ и рая.
162. То прежнихъ братій вспоминая.
То прежній рай воспоминая,
Вмѣсто 166-170. Въ себѣ почувствовалъ, и вновь

Въ нѣмой души его пустыню
Проникла молніей любовь;
И онъ опять постигъ святыню
И міръ добра и красоты.
173. О прошломъ счастьи цѣпью длинной.
О прежнемъ счастьи цѣпью милой.
175. Предъ нимъ воскреснули тогда.
177. Онъ съ новой думой сталъ знакомъ.
Онъ вновь и съ грустью сталъ знакомъ.
178. Въ немъ сердце вновь заговорило.
Въ немъ чувство вдругъ заговорило.
179. Роднымъ, понятнымъ языкомъ.
Послѣ 179. Тогда, исполненный досады,
На этотъ мигъ живой отрады,
Быть можетъ, посланный Творцомъ,
Какъ бы страшася искушенья,
Духъ отрицанья и сомнѣнья
Закрылъ глаза своимъ крыломъ.
180. То былъ ли признакъ возрожденья.
181. Онъ словъ коварныхъ искушенья.
Онъ словъ покорныхъ въ утѣшенье.
Онъ словъ насмѣшки и презрѣнья.
181-182. Онъ подойти хотѣлъ—не могъ.
187. Спѣшилъ женихъ нетерпѣливый.
197. Ремнемъ затянутъ стройный станъ.
Ремнемъ затянутъ ловкій станъ.
198. Оправа шашки и кинжала.
203. Вся галуномъ обведена.
207. Безцѣнный, масти золотой,
208. Питомецъ нѣжный Карабаха,
209. Прядетъ ушми и полонъ страха.
Прядетъ ушами, полный страха.
210. Храпя, косится (и несется) съ крутизны.
212. Опасенъ, узокъ путь избранный.
219. Въ ней съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ.
228. Но презрѣлъ молодой женихъ.
241. Онъ въ битву кинулся, и выстрѣлъ снова.
243. Промчались въ тишинѣ долины.
246. И стихло все. Тѣснясь толпой.
248. Верблюды съ ужасомъ смотрѣли.
249. Чуть слышно въ тишинѣ ночной
250. Ихъ колокольчики гудѣли.
258. Покрыты бѣлыми чадрами.
262. Здѣсь у дороги, подъ скалою.
268. Порой усталый пѣшеходъ
269. Подъ Божьей сѣнью отдохнетъ.
271. Храпитъ и рвется будто въ брани.
273. Прислушивается къ вѣтерку.
277. Взмахнетъ растрепанною гривой.
278. Впередъ безъ памяти бѣжитъ.
281. Припавъ ко гривѣ головой.
283. Задвинулъ ноги въ стремена.
284. И кровь широкими ручьями.
286. Скакунъ надежный, господина.
290. Въ семьѣ Гудала плачъ и слезы.

292. Чей конь примчался запаленный (запыленный).
293-294. Кто блѣдный всадникъ у воротъ.
294. Кто блѣдный всадникъ бездыханный.
304. Увы! но никогда онъ снова.
308. Упала на скамью,
309. Рыдая, бѣдная Тамара.
316. Живой росинкой не падетъ.
319. Онъ далеко, онъ не услышитъ.
322. Безсмертный свѣтъ его очей.
Послѣ 342. Дѣти вольности воздушной,
Безъ желаній, безъ страстей,
Смотрятъ гордо, равнодушно
На волненія людей.
348. Долины ваши осѣнитъ.
352. Увядшей шелеснетъ травою.
373. Огонь по жиламъ пробѣжалъ.
377. Глаза усталые смежалъ.
377-378. Глаза усталые смежилъ,
Но мысль ея онъ возмутилъ.
379. Мечтой порочною и странной.
Мечтой пророческой и страстной.
386. То не былъ ангелъ, неба житель.
393. На день, на ночь, на міракъ, на свѣтъ.
394. Своей Тамары не брани.
Вмѣсто 398-413. Напрасно женихи толпою
Спѣшатъ сюда изъ дальнихъ мѣстъ...
Не мало въ Грузіи невѣстъ!
А мнѣ не быть ничьей женою!..
О, не брани, отецъ, меня!
Ты самъ замѣтилъ: день отъ дня
Я вяну, жертва злой отравы!
Меня терзаетъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой;
Я гибну, сжалься надо мной!
398. Напрасно женихи толпою
Спѣшатъ сюда изъ дальнихъ мѣстъ...
Не мало въ Грузіи невѣстъ,
А мнѣ не быть ничьей женою.
404. Меня смущаетъ духъ лукавый.
406. Въ тиши ночной меня смущаетъ.
Въ тѣни ночной меня смущаетъ.
Въ тиши ночей меня тревожитъ.
407. Толпа печальныхъ, страшныхъ сновъ.
406-408 Въ тиши ночной меня смущаютъ
Видѣнья пестрыхъ, странныхъ сновъ—
Молиться мнѣ не дозволяютъ.
409. Мысль далека отъ звука словъ.
415. Дочь безразсудную твою.
417. Предъ нимъ тоску я изолью,
427. Какъ подъ узорчатой парчей.
428. Все безпокойною мечтой.
431. Въ часы божественнаго пѣнья.
438—439. Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ манилъ,
Онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ.
444. Когда ложилась тѣнь въ ущельи,

445. Сквозь нихъ мерцала въ окнахъ кельи
446. Лампада схимницы младой (грѣшницы).
448. Гдѣ рядъ стоитъ кустовъ печальныхъ.
450. Слетались хоры легкихъ птицъ.
452. Ключи студеною водой.
454. Сливались дружески въ ущельи.
462. Зовутъ къ молитвѣ мущины (муэдзины).
465. Въ торжественный восхода часъ.
472. И въ часъ заката одѣвались.
478. Но полно. Съ думою преступной.
Вмѣсто 478—481. Но демонъ огненнымъ дыханьемъ
Тамары душу запятналъ,
И Божій міръ своимъ блистаньемъ
Восторга въ ней не пробуждалъ.
Страсть безотчетная, какъ тѣнью,
Жизнь осѣнила (оцѣпила) передъ ней.
Вмѣсто 478—481. Но въ схимницѣ своимъ блистаньемъ
Восторга міръ не пробуждалъ.
Полна тревожнымъ ожиданьемъ,
Вся предалась она мечтаньямъ,
Все передъ нею онъ стоялъ.
Страсть безотчетная, какъ тѣнью,
Жизнь осѣнила передъ ней.
482. И стало все предлогъ мученью.
И все ей въ немъ предлогъ мученью.
Ей стало все предлогъ мученью.
И все ей въ немъ предметъ мученью.
483. И утра лучъ и мракъ ночной.
488. И плачетъ; въ полночи молчаньѣ
489—490. Ея тяжелыя рыданья
Тревожатъ путника вниманье.
Послѣ 490. Сквозь шумъ далекаго ручья
И трель живую соловья.
Бывало, разбросавъ на плечи
Волну кудрей своихъ, она
Стоитъ безъ мысли, холодна,
И странныя (страстныя) лепечутъ рѣчи
Ея дрожащія уста.
Желанье грудь ея волнуетъ,
И чудный призракъ все (ей) рисуетъ
Предъ нею въ сумракѣ мечта.
491. И мыслитъ онъ: „то черный духъ“ (горный, гордый).
493. И чутко напрягая слухъ.
Послѣ 494. То думы радостной волна
Ее охватитъ, и былое
Встаетъ изъ мрака, какъ живое,
И ясныхъ сновъ душа полна.
Тѣснятся въ ней воспоминанья,
Изъ дѣтства ранняго сказанья
Родной и милой старины.
Ея тревожныя мечтанья
Опять къ *нему* обращены.
Вновь гость чудесный передъ нею
Съ челомъ развѣнчаннымъ стоялъ,
Онъ отъ нея спасенья ждалъ,

Любить и вѣровать не смѣя.
Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ молилъ,
Онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ...
498. И смотритъ въ даль прекраснымъ окомъ.
И смотритъ въ даль недвижнымъ окомъ.
И смотритъ въ даль прелестнымъ окомъ.
500. И сердце шепчетъ: онъ придетъ!
501. Не даромъ сны ей предвѣщали.
Не даромъ сны его ласкали.
503. Съ очами, полными печали.
504. И чудной пышностью рѣчей.
И чуждой нѣжности рѣчей.
507. Святымъ захочетъ помолиться.
Захочетъ ли она молиться.
Послѣ 508. Порою, разбросавъ на плечи
. . . .
. . . .
Предъ нею въ сумракѣ мечта,
512. И вдругъ вскочивъ, дрожитъ она.
513. Пылаютъ грудь ея и плечи.
517. Вечерней тьмы покровъ воздушный.
521. И долго, долго онъ не смѣлъ,
524. Когда, казалось, онъ готовъ
525. Оставить замыселъ жестокой
541. Вновь подѣлиться захотѣлъ.
Вновь повидаться прилетѣлъ.
544. Чтобъ усладить его томленье.
550. Слеза тяжелая катится.
Вмѣсто 563—573. Минуя образъ озаренный,
Проникнулъ въ келію смущенный
Духъ отверженія и зла,
И сталъ недвижимъ у порога
И, чуя вѣяніе Бога,
Не смѣя приподнять чела,
На грудь склонился головою,
Томимъ невѣдомой тоскою...
Но взоръ онъ поднялъ—ангелъ нѣжной,
Въ одеждѣ легкой бѣлоснѣжной,
Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
Хранитель схимницы прекрасной,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ.
Они невинны, чисты оба!
Онъ смотритъ—ненависть и злоба
Мгновенно пробудили страсть;
Исчезнулъ яркій рой мечтаній;
Вѣка вражды, вѣка страданій
Надъ нимъ свою явили власть.
566. Хранитель грѣшницы прекрасной.
567. Стоитъ съ блистающимъ челомъ.
Сидитъ съ блистающимъ челомъ.
571. Вдругъ осѣнилъ нечистый взоръ,
572. И вмѣсто мирнаго привѣта.
574. Духъ опасный, духъ порочный,
575. Кто звалъ тебя во тьмѣ ночной.

Вмѣсто 580—591. Оставь ее! межъ ней и мною
Не становись: она моя!
Мы связаны судьбой одною,
И ей, какъ мнѣ, не ты судья.
Подъ чарой ясной благостыни
Я счастье лучшихъ дней ловлю.
582. Злой духъ коварно улыбнулся,
583. Зажегся ревностію взглядъ,
584. И весь въ душѣ его проснулся.
Вмѣсто 586—593. Краса природы, совершенство,
Она моя, она моя!
Кто разорветъ мое блаженство,
Кто вырветъ дѣву у меня?
Пускай идутъ цари земные
Съ толпою воиновъ своихъ,
Несутъ снаряды боевые;
Я смѣлой грудью встрѣчу ихъ.
Они со всей земною силой
Ее не вырвутъ у меня!
Ее возьметъ одна могила...
Она моя, она моя!
Она моя! пускай возстанутъ
И адъ и небо на меня;
Пускай смерть въ очи грозно взглянетъ,—
Противъ всего отважусь я!
Пускай несутся милліоны
Крылатыхъ демоновъ въ огнѣ
И серафимовъ легіоны:
Они совсѣмъ не страшны мнѣ!
Въ ней жизнь моя и въ ней отрада!
Что мнѣ Архангелы и что мнѣ бѣсъ?
Я не страшусь ни козней ада,
Ни гнѣва страшнаго небесъ.
И что мнѣ Богъ!?... Его не знаю;
Не все святое для меня;
Ее одну я обожаю
Во всемъ пространствѣ бытія.
Пусть Богъ съ лазурнаго чертога
Сойдетъ меня съ ней разлучить,
Возстану я и противъ Бога,
Чтобы ее не уступить.
Я не убійца, не предатель,
Не дышитъ злобой грудь моя;
Но за нее и самъ Создатель
Затрепеталъ бы отъ меня!
Нѣтъ, нѣтъ ни вѣры, ни закона,
Ее бы мнѣ лишь сохранить,
Готовъ царей низвергнуть съ трона
И Бога въ небѣ сокрушить!
Она одна моя святыня,
Всѣхъ радостей моихъ чертогъ,
Мнѣ безъ нея весь міръ пустыня,
Она мой Богъ, она мой Богъ!... [1])

[1]) Вся эта вставка, несомнѣнно, не принадлежитъ Л—ву. Есть свѣдѣнія, что это — стихи Рылѣева.

588. Отнынѣ жить нельзя намъ розно.
591. Я положилъ печать свою.
593. Здѣсь я владѣю, я люблю.
Послѣ 593. Рѣшило небо нашу встрѣчу,
Любовь и торжество мое...
Не ты—предъ Богомъ я отвѣчу
И за себя и за нее.
597. Въ эѳирѣ неба утонулъ.
Послѣ 597. Тамара гордой рѣчи внемлетъ,
Чудесный страхъ ее объемлетъ:
Онъ передъ схимницей стоитъ,
Знакомой блещетъ красотою,
И утихающей грозою
Взоръ отуманенный блеститъ.
598. О! кто ты? рѣчь твоя ужасна.
602. Но молви, кто жъ ты?... отвѣчай!
Но кто ты, кто ты?... отвѣчай!
Но кто же, кто ты?... отвѣчай.
606. Чью грусть ты смутно отгоняла (*отгадала*).
Чью мысль ты смутно отгадала.
613. Я бичъ рабовъ моихъ земныхъ (*богъ*).
617. Тебѣ принесъ я въ умиленьи.
Вмѣсто 629—635. Когда я въ первый разъ увидѣлъ
Твой чудный, твой волшебный взоръ,
Я тайно вдругъ возненавидѣлъ
Мою свободу, какъ позоръ.
Своею властью недовольный,
Я позавидовалъ невольно
Неполнымъ радостямъ людей
(Неполной радости людской.)
637. Опять затеплился живѣй.
639. Зашевелилася, какъ змѣй.
Вдругъ шевельнулася, какъ змѣй.
Вдругъ шевельнулась, какъ змѣя.
640. Что безъ тебя теперь мнѣ вѣчность.

Послѣ 643. Тамара.

Зачѣмъ мнѣ знать твои печали,
Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
Ты согрѣшилъ!

Демонъ.

Противъ тебя ли?

Тамара.

Насъ могутъ слышать...

Демонъ.

Мы одни.

Тамара.

А Богъ?...

Демонъ.

На насъ не кинетъ взгляда:
Онъ занятъ небомъ, не землей.

Тамара.

А наказанья?... муки ада?...
647. Молиться... тайною отравой,
Молиться... пагубной отравой.
654. Съ своей преступной головы.
657. И адъ и рай въ твоихъ очахъ.
660. Всѣмъ упоеньемъ, всею страстью.
663. Твой образъ былъ запечатлѣнъ.
670. О, еслибъ ты могла познать,
671. Какое горькое мученье.
672. Всю жизнь вести безъ раздѣленья.
Всю жизнь влачить безъ раздѣленья.
Вся жизнь моя безъ раздѣленья.
Всю жизнь съ тоской безъ раздѣленья.
675. И за добро вознагражденья.
679. Всегда желать и не желать.
681. Все противъ воли ненавидѣть,
682. Все безотрадно презирать.
687. Сіяло предо мной пространство.
688. Я видѣлъ пышное убранство.
691. И что же?... прежняго собрата.
695. Ни словъ, ни лицъ, ни взоровъ злобныхъ.
700. Я былъ отвергнутъ; какъ Эдемъ,
701. Міръ для меня былъ глухъ и нѣмъ.
703. Какъ поврежденная ладья.
Какъ сокрушенная ладья.
Вмѣсто 712—729. Какъ часто на вершинѣ льдистой,
Одинъ межъ небомъ и землей,
Подъ кровомъ радуги огнистой
Сидѣлъ я мрачный и нѣмой...
И бѣлогривыя мятели,
Какъ львы, у ногъ моихъ ревѣли.
712. И я людьми не долго правилъ.
И я съ людьми не долго правилъ.
716. Надолго пламень чистой вѣры.
717. Легко навѣкъ затмилъ я въ нихъ.
Легко успѣлъ залить я въ нихъ.
718. А стоили трудовъ моихъ.
720. И скрылся я въ ущельи горъ,
721. И сталъ блуждать, какъ метеоръ.
723. И мчался ль путникъ одинокой.
И мчится ль путникъ одинокой.
725. Онъ въ бездну падая съ конемъ,
И въ бездну падаетъ съ конемъ,
727. За мной вился по крутизнѣ.
Послѣ 729. Какъ часто на вершинѣ льдистой...
. . . .
Какъ львы, у ногъ моихъ ревѣли.
734. Чтобы въ борьбѣ стихій мятежныхъ.
Чтобы въ толпѣ стихій мятежныхъ.
736. Отъ думъ спастися неизбѣжныхъ.
740. Грядущихъ и прежнихъ поколѣній.
745. Надежда есть—есть правый судъ.
Надежда ждетъ—есть правый судъ.

747. Моя жъ тоска безсмѣнно тутъ.
749. И не вздохнуть въ могилѣ ей.
751. То жжетъ и плещетъ, будто пламень.
То жжетъ и дышитъ, будто пламень,
752. То давитъ грудь мою, какъ камень.
753. Надеждъ несбывшихся, страстей.
Мечтаній прежнихъ и страстей.

После 754. Тамара.

Зачѣмъ мнѣ знать твои печали
. . . .

Тамара.

А наказанье?... Муки ада?...

Демонъ.

Такъ что жъ? ты будешь тамъ со мной!
757. Невольно я съ отравой тайной.
759. Но если рѣчь твоя опасна.
760. Но если ты, обманъ тая... (*то я*).
762. На что тебѣ душа моя?
763. Ужели, небо! я дороже.
Ужели я тебѣ дороже.
767. Не смято смертнаго рукой,
770. Ты видишь женскія мечты.
Ты знаешь женскія мечты.
771. Невольно страхъ въ душѣ ласкаешь.
Невольно страхъ въ душѣ рождаешь.
772. Ты все видѣлъ, ты все знаешь,
773. И сжалился, конечно, ты.
774. Клянися мнѣ... отъ злыхъ желаній.
777. Ненарушимыхъ въ мірѣ нѣтъ.
783. Побѣды ясною мечтой.
785. И вновь грозящею разлукой.
787. Судьбою братьевъ, мнѣ подвластныхъ.
788. Мечтами ангеловъ безстрастныхъ.
Мечами ангеловъ безстрашныхъ.
Слезами ангеловъ безстрастныхъ.
791. Землей, святыней и тобой.
793. Моею первою слезой.
798—799. Я отрекусь отъ старой мести,
Я отрекусь отъ черныхъ думъ.
800. Отнынѣ ядъ кровавой мести.
Оставлю ядъ кровавой мести.
808. И міръ въ невѣдѣньи покойномъ.
И міръ въ невѣдѣньи счастливомъ.
И міръ въ невѣдѣніи темномъ.
809. Пусть процвѣтаетъ безъ меня.
810—812. О, вѣрь! постигъ и оцѣнилъ,
Тебя избравъ моей святыней.

После 812. Тамара.

Насъ могутъ слышать!
. . . .

Демонъ.

Такъ что жъ? Ты будешь тамъ со мной.
818—819. Мы, дѣти вольнаго эѳира,
Тебя возьмемъ въ свои края.
821. Подруга вѣчная моя.
Подруга юная моя.
822. Безъ сожалѣнья и участья.
826. Гдѣ преступленья лишь да козни.
Гдѣ страсти пылкой горько жить.
Гдѣ страсти могутъ только жить.
Гдѣ страсти маской только жить.
Послѣ 837. И пусть другіе бъ утѣшались
Ничтожнымъ жребіемъ своимъ:
Ихъ думы неба не касались,
Міръ лучшій недоступенъ имъ,
839. Злой предназначено судьбой.
Узнай, назначено судьбой.
Повѣрь, назначено судьбой.
843. Друзей притворныхъ и рабовъ.
844. Боязни и надеждъ безплодныхъ.
846. Печально среди стѣнъ высокихъ.
847. Ты увядаешь безъ страстей.
Ты не угаснешь отъ страстей.
848. Среди молитвъ, равно далекихъ.
850. Но ты, прекрасное созданье,
851. Не въ жертву имъ обречена.
852. Тебя иное ждетъ (блаженство) страданье.
Тебя иное ждетъ старанье.
860. Волшебницъ легкихъ и воздушныхъ.
862. Я для тебя съ звѣзды восточной.
867. Твой станъ волшебный обовью.
879. Прижался жаркими устами.
880. Ея трепещущимъ губамъ.
881. И лести сладкими рѣчами.
885. Предъ нею прямо онъ сверкалъ.
889. Мгновенно въ кровь ея проникъ.
Мгновенно кровь ея проникъ.
890. Мучительный и слабый крикъ.
Мучительный, но слабый крикъ.
Мучительный, минутный крикъ.
891. Ночное возмутилъ молчанье.
Ночное пробудилъ молчанье.
898. Когда ударилъ часъ урочный.
Свершая только путь урочный.
900. И подъ окошкомъ дѣвы юной
901. Онъ шагъ свой мѣрный укротилъ (укратилъ).
Свой мѣрный шагъ укоротилъ.
905. Ему казалось, слышитъ онъ.
907. Чуть внятный крикъ и слабый стонъ.
911. И стихло все; издалека.
913. Лобзанье листьевъ проносило.
919. Отъ страшной мысли отогнать.
Отъ грѣшной думы отогнать.
920. Креститъ дрожащими руками.

923. Обычный продолжалъ онъ путь.
927. Былъ блѣдный видъ ея чела.
929. Но кто бъ, взглянувши, не сказалъ.
934. Скользилъ по немъ струей златой.
938. Никто не въ силахъ ужъ сорвать.
Послѣ 938. вставка:
И все, гдѣ пылкой жизни сила
Такъ внятно чувствамъ говорила,
Теперь одинъ ничтожный прахъ.
Улыбка странная застыла,
Едва мелькнувши на устахъ;
Но теменъ, какъ сама могила,
Печальный смыслъ улыбки той.
Что̀ въ ней? насмѣшка ль надъ судьбой,
Непобѣдимое ль сомнѣнье,
Иль къ жизни хладное презрѣнье,
Иль съ небомъ гордая вражда,—
Какъ знать? Для сердца навсегда
Утрачено ея значенье!
Она невольно манитъ взоръ,
Какъ древней надписи узоръ,
Гдѣ, можетъ быть, подъ буквой странной
Таится повѣсть древнихъ (прежнихъ) лѣтъ—
Символъ премудрости туманной,
Глубокихъ думъ забытый слѣдъ...
И долго бѣдной жертвы тлѣнья
Не трогалъ Ангелъ разрушенья.
Послѣ 946. И долго бѣдной жертвы тлѣнья
Не трогалъ Ангелъ разрушенья.
. . . .
952. Какъ мраморъ, чуждый выраженья.
955. Улыбка страшная застыла
956. Едва мелькнувши на устахъ.
962. Землѣ послѣднее: прости.
963. Напрасный отблескъ мысли прежней.
968. Когда растая въ морѣ злата.
969. Ужъ скрывшись въ колесницѣ дня.
970. Скалы Кавказа на мгновенье.
971. Отливъ пурпурный сохраня.
975. И путь ночей онъ не освѣтитъ.
977-978. Ужъ собрались въ печальный путь
Друзья, сосѣди и родные.
Но вотъ сосѣди и родные.
980. Безмолвно поражая въ грудь.
983. И поѣздъ двинулся. Три дня.
988. Грабитель путниковъ и селъ.
999. Вновь успокоилися (упокоилися) тамъ.
1001. Страна, родная облакамъ.
1003. Теперь посмертное жилище.
Теплѣй послѣднее жилище.
1007. Ни грусть, ни радость прежнихъ дней.
Послѣ 1007. вставка:
Едва на жесткую постель
Тамару съ пѣньемъ опустили,
Вдругъ тучи горы (небо) обложили,

И разыгралася мятель;
И громче хищнаго шакала
Она завыла въ небесахъ,
И бѣлымъ прахомъ заметала
Недавно ввѣренный ей прахъ.
И только за скалой сосѣдней
Утихъ моленья гласъ послѣдній,
Послѣдній шумъ людскихъ шаговъ,—
Сквозь дымку сѣрыхъ облаковъ
Спустился ангелъ легкокрылой
И надъ покинутой могилой
Приникъ съ усердною мольбой
За душу грѣшницы младой.
И въ то же время царь порока
Туда примчался съ быстротой (изъ далека)
Въ снѣгахъ рожденнаго (радужнаго) потока.
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась;
По слѣду крылъ его тащилась
Багровой (молніей) молніи струя.
Когда жъ онъ предъ собой увидѣлъ
Все, что любилъ и ненавидѣлъ,
То шумно мимо промелькнулъ
И, взоръ пронзительный (презрительный) кидая,
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ.

Въ спискѣ Виск. послѣ 1007 вставка:
Уже послѣдній стихъ прочли
Надъ прахомъ дочери Гудала,
И горсть прощальная земли
О крышку гроба застучала;
Ужъ воскурился къ небесамъ
Кадилъ прощальный ѳиміамъ;
Замолкъ и за скалой сосѣдней
Рыданій горькихъ звукъ послѣдній...
Подковы стукъ и шумъ шаговъ,
Рѣдѣвшій откликъ голосовъ
Все ниже, дальше замирали...
А тучи грозно окружали
Тамары хладную постель.
Вдругъ разыгралася мятель
И громче хищнаго шакала
Она завыла въ небесахъ,
И бѣлымъ прахомъ заметала
Родной скалѣ врученный прахъ.

Послѣ 1007. Едва послѣдній стихъ прочли
Надъ прахомъ дочери Гудала,
И горсть послѣдняя земли
О крышку гроба простучала,
И воскурился къ небесамъ
Кадилъ прощальный ѳиміамъ,
Едва лишь за скалой сосѣдней
Утихъ рыданій (рыдальный) звукъ послѣдній,
Послѣдній звукъ людскихъ шаговъ,—
Сквозь дымку сѣрыхъ облаковъ

Спустился ангелъ легкокрылой,
И надъ покинутой могилой
Приникъ съ усердною мольбой
За душу грѣшницы младой.
И въ то же время царь порока
Туда примчался изъ далека;
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась;
По слѣду крылъ его тащилась
Багровой молніи струя;
Когда жъ онъ предъ собой увидѣлъ
Все, что любилъ и ненавидѣлъ,
То шумно мимо промелькнулъ
И, взоръ пронзительный кидая,
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ.
1011. И душу грѣшницы отъ міра.
1015. Слѣдъ преступленья и страданья.
И слѣдъ преступнаго страданья.
1021. Онъ былъ могучъ, какъ вѣтеръ шумный.
1023. И гордо, съ дерзостью безумной,
1024. Онъ говорилъ: „она моя“.
1025. Къ груди хранителя прижалась.
Къ груди спасительной прижалась.
1031. Какимъ смотрѣлъ онъ грознымъ взглядомъ.
Какъ онъ смотрѣлъ коварнымъ взглядомъ.
1050. Соткалъ нѣжнѣе струны ихъ.
1060. Въ сіяньи неба утонулъ.
1065. Безъ упоенья и любви.
1067. Надъ командорскою (?) долиной.
1079. Идутъ, гремя, издалека.
1087. Когда то очередь свою.
Когда года во очередь свою.
1089. Друзей и мирную семью.
1100. На плиты старыя крыльца (плиту).
1104. Забытый въ полѣ давнихъ сѣчъ.
Забытый въ полѣ грозныхъ сѣчъ.
1106. Все дико. Нѣтъ ничьихъ слѣдовъ.
1111. И милой дочери его.
Послѣ 1111. И тамъ, гдѣ кости ихъ истлѣли,
На рубежѣ зубчатыхъ льдовъ,
Гуляютъ нынѣ лишь метели
Да стаи вольныхъ облаковъ.
Скала угрюмаго Казбека
Добычу жадно сторожитъ,
И вѣчный ропотъ человѣка
Ихъ вѣчный миръ не возмутитъ.
1114. Хранима властью ихъ святой.
1115. Видна межъ скалъ еще понынѣ,
1116. И у воротъ еще стоятъ.
1118. Плащами (пластами) снѣжными покрыты.
Плащами черными покрыты.
1123. Морозомъ сваленные вдругъ.
1129. Услыша вѣсти изъ далека.
1130. О чудномъ храмѣ, къ той странѣ.

После 1132. вставка:
И тамъ, гдѣ кости ихъ истлѣли
, ...
Да стаи вольныхъ облаковъ.
1133. Но надъ семьей могильныхъ плитъ.
1135. Скала угрюмаго Казбека.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Первоначальные очерки и посвященія „Демона“.

I.

„*Я буду пѣть, пока поется*“. Автогр. Лерм. Муз. (III, 13). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859 г., т. CXXV, кн. 7, стр. 29—33. Черновые варіанты:

(1-е посвященіе).

2. Пока любовь я не забылъ.
5. Во мнѣ живутъ...

(2-е посвященіе).

После 9. Они по тучамъ протекли.
10. Теперь катится жизнь твоя.
14. Плоды сердечной пустоты.
7. Не отвращаясь передъ нимъ.
9. Боялася души его.
12. Запомнить не имѣлъ онъ силы.
После 12. Рвалися цѣпи горькихъ думъ...
Но мщенье (какъ) будто призракъ могилы,
Покрыло непреклонный умъ.
17. На всемъ являетъ смерти знакъ
18. Его дыханье...
39. Такъ я осеннею порой
40. Видалъ въ долинѣ опустѣлой.
43. Поникъ задумчивой главой.
После 46. Отвергнутый, самолюбивый.
49. Ничто не нравилось ему.
Противны небеса ему...
50. По произволу одному
Людей губилъ онъ презирая.
После 52. Надъ моремъ тамъ, гдѣ пѣна водъ
Шумитъ и плещетъ, возвышалась...
На темени далекихъ скалъ,
Ровесниковъ самой природы,
Священный монастырь стоялъ.
Внизу тѣснясь шумѣли воды...
53. Между крутыхъ прибрежныхъ скалъ.
61. И храмовъ (остры) круглыя вершины.
62. Средь низкихъ келій тишина.
69. Онъ напрягаетъ. Страхъ объемлетъ
70. Младую грудь...
72. И что же? изъ потухшихъ глазъ.
79. Изгнанникъ вѣдаетъ любовь.

II.

Автогр. Лерм. Муз. (IV, 2). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1859 г., т. CXXV, кн. 7, стр. 35—47. Черновые варіанты:

(второй эпиграфъ) *Cain.* Are ye happy?
Luc. We are mighty.
Cain. Are ye happy?
Luc. No: art thou?

31. Въ полночь, между холодныхъ скалъ,
32. Однажды надъ волнами моря.
41. Садится поздняя луна.
60-69. Все оживилось въ немъ, и вновь
Погибшій вѣдаетъ любовь...
(Ужель узнаетъ онъ любовь?)
Тому не быть... Такъ, если мчится
Въ пустынномъ въ полѣ (на днѣ, въ долинѣ) мутный ключъ,
И солнца полумертвой лучъ
Въ струѣ случайно отразится,
Онъ лишь мгновенно озаритъ
И мутныхъ водъ не просвѣжитъ.
70-71. Влетаетъ въ келью духъ смущенной
Украдкою, какъ нѣкій воръ.
80-87. . . . . . . Облокотившись,
Съ испанской лютнею она
Сидѣла молча у окна,
И кудри черныя, скатившись
На вѣки нѣжныя очей,
Служили покрываломъ ей.
94-105. Какъ неба утра облака,
Ея лилейная рука
Была плѣнительна, и струны
Согласно вздрогнули подъ ней.
И были звуки тѣ милѣй,
Чѣмъ листъ весенній, свѣжій, юный.
Глядѣла ясная луна
Въ окно, какъ странникъ любопытной,
На дѣву, жертву грусти скрытной,
И отвѣчала ей она.
Угрюмъ, какъ ночи мракъ безлунной,
Потупя взглядъ своихъ очей,
Окованный ея игрою.
116-124. Онъ былъ бы для любви готовъ
Оставить полкъ своихъ духовъ,
И безъ могущества, безъ силы
Скитаться посреди міровъ,
Какъ трупъ вампира, изъ могилы
Исторгшись, бродитъ межъ людей,
Страшилище нѣмыхъ ночей...
Легокъ, какъ падающій снѣгъ,
По вѣтру средь зимы холодной,
Мой демонъ волею свободной
Летучій направляетъ бѣгъ—
Прочь, прочь отъ мѣста, гдѣ впервые

Земныя слезы уронилъ...
Любовь пугала умъ его...
После 135. Но кто жъ она? Зачѣмъ сокрыта
Въ пустынѣ, межъ высокихъ стѣнъ?
Иль это добровольной плѣнъ,
И ею радость позабыта?
Иль краска черная одеждъ
Съ ея душой была согласна?
Ея исторія ужасна,
Какъ вспоминанье безъ надеждъ.
Она отца и мать не знала,
И люльку дѣтскую ея
Старушка чуждая качала...
Но это ль бѣдное житье,
Любовь ли сердце испугала,
Опасность ли—о томъ узнать
Никто не думалъ испытать
. . . .
Какъ часто дѣва у окошка
Взирала (взираетъ) на берегъ морской;
Печаль ея хотя немножко
Въ то время дѣлалась живой.
На морѣ вихри бушевали,
И волны синія вставали;
Въ разсѣлинахъ стѣны крутой
Протяжной раздавался вой;
А дѣва—взоръ яснѣй лазури—
При шумѣ капель дождевыхъ
Согласовала съ воемъ бури
Игру печальныхъ струнъ своихъ.
Но съ той минуты, какъ нечистой
Къ ней проходилъ въ ночи тѣнистой,
Она молиться ужъ нейдетъ
И не играетъ, не поетъ;
Ей колокола звонъ противенъ,
Въ ней кроется холодной ядъ,
Ни моря шумъ, ни вѣтръ, ни ливень
Мечты, какъ было, не родятъ.
140. И хладнокровно прочиталъ
141. Священной старины преданье
142. И жизнь отшельницы младой.
148. Онъ такъ къ ничтожному привыкъ.
149. И бѣдной демонъ удалился.
167-174. И часто прежней пустоты
Онъ слышитъ муки. Красоты
Волшебной станъ предъ нимъ летаетъ,
И пламя новое мечты
Его крылами обнимаетъ.
Изгнанникъ помнитъ свѣтъ небесъ,
Огни потеряннаго рая;
Тоской неистовой сгорая,
Онъ зажигаетъ темный лѣсъ,
Любуясь на пожаръ трескучій.
Скалы на корнѣ вѣковомъ
Срывая (срываетъ), какъ нежданой громъ,

Свергаетъ внизъ рукой могучей—
И гулъ подъемлется кругомъ.
189-193. Гдѣ полразрушенная келья
Такъ много милаго хранитъ...
Полетомъ онъ туда спѣшитъ,
Но нѣтъ въ душѣ его веселья,
Какой то непонятной страхъ.
213-242. Незримый ангелъ пѣлъ мнѣ разъ
Про міръ иной. Съ того мгновенья
Спокойствіе бѣжитъ отъ глазъ;
Уснула—сна желанный часъ
Тревожатъ чудныя видѣнья.
Какъ запахъ милаго цвѣтка
Вѣсть подаетъ объ немъ порой,
Такъ, знаю я, (у сонной) когда тоска
Покинетъ грудь мою слегка,
Что ангелъ счастія (то я ужъ знаю: онъ) со мною.
Я одного его люблю,
Зато любовью безконечной...
(Богъ извиняетъ страсть мою...)
И слышитъ пѣсню онъ мою,
Въ какомъ бы ни былъ онъ краю,
Нѣжнѣй меня его любить
(Его люблю я, какъ любить)
Не станетъ (не можетъ) женщина другая;
Но долженъ мнѣ Творецъ простить:
Любовь къ нему не можетъ быть
Преступна, какъ любовь земная.
243. Умолкла. Въ келью трепетной ногой.
246. Влекомый, демонъ безотрадный
247. Явился въ келью. Что же онъ.
(Онъ въ кельѣ. Но зачѣмъ же онъ).
253. И сердце, жолчію облито.
289. Кипитъ онъ, мщеніемъ пылая.
292-295. И вотъ, облекшись въ образъ томной,
Обманчивой онъ принялъ видъ:
Онъ юноша печальной, скромный,
Какой то тѣнью взоръ облитъ (покрытъ);
Его опущенныя крылья
Объяты участью безсилья;
На головѣ вѣнецъ златой
Померкнулъ и покрылся мглой.
292. Онъ образъ смертнаго пріемлетъ,
293. Вѣнецъ чело его объемлетъ,
294. И черные глаза горятъ.
311. И дрожь и страхъ ее объемлетъ.
313. Земныя страсти позабыть.
348. И жизни грустной и позорной.
362. И тучи сѣрыми рядами
363. Перебѣгали небесами.
Послѣ 371. Въ срединѣ церкви мѣхъ звучалъ—
То пѣснь прощанья и печали—
И катафалкъ блестѣлъ прекрасной,
372. На немъ богатой гробъ стоялъ.
385. Они владѣли надъ душой,

386. Неугомонной, своенравной.
395. Желанья, добрыя дѣла
И запрещенныя дѣянья.
401. Въ припадкѣ судорогъ ужасныхъ,
402. Онъ разобралъ въ рѣчахъ неясныхъ:
403. Ты!.. демонъ!.. О, коварный другъ!
Послѣ 409. Губитель дѣвушки прелестной.
412. Осталась тайной для людей.
Послѣ 412. Но говорятъ, какъ принесли
Къ могилѣ трупъ ея печальной,
(Ее къ пустынному жилищу)
И хоръ раздался погребальной,
И горсть прощальная земли
О крышку гроба застучала,
Надъ нимъ—всѣ видѣть то могли—
(Надъ нею безъ вида, безъ лица)
Тѣнь безпокойная летала.
418. Добычей бури и дождей
419. Содѣлался. Между дверей,
420. Вздыхая, ходитъ вѣтръ не плѣнный.
Послѣ 421. На утвари позолоченной.
424. Точетъ нитей своихъ основы.
Послѣ 425. Ища пріютъ отъ непогоды.
428. Входила въ келью,—й порой.
446. Струя бѣлится пѣной вольной.
454. Дитя эдема, ангелъ нѣжный.
Послѣ 460. Станъ тонкій свѣжъ и прямъ—таковъ
Зеленый кипарисъ садовъ.

. . . .

Вотъ тихо надъ крестомъ склонился,
Казалось, будто онъ молился
За душу дѣвы молодой.
Увы! напрасныя моленья!
Ея страстямъ ужъ нѣтъ прощенья...
474—478. Летѣлъ съ вершины дикихъ горъ,
Какъ будто прелести творенья
Непозволительный укоръ.
474. Безъ цѣли медленно летѣлъ.
479. Какъ сводъ безлучный въ день осенній.
482. И тусклой, мертвой взоръ кидая.

Варіанты изъ рукописи Мар. Дешанъ де-Виллеръ 1831 г. (Лерм. Муз.: т. XXII).

12. Припомнить не имѣлъ онъ силы.
15. Жилище для него была.
24. Страшась лучей, бѣжалъ онъ тьму.
33. Безъ думъ, безъ радости, безъ горя.
68. И путь не вѣрный продолжаетъ
69. Хладна, какъ прежде, и темна.
71—74. Со страхомъ отвращая взоръ,
Минуя образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ укоръ.
81. На ложѣ, съ лютнею въ рукахъ.
85. И кольца русыя кудрей.
87. На вѣки нѣжныя очей.

98. Что дальше, то сильнѣй, сильнѣй.
105. Окованъ сладостной игрою.
119. Чудесно измѣнился ты.
130. Нарушилъ клятвы неземныя.
162. Опасный и заглохшій путь.
181. Чтобъ разъ ей въ очи посмотрѣть.
200. Все, что еще не отнялъ рокъ.
201. О, какъ примѣтно, что онъ любитъ!
220. О, зачѣмъ долженъ сонъ исчезать!
259. Кромѣ презрѣнья—но къ кому?
268. И зависть, мщеніе и злоба.
270. Онъ вышелъ твердою ногой.
281. Забыть толпу преступныхъ дѣлъ.
291. И ядъ коварныхъ, черныхъ думъ.
Послѣ 291. Но, впрочемъ, онъ перемѣниться
Не могъ бы: это былъ лишь сонъ,
И рано ль, поздно ль пробудиться
Навѣки долженъ былъ бы онъ.
Успѣло зло укорениться
Въ его душѣ съ давнишнихъ дней,
Добро не ужилось бы въ ней;
Его присвоить, имъ гордиться
Не могъ бы демонъ никогда,
И все въ немъ было бы чужое,
И сталъ бы онъ несчастнѣй вдвое.
Взгляните на волну, когда
Въ ней отражается звѣзда:
Какъ разсыпаются чудесно
Вокругъ сребристыя струи!
Но что же? блескъ тотъ—блескъ небесной;
Не завладѣютъ имъ они,
Ихъ лучъ звѣзды той не согрѣетъ;
Онъ гаснетъ—и волна темнѣетъ.
Злой духъ не долго размышлялъ,
Онъ не впервые отомщалъ...
295. И этотъ самый пламень—ядъ.
340. Какъ степи вѣтеръ безпріютный.
Послѣ 349. Она.—На что мнѣ знать твои печали?
Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?...
Ты виноватъ...
Незнакомецъ.—Противъ тебя ли?
Она.—Насъ могутъ слышать.
Незнакомецъ. Мы одни.
Она. А Богъ?
Незнакомецъ. На насъ не кинетъ взгляда:
Онъ занятъ небомъ, не землей.
Она. А наказанье, муки ада?
Незнакомецъ. Такъ что жъ? ты будешь тамъ со мной.
Мы станемъ жить любя, страдая,
И адъ намъ будетъ стоить рая;
Мой рай вездѣ, гдѣ я съ тобой...
380. Являютъ блѣдныя черты.
397. И онъ приходитъ къ ней. Но вдругъ.
414. Пустѣла древняя обитель.
422. И на окладахъ золотыхъ.

425. Не разъ, сбѣжавъ со скалъ крутыхъ,
426. Сайгакъ иль серна, дочь свободы,
427. Пріютъ отъ зимней непогоды
428. Искали въ кельяхъ,—и порой.
431. Ихъ приводило въ удивленье.
432. Но въ наше время ничему.
463. И воды съ пѣной серебристой.

III.

Автогр. Лерм. Муз. (X, 5). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап." 1859 г., кн. XI, стр. 256—58.

IV.

Автогр. В. Е. Якушкина въ библ. И. Акад. Наукъ. Впервые напеч. Висковатовымъ (III, 77—93). Черновые варіанты:

38. Между высокихъ береговъ.
123. Лампада мѣдная надъ ней.
174. И удалиться онъ спѣшитъ.
235. Безмолвны мраморныя плиты.
260. Какъ лава, развилась по немъ.
355. Моя безсмѣнная подруга.
364. Не будешь на меня роптать.
381. Я проклялъ прежнюю безпечность.
407. Чертоги свѣтлые построю.
432. Двухъ устъ невинное (невнятное) лобзанье.
445. Свой прежній продолжаетъ путь.
482. Ревѣть надъ плитой роковой.
495. Изъ двери въ дверь, во мглѣ ночной.
522. Когда скалой отражена.
526. И удаляется толпой.
Послѣ 540. Съ какимъ то трепетомъ живымъ.

Варіанты изъ списка Булгакова-Ульянова (Лерм. Муз.: II—I, № 2):

27. Безъ упованья презирая.
29. Не вѣря въ жизни ничему.
38. Между высокихъ береговъ.
81. Чернѣетъ ржавый крестъ нагбенный.
87. Все вкругъ таинственно темно.
142. Полузакрыты уста.
184. Исторгнуть изъ груди, какъ жало.
228. Обѣтованная земля.
272. Довольно—ненависть и злоба.
276. Съ давнишнихъ лѣтъ ему привычныхъ.
309. Любовью странною своей.
317. Не искушать пришелъ я душу.
461. Холоднымъ саваномъ обвитый.
462. Зачѣмъ не слышенъ гласъ родныхъ.
467. Уста закрытыя безмолвны.

V.

Посвященія „Демона".

1. Автогр. Лерм. Муз. (XXII). Впервые напеч. въ „Москвитянинѣ" 1855 г., № 6, стр. 186.

2. Впервые напеч. въ „Отеч. Зап". 1843 г., т. XXVIII, № 6, стр. 376.

3. Впервые напеч. въ сборн. „Молодикъ“ на 1844 г., стр. 8. Въ спискѣ П. И. Бартенева:

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стихъ небрежной.
Какъ сына ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Еще ребенкомъ, чуждый и любви
И думъ честолюбивыхъ, я безпечно
Бродилъ въ твоихъ ущельяхъ. Грозный, вѣчной
Угрюмый великанъ! меня носилъ
Ты бережно, какъ пестунъ, юныхъ силъ
Хранитель вѣрный...
И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесамъ, гдѣ, блистая
Лучомъ зари, сбирались облака,
Туманныя вершины омрачая,
Косматыя, какъ перья шишака;
А вдалекѣ, какъ вѣчныя ступени
Съ земли на небо, въ край моихъ видѣній
Зубчатою тянулись полосой,
Таинственнѣй, синѣй одна другой,
Все горы, чуть примѣтныя для глаза,
Сыны и братья вѣчнаго Кавказа.

Въ „Демонѣ“ видѣли рядъ разнообразныхъ литературныхъ вліяній. Наиболѣе убѣдительны сближенія этой поэмы съ „Элоа“ Де-Виньи. Лучшія оцѣнки „Демона“ принадлежитъ С. А. Андреевскому (см. I томъ нашего изданія), Спасовичу и Н. А. Котляревскому.

VI. Примѣчанія къ замѣткамъ, сюжетамъ, наброскамъ и письмамъ.

Понорама Москвы.

Повидимому, экзаменаціонная работа.

Замѣтки, сюжеты и наброски.

Автографы Лерм. Музея (IV, V, VI, VII, X, XI), Публичной и Чертковской библіотеки.

---

1. *Къ М. А. Шанъ-Гирей.* Автогр. Имп. Публ. Библ. Впервые напеч. въ „Русск. Стар." 1872 г., кн. II, стр. 293.

Марья Акимовна Шанъ-Гирей,—дочь родной сестры Елизаветы Алексѣвны Арсеньевой, бабушки поэта; Екимъ и Катюша—ея дѣти.

„Невидимка"—опера „Князь Невидимка" (въ 6 дѣйствіяхъ, слова Лифанова, Музыка Кавоса, на Петербургской сценѣ впервые поставлена 5 мая 1805 г.) или „Мнимая Невидимка" (слова А. Шеллера, впервые поставлена на сценѣ въ 1813 г.). Подъ „братцами" разумѣются кузены Екимъ, Алексѣй и Николай Шанъ-Гиреи, сверстники поэта.

2. *Къ М. А. Шанъ-Гирей.* Автогр. Имп. Публ. Библ. Впервые напеч. въ „Русск. Стар". 1872 г., кн. II, стр. 293—95. При письмѣ приложена:

Вѣдомость о поведеніи и успѣхахъ университетскаго благороднаго пансіона воспитанника 4-го класса М. Лермонтова.

Поведеніе.	Прилежаніе.	Успѣхи: Законъ Божій.	Матема-тика.	Русскій языкъ.	Латинск. языкъ.	Исторія.	Геогра-фія.	Нѣмецк. языкъ.	Франц. языкъ.	Заключеніе,
Весьма похвально.		3	4	4	3	4	4	4	4	30 За 24 балла переводъ въ 5-й классъ.

Инспекторъ *Павловъ.*

4 означаетъ высшую степень, а 0 низшую.

Дмитрій Никитичъ Дубенской и Александръ Степановичъ Солоницкій—преподаватели Благороднаго пансіона, Михаилъ Григорьевичъ Павловъ—инспекторъ.

„Дяденька"—мужъ Марьи Акимовны; Апалиха—имѣніе Шанъ-Гиреевъ въ Чембарскомъ уѣздѣ, Пензенской губ., по сосѣдству съ Тарханами.

3. *Къ М. А. Шанъ-Гирей.* Автогр. Имп. Публ. Библ. Подъ „Игрокомъ" разумѣется переводная драма „Le joueur" или мелодрама Зотова „Тридцать лѣтъ или жизнь игрока". M-r G. Gendroz—гувернеръ Лермонтова. Анна Акимовна—сестра Марьи Акимовны Шанъ-Гирей, по мужу Петрова; Алеша, Маша и одна изъ Катюшъ—дѣти Марьи Акимовны, другая Катюша—дочь Анны Акимовны, Екатерина Павловна Веселовская.

4. *Къ Н. И. Поливанову.* Впервые напеч. въ „Русск. Стар." 1875 г., кн. IX, стр. 59—60. Письмо это представляетъ собою приписку рукою Лермонтова на письмѣ В. Шеншина къ Поливанову.

5. *Къ М. А. Шанъ-Гирей.* Впервые напеч. въ „Русск. Стар." 1889 г., кн. I, стр. 165—66. Подъ „переводомъ перековерканной пiесы Дюсиса" разумѣется переводъ С. Висковатова: „Гамлетъ, трагедiя въ 5 д. Подражанiе Шекспиру, въ стихахъ. Стихотворная обработка (александрiйскимъ стихомъ) по Дюсису". (1 изд.—1811 г., 2—1829 г.).

6. *Къ С. А. Бахметевой.* Автогр. Чертковск. библ.

Софья Александровна Бахметева—воспитаница бабушки Лермонтова, Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой.

Александра Михайловна — Сашенька Верещагина, двоюродная сестра поэта.

7. *Къ С. А. Бахметевой.* Автогр. Чертковск. библ. Впервые напеч. въ „Современникѣ" 1854 г., кн. I, стр. 5—7, а съ поправками—въ „Русск. Арх." 1864 г., № 10, стлб. 1089—91.

Елизавета Александровна Лопухина, впослѣдствiи бывшая замужемъ за Ник. Ник. Трубецкимъ, сестра Марiи Александровны и Алексѣя Александровича Лопухиныхъ.

„Achille арапъ"—слуга въ домѣ Лопухиныхъ.

„Bande joyeuse"—кличка, данная С. А. Бахметевой Лермонтову и его прiятелямъ.

8. *Къ С. А. Бахметевой.* (стр. 310—11). Автогр. Лерм. Муз. (т. XXI). Впервые напечатано въ „Русск. Стар." 1873 г., кн. III. стр. 402—3. (приложено тамъ же и факсимиле).

Интересныя свѣдѣнiя даетъ объ этомъ письмѣ И. С. Аксаковъ (И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, I, стр. 308—309, 392): „Я забылъ вамъ написать, что недавно читалъ письмо Л—ва, писанное имъ, когда онъ только что изъ Москвы переѣхалъ въ Петербургъ. Другой онъ былъ тогда, т.-е. гораздо лучше. Какъ его испортилъ, отщеславилъ, исказилъ большой свѣтъ! Онъ пишетъ, что море его вовсе не поразило, и это его очень огорчаетъ. Вообще хандритъ, скучаетъ и пишетъ, что ищетъ впечатлѣнiй, и что нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ быть своимъ собственнымъ шутомъ, съ обязанностью занимать себя... Прежде, говоритъ онъ, я писалъ:

Что безъ страданiй жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ!

Но настала буря, и прошла буря, и океанъ замерзъ, но замерзъ съ поднятыми волнами, храня театральный видъ движенiй, въ самомъ же дѣлѣ мертвѣе, чѣмъ когда-нибудь!... Вообще очень замѣчательное письмо, которое я спишу,—оно теперь у А. О. (Смирновой, въ Калугѣ). Она достала здѣсь у одной старой дѣвушки Б—ой (Бахметевой), къ которой письмо было писано и которой, вѣроятно бы, Л-въ въ послѣднее время устыдился бы, отрекся. Но письмо было послано тогда, когда хочешь высказаться на бумагу хоть по какому-нибудь поводу..."

Сравненiе души съ замерзшимъ океаномъ, повидимому, навѣяно „Надписью" Баратынскаго (къ портрету Грибоѣдова), напечатанною въ 1826 г.:

Взгляни на ликъ холодный сей,
Взгляни: въ немъ жизни нѣтъ;
Но какъ на немъ былыхъ страстей
Еще замѣтенъ слѣдъ!

Такъ ярый токъ, оледенѣвъ,
Надъ бездною виситъ,
Утративъ прежній грозный ревъ,
Храня движенья видъ.

9. *Къ М. А. Лопухиной.* Автогр. Имп. Публ. Библ. Впервые напеч. въ „Русск. Арх.“ 1863 г., № 3, стлб. 265—67.

Переводъ: Въ ту минуту, какъ пишу вамъ, я сильно встревоженъ: бабушка очень больна и два дня въ постели. Отведу душу отвѣтомъ на второе письмо ваше. Назвать вамъ всѣхъ, у кого я бываю? Я самъ та особа, у которой бываю съ наибольшимъ удовольствіемъ. Правда, по пріѣздѣ, я навѣщалъ довольно часто родныхъ, съ которыми мнѣ слѣдовало познакомиться; но въ концѣ концовъ я нашелъ, что лучшій мой родственникъ—это я самъ. Видѣлъ я обращики здѣшняго общества: дамъ очень любезныхъ, молодыхъ людей очень вѣжливыхъ: всѣ они вмѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, очень тѣснаго и простого, но въ которомъ въ первый разъ можно заблудиться, потому что ножницы хозяина уничтожили всякое различіе между деревьями.—Пишу мало, читаю не больше; мой романъ [1])—сплошное отчаяніе: я перерылъ всю свою душу, чтобы добыть изъ нея все, что только способно обратиться въ ненависть, и въ безпорядкѣ излилъ все это на бумагу. Читая, вы бы пожалѣли меня! Что касается вашего брака, милый другъ, то вы угадали мой восторгъ при вѣсти, что онъ разстроился; я ужъ писалъ кузинѣ que ce nez en l'air n'était bon que pour flairer les alouettes—это выраженіе мнѣ самому очень понравилось. Слава Богу, что это кончилось такъ, а не иначе. Впрочемъ, не будемъ больше говорить объ этомъ—и безъ того ужъ много говорили.—У меня есть свойство, котораго нѣтъ у васъ: когда мнѣ говорятъ, что меня любятъ, я больше не сомнѣваюсь, или (что хуже) не показываю вида, что сомнѣваюсь. У васъ есть этотъ недостатокъ. Пожалуйста, исправьтесь отъ него, по крайней мѣрѣ, въ вашихъ милыхъ письмахъ.—Вчера, въ 10 часовъ вечера, было небольшое наводненіе, и даже трижды сдѣлано было по два пушечныхъ выстрѣла, по мѣрѣ того, какъ вода опускалась и подымалась. Ночь была лунная, я былъ у своего окна, которое выходитъ на каналъ. Вотъ что я написалъ: „Для чего я не родился“ и пр. Вотъ еще стихи. Эти два стихотворенія лучше покажутъ вамъ мое душевное состояніе, чѣмъ бы я могъ это сдѣлать въ прозѣ: „Конецъ, какъ звучно это слово...“ Прощайте, не могу больше писать вамъ. Голова кружится отъ глупостей. Мнѣ кажется, что по той же причинѣ и земля вертится вотъ ужъ 7000 лѣтъ. Моисей не солгалъ. Всѣмъ мой поклонъ.—Вашъ искреннѣйшій другъ М. Лерма.

10. *Къ М. А. Лопухиной.* Автогр. Имп. Публ. Библ. Впервые напеч. въ „Русск. Арх.“ 1863 г., № 3, стлб. 421—23.

Наталья Алексѣевна (р. 1786 г. † 1851 г.)—родная сестра бабушки поэта, вышедшая замужъ за Столыпина, пензенскаго губернскаго предводителя дворянства.

Mademoiselle Annette —Анна Григор. Столыпина, двоюродная сестра матери поэта, вышедшая замужъ за Философова, впослѣдствіи генералъ-адъютанта.

„La cèlébre tête sûr la muraille“—это голова, которую Лермонтовъ углемъ начертилъ на стѣнѣ въ домѣ Лопухиныхъ („Лерма“).

Переводъ: Сейчасъ я началъ кое-что рисовать для васъ и, можетъ быть, пошлю съ этимъ же письмомъ. Знаете ли, милый другъ, какъ я стану писать къ вамъ? Исподволь. Иной разъ письмо продлится нѣсколько дней: придетъ ли мнѣ въ голову какая мысль, я внесу ее въ письмо; если что примѣчательное займетъ мой умъ, тотчасъ подѣлюсь съ вами. Довольны ли вы этимъ?—Вотъ уже нѣсколько недѣлъ, какъ мы разстались и, можетъ быть, надолго, потому

[1]) „Вадимъ“.

что впереди я не вижу ничего особеннаго утѣшительнаго. Однако, я все тотъ же, вопреки лукавымъ предположеніямъ нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ не назову. Можете себѣ представить мой восторгъ, когда я увидалъ Наталью Алексѣевну, она вѣдь пріѣхала съ нашей стороны, ибо Москва моя родина, и такою будетъ для меня всегда: тамъ я родился, тамъ много страдалъ, и тамъ же былъ слишкомъ счастливъ! Пожалуй, лучше бы не быть ни тому, ни другому, ни третьему, но что дѣлать? M-lle Annette сказала мнѣ, что еще не стерли со стѣны знаменитую голову... Жалкое самолюбіе! Это меня обрадовало, да еще какъ! Что за глупая страсть: оставлять вездѣ слѣды своего пребыванія! Мысль человѣка, хотя бы самую возвышенную, стоитъ ли отпечатлѣвать въ предметѣ вещественномъ, изъ-за того только, чтобъ сдѣлать ее понятною душѣ немногихъ. Надо полагать, что люди вовсе не созданы мыслить, потому что мысль сильная и свободная—такая для нихъ рѣдкость. Я намѣренъ замучить васъ своими письмами и стихами. Это, конечно, не по-дружески и даже не гуманно, но каждый долженъ слѣдовать своему предназначенію. Вотъ еще стихи, которые сочинилъ я на берегу моря: „Бѣлѣетъ парусъ одинокой...“ Прощайте же, прощайте! Я не совсемъ хорошо чувствую: сонъ счастливый, божественный сонъ разстроилъ меня на весь день... Не могу ни говорить, ни читать, ни писать. Странная вещь эти сны! Другая сторона жизни, и часто лучшая, нежели дѣйствительная жизнь. Вѣдь я вовсе не раздѣляю мнѣнія, будто жизнь есть сонъ; я вполнѣ осязательно чувствую ея дѣйствительность, ея манящую пустоту! Я никогда не смогу отрѣшиться отъ нея настолько, чтобы отъ всего сердца презирать ее; потому что жизнь моя—я самъ, я, говорящій теперь съ вами и могущій вмигъ обратиться въ ничто, въ одно имя, т.-е. опять таки въ ничто. Богъ знаетъ, будетъ ли существовать это *я* послѣ жизни! Страшно подумать, что настанетъ день, когда я не смогу сказать: я! При этой мысли весь міръ есть не что иное, какъ комъ грязи.—Прощайте, не забудьте напомнить обо мнѣ своему брату и сестрамъ, кузина же, я полагаю, еще не возвратилась.—Скажите, милая Miss Mary, передалъ ли вамъ мой кузинъ Евреиновъ мои письма, и какъ онъ вамъ показался? потому что въ этомъ случаѣ я васъ выбираю моимъ термометромъ. Прощайте. Вашъ преданный Лерма.

P. S. Мнѣ бы очень хотѣлось сдѣлать вамъ небольшой вопросъ, но не рѣшаюсь написать. Коли догадаетесь, хорошо, я буду доволенъ; а нѣтъ—значитъ, еслибы я и написалъ, вы не сумѣли бы на него отвѣтить.—Это такого рода вопросъ, какой, быть можетъ, вамъ и въ голову не приходитъ.

11. *Къ А. М. Верещагиной.* Автогр. Имп. Публ. Библ. Впервые напеч. въ издан. Висковатова (т. V, стр. 389—91). Sophie—С. А. Бахметева.

Переводъ: Несправедливая и легковѣрная женщина!—(замѣтьте, что я имѣю полное право такъ называть васъ, милая кузина!). Вы повѣрили словамъ и письму молодой дѣвушки, не подвергнувъ ихъ критикѣ. Annette говоритъ, что она никогда не писала, что у меня была исторія, но что мнѣ не зачли годы пребыванія въ Москвѣ, какъ это сдѣлали многимъ другимъ, потому что ввели реформу во всѣ университеты, и я опасаюсь, что Алексису тоже придется пострадать, ибо прибавляютъ еще годъ къ тремъ невыносимымъ годамъ. Вы, конечно, уже знаете, сударыня, что я поступаю въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.—Это меня лишитъ, къ сожалѣнію, удовольствія васъ скоро увидѣть. Если бы вы могли ощутить все горе, которое мнѣ это причиняетъ,—вы бы пожалѣли обо мнѣ. Не браните же, а утѣшьте меня, если у васъ есть сердце. Не понимаю, что вы хотите сказать, говоря о взвѣшиваніи словъ, я не помню, чтобы я написалъ вамъ что-либо подобное. Во всякомъ случаѣ, благодарю за то, что выбранили меня, это мнѣ въ будущемъ пригодится, и, если вы пріѣдете въ Петербургъ, я надѣюсь вполнѣ отомстить за себя, да и въ добавокъ сабельными ударами и безъ пощады,—слышите ли! Но, да не пугаетъ это васъ; пріѣзжайте все-таки и приводите за собою многочисленную свиту и M-lle Sophie, которой я не пишу, потому что сердитъ на нее. Она обѣщала мнѣ написать, по возвра-

щенiи изъ Воронежа, длинное письмо, я же замѣчаю только длинноту времени, замѣняющую письмо. А вы, дорогая кузина, обвиняете меня въ томъ же, хотя я написалъ два письма послѣ г-на Павла Евреинова; однако же, такъ какъ они были адресованы въ домъ Столыпина въ Москвѣ, я увѣренъ, что ихъ поглотила Лета или что жена одного изъ слугъ обернула моими нѣжными посланiями свѣчи.

Итакъ, я васъ ожидаю эту зиму... безъ уклончивыхъ отвѣтовъ! Вы должны прiѣхать! Прекрасный проектъ не долженъ быть покинутъ, цвѣтокъ не долженъ увянуть на стеблѣ своемъ и т. д. Пока говорю вамъ: прощайте! ничего не имѣю болѣе интереснаго сообщить вамъ. Я готовлюсь къ экзамену и чрезъ недѣлю, съ Божьею помощью, я буду военнымъ. Еще: вы слишкомъ придаете значенiя невской водѣ, она—отличное слабительное, другихъ же качествъ я за нею не знаю. Повидимому, вы забыли мои былыя любезности и только доступны для настоящаго и будущаго, которое не преминетъ предстать передъ вами. Прощайте, милый другъ, приложите всѣ старанiя, чтобы отыскать для меня будущую (суженую). Надо, чтобы она походила на Дашеньку, но чтобы не имѣла такого же, какъ она, большого живота, ибо тогда не было бы симметрiи со мною, потому что, какъ вамъ извѣстно или, скорѣе, неизвѣстно, я сталъ тонокъ, какъ спичка. Цѣлую ваши руки. M. Lerma.

P. S. Поклоны моимъ теткамъ.

12. *Къ М. А. Лопухиной.* Автогр. Имп. Публ. Библ. Впервые напеч. въ „Русск. Арх.“ 1863 г., № 4, стлб. 292—95.

„Ma cousine“—А. М. Верещагина; „m-lle Sophie“—С. А. Бахметева; „Alexis“—Алексѣй Александровичъ Лопухинъ.

Переводъ: Меня очень огорчаетъ, что мое письмо къ кузинѣ затерялось, такъ же какъ и ваше къ бабушкѣ. Кузина, должно быть, думаетъ, что я полѣнился или лгу, говоря, что писалъ; но думать то или другое было бы несправедливо съ ея стороны, такъ какъ я слишкомъ люблю ее, чтобы прибѣгать ко лжи, а вы можете ее увѣрить, что я вовсе не лѣнивъ писать; я оправдаюсь, можетъ быть, даже съ этою почтой; а если нѣтъ, то прошу васъ сдѣлать это за меня: послѣзавтра я держу экзаменъ и весь углубленъ въ математику. Попросите ее писать иногда ко мнѣ: ея письма такъ милы.—Не могу представить себѣ, какое впечатлѣнiе произведетъ на васъ моя важная новость; до сихъ поръ я жилъ для литературной карьеры; принесъ столько жертвъ своему неблагодарному кумиру и вотъ теперь я—воинъ. Быть можетъ, это особенная воля Провидѣнiя; быть можетъ, этотъ путь кратчайшiй, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли, можетъ быть, не приведетъ ли онъ меня къ послѣдней цѣли всего существующаго: умереть съ пулею въ груди нисколько не хуже, чѣмъ умереть отъ медленной агонiи старости. Итакъ, если начнется война, клянусь вамъ Богомъ, что всегда буду впереди.—Скажите, пожалуйста, Алексѣю, что я пришлю ему подарокъ, какого онъ не ожидаетъ. Ему давно хотѣлось чего-нибудь въ такомъ родѣ; онъ и получитъ, только вдесятеро лучше. Не пишу къ нему теперь, потому что нѣтъ времени: черезъ нѣсколько дней экзаменъ. Какъ только опредѣлюсь, закидаю васъ письмами, на которыя заклинаю васъ всѣхъ, и мужчинъ, и женщинъ, отвѣчать мнѣ. M-lle Sophie обѣщалась писать тотчасъ по прiѣздѣ, — ужъ не воронежскiй ли угодникъ посовѣтовалъ ей забыть меня? Скажите ей, что мнѣ хотѣлось бы имѣть вѣсточку отъ нея. Чего стоитъ письмо? Полчаса! Она же не поступаетъ въ гвардейскую школу. Право, у меня въ распоряженiи только ночь. Вы—другое дѣло. Мнѣ кажется, что если бы я не сообщилъ вамъ чего-нибудь важнаго, меня касающагося, то на-половину бы пропала моя рѣшимость. Вѣрьте, не вѣрьте, а это такъ; не знаю почему, но, получивъ отъ васъ письмо, я не могу удержаться, чтобъ не отвѣчать тотчасъ же, какъ будто я съ вами разговариваю.—Прощайте же, милый другъ; не говорю до свиданья, потому что не надѣюсь увидѣть васъ здѣсь; а между мною и милою Москвой стоятъ непреодолимыя преграды, и, кажется, судьба съ каждымъ днемъ увеличиваетъ ихъ. Прощайте, пишите по-прежнему, и я буду доволенъ вами. Теперь я болѣе чѣмъ

когда-либо буду нуждаться въ вашихъ письмахъ; они доставятъ величайшее наслажденіе въ моемъ будущемъ заключеніи и послужатъ единственною связью между тѣмъ, что было, и тѣмъ, что будетъ; мое прошлое и будущее и теперь уже идутъ въ разныя стороны, и между ними барьеръ изъ двухъ печальныхъ, тяжелыхъ лѣтъ... Возьмите на себя этотъ скучный подвигъ человѣколюбія—и вы спасете мнѣ жизнь. Вамъ одной я могу говорить все, что думаю, и хорошее, и дурное; я ужъ доказалъ это моею исповѣдью, и вы не должны отставать, не должны, потому что я требую отъ васъ не любезности, а благодѣянія. Нѣсколько дней я былъ въ тревогѣ, но теперь прошло; все кончилось: я жилъ, я слишкомъ скоро созрѣлъ, и будущее не дастъ новыхъ впечатлѣній... Прощайте, мои поклоны всѣмъ; не забывайте меня. М. Лермонтовъ.

P. S. Я никогда ничего не писалъ о васъ Евреинову. Вы видите, что я говорилъ правду объ его характерѣ; только я ошибался, называя его лицемѣромъ: для этого у него не хватаетъ данныхъ, онъ просто лгунъ.

13. *Къ М. А. Лопухиной.* Автогр. Имп. Публ. Библ. Впервые напеч. въ „Русск. Арх.“ 1863 г., № 5, стб. 417—18.

„M-lle S.“—Е. А. Сушкова-Хвостова.

Переводъ: Я получилъ два письма вашихъ, милый другъ, и—проглотилъ ихъ; такъ давно не было отъ васъ извѣстій. Вчера послѣднее воскресенье провелъ я въ городѣ, потому что завтра (во вторникъ) мы отправляемся на два мѣсяца въ лагерь. Пишу къ вамъ, сидя на классной скамейкѣ; кругомъ меня шумъ, приготовленія и пр... Надѣюсь, вамъ будетъ пріятно узнать, что я, пробывъ въ школѣ всего два мѣсяца, выдержалъ экзаменъ въ первый классъ, и теперь одинъ изъ первыхъ. Это все-таки подаетъ надежду на близкую свободу! Однако, нужно непремѣнно разсказать вамъ довольно странный случай: въ субботу, передъ тѣмъ какъ проснуться, я вижу во снѣ, будто я у васъ; вы сидите на большомъ диванѣ въ гостиной; я подхожу и спрашиваю, не хотите ли вы, чтобы я окончательно съ вами поссорился; а вы, вмѣсто отвѣта, протянули мнѣ руку.—Вечеромъ насъ распустили; прихожу къ нашимъ, и мнѣ подаютъ ваши письма. Это меня поразило! Хотѣлось бы мнѣ знать, что съ вами было въ этотъ день?—Теперь надо объяснить, почему я адресую это письмо въ Москву, а не въ деревню; я оставилъ ваше письмо дома вмѣстѣ съ адресомъ, и такъ какъ никто не знаетъ, гдѣ я храню ваши письма, то и не могу вытребовать его сюда.—Вы меня спрашиваете, что значитъ фраза по поводу свадьбы князя: удавится или женится!—честное слово, не помню, чтобъ я написалъ что-нибудь подобное, потому что я слишкомъ хорошаго мнѣнія о князѣ, и увѣренъ, что онъ не изъ тѣхъ, которые выбираютъ невѣстъ по реестру.—Прошу васъ, скажите кузинѣ, что будущей зимою у нея будетъ любезный и красивый кавалеръ: Иванъ Вадковскій—гвардейскій офицеръ, потому только, что его полковникъ женится на его сестрѣ! Ну, и говорите послѣ этого, что нѣтъ случайности въ здѣшнемъ мірѣ.—Скажите откровенно: вы на меня нѣсколько времени сердились? Ну, разъ это ужъ прошло, то и не будемъ больше говорить объ этомъ. Прощайте, меня зовутъ, потому что пріѣхалъ генералъ. Прощайте! М. Лерма. — Кланяйтесь всѣмъ. — Уже поздно. Я улучилъ свободную минуту, чтобы продолжать письмо. Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ къ вамъ, со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я, право, не знаю, какимъ путемъ придется идти мнѣ, путемъ порока или глупости. Правда, оба эти пути часто приводятъ къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постараетесь утѣшить меня—было бы напрасно! Я счастливѣе чѣмъ когда-либо, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Васъ коробитъ отъ этихъ выраженій; но увы! *скажи, съ кѣмъ ты водишься—и я скажу, кто ты!* Я вѣрю вамъ, что M-lle С(ушкова) лгунья, потому что—я знаю—вы никогда не скажете неправды, тѣмъ болѣе, если это что-нибудь дурное! Богъ съ нею!... Не стану говорить о другихъ вещахъ, о которыхъ могъ бы сообщить вамъ; вѣдь одно дѣйствіе важнѣе многихъ словъ; а такъ какъ вамъ извѣстно, что я отъ природы лѣнивъ, то и засыпáю на лаврахъ, полагая трагическій конецъ и моимъ дѣйствіямъ и моимъ словамъ. Прощайте.

14. *Къ М. А. Лопухиной.* Автогр. Имп. Публ. Библ. Впервые напеч. въ „Русск. Арх.“ 1863 г., № 5, стлб. 419—20.

„Le prince T.“—князь Н. Н. Трубецкой, мужъ сестры М. А. Лопухиной, Елизаветы Александровны.

Переводъ: Я не писалъ къ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ мы перешли въ лагерь, да и не могъ рѣшительно, при всемъ желаніи. Представьте себѣ палатку, по 3 аршина въ длину и ширину и въ $2^1/_2$ аршина вышины; въ ней живутъ трое, и тутъ же вся поклажа и доспѣхи, какъ то: сабли, карабины, кивера и проч., и проч. Погода была ужасная; дождь безъ конца, такъ что часто дня два подъ рядъ намъ не удавалось просушить платье. Тѣмъ не менѣе эта жизнь отчасти мнѣ нравилась. Вы знаете, милый другъ, что во мнѣ всегда было явное влеченіе къ дождю и грязи—и тутъ, по милости Божіей, я насладился ими вдоволь.—Мы возвратились въ городъ и скоро опять начнемъ наши занятія. Одно меня ободряетъ—мысль, что черезъ годъ я офицеръ! И тогда, тогда... Боже мой! Если бы вы знали, какую жизнь я намѣренъ вести! О, это будетъ восхитительно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете; но, увы! пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше вѣры; мнѣ нужны чувственныя наслажденія, счастіе осязательное, такое счастіе, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало мои чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйствіи мою душу!... Вотъ что мнѣ теперь необходимо, и вы видите, милый другъ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я таки нѣсколько перемѣнился. Какъ скоро я замѣтилъ, что прекрасныя грезы мои разлетаются, я сказалъ себѣ, что не стоитъ создавать новыхъ; гораздо лучше, подумалъ я, пріучить себя обходиться безъ нихъ. Попробовалъ—и походилъ въ это время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были безполезны, и вскорѣ прошлое представилось мнѣ просто программою незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ похожденій. Но, поговоримъ о другомъ. Вы говорите, что князь Т. и ваша сестра, его супруга, очень довольны другъ другомъ; я не совсѣмъ вѣрю этому, потому что, кажется, знаю характеръ обоихъ: и ваша сестра не очень то склонна къ покорности, да, кажется, и князь также не агнецъ! Желаю, чтобъ это искусственное спокойствіе продолжалось какъ можно долѣе, но я не могъ бы предсказать ничего хорошаго. Не говорю, чтобъ у васъ было мало проницательности; скорѣе, мнѣ сдается, вы не хотѣли сказать мнѣ всего, что думаете, и это очень понятно, потому что теперь, если мои предположенія справедливы, вамъ даже не нужно говорить: да.—Что вы дѣлаете въ деревнѣ? Много ли у васъ сосѣдей, любезны ли они, забавны ли? Вотъ вамъ вопросы, въ которыхъ, кажется, нельзя видѣть никакого умысла!—Можетъ быть, черезъ годъ я навѣщу васъ. Сколько перемѣнъ я найду! Узнаете ли вы меня, и захотите ли узнать? А я, какую роль буду играть? Пріятно ли будетъ это свиданіе для васъ, или оно смутитъ насъ обоихъ? Предупреждаю васъ, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую, и говорю иначе, и Богъ вѣсть, что изъ меня еще выйдетъ черезъ годъ. Моя жизнь до сихъ поръ была рядомъ разочарованій, теперь они смѣшны мнѣ, я смѣюсь надъ собою и надъ другими. Я только вкусилъ удовольствій жизни и, не насладившись ими, пресытился. Но это очень грустный предметъ; постараюсь другой разъ къ нему не возвращаться. Когда пріѣдете въ Москву, дайте мнѣ знать, милый другъ... Разсчитываю на ваше постоянство. Прощайте. М. Лер.— P. S. Мой поклонъ кузинѣ, если будете писать ей, самъ же я слишкомъ лѣнивъ.

15. *Къ М. А. Лопухиной.* Автогр. Имп. Публ. Библ. Впервые напеч. въ „Русск. Арх.“ 1863 г., № 5, стлб. 424—26. Алексѣй—А. А. Лопухинъ.

Переводъ: Милый другъ! Что́ бы ни случилось, я никогда не назову васъ иначе; это значило бы порвать послѣднія нити, связывающія меня съ прошлымъ, а этого я не хотѣлъ бы ни за что на свѣтѣ, такъ какъ моя будущность, блистательная на видъ, въ сущности пошла и пуста. Долженъ вамъ признаться, съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не

выйдетъ, со всѣми моими прекрасными мечтаніями и ложными шагами на жизненномъ пути; мнѣ или не представляется случая, или недостаетъ рѣшимости. Мнѣ говорятъ, что случай когда-нибудь выйдетъ, а рѣшимость пріобрѣтется временемъ и опытностью!... А кто порукою, что, когда все это будетъ, я сберегу въ себѣ хоть частицу пламенной, молодой души, которою Богъ одарилъ меня весьма некстати, что моя воля не истощится отъ выжиданія, что, наконецъ, я не разочаруюсь окончательно во всемъ томъ, что въ жизни служитъ двигающимъ стимуломъ? Такимъ образомъ, я начинаю письмо исповѣдью, право, безъ умысла! Пусть же она мнѣ послужитъ извиненіемъ: вы увидите, по крайней мѣрѣ, что если характеръ мой нѣсколько измѣнился, сердце осталось то же. Послѣднее письмо ваше, лишь только я взглянулъ на него, явилось мнѣ упрекомъ, конечно, вполнѣ заслуженнымъ. Но о чемъ я могъ вамъ писать? Говорить о себѣ? Право, я до такой степени надоѣлъ самъ себѣ, что когда я ловлю себя на томъ, что любуюсь собственными мыслями, я стараюсь припомнить, гдѣ я читалъ ихъ, и отъ этого нарочно ничего не читаю, чтобы не мыслить. Я теперь бываю въ свѣтѣ, для того, чтобы меня знали, для того, чтобы доказать, что я способенъ находить удовольствіе въ хорошемъ обществѣ... Ахъ!... я ухаживаю и, вслѣдъ за объясненіемъ въ любви, говорю дерзости. Это еще забавляетъ меня немного, и хотя это не совсѣмъ ново, однако же бываетъ не часто!... Вы думаете, что меня за то гонятъ прочь? О, нѣтъ! совсѣмъ напротивъ: женщины ужъ такъ сотворены. У меня появляется смѣлость въ отношеніяхъ съ ними. Ничто меня не смущаетъ— ни гнѣвъ, ни нѣжность; я всегда настойчивъ и горячъ, но сердце мое холодно и способно забиться только въ исключительныхъ случаяхъ. Не правда ли, я далеко пошелъ!... И не думайте, что это хвастовство: я теперь человѣкъ самый скромный и притомъ знаю, что этимъ ничего не выиграю въ вашихъ глазахъ. Я говорю такъ, потому что только съ вами рѣшаюсь быть искреннимъ; потому что только вы одна сумѣете меня пожалѣть, не унижая, такъ какъ и безъ того я самъ себя унижаю. Если бы я не зналъ вашего великодушія и вашего здраваго смысла, то не сказалъ бы того, что сказалъ. Когда то вы облегчали мнѣ очень сильную горесть; можетъ быть, и теперь вы пожелаете ласковыми словами разогнать холодную иронію, которая неудержимо прокрадывается мнѣ въ душу, какъ вода просачивается въ разбитое судно! О, какъ желалъ бы я опять васъ увидѣть, говорить съ вами: мнѣ благотворны были самые звуки вашихъ словъ. Право, слѣдовало бы въ письмахъ ставить ноты надъ словами, а то теперь читать письмо то же, что глядѣть на портретъ: нѣтъ ни жизни, ни движенія; выраженіе неподвижной мысли, что то, отзывающееся смертью!... Я былъ въ Царскомъ Селѣ, когда пріѣхалъ Алексѣй. Узнавъ о томъ, я едва не сошелъ съ ума отъ радости: разговаривалъ самъ съ собою, смѣялся, потиралъ руки. Вмигъ возвратился я къ моимъ прошедшимъ радостямъ: двухъ страшныхъ годовъ какъ не бывало, наконецъ... На мой взглядъ, братъ вашъ очень перемѣнился, онъ такъ толстъ, какъ я тогда былъ, краснощекъ, но всегда серіозенъ и солиденъ; однако, въ вечеръ нашего свиданія мы хохотали, какъ сумасшедшіе—Богъ знаетъ отчего!—Скажите, мнѣ показалось, будто онъ чувствуетъ нѣжность къ m-lle Catherine Souchkoff... извѣстно ли это вамъ?... Дядьямъ сей дѣвицы, кажется, очень хотѣлось бы ихъ повѣнчать... Сохрани Боже!... Эта женщина—летучая мышь, крылья которой зацѣпляются за все встрѣчное. Было время, когда она мнѣ нравилась. Теперь она почти принуждаетъ меня ухаживать за нею... но, не знаю, есть что то такое въ ея манерахъ, въ ея голосѣ грубое, отрывистое, надломанное, что отталкиваетъ; стараясь ей нравиться, находишь удовольствіе компрометировать ее, видѣть ее запутавшейся въ собственныхъ сѣтяхъ.—Пишите мнѣ, пожалуйста, милый другъ; теперь, когда всѣ наши недоразумѣнія уладились, вамъ нечего больше пенять на меня: вѣдь я, кажется, былъ достаточно искрененъ и покоренъ въ этомъ письмѣ, чтобы заставить васъ забыть мое преступленіе противъ дружбы!... Мнѣ бы очень хотѣлось съ вами повидаться; въ сущности, это желаніе эгоистическое, потому что возлѣ васъ я нашелъ бы себя самого, сталъ бы опять, какимъ нѣкогда былъ,

довѣрчивымъ, полнымъ любви и преданности, одареннымъ, наконецъ, всѣми благами, которыхъ люди не могутъ у насъ отнять и которыя самъ Богъ у меня отнялъ!—Прощайте, прощайте, хотѣлъ бы еще писать, но не могу. М. Лерма. P. S. Поклонитесь всѣмъ, кому сочтете нужнымъ... Прощайте еще.

16. *Къ А. М. Верещагиной.* Автогр. Имп. Публ. Библ. Впервые напеч. въ изд. Висковатова (V, 405—408).

M-lle Barbe — Варенька Лопухина, вышедшая вскорѣ замужъ за Н. Ө. Бахметева; Наталья Алексѣевна—сестра бабушки, бывшая замужемъ за Г. Д. Столыпинымъ.

Переводъ: Дорогая кузина! Я рѣшилъ уплатить вамъ долгъ, который вы имѣли любезность съ меня не требовать, и потому надѣюсь, что это великодушіе съ моей стороны тронетъ ваше сердце, съ нѣкотораго времени ставшее такимъ жестокимъ ко мнѣ. Въ благодарность за это я прошу лишь нѣсколько капель чернилъ и двѣ или три черточки пера, которыя бы извѣстили меня, что я еще не совершенно изгнанъ изъ вашей памяти. Иначе мнѣ придется искать утѣшенія у другихъ (ибо и здѣсь у меня есть кузины), а наименѣе любящая женщина (это извѣстно) не очень то любитъ, чтобы искали утѣшеній вдали отъ нея.—Затѣмъ, если вы будете еще упорствовать въ своемъ молчаніи, я могу вскорѣ прибыть въ Москву—и тогда мщеніе мое не будетъ имѣть границъ. На войнѣ, вы знаете, щадятъ сдавшійся гарнизонъ, но городъ, взятый приступомъ, безъ сожалѣнія предается ярости побѣдителей.

Послѣ этой гусарской бравады я припадаю къ вашимъ ногамъ, чтобы испросить себѣ прощеніе, въ ожиданіи, что вы мнѣ его дадите.

Окончивъ прелиминаріи, я начинаю разсказъ о томъ, что со мною случилось за это время, какъ дѣлаютъ это при свиданіи послѣ долгой разлуки.

Алексисъ могъ разсказать вамъ кое-что о моемъ житьѣ-бытьѣ, но ничего интереснаго, если не считать таковымъ начало моихъ амуретокъ съ m-lle Сушковою, конецъ коихъ несравненно интереснѣе и курьезнѣе.

Если я началъ за нею ухаживать, то это не было отблескомъ прошлаго. Вначалѣ это было просто развлеченіемъ, а затѣмъ, когда мы поладили другъ съ другомъ, стало разсчетомъ. Вотъ какимъ образомъ. Вступая въ свѣтъ, я увидѣлъ, что у каждаго былъ какой-нибудь пьедесталъ: хорошее состояніе, имя, титулъ, связи... Я увидалъ, что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другія незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества, Я понялъ, что M-elle S., желая изловить меня, легко себя скомпрометируетъ со мною. Вотъ я ее и скомпрометировалъ, насколько было возможно, не скомпрометировавъ самого себя. Я публично обращался съ нею, какъ если бы она была мнѣ близка, давалъ ей чувствовать, что только такимъ образомъ она можетъ покорить меня. Когда я замѣтилъ, что мнѣ это удалось, но что одинъ дальнѣйшій шагъ меня погубитъ, я прибѣгнулъ къ маневру. Прежде всего, на глазахъ свѣта я сталъ болѣе холоднымъ къ ней, а наединѣ болѣе нѣжнымъ, чтобы показать, что я ее болѣе не люблю, а что она меня обожаетъ (въ сущности, это неправда). Когда она стала замѣчать это и пыталась сбросить ярмо, я первый публично ее покинулъ. Я сталъ жестокъ и дерзокъ, сталъ ухаживать за другими и подъ секретомъ разсказывалъ имъ выгодную для меня сторону исторіи. Она такъ была поражена неожиданностью моего поведенія, что сначала не знала, что дѣлать и смирилась, а это подало поводъ къ разговорамъ и придало мнѣ видъ человѣка, одержавшаго полную побѣду; затѣмъ она очнулась и стала вездѣ бранить меня, но я ее предупредилъ, и ненависть ея показалась и друзьямъ, и недругамъ уязвленною любовью. Далѣе, она попыталась вновь завлечь меня напускною печалью, разсказывала всѣмъ близкимъ моимъ знакомымъ, что любитъ меня; я не вернулся къ ней, а искусно всѣмъ этимъ воспользовался... Не могу сказать вамъ, какъ все это пригодилось мнѣ; это было бы слишкомъ долго и касается людей, которыхъ вы не знаете. Но вотъ смѣшная сторона исторіи. Когда я увидалъ, что въ глазахъ свѣта надо порвать съ нею, а съ глазу на глазъ,

все-таки, еще казаться ей вѣрнымъ, я живо нашелъ прелестное средство—написалъ анонимное письмо: „M-elle, я человѣкъ, знающій васъ, но вамъ неизвѣстный... и т. д.; я васъ предупреждаю, берегитесь этого молодого человѣка М. Л. Онъ васъ погубитъ и т. д. Вотъ доказательства (разный вздоръ) и т. д.“. Письмо на четырехъ страницахъ... Я искусно направилъ это письмо такъ, что оно попало въ руки тетки. Въ домѣ—громъ и молнія... На другой день ѣду туда рано утромъ, чтобы, во всякомъ случаѣ, не быть принятымъ. Вечеромъ на балу я выражаю свое удивленіе Екатеринѣ Александровнѣ. Она сообщаетъ мнѣ страшную и непонятную новость, и мы дѣлаемъ разныя предположенія, я все отношу насчетъ тайныхъ враговъ, которыхъ нѣтъ; наконецъ, она говоритъ мнѣ, что родные запрещаютъ ей говорить и танцовать со мною; я въ отчаяніи, но остерегаюсь нарушить запрещеніе дядюшекъ и тетушекъ. Такъ шло это трогательное приключеніе, которое, конечно, дастъ вамъ обо мнѣ весьма лестное мнѣніе! Впрочемъ, женщина всегда прощаетъ зло, которое мы дѣлаемъ другой женщинѣ (правило Ларошфуко). Теперь я не пишу романовъ, я ихъ переживаю...

Итакъ, вы видите, я хорошо отомстилъ за слезы, которыя меня заставило проливать 5 лѣтъ тому назадъ кокетство M-elle S. О, мы еще не расквитались! Она мучила сердце ребенка, а я только подвергъ пыткѣ самолюбіе старой кокетки, которая, можетъ быть, еще болѣе..., но во всякомъ случаѣ я въ выигрышѣ: она мнѣ сослужила службу. О, я вѣдь очень измѣнился! Я не знаю, какъ это происходитъ, но только каждый день даетъ новый оттѣнокъ моему характеру и взглядамъ—это и должно было случиться, я это зналъ... но я не ожидалъ, что это будетъ такъ скоро. О, дорогая кузина, надо вамъ признаться: причиной того, что не писалъ къ вамъ и m-elle Marie, былъ страхъ, что вы по письмамъ моимъ замѣтите, что я почти не достоинъ болѣе вашей дружбы, ибо отъ васъ обѣихъ я не могу скрывать истину: отъ васъ, наперсницъ юношескихъ моихъ мечтаній, такихъ чудныхъ, особенно въ воспоминаніи. И всетаки, если посмотрѣть на меня, покажется, что я помолодѣлъ года на три,—такой у меня счастливый и беззаботный видъ человѣка, довольнаго собою и всѣмъ міромъ; этотъ контрастъ между душою и внѣшнимъ видомъ не кажется ли вамъ страннымъ?

Не могу выразить, какъ меня опечалилъ отъѣздъ бабушки. Перспектива остаться одинокимъ въ первый разъ въ жизни меня пугаетъ. Во всемъ этомъ большомъ городѣ не останется ни единаго существа, которое бы мною интересовалось...

Но довольно говорить о моей скучной особѣ, побесѣдуемъ о васъ и о Москвѣ. Мнѣ передавали, что вы очень похорошѣли, и сказала это г-жа Углицкая, и только въ этомъ случаѣ увѣренъ я, что она не солгала: она слишкомъ женщина для этого. Она говоритъ также, что жена ея брата прелестна... Въ этомъ отношеніи я ей не вполнѣ довѣряю, ибо у нея есть интересъ лгать. Что поистинѣ смѣшно, такъ это ея желаніе выказать себя несчастною, чтобы вызвать общее сочувствіе, а между тѣмъ, я увѣренъ, нѣтъ въ мірѣ женщины, которая была бы менѣе ея достойна сожалѣнія. Въ 32 года имѣть такой дѣтскій характеръ и воображать, что можешь возбуждать страсти!.. и послѣ этого жаловаться?

Она мнѣ также сообщила, что M-elle Barbe выходитъ замужъ за г. Бахметева. Не знаю, долженъ ли я вѣрить ей, но, во всякомъ случаѣ, я желаю M-elle Barbe жить въ супружескомъ согласіи до празднованія ея серебряной свадьбы и даже долѣе, если до тѣхъ поръ она не пресытится.

Теперь вотъ вамъ мои новости: Наталья Алексѣевна съ чады и домочадцы ѣдетъ въ чужіе края!!! Ну, и хорсшее же она дастъ тамъ понятіе о нашихъ русскихъ домахъ!..

Скажите Алексису, что его пассія, M-elle Ладыженская, съ каждымъ днемъ становится все внушительнѣе!.. Я ему тоже совѣтую еще больше пополнѣть, чтобы контрастъ не былъ столь поразителенъ. Не знаю, надоѣдать вамъ—лучшее ли это средство добиться прощенія? Восьмая страница приходитъ къ концу, и я боюсь начать девятую... Итакъ, дорогая и жестокая кузина, прощайте, и если,

точно, вы возвратили мнѣ свое расположеніе, дайте мнѣ знать о томъ письмомъ отъ вашего лакея, ибо я не смѣю разчитывать на собственноручную Вашу записку. Имѣю честь быть тѣмъ, что помѣчаю въ концѣ письма—Вашимъ покорнымъ М. Лермонтовымъ. P. S. Передайте, пожалуйста, мои поклоны теткамъ, кузинамъ, кузенамъ и знакомымъ.

17. *Къ С. А. Раевскому*, по корректурной копіи Лерм. Муз. (II—2, № 11). Впервые напечатано (съ пропусками) въ „Русск. Стар.“ 1884 г., кн. V, стр. 389. Подлинникъ у И. Е. Цвѣткова.

Святославъ (Святополкъ) Аѳанасьевичъ Раевскій (р. 1808 г. † 14 декабря 1876 г.)—другъ дѣтства Лермонтова, крестникъ его бабушки; за распространеніе стиховъ Л—ва на смерть Пушкина сосланъ въ Олонецкую губ., гдѣ пробылъ до 7 декабря 1838 г.

Въ письмѣ идетъ рѣчь о драмѣ „Два брата“; подъ „Арбенинымъ“ разумѣется 2-я редакція „Маскарада“.

18. *Къ Е. А. Арсеньевой* (стр. 326). Впервые напеч. въ 7 изд. Ефремова (1889 г., т. I). Подлинникъ въ собраніи П. Я. Дашкова.

Марья Акимовна—Шанъ-Гирей; Лизавета Аркадьевна—дочь Аркадія Алексѣевича Столыпина, брата бабушки Лермонтова.

19. *Къ С. А. Раевскому*. Впервые напеч. въ изд. Висковатова (V, 413).

Л. В. Дубельтъ—начальникъ штаба корпуса жандармовъ.

Графъ П. А. Клейнмихель—генералъ-адъютантъ, дежурный генералъ Главнаго Штаба, директоръ Департамента военныхъ поселеній.

20. *Къ С. А. Раевскому*. Впервые напеч. въ изд. Висковатова (V, 414).

Краевскій—Андрей Александровичъ, редакторъ „Литературн. Прибавл.“ къ „Русск. Инвалиду“ и „Отечеств. Запис.“, гдѣ Лермонтовъ помѣщалъ свои произведенія.

21. *Къ С. А. Раевскому*. Впервые напеч. въ „Русск. Стар.“ 1884 г., кн. V, 320. Подлинникъ у И. Е. Цвѣткова.

А. А. Столыпинъ (р. 1788 г. † 1866 г.)—братъ бабушки Лермонтова, саратовскій предводитель дворянства.

22. *Къ М. А. Лопухиной*. Автогр. Имп. Публ. Библ. Впервые напеч. въ „Русск. Арх.“ 1863 г., № 5, стлб. 428—29.

Переводъ: Въ точности держу свое слово и посылаю вамъ, мой милый и дорогой другъ, а также сестрѣ вашей черкесскіе башмаки, которые обѣщалъ вамъ; ихъ шесть паръ, такъ что подѣлить ихъ вы легко можете безъ ссоры; купилъ ихъ, какъ только отыскалъ. Я теперь на водахъ, пью и купаюсь, словомъ, веду жизнь настоящей утки. Дай Богъ, чтобы мое письмо еще застало васъ въ Москвѣ, а то, если ему придется путешествовать по Европѣ по вашимъ слѣдамъ, можетъ быть, вы получите его въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Неаполѣ,—во всякомъ случаѣ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно вовсе не будетъ для васъ интересно, а отъ этого сохрани, Боже, и его, и меня!—У меня здѣсь очень хорошее помѣщеніе; каждое утро изъ своего окна смотрю на всю цѣпь снѣжныхъ горъ и на Эльбрусъ; вотъ и теперь, сидя за письмомъ къ вамъ, я по временамъ кладу перо, чтобы взглянуть на этихъ великановъ: такъ они прекрасны и величественны. Надѣюсь порядкомъ скучать все время, покуда останусь на водахъ, и хотя очень легко завести знакомства, однако я стараюсь избѣгать ихъ. Ежедневно брожу по горамъ и ужъ отъ этого одного укрѣпилъ себѣ ноги; хожу постоянно: ни жара, ни дождь меня не останавливаютъ... Вотъ вамъ мой образъ жизни, милый другъ; особенно хорошаго тутъ нѣтъ, но... когда я выздоровѣю, и когда здѣсь будетъ государь, отправлюсь въ осеннюю экспедицію противъ черкесовъ.

Прощайте, дорогая; желаю вамъ веселиться въ Парижѣ и Берлинѣ. Получилъ ли Алексѣй отпускъ? поцѣлуйте его за меня. Прощайте. Весь вашъ М. Лермонтовъ. P. S. Пожалуйста, пишите мнѣ и скажите, понравились ли вамъ башмаки.

23. *Къ Е. А. Арсеньевой.* Автогр. въ собраніи П. Л. Вакселя.

А. А. Вельяминовъ—генералъ-лейтенантъ, командовавшій войсками на Кавказской линіи и Черноморіи; баронъ Г. В. Розенъ—генералъ-адъютантъ, Командиръ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса; П. И. Петровъ—начальникъ штаба командующаго войсками на Кавказѣ, родственникъ Лермонтова.

П. А. Гвоздевъ (р. 1815 г. † 1851 г.)—юнкеръ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, поэтъ; за одно изъ своихъ сатирическихъ стихотвореній былъ разжалованъ въ солдаты и отправленъ на Кавказъ.

24. *Къ С. А. Раевскому.* Впервые напеч. въ „Русск. Обозр." 1890 г., августъ, стр. 742—42.

25. *Къ М. А. Лопухиной.* Автогр. въ собраніи Вел. Князя Константина Константиновича. Впервые напеч. въ „Русск. Арх." 1863 г., № 5—6, стлб. 430—32.

Жуковскій—Василій Андреевичъ; Вяземскій—князь Петръ Андреевичъ.

Переводъ: Пишу къ вамъ, дорогой другъ, наканунѣ отъѣзда въ Новгородъ. Я все поджидалъ, не случится ли со мною чего хорошаго, чтобы сообщить вамъ о томъ; но ничего такого не случилось, и я рѣшаюсь писать къ вамъ, что мнѣ смертельно скучно. Первые дни послѣ пріѣзда прошли въ постоянной бѣготнѣ: представленія, церемонные визиты—вы знаете; да еще каждый день ѣздилъ въ театръ; онъ хорошъ, это правда, но мнѣ ужъ надоѣлъ. Вдобавокъ, меня преслѣдуютъ всѣ эти милые родственники! Не хотятъ, чтобъ я бросилъ службу, хотя это мнѣ и было бы можно: вѣдь тѣ господа, которые вмѣстѣ со мною поступили въ гвардію, теперь ужъ тамъ не служатъ. Наконецъ, я порядкомъ упалъ духомъ и хотѣлъ бы даже какъ можно скорѣе бросить Петербургъ и уѣхать куда бы то ни было, въ полкъ ли, или хоть къ чорту; тогда, по крайней мѣрѣ, былъ бы предлогъ жаловаться, а это утѣшеніе не хуже всякаго другого.—Съ вашей стороны вовсе не любезно, что вы всегда ожидаете моего письма, чтобы писать мнѣ; можно подумать, что вы вздумали чваниться. Что касается Алексѣя, то это не удивительно, потому что на дняхъ, какъ говорятъ здѣсь, онъ женится на какой-то богатой купчихѣ; понятно, что у меня нѣтъ надежды занимать въ его сердцѣ такое же мѣсто, какое онъ отводитъ толстой оптовой купчихѣ. Онъ обѣщался писать мнѣ черезъ два дня послѣ моего отъѣзда изъ Москвы; но, можетъ быть, забылъ мой адресъ, вотъ ему два (*слѣдуютъ адреса*). Если и послѣ этого онъ мнѣ не напишетъ, прокляну его и его толстую оптовую купчиху: я ужъ занятъ составленіемъ формулы этого проклятія. Боже! вотъ бѣда имѣть друзей, которые собираются жениться.

Пріѣхавъ сюда, я нашелъ дома цѣлый хаосъ сплетенъ. Я навелъ порядокъ, поскольку это возможно, когда имѣешь дѣло съ тремя или четырьмя женщинами, которымъ ничего не втолкуешь. Простите, что я такъ говорю о вашемъ прекрасномъ полѣ. Увы! кромѣ того, разъ я вамъ это говорю, это доказываетъ, что васъ я считаю исключеніемъ. Когда я возвращаюсь домой, я только и слышу, что исторіи безъ конца, жалобы, упреки, подозрѣнія и заключенія; это просто несносно, особенно для меня, потому что я отвыкъ отъ этого на Кавказѣ, гдѣ общество дамъ —рѣдкость, или же онѣ мало разговорчивы (въ особенности грузинки: онѣ не говорятъ по-русски, а я по-грузински).

Прошу васъ, милая Marie, напишите мнѣ немножко, пожертвуйте собой, пишите мнѣ всегда, не будьте церемонны: вы должны быть выше этого. Вѣдь, если иногда я и медлю отвѣтомъ, это, право, значитъ, что мнѣ нечего сказать, или же у меня слишкомъ много дѣла—обѣ причины уважительныя.

Я былъ у Жуковскаго и отнесъ ему, по его просьбѣ, „Тамбовскую Казначейшу"; онъ понесъ ее къ Вяземскому, чтобы прочесть вмѣстѣ; имъ очень понравилось, напечатано будетъ въ ближайшемъ номерѣ „Современника".

Бабушка думаетъ, что меня скоро переведутъ въ Царскосельскіе гусары, Богъ знаетъ, на какомъ основаніи ей подали эту надежду; оттого она не соглашается, чтобы я вышелъ въ отставку; что касается меня, то я ровно ни на что не надѣюсь. Въ заключеніе этого письма посылаю вамъ стихотвореніе, которое

случайно нашелъ въ моихъ дорожныхъ бумагахъ, оно мнѣ довольно таки нравится, разъ я совсѣмъ забылъ его—впрочемъ, это ровно ничего не доказываетъ. Прощайте, милый другъ, поцѣлуйте Алексиса и скажите, что стыдно ему; скажите то же и M-lle Маріи Лопухиной. Лерма.

26. *Къ С. А. Раевскому.* Впервые напеч. въ изд. Висковатова (т. V, стр. 420—21).

Подъ романомъ разумѣется „Княгиня Лиговская". Н. Д. Юрьевъ—родственникъ Лермонтова и товарищъ по юнкерской школѣ.

27. *Къ М. А. Лопухиной.* Автогр. Имп. Публ. Библ. Впервые напеч. въ „Русск. Арх." 1863 г., № 5—6, стр. 433—35.

Переводъ: Давно ужъ я не писалъ вамъ, милый и дорогой другъ, а вы ничего не сообщали мнѣ ни о вашей дорогой особѣ, ни о всѣхъ вашихъ; поэтому надѣюсь, что отвѣта на это письмо долго ждать не придется. Это звучитъ самоувѣренно, скажете вы, но вы ошибетесь. Я знаю, вы убѣждены, что ваши письма доставляютъ мнѣ большое удовольствіе, разъ вы пользуетесь молчаніемъ, какъ средствомъ наказать меня; но наказанія этого я не заслуживаю: я постоянно думалъ о васъ; вотъ доказательство: просилъ отпуска на полгода—отказали, на 28 дней—отказали, на 14 дней—великій князь и тутъ отказалъ. Все это время я надѣялся видѣть васъ. Сдѣлаю еще попытку,—дай Богъ, чтобъ она удалась. Надо вамъ сказать, что я несчастнѣйшій человѣкъ; вы повѣрите мнѣ, когда узнаете, что я каждый день ѣзжу на балы. Я пустился въ большой свѣтъ. Въ теченіе мѣсяца на меня была мода, меня наперерывъ отбивали другъ у друга. Это, по крайней мѣрѣ, откровенно. Весь этотъ народъ, которому доставалось отъ меня въ моихъ стихахъ, старается осыпать меня лестью. Самыя хорошенькія женщины выпрашиваютъ у меня стиховъ и хвастаются ими, какъ тріумфомъ. Тѣмъ не менѣе, я скучаю. Просился на Кавказъ—отказали, не хотятъ даже, чтобы меня убили. Можетъ быть, эти жалобы покажутся вамъ, милый другъ, неискренними; вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что я гонюсь за удовольствіями, чтобы скучать, слоняюсь по гостинымъ, когда тамъ нѣтъ ничего интереснаго. Ну, такъ я открою вамъ мои побужденія. Вы знаете, что самый мой большой недостатокъ это—тщеславіе и самолюбіе; было время, когда я, въ качествѣ новичка, искалъ доступа въ это общество; это мнѣ не удалось: двери аристократическихъ салоновъ закрылись предо мной; а теперь въ это же самое общество я вхожу уже не какъ искатель, а какъ человѣкъ, добившійся своихъ правъ. Я возбуждаю любопытство, предо мной заискиваютъ, меня всюду приглашаютъ, а я и вида не подаю, что хочу этого; дамы, желающія, чтобы въ ихъ салонахъ собирались замѣчательные люди, хотятъ, чтобы я бывалъ у нихъ, потому что я вѣдь тоже левъ, да! я, вашъ Мишель, добрый малый, у котораго вы и не подозрѣвали гривы. Согласитесь, что все это можетъ опьянять; къ счастью, моя природная лѣнь беретъ верхъ, и мало-по-малу я начинаю находить все это несноснымъ. Эта новая опытность полезна въ томъ отношеніи, что дала мнѣ оружіе противъ общества: если оно будетъ преслѣдовать меня клеветой (а это непремѣнно случится), у меня будетъ средство отомстить; нигдѣ вѣдь нѣтъ столько пошлаго и смѣшного, какъ тамъ. Я увѣренъ, что вы никому не передадите моего хвастовства; вѣдь сказали бы, что я еще смѣшнѣе другихъ; съ вами же я говорю, какъ съ своею совѣстью, а потомъ, такъ пріятно исподтишка посмѣяться надъ тѣмъ, чего такъ добиваются и чему такъ завидуютъ дураки,—съ человѣкомъ, который завѣдомо всегда готовъ раздѣлить ваши чувства. Васъ я имѣю въ виду, милый мой другъ, и повторяю, такъ какъ тирада эта нѣсколько темновата. Вы мнѣ напишете, правда? Вы вѣдь не писали мнѣ по какой-нибудь важной причинѣ. Не больны ли вы? Не боленъ ли кто въ семьѣ? Боюсь, что такъ. Мнѣ говорили что то въ этомъ родѣ. На слѣдующей недѣлѣ жду вашего отвѣта и надѣюсь, что онъ будетъ не короче моего письма и ужъ, навѣрно, лучше написанъ. Боюсь, что не разберете моего маранья. Прощайте, милый другъ; можетъ быть, если Богу угодно будетъ наградить меня, я получу полугодовой отпускъ и тогда

во всякомъ случаѣ добьюсь отвѣта, каковъ бы онъ ни былъ. Поклонитесь отъ меня всѣмъ, кто меня не забылъ. Весь вашъ М. Лермонтовъ.

28. *Къ А. А. Лопухину.* Автогр. въ собраніи барона Д. Г. Гинзбурга. Впервые напеч. въ издан. Висковатова (V, 424—25).

29. *Къ генералъ-майору Н. Ѳ. Плаутину* (стр. 336). Автогр. Лерм. Муз., т. XXII.

Н. Ѳ. Плаутинъ (род. 1794 † 1866 гг.)—командиръ л.-гв. гусарскаго Его Величества полка и 2-й бригады 1-легкой гвардейской кавалерійской дивизіи.

30. *Къ К. Ѳ. Опочинину.* Автогр. Имп. Публ. Библ. Письмо адресовано К. Ѳ. Опочинину (р. 1808 † 1848 гг.), штабъ-ротмистру л.-гв. Коннаго полка, флигель-адъютанту или Ѳедору Петровичу (р. 1788 † 1854 гг.), оберъ-гофмейстеру и члену Государственнаго Совѣта.

Висковатовъ (V, стр. 425, примѣч.) дѣлаетъ догадку, что Лермонтовъ мистифицировалъ Опочинина.

Переводъ: О, милый, любезный Опочининъ! Вотъ вчера вечеромъ, когда я вернулся отъ васъ, мнѣ сообщили, со всѣми возможными предосторожностями, роковую новость,—и когда вы будете читать эту записку, меня уже не будетъ... (переверните) въ Петербургѣ. Потому что я иду въ караулъ. И се (стиль библейскій и наивный), вѣруйте моимъ чистосердечнымъ сожалѣніямъ о томъ, что не могъ прійти повидаться съ вами. Весь Вашъ Лермонтовъ.

31. *Къ великому князю Михаилу Павловичу.* Автогр. въ Архивѣ III Отдѣленія. 135. Черновой набросокъ въ собраніи автогр. Имп. Публ. Библ.:

Ваше Императорское Высочество! Выписанный по приговору военнаго суда тѣмъ же чиномъ въ армію, неся гнѣвъ Государя Императора и Вашъ, я съ благоговѣніемъ, безъ ропота покоряюсь судьбѣ моей, цѣня въ полной мѣрѣ вину мою и справедливость заслуженнаго наказанія. Я былъ ободренъ до сихъ поръ надеждой имѣть возможность усердною и ревностною службой загладить мой проступокъ. Но, получивъ приказаніе явиться къ господину генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу, я изъ словъ Его Сіятельства увидѣлъ, къ неописанной моей горести, что на мнѣ лежитъ не одно обвиненіе за дуэль съ господиномъ Барантомъ и за приглашеніе его на гауптвахту, но еще самое тяжкое, какому можетъ подвергнуться человѣкъ, дорожащій своею честію, офицеръ, имѣвшій счастіе служить подъ высокимъ начальствомъ Вашего Императорскаго Высочества. Графъ Бенкендорфъ изволилъ предложить мнѣ написать письмо къ господину Баранту, въ которомъ бы я просилъ у него извиненія въ ложномъ моемъ показаніи насчетъ моего выстрѣла.

Ваше Императорское Высочество! хотя не имѣю болѣе счастія служить подъ командой Вашею, но нынѣ осмѣливаюсь прибѣгнуть къ Высокой вашей защитѣ. Великодушное сердце ваше позволитъ мнѣ сказать вамъ со всею откровенностію: могла быть ошибка или недоразумѣніе въ словахъ моихъ или моего секунданта,—личнаго объясненія у меня при судѣ съ господиномъ Барантомъ не было,—но никогда я не унижался до обмана и лжи.

Вашему Императорскому Высочеству осмѣливаюсь повторить сказанное мною въ судѣ: я не имѣлъ намѣренія стрѣлять въ господина Баранта, не мѣтилъ въ него, выстрѣлилъ въ сторону, и это готовъ подтвердить честью моею. Въ доказательство намѣренія моего не стрѣлять въ господина Баранта служитъ то, что когда секундантъ мой Столыпинъ подалъ мнѣ пистолетъ, я ему сказалъ по-французски: je tirerai en l'air.

Чувствуя въ полной мѣрѣ дерзновеніе мое, я, однако, осмѣливаюсь надѣяться, что ваше императорское высочество соблаговолите взойти въ мое трудное положеніе и защитить меня отъ незаслуженнаго обвиненія.

Съ благоговѣйною преданностію имѣю счастіе пребывать Вашего Императорскаго Высочества Всепреданнѣйшій

Михаилъ Лермонтовъ, Тенгинскаго полка поручикъ.

32. *Къ А. А. Лопухину.* Автогр. изъ собранія барона Д. Г. Гинзбурга. Впервые напеч. въ издан. Висковатова (V, 428—29).

Графъ К. К. Ламбертъ (р. 1815 † 1865 гг.)—поручикъ Кавалергардскаго Ея Величества полка.

Генералъ М. Г. Хомутовъ (р. 1795 † 1864 гг.) былъ раньше камандиромъ лейбъ-гв. Гусарскаго полка, въ которомъ служилъ Лермонтовъ; съ 1839 г. онъ былъ начальникомъ штаба войска Донского.

33. *Къ Е. А. Арсеньевой.* Автогр. Имп. Публ. Библ.

„Книга графини Ростопчиной"—сборникъ повѣстей Евд. Петр. Ростопчиной „Очерки большого свѣта".

34. *Къ А. А. Лопухину.* Автогр. въ собраніи барона Д. Г. Гинзбурга. Впервые напеч. въ издан. Висковатова (V, 430—31).

Въ письмѣ идетъ рѣчь о битвѣ при Валерикѣ.

35. *Къ А. А. Лопухину.* Автогр. въ собраніи барона Д. Г. Гинзбурга. Впервые напеч. въ изд. Висковатова (V, 431—32).

Р. И. Дороховъ († 18 янв. 1852 г.)—сынъ героя Отечествен. войны Ив. Семен. Дорохова; воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ; служилъ въ Учебномъ карабинерномъ, Нижегородскомъ драгунскомъ и Навагинскомъ пѣхотномъ полкахъ и въ линейномъ казачьемъ войскѣ (на Кавказѣ); за разныя шалости и буйства былъ нѣсколько разъ разжалованъ въ рядовые.

36. *Къ Д. С. Бибикову.* Автогр. въ собраніи Имп. Юрьевск. Университета. Впервые напеч. въ издан. Висковатова (V, 432—33).

Д. С. Бибиковъ—поручикъ Кирасирскаго Его Величества полка, герой „Петергофскаго праздника".

Подъ „Лафатеромъ" и „Галемъ" разумѣются сочиненія знаменитыхъ френологовъ Jean-Gaspard Lavater'а: L'Art de connaître les hommes par la physionomie... Paris, 1820 и Franz-Joseph Gall'я: Anatomie et physiologie du système nerveux en génèral et du cerveau en particulier, Par. 1810—18.

37. *Къ А. А. Краевскому.* Автогр. Имп. Публ. Библ.

38. *Къ Е. А. Арсеньевой.* Автографъ въ собраніи А. Ѳ. Кони.

Н. Н. Анненковъ († 1865 г.) — командиръ Измайловскаго полка, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта.

„Сашенькина свадьба"—вѣроятно, свадьба Алекс. Мих. Верещагиной.

39. *Къ А. А. Вадковской.* Автографъ въ собраніи кн. Меншикова. Впервые напеч. въ Акад. изд. (V, 40).

40. *Къ Е. А. Арсеньевой.* Автогр. Имп. Публ. Библ. Впервые напеч. въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1875 г., стр. 107—8.

Дополнительныя примѣчанія къ стихотвореніямъ.

Цѣвница.

(Томъ I, стр. 4).

Написано подъ вліяніемъ А. Ѳ. Мерзлякова, у котораго Л—въ тогда учился.

Черкесы.

(Томъ I, стр. 5—12).

Рядъ стиховъ взятъ Л—вымъ изъ „Невѣсты Абидосской" и „Кн. Н. Б. Долгорукой" Козлова (см. Семеновъ, Л—въ и Л. Толстой, стр. 431—433). По очень вѣроятному мнѣнію г. Неймана (Академическое изданіе соч. Л—ва, Кіевъ, 1912, стр. 3), „Черкесы" позднѣе „Кавказскаго плѣнника" и „Корсара" не только по внутреннему содержанію и большей самостоятельности, но и потому, что

помѣтка, сдѣланная Л—вымъ на рукописи поэмы („Въ Чембарѣ за дубомъ"), свидѣтельствуетъ о томъ же: вѣдь самъ поэтъ говоритъ, что началъ писать стихи въ пансіонѣ. „Черкесы" же, если вѣрить помѣткѣ, писаны имъ, когда онъ вернулся на каникулы въ сосѣднее съ городомъ Чембары село Тарханы".

Корсаръ.

(Томъ I, стр. 32—42).

Рядъ стиховъ взятъ Л—вымъ изъ „Невѣсты Абидосской" и „Долгорукой" Козлова (см. Семеновъ, Л—въ и Л. Толстой, стр. 433—434).

Пиръ.

(Томъ I, стр. 49).

„Подъ сѣнь черемухъ и акацій" — срв. „Евгеній Онѣгинъ", глава 6-ая, страница VII („подъ сѣнь черемухъ и акацій") и „Бесѣдка музъ" Батюшкова („въ тѣни густой своихъ черемухъ и акацій").

Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой...

(Томъ I, стр. 98—99).

Г. Гершензонъ („Софія", 1914, III, стр. 63—65) указалъ, что это стихотвореніе навѣяно „Пѣсней вакханки" Ротчева, помѣщенной въ четвертой книжкѣ „Галатеи" за 1829 г.

Незабудка.

(Томъ I, стр. 112—114).

Передѣлка стих. Августа Платена „Vergissmeinnicht" (см. Семеновъ, Л—въ и Л. Толстой, стр. 409).

Къ *** („Простите мнѣ...")

(Томъ I, стр. 129).

Срв. письмо Евгенія Онѣгина Татьянѣ.

„Литвинка".

(Томъ I, стр. 191—204).

Написана подъ сильнымъ вліяніемъ „Лары" Байрона.

Ангелъ.

(Томъ II, стр. 1).

Очень обстоятельный разборъ этого стихотворенія данъ Л. Семеновымъ въ брошюрѣ „Ангелъ. Очеркъ поэзіи Л—ва" (Харьковъ, 1912).

Ангелъ Смерти.

(Томъ II, стр. 26—39).

Очень интересныя сближенія этой поэмы съ армянскими и грузинскими легендами объ Ангелѣ Смерти даетъ Л. Семеновъ („Л—въ и Левъ Толстой", М., 1914, стр. 298—315). Впрочемъ, ея сюжетъ принадлежитъ къ числу „бродячихъ", широко распространенныхъ, и Л—въ могъ воспользоваться другими его обработками. Трудно допустить для этого времени знакомство Л—ва съ кавказскими преданіями, если не предположить чьей-нибудь (напр., родственницы Хастатовой, хорошо знавшей Кавказъ) посреднической роли.

„Измаилъ — Бей“.

(Томъ II, стр. 79—136).

Написанъ подъ сильнымъ вліяніемъ „Лары“ и „Гаура“ Байрона, „The lady of the Lace“ Вольтеръ—Скотта, „Кавказскаго плѣнника“ Пушкина и „Adieux de l'hôtesse arabe“ Виктора Гюго.

„Хаджи Абрекъ“.

(Томъ II, стр. 140—151).

Замѣтное вліяніе „Гяура“ Байрона.

„Опять, народные витіи“.

(Томъ II, стр. 160—161).

Подраженіе „Клеветникамъ Россіи“ Пушкина. Раевскій съ оговоркой („кажется“) пріурочиваетъ это стихотвореніе къ 1835 г. По стиху оно, повидимому, было написано раньше. Въ немъ есть прямая ссылка на Пушкина („васъ казнилъ могучимъ словомъ поэтъ“).

Бояринъ Орша.

(Томъ II, стр. 162—189).

Заключительная сцена этой поэмы навѣяна „Марьиной рощей“ Жуковскаго

„Вѣтка Палестины“.

(Томъ II, стр. 194—195).

„Кивотъ и крестъ“ и пр.—срв. „Бахчисарайскій фонтанъ“ Пушкина:

Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ, печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
И крестъ, любви символъ священный...

Молитва („я, Матерь Божія“).

(Томъ II, стр. 256).

Автографъ Е. А. Гончаровой. Дважды помѣченъ *1836 г.*

Казначейша.

(Томъ II, стр. 280—299).

Рукопись Публичной Библіотеки (посвященіе).
Варіанты:

2. Между писакъ—я очень радъ.
4. Пою, друзья, на прежній ладъ.
6. Ея печальную развязку.
9. Обычай древній сохраняя.
13. Съ своею шумною семьей.

Нѣкоторое вліяніе „Пригожей казначейши“ Шидловскаго (въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1835 г., т. IX, стр. 127—147).

„Поэтъ“.

(Томъ III, стр. 6).

Вліяніе Ямбовъ Барбье.

Три пальмы.

(Томъ III, стр. 11—13).

Срав. „И путникъ усталый на Бога роптал" и проч. въ „Подражаніяхъ Корану" Пушкина.

Казачья колыбельная пѣсня.

(Томъ III, стр. 36—37).

Своимъ содержаніемъ это стихотвореніе близко напоминаетъ одну *гребенскую* колыбельную пѣсню (см. Л. Семеновъ, Л—въ и Л. Толстой, стр. 421—426).

Журналистъ, читатель и писатель.

(Томъ III, стр. 37—42).

Очень интересный автографъ этого стихотворенія находится въ собраніи П. Я. Дашкова. Его превосходное факсимиле дано въ „Исторіи русской словесности" Полевого (т. III, стр. 328—329).

Несомнѣнное вліяніе „Разговора книгопродавца съ поэтомъ" Пушкина.

„И скучно, и грустно",

(Томъ III, стр. 45).

Нѣкоторое сходство съ „Les Egarements de la viellesse" Вольтера и письмомъ Байрона Томасу Муру отъ 10 февраля 1815 г.

Ребенку.

(Томъ III, стр. 45—46).

Автографъ Е. А. Гончаровой. Помѣты—1838 г. Варіанты:

6. И очи темныя, и кудри золотые.
27. Названье, въ этотъ мигъ забытое тобой.
32. Ты вспомнишь, и его, дитя, не прокляни.

А. О. Смирновой.

(Томъ III, стр. 54).

Автографъ Е. А. Гончаровой:

Въ простосердечіи невѣжды
Короче знать (я васъ) желалъ я васъ,
Но лучъ заманчивой надежды...
Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу,
Но молча—вы глядите строго,
И я въ смущеніи молчу.
Словами важными порою
Вашъ смѣхъ боясь я возмутить...
Что дѣлать. Рѣчи не искусно
Занятъ вс.....

Въ альбомъ С. Н. Карамзиной.

(Томъ III, стр. 56).

Срав. строфы „Евгенія Онѣгина" „Иныя нужны мнѣ картины" и пр.

„Послѣднее новоселье“.

(Томъ III, стр. 69—72).

Въ „Современникѣ“, т. LIX, отд. III, стр. 16, есть очень любопытное указаніе, что это стихотвореніе есть „буквальное переложеніе одной статьи „Московскаго Наблюдателя“ въ стихи“.

„Валерикъ“.

(Томъ III, стр. 60—68).

Л. Семеновъ (Л—въ и Л. Толстой, стр. 428—431) сближаетъ это стихот. съ очеркомъ Волконскаго, но онъ, видимо, составленъ подъ вліяніемъ „Валерика“ Л—ва. На стр. 54—162 въ томъ же трудѣ много интересныхъ соображеній и фактовъ объ этомъ стихотвореніи и отношеніи Л—ва къ войнѣ.

„Мцыри.“

(Томъ III, стр. 73—92).

На эту поэму (какъ и на „Исповѣдь“) нѣкоторое вліяніе оказалъ „Чернецъ“ Козлова (см. Семеновъ, Л—въ и Л. Толстой, стр. 434—437).

Отчизна.

(Томъ III, стр. 95).

Срав. строфы „Евгенія Онѣгина“ „Иныя нужны мнѣ картины“ и пр.

„Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою.“

(Томъ III, стр. 97).

Подражаніе стих. Томаса Мура „The evening guns“.

„Тамара.“

(Томъ III, стр. 107—109).

Срав. „Египетскія ночи“ Пушкина.

Дубовый листокъ.

(Томъ III, стр. 112).

Очень интересный разборъ этого стих. см. въ книгѣ Л. Семенова „Л—въ и Левъ Толстой“ (стр. 364—383).

„Пророкъ.“

(Томъ III, стр. 115).

Характерный для Л—ва отвѣтъ на Пушкинскаго „Пророка“.

„Выхожу одинъ я на дорогу“.

(Томъ III, стр. 117).

Очень интересное сопоставленіе этого стихотворенія со стихотвореніемъ Мицкевича „Новый годъ“ даетъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій въ своей работѣ о Тургеневѣ (Собр. Соч., т. II, стр. 199—202).

„Демонъ“.

(Томъ III, стр. 120).

М. О. Гершензонъ („Софія“, 1914, III, стр. 65—72, „Умиленіе“) сдѣлалъ очень интересное сближеніе „Демона“ Л—ва съ „Демономъ“ и „Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный“ Пушкина. Соединеніе двухъ пушкинскихъ темъ и дало сюжетъ поэмы Л—ва. См. также Харьковскій Универс. сборникъ въ память А. С. Пушкина, Харьковъ, 1900, стр. 319—320.

„И лучшихъ дней воспоминанья“ — стихъ изъ „Кавказскаго плѣнника“ Пушкина.

СОДЕРЖАНІЕ.

1838 г.

1839 г.

1840 г.

1841 г.

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

РИСУНКИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.